

338

К. СКАЛЬКОВСКИЙ

ТАМЪ и СЯМЪ

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1901

25

М 338
801-04
928
К. СКАЛЬКОВСКИЙ

ТАМЪ и СЯМЪ

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Вмѣсто предисловія	v
По новой линіи	1
Въ Москвѣ.	
На выставкѣ	31
У Захарьина	176
Въ пріемной	186
Виндава	191
Въ Баку	215
Модный Парижъ	246
Отъ Ниццы до Сиракузъ.	
I. Ницца	259
II. Монте-Карло	269
III. Генуя	290
IV. Римъ	305
V. Палермо	321
VI. Сиракузы	334
VII. Катанья и Таормина	348
VIII. Неаполь	355
IX. Флоренція	366
X. Пиза	376
На Рейнѣ	383
Въ Вержболовской таможенѣ пятьдесятъ лѣтъ спустя	438

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Ревнительный о правѣ плу-
тамъ неугоденъ, которыхъ со-
вокупяся множествомъ спустя
долгое время клеветуютъ.

Татищевъ.

Въ предлагаемой книгѣ собраны съ необходи-
мыми поправками и дополненіями нѣсколько фелье-
тоновъ и путевыхъ писемъ, напечатанныхъ въ по-
слѣдніе годы въ слегка урѣзанномъ видѣ въ «Но-
вомъ Времени». Я прибавилъ извлеченіе изъ мо-
ихъ фельетоновъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомо-
стяхъ» о московской политехнической выставкѣ и
нигдѣ еще не напечатанный отрывокъ изъ моихъ
воспоминаній о поѣздѣ въ Киргизскую степь.

Это составляетъ восьмой томъ моихъ путевыхъ
впечатлѣній; у меня имѣются въ запасѣ еще нѣ-
которые матеріалы, въ томъ числѣ письма съ теа-
тра войны 1877—78 гг., явившіяся въ свое время
въ «Новомъ Времени», благодаря строгости воен-

ной цензуры, въ весьма искаженномъ видѣ. Матеріалы эти составятъ девятый томъ, а можетъ быть войдутъ во второе изданіе прилагаемой книги, такъ какъ я надѣюсь, что и она найдетъ благосклонный приѣмъ у читателей.

Но на что я рѣшительно не рассчитываю, такъ это на сколько-нибудь справедливыя отношенія со стороны критики и господъ рецензентовъ. Уже полвѣка тому назадъ одинъ знаменитый нѣмецкій писатель сказалъ, что «люди неспособные къ ученію идутъ теперь въ журналисты, какъ прежде шли въ солдаты». Можно себѣ вообразить, соображая прогрессъ печати за это время, какое количество пошлости и глупости прибавилось въ вертоградѣ періодической прессы, особенно россійской.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ по этому поводу, не ради какой-либо личной полемики или по существу какого-либо серьезнаго вопроса, но только чтобы коснуться хотя вскользь вѣковѣчнаго вопроса о «полемическихъ красотахъ», которымъ занимались не мало и который лучше всего характеризуетъ міросозерцаніе литературныхъ круговъ извѣстнаго времени.

Занимаясь писательствомъ около сорока лѣтъ (съ 1861 г.), я, конечно, обстрѣлялся, какъ гово-

рится между литераторами, достаточно и не обращаю вниманія на болѣе или менѣе рѣзкіе отзывы о себѣ и о своихъ мнѣніяхъ. И я самъ не щадилъ противниковъ и даже очень высокопоставленныхъ и вліятельныхъ, когда того требовалось; заведенный мною полемическій отдѣлъ «Среди газетъ и журналовъ» нашелъ подражателей во всѣхъ русскихъ органахъ печати. Меня возмущаетъ не рѣзкость полемики многихъ «уважаемыхъ органовъ», а лишь безмѣрная грязь ихъ приѣмовъ.

Въ послѣдніе годы мнѣ выпало особое счастье: о чемъ бы я ни написалъ, будь то о магнитномъ отклоненіи въ Курской губерніи, посессіонномъ правѣ на Уралѣ или игорномъ домѣ въ Монако, немедленно появляются не замѣчанія и возраженія, а прямо-таки ругательныя замѣтки по моему адресу. Статья моя о роли иностранныхъ капиталовъ, написанная, кстати сказать, по просьбѣ одного государственнаго дѣятеля, желавшаго разъяснить для публики поближе вопросъ и заранѣе не знавшаго, что именно я напишу, заставила буквально вылить на меня ушаты грязи и въ петербургской, и въ московской, и въ провинціальной печати. Меня обвиняли даже въ уголовныхъ преступленіяхъ!

Все это ожесточеніе, всѣ эти оскорбленія мнѣ даже не совсѣмъ понятны. Кажется, я никому ни по службѣ, ни въ литературѣ не стою на дороге, живу большую часть года за границей, пишу только, когда имѣю что сказать, а не профессіи ради, мнѣнія имѣю свои собственные и ни въ чью дудку не дую. Никому я, кажется, въ жизни не повредилъ, напротивъ, всѣмъ ко мнѣ обращавшимся оказывалъ посильныя услуги, а многимъ и существенныя. Откуда же берется это «чернило-неистовство» да еще такое нечистоплотное? Нѣкоторыхъ литераторовъ я спасалъ отъ каторжныхъ работъ. Но за собою уголовщины никакой не чувствую.

А для пополненія картины не худо отмѣтить еще одну черту, уже, кажется, чисто русскую. Если случались гдѣ-либо пріятные или лестные отзывы обо мнѣ въ печати, то никто никогда за сорокъ лѣтъ не передавалъ мнѣ ихъ,—я натыкался на нихъ случайно. Но стоило гдѣ-либо, хотя въ самомъ безвѣстномъ провинціальномъ листкѣ, напечатать обо мнѣ что-либо дурное, чтобы сейчасъ же, подъ видомъ участія, мнѣ доложили объ этомъ чуть не всѣ мои знакомые. Если же я находился за границею, то сейчасъ же получалъ и въ письмахъ,

и за бандеролью, и въ вырѣзкахъ, и цѣлыми номерами каждую бранную о себѣ замѣтку. Я прячу эти присылки въ назиданіе потомству и у меня уже, благодаря друзьямъ, собрался порядочный архивъ. Присылаютъ, впрочемъ, и сами авторы, а иногда и совершенно незнакомыя мнѣ особы обоехъ половъ: «На-те, молъ, любуйтесь».

И что за люди вступали со мною въ полемику! Нѣкій почтеннаго возраста публицистъ, продолжающій, несмотря на полицейскіе протоколы, съ трудомъ замятые, *tourner le dos à son bonheur*, человекъ, которому мѣсто скорѣе быть баядеркой у дагомейскаго короля. Другой такой же псевдоконсерваторъ изъ жидовскихъ выкрестовъ. Оба читали мнѣ уроки гражданскихъ доблестей. Бывшій конторщикъ Демидова Санъ-Донато наставлялъ меня въ горной промышленности, которой я посвятилъ всю свою жизнь. Одинъ изъ семинаристовъ, который, благодаря данному мною толчку, дошелъ до чиновъ высокихъ, также, когда я пишу о горномъ дѣлѣ, немедленно печатаетъ, желая кому-то угодить, возраженіе мнѣ, хотя полемизировать ему со мною по означенному вопросу все равно, что лягавой собакѣ спорить съ папою о канонахъ католической церкви. Бывшій архіерейскій пѣвчій и

представитель московской босоногой команды, попавшій вмѣсто Сахалина, а то съ Сахалина въ литературу, поучали меня эстетикѣ. Лягнувъ меня не разъ своимъ копытомъ и нѣкій публицистъ, ставшій «биметалистомъ» вѣроятно потому, что два раза растратилъ деньги, порученныя ему одною весьма распространенною газетою. Вся эта братья, «готовая, по выраженію Каткова, на всякую руководѣльную мерзость», писала и по мѣрѣ силъ клеветала.

Букетъ подобныхъ же полемическихъ красотъ былъ преподнесенъ мнѣ по поводу вошедшихъ въ предлагаемую книгу фельетоновъ объ Италіи. Читая эти возраженія, мнѣ невольно припомнились слова Достоевскаго, что какъ будто бы пятьдесятъ лакеевъ собрались вмѣстѣ, чтобы написать возраженія, хотя подписывался обыкновенно одинъ. А какой смыслъ имѣла эта лакейская литература? Въ Италіи я былъ много разъ, неоднократно описывалъ ее. Конечно, это сюжетъ, котораго не уберешь и въ десяткѣ томовъ, что же можно сказать въ нѣсколькихъ строкахъ фельетона, кромѣ бѣглыхъ замѣтокъ, плодовъ личныхъ мимолетныхъ впечатлѣній, разговоровъ со знающими людьми, чтенія нѣсколькихъ новѣйшихъ сочиненій. Для огром-

наго большинства читателей газеты и эти бѣглыя замѣтки и свѣдѣнія новы и интересны. Если же отъ каждаго автора требовалось бы, чтобы онъ открывалъ Америку, то вся литература свелась бы къ сотнѣ, другой книгѣ.

Лакейскіе и сахалинскіе полемическіе приемы отличаются элементарною простотою. Если я говорю о желѣзѣ, мнѣ ставятъ въ упрекъ, что я писалъ о женщинахъ; если я пишу о женщинахъ, то меня упрекаютъ статьями о торговомъ флотѣ и т. д. Перломъ остроумія—это называть меня тайнымъ совѣтникомъ и бывшимъ директоромъ департамента. Когда же хотятъ уязвить окончательно, то вспоминаютъ, что я написалъ (*horribile dictu!*) книгу о балетѣ. Хотя нѣтъ ничего удивительнаго, что, состоя болѣе двадцати лѣтъ театральнымъ критикомъ, я писалъ и о балетѣ.

Эти упреки тѣмъ безсмысленнѣе, что цеховая литература вездѣ презирается и повсюду мы видимъ людей, которые рядомъ съ практическою дѣятельностью посвящаютъ свои досуги литературѣ и искусству. Особенно же они нелѣпы у насъ, гдѣ не только рецензенты, но самые артисты сплошь да рядомъ работаютъ, выражаясь

канцелярскимъ языкомъ, «изъ-за должности». Возьмемъ хоть нашихъ композиторовъ. Сѣровъ былъ почтовымъ чиновникомъ, Мусоргскій офицеромъ и столоначальникомъ Лѣснаго Департамента, Римскій-Корсаковъ—морскимъ офицеромъ, Шель—чиновникомъ и банковымъ дѣятелемъ, Бородинъ—профессоромъ химіи, Кюи—инженернымъ генераломъ и профессоромъ, Сокальскій—журналистомъ, Львовъ—жандармскимъ офицеромъ и т. д., и т. д. Почему же для меня зазорно быть тайнымъ совѣтникомъ и даже директоромъ.

И хоть бы эти господа разнообразили свои полемическіе приемы. А то они въ сущности, какъ сорока Якова, десятки лѣтъ повторяютъ одно и то же. Недавно мнѣ попались сочиненія нашего извѣстнаго публициста и моего товарища по воспитанію Н. К. Михайловскаго; въ первомъ же томѣ я нашелъ статью его, напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще въ 1873 г. и что же: тамъ буквально приведены тѣ же ребяческіе упреки: зачѣмъ это молъ я пишу и о нефтяной промышленности, и о балетѣ. Хотя, кажется, нѣтъ предмета человѣческаго вѣдѣнія, о которомъ не писалъ бы за сорокъ лѣтъ своей литературной дѣятельности тотъ же г. Михайловскій.

Такимъ образомъ въ *resumé* просьба моя къ «подлецамъ моей жизни» сводится къ тому, что если они и впредь будутъ заниматься мною, на что, конечно, имѣютъ полное право, то пусть придумываютъ что-либо новое и оставлять въ покоѣ мои чины, ордена, должности и написанную двадцать лѣтъ назадъ книгу о балетѣ.

Парижъ.

8 (21) октября 1900 г.

ПО НОВОЙ ЛИНІИ ¹⁾.

Въ сентябрѣ 1868 г. я возвращался съ Урала черезъ Верхнеуральскъ, Стерлитамакъ и Оренбургъ на Самару съ директоромъ Горнаго департамента Рашетомъ. На полдорогѣ между Оренбургомъ и Самарою къ ночи въ степи вдругъ стало морозно и, входя въ станціонный домъ, я закричалъ:

— Ну, собачья сторонка, никогда въ жизни сюда я больше не приѣду.

Въ комнатѣ въ полутемнотѣ сидѣли двое лицъ. Это оказались оренбургскій генераль-губернаторъ

¹⁾ Случайно весною 1869 года я посѣтилъ край, куда не заглядывали не только туристы или ученые академики, но даже губернаторы; между тѣмъ край этотъ, какъ живой организмъ нашей чиновничьей колонизаціи, представляетъ во многихъ отношеніяхъ немало поучительнаго. Поэтому полагаю, что небольшой отрывокъ изъ моихъ дорожныхъ замѣтокъ, никогда не напечатанныхъ, не будетъ лишень пѣкотораго интереса.

Крыжановскій и его правитель канцеляріи Холодковскій, ѣхавшіе въ Петербургъ.

Ровно семь мѣсяцевъ спустя я въ Оренбургѣ представлялся тому же Крыжановскому, по случаю командировки для разысканія каменнаго угля на полуостровѣ Мангышлакъ, тогда еще подчиненномъ Оренбургу.

— Какъ же это вы клялись въ нашу собачью сторонку никогда не прѣзжать, спросилъ меня любезно генераль-губернаторъ, а прѣехали?

Я удивился генеральской памяти. Крыжановскій принималъ меня очень любезно. Вопреки данной ему въ Варшавѣ клички «мертвой буквы закона», это былъ человекъ живой и образованный, даже ученый, такъ какъ слушалъ лекціи высшей математики въ Берлинскомъ университетѣ. Онъ рассказывалъ мнѣ разные случаи изъ своей боевой жизни на Кавказѣ, между прочимъ, какъ Колюбакинъ, авторъ знаменитыхъ фантастическихъ реляцій о походахъ противъ горцевъ, встрѣтивъ его въ Тифлисѣ, сказалъ: «хочешь, Крыжановскій, я поставлю тебя въ будущей реляціи на лѣвомъ флангѣ съ двумя орудіями? Это будетъ недурно». Но не всѣ военные подвиги были такого рода у Крыжановскаго: онъ прошелъ настоящую боевую школу, начальствуя штабомъ артиллеріи въ Севастопольскую осаду.

Другими выдающимися лицами въ Оренбургѣ были губернаторъ Тургайской области Балозекъ, морякъ, бывшій передъ тѣмъ дипломатомъ въ Китаѣ, губеріаторъ Оренбургской губерніи и наказной атаманъ Оренбургскаго войска Бобарыкинъ, свѣтскій и остроумный человекъ, и названный выше правитель генераль-губернаторской канцеляріи Холодковскій, съ виду добрый малый, но необыкновенный болтунъ. «Заткни фонтанъ — дай отдохнуть и фонтану» Кузьмы Пруткова какъ будто бы для него было специально написано.

Вообще все, что было въ городѣ интеллигентнаго и благовоспитаннаго, группировалось около генераль-губернатора.

Во время Перовскаго былъ тутъ даже очень интеллигентный кружокъ, въ томъ числѣ его племянникъ Владиміръ Жемчужниковъ (одинъ изъ участниковъ фирмы Кузьма Прутковъ), но при Безакѣ и Крыжановскомъ составъ общества уже ухудшился. Минутный блескъ городу придали «господа ташкентцы»; но они же и подорвали его значеніе.

Оренбургское общество волновалось и не могло переварить отдѣленія Туркестанскаго края. Причиной этого была ссора Крыжановскаго съ Черняевымъ. Послѣдній, человекъ чрезвычайно тщеславный, овладѣвъ Ташкентомъ, донесъ, что поко-

рилъ Среднюю Азію, и буквально заразился маніей величія. Такъ какъ Туркестанская область составляла часть Оренбургскаго генераль-губернаторства, то Крыжановскому было поручено военнымъ министромъ проѣхать въ Ташкентъ и убѣдиться въ нормальности умственныхъ способностей Черняева.

Но послѣдній, хотя и полковникъ, не только не пожелалъ признавать надъ собою власть Крыжановскаго, не соблюлъ даже военныхъ приличій и не вышелъ для встрѣчи начальника военного округа съ войсками. Онъ принялъ Крыжановскаго въ сюртукъ у себя на квартирѣ какъ частное лицо, объявляя, что иначе онъ уронилъ бы въ глазахъ вновь покореннаго края престижъ своей власти. Послѣ такого пассажа, по ходатайству Крыжановскаго, на смѣну Черняева поѣхалъ Романовскій. Но для избѣжанія дальнѣйшихъ столкновеній вновь завоеванный край отъ Оренбургскаго вѣдомства отдѣлили и тѣмъ уничтожили политическое значеніе Оренбургскаго генераль-губернатора. На долю послѣдняго остались киргизы.

Безъ завѣдыванія Туркестаномъ Оренбургъ сталъ почтовой станціей на великомъ пути русской цивилизаціи въ Среднюю Азію. Временно онъ представлялъ, впрочемъ, мѣстопробываніе главнаго управленія края, но, очевидно, дни этого управленія были сочтены, тамошнему генераль-губернаторству долго

было не продержаться, такъ какъ военного значенія Оренбургскій край никакого не имѣлъ, а въ гражданскомъ представлялъ неестественное соединеніе двухъ губерній, которыя, подобно другимъ русскимъ губерніямъ, могли существовать совершенно самостоятельно, съ частью Киргизской степи, хотя и раздѣленной недавно на двѣ области; но въ этихъ областяхъ имѣлись только областныя правленія, да уѣздные пачальники, городовъ же, селеній, дорогъ и пр. не имѣлось, и жители, кромѣ войскъ и нѣсколькихъ десятковъ отставныхъ солдатъ, продолжали преспокойно кочевать, предпочитая хорошую траву всѣмъ благамъ администраціи, централизаціи, юстиціи, свободы печати, самоуправленія и пр., и пр., щедро предлагаемымъ имъ новымъ Положеніемъ.

Авторомъ этого курьезнаго Положенія была такъ называемая Степная комиссія, душою которой былъ полковникъ Гейнсъ¹⁾, человекъ очень способный,

¹⁾ Гейнсовъ было два брата. Оба кончили курсъ въ военной академіи и отличались дарованіями. Младшій, какъ тогда выражались, «ушелъ въ нигилисты», бросилъ службу, поѣхалъ съ молодую одеситкою Славинской въ Соединенные Штаты, гдѣ имъ пришлось работать сначала какъ чернорабочимъ—мужъ пахалъ, жена мыла полы. Затѣмъ онъ жилъ корреспонденціями въ разные журналы и умеръ на чужбинѣ. Старшій Гейнсъ сдѣлалъ самую разнообразную карьеру: онъ былъ правителемъ канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора,

но поверхностный и увлекающийся. Онъ и написалъ Положеніе, или киргизскую конституцію, какъ ее называли въ шутку, даровавшую киргизамъ разныя отвлеченныя права въ духѣ «*Esprit des Lois*», но лишавшую части покосовъ, отданныхъ казакамъ, и ограничивавшую свободу перекочевовъ, а для кочевниковъ трава, какъ я сказалъ, важнѣе всего.

Оренбургъ одинъ изъ самыхъ скучныхъ уголковъ земного шара. Это — городъ, въ которомъ нѣтъ гражданъ; можно ходить по Оренбургу цѣлый часъ и не встрѣтить фуражки безъ кокарды. Изрѣдка только попадаетъ солдатка или выгнётся въ окно какая-нибудь татарская рожа. Въ обыкновенное время на улицахъ видны киргизы съ верблюдами, но на этотъ разъ не было въ городѣ почти ни одного киргиза.

директоромъ Департамента общихъ дѣлъ въ Министерствѣ Путей сообщенія, одесскимъ градоначальникомъ. Имѣя постоянно много долговъ, онъ окончилъ тѣмъ, что женился на очень богатой вдовѣ, но очень быстро послѣ того умеръ отъ рака еще довольно молодымъ. Несмотря на огромныя способности и разнообразную карьеру, онъ не оставилъ серьезнаго слѣда. Это былъ типъ штабнаго всезнайки, типъ нелюбимый, и не безъ основанія, въ нашей арміи. Говорилъ онъ обо всемъ хорошо, горячо и съ необыкновеннымъ апломбомъ. Онъ какъ-то спорилъ объ анатоміи. Кто-то прервалъ его, усомнившись въ авторитетѣ по такой отрасли наукъ, несвойственной генеральному штабу. — Помилуйте, я провелъ въ Миланѣ шесть лѣтъ съ скальпелемъ въ рукѣ, невозможно отвѣчать онъ.

Ложно понятое новое Положеніе заставило нѣкоторую часть киргизскихъ родовъ возмутиться, а остальные, поставленные между двухъ огней, сохраняли выжидательное положеніе и старались держаться подалѣе отъ границы.

Даже оренбургскій гостинный дворъ, обыкновенно такъ оживленный, былъ совершенно пустъ и глядѣлъ уныло, а о мѣновомъ дворѣ, куда съѣзжались киргизы и туркестанскіе караваны, и говорить нечего. Уничтоженіе таможеннаго округа лишило его даже присутствія чиновниковъ.

Ужъ на другой день моего пріѣзда Крыжановскій заявилъ мнѣ, что на Мангышлакѣ ѣхать опасно, возстаніе въ степи разыгрывается не на шутку, гурьевскаго уѣзднаго начальника чуть ли не высѣкли. Онъ прибавилъ, что двѣ экспедиціи подъ начальствомъ генераль-губернаторскихъ адъютантовъ идутъ въ степь для усмиренія.

— Я вамъ дамъ пока порученіе, — поѣзжайте на истоки Тобола на Новую линію, тамъ на р. Синтасты найденъ каменный уголь, а онъ намъ здѣсь крайне необходимъ. Казачье управленіе выдастъ вамъ прогоны.

Новою линіею называется граница между Оренбургской губерніей и Тургайскою областью, образованная въ 30-хъ годахъ рядомъ поселеній въ Киргизской степи. Ранѣе граница степи и Евро-

пейской Россіи шла гораздо западнѣе по рѣкѣ Уралу.

Войсковое правленіе, скупое и лѣнивое, какъ всѣ казачьи управленія, чуть не недѣлю употребило на обсужденіе и написаніе постановленія о выдачѣ мнѣ нѣсколькихъ десятковъ рублей прогоновъ и открытаго предписанія. Получивъ все это, я выѣхалъ въ степь, которая у Оренбурга гладка, какъ бильярдное сукно.

Когда я подъѣхалъ къ Орску, Уралъ еще былъ въ разливѣ, что дѣлало переправу затруднительною, но, послѣ того какъ мнѣ пришлось подѣ Оренбургомъ чрезъ Сакмару переѣзжать на паромѣ по разливу въ 13 верстъ шириною и почевать посреди рѣки на какомъ-то бугрѣ, этотъ переѣздъ не казался уже интереснымъ.

Въ полночь ямщикъ мой спустилъ по размокшему отъ дождя откосу мою перекладную къ парому, который оказался наполненнымъ телѣгами казанскихъ татаръ, нагруженными товарами. Послышались обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ крики, угрозы и ругательства трехэтажными словами.

Лошади подавали, наоборотъ, поучительный примѣръ терпѣнія и стоическаго хладнокровія. Давно искушенный всѣми дорожными прелестями, я пользовался остановкой и старался дремать подѣ татар-

скій гортанный говоръ, который раздавался, напоминающая крикъ галокъ.

Катаясь по своимъ служебнымъ дѣламъ уже шесть лѣтъ подѣ-рядъ изъ одного конца Россіи на почтовыхъ и земскихъ, я приобрѣлъ замѣчательное искусство и укладывавать перекладную, и спать въ ней. Желѣзная кровать въ кожаномъ чехлѣ, положенная на дно телѣги ребромъ, образовывала основаніе, на которое клался вкось вдоль по борту чемоданъ, по той же сторонѣ къ спинѣ лица клался стальной молотокъ, безъ котораго геологъ немыслимъ, и ставился погребецъ—этотъ необходимый спутникъ путешествій на лошадяхъ, который въ это время уже съ трудомъ отыскивался въ Петербургѣ, вслѣдствіе развитія поѣздокъ по желѣзнымъ дорогамъ. Оставшуюся свободною половину перекладной я набивалъ щедро сѣномъ, покрывалъ пледомъ, клалъ въ голову кожаную подушку, покрывался пальто и спалъ великолѣпно. Одна бѣда—легко было потерять фуражку (а спать безъ нея холодно головѣ) и на каждой станціи приходилось самому заботиться о перекладкѣ вещей. Фуражку я терялъ много разъ въ путешествіяхъ и возилъ запасную, а то какъ-то по дорогѣ изъ Курска въ Москву, потерявъ фуражку, я долженъ былъ въѣхать въ первопрестольную столицу въ военномъ пальто и почномъ колпакѣ, великодушно уступлен-

номъ мнѣ на какой-то почтовой станціи гарнизоннымъ капитаномъ.

Зная рѣзкіе переходы температуры, я всегда на перекладной, даже лѣтомъ, ѣздилъ въ полушубкѣ и удивилъ Кутансъ, вѣхавъ въ городъ въ такомъ костюмѣ въ іюлѣ въ сорока-градусную жару. Удивлялись, конечно, дамы и чиновники, а не народъ, потому что на томъ же Кавказѣ горцы косятъ и жнутъ лѣтомъ въ буркахъ и мѣховыхъ папахъ.

Ящикъ мой требовалъ во имя казенной надобности, чтобы паромъ былъ очищенъ, но татары справедливо возражали: «а кто, бачка, будетъ гребсти, вишь какой рѣка?» Дѣйствительно, казенные перевозчики покоились гдѣ-то въ объятіяхъ Морфея, а гнать огромный паромъ при быстромъ теченіи версты двѣ нужно было по крайней мѣрѣ человѣкъ шесть гребцовъ.

Видя наше безпомощное положеніе, ямщикъ пошелъ на сдѣлку. Татары рѣшились стащить обратно съ парома по грязному откосу огромную фуру, гдѣ сидѣлъ старый кунецъ-татаринъ съ нѣсколькими женами, и снять часть лошадей и замѣнить ихъ моей тройкой. Но едва устави́ли перекладную, какъ татары стали настаивать снова, чтобы поставить своихъ лошадей, на томъ-де основаніи, что на другомъ берегу по грязи безъ ихъ помощи вытащить возы будетъ невозможно.

Между тѣмъ и безъ того паромъ накренило на бокъ и онъ чуть не черпалъ однимъ бортомъ воду. Нечего дѣлать, пришлось согласиться на татарскій ультиматумъ. Съ немалою опасностью переплыли мы Уралъ и, приваливъ къ берегу, пришли опять въ недоумѣніе. Та сторона парома, гдѣ была моя перекладная, наклонилась къ водѣ и приходилась къ рѣкѣ: если бы стащить хоть одинъ возъ съ другой стороны на берегъ, то паромъ перевернулся бы; между тѣмъ измѣнить его направленіе противъ теченія было невозможно. Долго поспоривъ, татары рѣшились пустить своихъ лошадей вплавь и тѣмъ возстановили наконецъ равновѣсіе парома.

Вся эта возня заняла часа три, и я вѣхалъ въ Орскъ, когда уже совсѣмъ разсвѣло. Но кто считаетъ время на почтовыхъ: 37 верстъ на Уралѣ я ѣхалъ сутки, а у переправъ случалось стоять весною и осенью по двое сутокъ.

Бдущимъ въ Сыръ-Дарьинской линіи, или изъ Ташкента, а въ особенности въ прежнее время, Орскъ казался прекраснымъ городомъ, первымъ пунктомъ европейской жизни; но для меня, двигавшагося въ степь изъ столицы, онъ показался ничтожною казачьей станицей съ непомѣрно широкими и грязными улицами.

Видъ его подобенъ всѣмъ городамъ, о которыхъ Гейне когда-то остроумно замѣтилъ, что они ка-

жуются красивы, если смотрѣть на нихъ, оборотаясь спиною.

Почтовая станція была наполнена экипажами путешественниковъ и путешественницъ, исполненныхъ тоски и отчаянія, такъ какъ пришло извѣстіе, что разорена станція близъ Карабутака и 12,000 киргизовъ двигаются на сообщеніе наше съ Ташкентомъ. Отчаяніе впрочемъ происходило не отъ страха,—о, нѣтъ,—для того была причина поважнѣе — перспектива прожить на русской станціи недѣлю, можетъ быть мѣсяцъ, и въ крайнемъ случаѣ, чтобы попасть въ Ташкентъ навѣрное, какъ выражались мѣстные остряки, ѣхать на Вѣрное, т. е. сдѣлать 2,500 верстъ крюку, по тракту, гдѣ навѣрное можно было встрѣтить вдвое болѣе путешественниковъ, нежели лошадей, и въ тысячу разъ болѣе клоповъ, чѣмъ проѣзжающихъ. Какъ мало наводили киргизы страха, видно изъ того, что г-жа Идарова рѣшилась ѣхать изъ Орска въ Ташкентъ одна, безъ мужчины.

Въ городѣ, впрочемъ, было нѣкоторое волненіе, такъ какъ гарнизонъ его состоялъ изъ сотни или двухъ оренбургскихъ казаковъ, наскоро сформированныхъ. Смотритель сообщилъ мнѣ, что по телеграфу требуютъ изъ Оренбурга пушку и роту пѣхоты, которыя, по его расчету, должны были прійти недѣли черезъ три.

Отдохнувъ слегка, я отправился къ атаману отдѣла, который оказался датчаниномъ, довольно смутно понимавшимъ по-русски. На мое обстоятельное изложеніе дѣла, почесавъ парикъ, онъ сказалъ только, что «меня не понимаю». Пришелъ казачій офицеръ, чуть не по складамъ прочелъ мою бумагу и началъ медленно переводить ее, должно быть, на датскій языкъ. Я махнулъ рукою и, попросивъ казачьяго урядника для посылокъ, поспѣшилъ обратно на почтовую станцію.

Объ этомъ полковникъ, честно, говорятъ, челоуѣкъ, мнѣ рассказывали очень много курьезовъ. Онъ далъ какому-то казаку порученіе по службѣ, а тотъ, понявъ все наыворотъ, притащилъ ему съ базара въ кабинетъ козу за рога. И такихъ дѣятелей на нашихъ окраинахъ было не мало. Случаи, возможные лишь у насъ. Можно бы представить себѣ пріемъ какого-либо Иванова или Петрова въ Берлинѣ, если бы они явились просить мѣста ландратовъ въ Нассау или Силезіи.

Дождь въ это время, преслѣдовавшій меня отъ Оренбурга, полилъ съ остервенѣніемъ; никогда не видѣлъ я подобной дождливой погоды; все время, проведенное мною въ степи, я буквально прожилъ подъ дождемъ, не зная куда укрыться. Желая прикрыть хоть чѣмъ нибудь на перекладной свои вещи, я пошелъ купить войлокъ, за который съ меня

содрали ровно вдесятеро. Въ утѣшеніе я услышалъ объясненіе такого рода, что такъ какъ за Орскомъ ничего уже купить нельзя, то здравый разсудокъ указываетъ орскимъ мошенникамъ, что они должны пользоваться необычайными выгодами своего географическаго положенія на краю образованнаго міра: кто же воспрещаетъ путешественникамъ быть предусмотрительными и запасаться всѣмъ во-время и въ своемъ мѣстѣ?

Опасаясь, что въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Орскѣ меня ограбятъ рѣшительнѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать киргизы, проклиная орское корыстолюбіе, датскій языкъ, проливной дождь, а главное уже въ Орскѣ пообѣдавъ супомъ изъ купленнаго мною на дорогу либихова бульона съ консервами, которые, несмотря на получасовую варку, оставались тверды какъ дубовая кора, что указывало на пріятную перспективу въ будущемъ, выѣхалъ я по направленію къ сѣверо-востоку по Новой линіи, идущей до Звѣриноголовской станицы.

Въ тридцатыхъ годахъ къ киргизамъ прилагалась та политика окраинъ, блестящіе результаты которой оказались въ Остзейскомъ краѣ, Финляндіи, Крыму, Нахичевани и т. д., съ тою разницею, что она проявлялась тамъ въ болѣе грубой формѣ. Старожилы помнили, какъ при губернаторѣ Эссенѣ киргизы спокойно переправлялись черезъ Уралъ,

воровали скотъ, жгли казачье сѣно, а иногда самихъ казаковъ и казачекъ уводили въ неволю, но казакамъ строго-на-строго было воспрещено перѣзжать на другой берегъ, а тѣмъ болѣе преслѣдовать похитителей; въ случаѣ же грабежа позволялось написать въ Оренбургъ за 500 верстъ почтительное донесеніе, въ отвѣтъ на которое мѣсяца черезъ три слѣдовало строжайшее предписаніе глядѣть въ оба п т. д.¹⁾

Перовскій понялъ невыгоды такого унижительнаго положенія и началъ то наступательное движеніе въ степь, которое, съ легкой руки генерала Черняева, привело насъ къ подножью Гиндукуша и, по мечтаніямъ нашихъ молодыхъ стратеговъ, должно остановиться только на Индѣйскомъ океанѣ, который замѣнитъ такимъ образомъ границу по Оренбургскую губернію.

Колонизація по линіи совершалась весьма просто: сначала по картѣ провели прямую линію съ сѣверо-востока на юго-западъ и намазали съ одной стороны синей краской, съ другой желтой: вышла граница. По этой границѣ, приблизительно вер-

¹⁾ Были начальники, которые и писанія не любили. Западно-Сибирскій генералъ-губернаторъ Гасфортъ, выдумавшій для киргизовъ новую вѣру, удивлялся, зачѣмъ это пишутъ длинныя бумаги. — Пусть, говорилъ онъ своему правителю канцеляріи, мнѣ пишутъ: позволте, а я отвѣчу, изволте!

стахъ въ тридцати одинъ отъ другого, на рѣчкахъ, или признакахъ таковыхъ въ балкахъ, ибо безъ воды даже русскій колонистъ жить не можетъ, поставили кружки большіе и малые и подписали названія, больше все французскія и шведскія, напоминавшія славные подвиги нашихъ войскъ, не соображая однако, что для казака легче было взять Фершампенауэ и т. п., чѣмъ его выговаривать каждый день.

За колонистами дѣло не стало, волжское казачье войско было растянуто въ то время почти отъ Самары до Оренбурга и далѣе вверхъ по р. Уралу. Имѣя въ виду, что въ тогдашней Оренбургской губерніи казакамъ воевать уже не съ кѣмъ, приказано было богатыя поселенія по Кинели и др. мѣстамъ казакамъ оставить и идти на Новую линію. Пробовали было казаки что-то потолковать о какихъ-то жалованныхъ грамотахъ Екатерины II, да потомъ раздумали и переселились спокойно.

Но долгое время мысль о бывшемъ благосостояніи ихъ не оставляла и мнѣ не разъ случилось слышать выраженіе даже отъ бабъ: «вѣдь я старо-линейская, слава Богу, видала на своемъ вѣку и хорошаго». Отставные солдаты и небольшое количество крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній дополнили недостающее населеніе. Такимъ образомъ скоро и просто устроена была Новая линія.

За тридцать лѣтъ обширное пространство, образующее трехугольникъ между Старой и Новой линіей, мало-по-малу устроилось и образовало около половины Оренбургской губерніи, которая сама, за отдѣленіемъ Уфимской губерніи, сократилась на половину.

По киргизскому преданію, гдѣ между елями вырастетъ береза, туда непременно пріѣдутъ русскіе; по словамъ казаковъ, это оправдалось и въ данномъ случаѣ. Фактъ замѣчательный, но тѣмъ не менѣе несомнѣнный, что въ тридцать лѣтъ русскаго владычества измѣнились и климатъ, и даже почва новаго края, а соотвѣтственно и растительность. Первые колонисты, которыхъ было въ живыхъ очень много, кормились казеннымъ провіантомъ, ибо сожженная и растрескавшаяся степь не давала никакихъ урожаевъ. Затѣмъ климатъ сталъ дѣлаться все влажнѣе, урожаи обильнѣе, дожди замыли трещины и округлили балки, береза быстро разрасталась и изъ голой степи край принялъ видъ обыкновенной губерніи Россіи въ средней малолѣсной полосѣ. Это замѣчательное превращеніе несомнѣнно доказываетъ, что трактаты нашихъ писателей о вліяніи истребленія лѣсовъ и объ увеличивающейся сухости нашего климата далеко не основаны на точныхъ данныхъ и требуютъ провѣрки.

Весь переѣздъ отъ Орска до Кумацкой станицы прошелъ въ интересныхъ разсужденіяхъ съ казакомъ, какъ было бы хорошо, если бы не было дождя. Окрестности, состоявшія преимущественно изъ солонцоватой глины, имѣли отъ дождя видъ самый печальный. Дорога была убійственная, но я видалъ на своемъ вѣку и не такіе пути сообщенія, потому не обращалъ на этотъ предметъ большого вниманія.

Къ вечеру дотащились мы до Кумацкаго; ко мнѣ подошелъ станичный и совѣтовалъ не ѣхать ночью, такъ какъ наканунѣ киргизы убили мужика. Убійство служило темою неистощимыхъ разговоровъ въ селѣ, изъ которыхъ я узналъ, что нашихъ было двое, а киргизовъ одинъ, но успокоеніе степи совершенно лишило нашихъ воинственного духа и находчивости, развивающихся въ постоянномъ соприкосновеніи съ опасностью.

Бабы слегка выпли, казаки чесали задумчиво затылки и просили у меня порошу, но я не могъ имъ дать, ибо имѣлъ только къ револьверу готовые патроны. Мнѣ объяснили, что пограничные казаки получаютъ известное количество порошу въ мѣсяцъ, но порохъ этотъ быстро обмѣнивается на водку, и едва ли не часть этого пороха служила киргизамъ для ихъ ружей, покупавшихся въ большомъ количествѣ на оренбургскомъ базарѣ.

Мысль о продолжительномъ существованіи на либиховскомъ бульонѣ заставила меня изъ двухъ смертей выбирать болѣе славную и спѣшить во что бы то ни стало продолжать даже ночью и съ опасностью свое путешествіе. Послѣ крупнаго разговора со станичнымъ, я убѣдилъ его отпустить мнѣ лошадей и дать конвой.

Ямщикъ съ ружьемъ за плечами, вооруженный казакъ на облучкѣ и два верховыхъ казака съ ружьями на перевѣсѣ на лукѣ сѣдла, ночью при лунномъ свѣтѣ, сѣдлали насъ, конечно, пугливыми. Мы осторожно озирались по сторонамъ, глядѣли зорко вдаль и вели непрерывный разговоръ все объ убійствахъ. Дождь пересталъ, но выступилъ сильный туманъ. Впереди ничего не было видно. По счастливой привычкѣ я уже задремалъ, какъ былъ разбуженъ словами моего казака: «кажись киргизы».

Я разстегнулъ кобуру своего револьвера, казакъ мой вынулъ на половину пашку изъ ноженъ, а ямщикъ положилъ къ себѣ ружье на колѣни. Въ туманѣ обрисовалась конная фигура, а вдали виднѣлась неясная группа. Конный летѣлъ къ намъ и, не доходя шаговъ десять, заоралъ: «кто идетъ!» Такъ какъ мы невольно закричали еще ранѣе то же самое, то крики наши слились и всполошили какую-то птицу изъ ближайшаго камыша.

Оказалось, что это былъ секретный разъѣздъ, на который мы печаянно наткнулись. Объяснивъ уряднику, кто я и зачѣмъ ѣду, мы поѣхали далѣе.

Дождь снова началъ перепадать. Перекладная подѣхала къ рѣчкѣ, на другой сторонѣ которой лежала Ново-Орская станица. На берегу парома не оказалось. Пооравъ на всѣ лады, казаки начали шарить, отыскивая перевозчиковъ. Въ какомъ-то распряженномъ возѣ въ сторонѣ отъ дороги оказалась борода, которая послѣ длинныхъ переговоровъ признала себя перевозчикомъ и начала жаловаться, что казаки, въ то время, когда онъ отлучился, угнали паромъ на другую сторону.

Онъ предлагалъ подождать утра, когда кто-нибудь съ той стороны начнетъ переправляться. Какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, дождь началъ вдругъ лить какъ изъ ведра и мой войлокъ протекать. Провести подъ такимъ дождемъ ночь было невозможно. Я требовалъ, чтобы перевозчикъ «родилъ паромъ» и предлагалъ ему перѣхать вплавь верхомъ на лошади,—способъ, нерѣдко употребляемый въ степи,—но перевозчикъ, не очень повидимому желая со сна брать ванну въ очень холодной водѣ, увѣрялъ, что воды прибыло, теченіемъ лошадь утопить, и предлагалъ ѣхать ночевать куда-то за семь верстъ на мельницу.

Выведенный изъ терпѣнія дождемъ, я нѣсколь-

кими аргументами въ духѣ Петра Великаго убѣдилъ перевозчика изобрѣсти средство къ перевозу. Онъ быстро пошелъ вверхъ по рѣчкѣ и, пройдя версты двѣ, противъ самой станицы началъ ревать благимъ матомъ. Послѣ получасового реванія онъ возвратился, а черезъ часъ какія-то фигуры закопошились на другомъ берегу и я, измученный и промокшій, достигъ наконецъ возможности войти въ избу.

И въ Ново-Орской только и было разговоровъ, что о киргизахъ. Хотя сосѣдніе киргизы приняли Положеніе, но довѣрять имъ, конечно, не слѣдовало, потому казаки и не пахали въ сторону къ киргизамъ. Въ былое время на работу нельзя было и ходить безъ оружія и за этимъ смотрѣли строго, но спокойствіе отмѣнило само собою это обыкновеніе.

Одинъ старикъ рассказалъ мнѣ по этому поводу анекдотъ: Ыдетъ наказной атаманъ Падуровъ, видитъ казакъ косить, а ружья съ нимъ и нѣтъ. —Гдѣ ружье?—Позабылъ, говоритъ.—А ѣсть сегодня не позабылъ? Дать ему двадцать нагаекъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ конвою. Конвойные казаки, хватъ, позабыли дома нагайки. Нечего дѣлать, связали какъ-то возжи, выпороли сначала виновнаго, потомъ другъ друга и поѣхали далѣе.

Блаженное время миновало и привычка носить

оружіе, несвойственная русскому мужику, какимъ всегда былъ и будетъ оренбургскій казакъ, также прошла. Да и средства къ вооруженію у войска весьма малыя. Постоянная посылка сотенъ въ Ташкентъ легла тяжелымъ бременемъ на войско. Я слыхалъ, что, когда по случаю возстанія сразу начали сформировывать сотни, казаки собрались со своими ружьями по большей части плохенькаго устройства, съ тѣми самыми, съ которыми они въ кургузыхъ курткахъ и кожаныхъ киверахъ безъ козырковъ, киверахъ, примерзавшихъ ко лбу, дѣлали нѣкогда въ 30-хъ годахъ страшныя по испытаніямъ экспедиціи въ Хиву и къ Аральскому морю.

Ружья были признаны негодными, и ихъ было приказано оставить дома, съ каждаго же казака вычили извѣстную сумму на пріобрѣтеніе новыхъ, но не прошло мѣсяца, какъ и старыя ружья были снова потребованы на службу; такимъ образомъ населеніе, оставшееся въ станицахъ, лишилось почти всякихъ средствъ защиты.

На разсвѣтѣ выѣхалъ я изъ Ново-Орской по направленію къ редуту № 2, бывшему Императорскому укрѣпленію. По всей линіи часто встрѣчаются редуты; это небольшіе четырехугольные валы со рвомъ глубиною аршина въ два и деревяннымъ зданіемъ внутри. Таковы твердыни, гдѣ

десятокъ казаковъ можетъ долго обороняться отъ сотенъ и тысячъ киргизовъ.

Впрочемъ, если киргизы не воинственны и подвиги свои ограничиваютъ мелкимъ воровствомъ, то во многихъ другихъ отношеніяхъ они заслуживаютъ вниманія. Лучше всего сравнить ихъ для этого съ башкирами, народомъ вымирающимъ и неспособнымъ къ прогрессу, тогда какъ киргизы смыслены, дѣятельны и даже къ наукѣ проявляютъ извѣстную склонность. Они безъ особаго труда усваиваютъ себѣ и русскій языкъ. Не нужно, однако, преувеличивать успѣхи ихъ по этой части. Горный инженеръ Порѣцкій, потерявъ открытый листъ при поѣздкѣ, приложилъ сургучную печать къ объявленію фортепіанной фабрики Лихтенталя и благодаря подобному документу былъ вездѣ принятъ въ стени съ почетомъ и получалъ свободно лошадей¹⁾.

Киргизскіе ямщики какъ будто понимали меня по-русски, но едва ли не дѣлали это для шика. Разговаривать съ ними было трудно. Ъдешь два, три часа, стени конца нѣтъ. — А далеко? спраши-

¹⁾ Впрочемъ, по этой части и русскіе въ это время не далеко ушли отъ киргизовъ. Проѣзжая по Уфимской губерніи я потребовалъ земскіхъ лошадей и подавъ открытый листъ. — Знаемъ, знаемъ, сказалъ староста и, перевернувъ листъ вверхъ ногами, сталъ читать: По указу его императорскаго величества царя Николая Павловича и т. д. Дѣло было въ 1865 г. и староста не подозревалъ, что уже десятый годъ царствуетъ Александръ Николаевичъ.

ваешь киргиза.— А далеко, отвѣчаетъ онъ. — Да сколько верстъ? — Верстъ двадцать еще... Ёдемъ опять часъ.— А что, близко уже?— А близко.— А сколько верстъ?— А верстъ... тридцать.— Да какъ же, чортъ тебя возьми, часъ назадъ было только двадцать!

Киргизъ, выпуча глаза, ничего не отвѣчаетъ, русскій лексиконъ его истерпанъ.

Въ своемъ кочевомъ быту киргизы, какъ всѣ кочевники, толковы и очень находчивы. Если они ночью сбиваются съ пути, то быстро ориентировуются по звѣздамъ, если же ночь темная, какъ говорится «зги не видать» ¹⁾, то и тутъ киргизъ не потеряется: онъ мочитъ слюною кончикъ носа и медленно повертывается кругомъ по всѣмъ румбамъ компаса. Гдѣ ему кажется, что носу его холоднѣе, тамъ онъ опредѣляетъ вѣтеръ, а такъ какъ въ степи изъ десяти дней девять дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ, то вотъ уже въ головѣ киргиза является возможность ориентироваться. Сообразно съ этимъ инстинктивно найденнымъ румбомъ онъ опредѣляетъ направленія на сѣверъ, югъ, востокъ, словомъ куда ему нужно ѣхать ²⁾.

¹⁾ Покойный Апухтинъ острилъ, что онъ видѣлъ какъ-то эту мифическую «згу».

²⁾ Во время ужасной по сибѣмъ зимы 1880 г., разорившей всю степь, киргизенокъ Внутренней орды, лѣтъ 8 или 9, прошелъ по сибѣгу не ѣвши сотню верстъ до казачьяго

Киргизы знаютъ также пользу хинина отъ лихорадки; меня въ нѣсколькихъ мѣстахъ просили они дать хинина, котораго, къ счастью, я взялъ съ собою въ достаточномъ запасѣ.

Къ сожалѣнію, насаждать высшую цивилизацію въ степи очень мало дѣятелей. Войдя въ избу на станціи, гдѣ перепрягали лошадей, я нашелъ какъ-то лежащаго на печи человѣка въ офицерской формѣ и трясущагося какъ въ лихорадкѣ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ только мычаніемъ, показывая всѣ признаки жестокаго алкоголизма, разслабленія отъ припадка *delirium'a tremens*. Такихъ субъектовъ я встрѣчалъ потомъ въ дорогѣ нѣсколько, а это и была интеллигенція края! Этимъ-то отчасти и оправдывалась посылка сюда на службу иностранцевъ.

Дорога все шла совершенною пустынею, ровною и гладкою, кое-гдѣ только встрѣчались заброшенные шурфы золотоискателей, такъ какъ золотоносная формація Урала уходитъ далеко въ степь; содержаніе золота въ розсыпяхъ однако бѣднѣетъ по направленію къ югу отъ Качкара.

За бывшимъ Елисаветинскимъ укрѣпленіемъ новая бѣда. Обыкновенно сухой логъ или балка отъ проливного дождя обратился въ бурный и глубокий потокъ, цѣлую рѣку. Случай въ степи не рѣд-

поселка на Волгѣ и принесъ на спинѣ полузамерзшую свою малолѣтнюю сестру. Какова сметка и сила воли!

кій. Для переправы стали искать лодку, а пока не нашли, предлагали переправиться по киргизскому способу. Двухъ верблюдовъ вводятъ въ воду, они въ водѣ ложатся бокомъ, ихъ связываютъ мордами и ногами, на выдающихся изъ воды горбахъ кладутъ доску, на эту доску ставятъ вашъ чемоданъ. Извольте садиться, поджавъ ноги, такъ какъ вода захлестываетъ васъ по поясъ, и переправляться съ Богомъ.

Мнѣ этого удовольствія не довелось испытать, но переправа была не многимъ лучше. Сыскали какую-то душегубку, всю разохнувшуюся. Наскоро замазали щели глиною съ коровьимъ пометомъ, посадили меня съ вещами и, толкая шестами въ дно, повезли. На полдорогѣ лодку на половину уже залило водою, пледъ мой поплылъ по рѣкѣ, съ трудомъ его поймалъ шестомъ казакъ, чемоданъ также всплылъ. Думать просохнуть на берегу было нечего, дождь лилъ какъ изъ ведра. Ободрѣвъ и поправиться пришлось уже въ укрѣпленіи Наслѣдника, довольно большой станицѣ на р. Берсуатѣ.

Отсюда я уже, въ сторону отъ почтовой дороги, долженъ былъ ѣхать въ поселокъ Бредовскій — конечную цѣль моего путешествія.

Не успѣлъ я разложиться въ отведенной мнѣ тамъ избѣ, какъ вошелъ молодой попикъ и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ спросилъ безъ церемоніи,

нѣтъ ли у меня рома? Выпивъ немного, попъ разговаривался и затѣмъ не покидалъ меня почти все время моего пребыванія въ Бредовѣ, усиленно прикладываясь къ привезеннымъ мною скуднымъ запасамъ напитковъ.

— Онъ у насъ чудной, говорили мнѣ казаки.

Человѣкъ это былъ неглупый, веселый и бойкій, но, овдовѣвъ еще молодымъ человѣкомъ и сучая въ одиночествѣ среди невѣжественнаго населенія, онъ предался тому пороку, который стубилъ тысячи ему подобныхъ. Говорилъ онъ безъ конца густымъ басомъ. — Насъ семинаристовъ потому и называютъ народъ «жеребьячьею породой», замѣтилъ онъ добродушно, что еще на партахъ вырабатываютъ у насъ такіе басы. — Вотъ я пью, а курить не курю, потому что еще въ Апокалипсисѣ сказано: «явится корень-сырь и многіе соблазнятся». Корень-то этотъ и есть табакъ...

Онъ приглашалъ меня и къ себѣ въ свой скромный домикъ, гдѣ опять кромѣ водки я почти ничего не нашелъ. Тамъ показывалъ мнѣ онъ книжку въ кожаномъ переплетѣ; это выдаваемая консисторіей книга для веденія лѣтописи. Идея сама по себѣ прекрасная, но и для такого несложнаго дѣла требуется охота. Никакихъ записей, кромѣ какъ о погодѣ, я въ лѣтописи не нашелъ. Да и эти записи имѣли бы цѣну, если бы велись аккуратно.

На другой же день по приѣздѣ я отправился къ тому мѣсту, гдѣ по указанію Меглицкаго и Антипова¹⁾ въ ихъ книгѣ о геологіи Южнаго Урала замѣчались выходы каменноугольных песчаниковъ. Ничего новаго противъ описаніи этихъ двухъ дѣльных горныхъ инженеровъ я не нашелъ и сразу увидѣлъ, что моя поѣздка напрасна. Я передалъ, вернувшись домой, свои сожалѣнія моему попу.

— Ну, а я знаю, гдѣ тутъ уголь, и покажу его вамъ, сказалъ онъ спокойно.

Я обрадовался и, конечно, предложилъ ѣхать поскорѣе. Попъ отправился къ себѣ и вернулся со своей таратайкой уже на второмъ взводѣ; онъ не поѣхалъ, а помчался и завезъ меня въ какое-то болото.

— Да это болото, гдѣ же тутъ каменный уголь? спросилъ я.

— Вотъ тутъ-то уголь и долженъ быть навѣрное, ибо въ Писаніи сказано, что прежде все было «добро зѣло», а такъ какъ тутъ болото и мерзость заустѣнія, то ранѣе значитъ здѣсь было что-либо хорошее, навѣрное уголь.

¹⁾ А. И. Антиповъ здравствуетъ и понынѣ почетнымъ опекунъ въ Москвѣ, а Меглицкій умеръ еще въ 50-хъ годахъ послѣ тяжелой экспедиціи въ Якутской области. Это былъ замѣчательный человѣкъ и инженеръ. Сынъ русскаго попа въ Вѣнѣ, также человѣка выдающагося, Меглицкій получилъ превосходное домашнее воспитаніе и по-нѣмецки писалъ и говорилъ такъ же хорошо, какъ и по-русски. Преждевременная смерть его была большою потерей для горнаго вѣдомства.

Я только руками развелъ отъ такихъ геологическихъ соображеній.

Несмотря на содѣйствіе попа, жить въ казачьей станицѣ было несносно, особенно за недостаткомъ пищи. Все привезенное изъ Оренбурга я скоро съѣлъ, а на мѣстѣ кромѣ яицъ и молока ничего не было, да если бы что и нашлось, то все равно никто бы не сумѣлъ приготовить. Объ отрицательныхъ достоинствахъ либихова бульона и овощей въ консервахъ я уже говорилъ выше.

Убѣдившись послѣ нѣсколькихъ дней напрасныхъ разѣздовъ и осмотровъ, что мое дальнѣйшее пребываніе въ Бредовѣ бесполезно, и торопясь ѣхать на Мангышлакъ, я рѣшился хотя и съ пустыми руками вернуться въ Оренбургъ. Поѣздка совершилась по прежнему маршруту и подъ такимъ же проливнымъ дождемъ. Дождь буквально сводилъ меня съума, наполняя мою перекладную водою и подмачивая вещи. Никогда я не видалъ ничего подобнаго. Съ утра свѣтило солнце, небо было голубое, но въ зенитѣ стояла тучка и поливала меня усердно, какъ-будто двигаясь въ томъ же направленіи, что и мой экипажъ. Просто хотъ съума сходи! Остановиться тоже не было расчета: на станціяхъ кромѣ клоповъ и таракановъ ничего нѣтъ, даже поѣсть нечего.

— Какая у насъ ѣда? съ изумленіемъ отвѣчали

мнѣ на вопросъ, ѣсть ли чего пообѣдать?— Да вѣдь вы ѣдите же что-нибудь? спрашивалъ я.— Какая у насъ ѣда, такъ, мнемъ маненько. И дѣйствительно, кромѣ жидкихъ щей изъ синеватой полупротухшей солонины ничего не находилось.

Кто не ѣздилъ внѣ почтовыхъ трактовъ по Россіи, понятія не имѣетъ о бѣдности и плохомъ питаніи нашего простолюдина.

Оренбургъ по возвращеніи показался мнѣ чуть не земнымъ раемъ.

Года два послѣ этой поѣздки, читая какую-то книжку, изданную въ Оренбургѣ, я нашелъ объясненіе причинъ, вызвавшихъ мою прогулку въ степь. Въ 50-хъ годахъ для Аральской флотиліи донской антрацитъ возили черезъ степь на верблюдахъ. Кусокъ антрацита принесъ къ себѣ въ станицу Бредовскую какой-то казакъ. Происхожденіе куска мало-по-малу забылось и поэтому, когда одинъ изъ проѣзжихъ офицеровъ или чиновниковъ доставилъ означенный штуфъ въ Оренбургъ, то возникли предположенія, что уголь взятъ изъ какого-либо мѣсторожденія, извѣстнаго мѣстному населенію, но тщательно скрываемаго отъ начальства

ВЪ МОСКВѢ.

НА ВЫСТАВКѢ ¹⁾.

I.

Описать московскую политехническую выставку и очень легко, и очень трудно. Очень легко было, взявъ различные каталоги и разбавивъ ихъ приличными прилагательными и эпитетами, сочинить томовъ пять неудобъ-читаемой прозы; но чѣмъ сп-

¹⁾ Глава эта, извлеченная изъ ряда фельетоновъ въ «С.-Петербург. Вѣдом.» и рисующая положеніе нашей промышленности тридцать лѣтъ назадъ, можетъ быть прочтена съ пользою и теперь, для сравненія съ современными ея успѣхами, особенно какъ выразились они на Парижской всемірной выставкѣ. О Нижегородской я не говорю, потому что хотя она стоила казнѣ болѣе 10 милл. и столько же частнымъ промышленникамъ, но видѣли ее только, кажется, одни чиновники департамента мануфактуръ. Замѣчательно также, что многіе затронутые мною въ 1872 г. вопросы до сихъ поръ остаются безъ разрѣшенія.

лы, при нашей лѣни «читать въ книжку», одолѣли бы подобное писаніе? Съ другой стороны, дать о политехнической выставкѣ понятіе краткое, точное и въ особенности систематическое было чрезвычайно трудно, почти невозможно. Начиная съ того, что она вовсе не была политехническою. Одинъ острякъ называлъ ее «полутехническою», и едва ли это опредѣленіе не самое вѣрное; во всякомъ случаѣ, подобная выставка легче переварилась русскимъ желудкомъ и въ особенности русскимъ карманомъ, нежели та, которую задумали было люди, затѣявшіе выставку.

Мысль о политехнической выставкѣ, какъ извѣстно, пришла нѣсколькимъ профессорамъ. Нѣкоторыя газеты инсинуировали, что всѣмъ дѣломъ руководили разныя постороннія соображенія, какія-то концессіи, банки и знаки отличія, но мы, обходя мракъ предположеній, дѣлали свои выводы исключительно на основаніи печатныхъ документовъ. Только славянская ширина могла создать идею политехнической выставки. До сихъ поръ даже на всемірныхъ выставкахъ ограничивались скромною сравнительно задачей представить продукты производства, или товары, поступающіе въ потребленіе. Собрать и подобные предметы требуетъ не малыхъ усилій; по крайней мѣрѣ всѣ бывшія до сихъ поръ выставки, не ис-

ключая и пресловутыхъ парижскихъ, отличались поразительною непропорціональностью своихъ частей и отдѣловъ. Въ Москвѣ же явилась идея чисто теоретическая—выставить не продукты только, а самые процессы производства, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями, короче—последнее слово науки и техники. Но последнее слово должно было обойтись не въ одну сотню милліоновъ: чтобъ представить, напримѣръ, технику современнаго желѣзнаго дѣла, потребовалось бы сооруженій не на одинъ десятокъ милліоновъ рублей, а между тѣмъ даже подобный расходъ вовсе ничего ни доказалъ бы, ибо техника видоизмѣняется безконечно отъ мѣстныхъ условій, топлива, свойствъ рабочихъ, качества сырыхъ матеріаловъ, потребностей рынка и т. д. Нельзя устроить по одному образцу заводъ на Уралѣ, въ Швеціи или въ Испаніи; каждая мѣстность требуетъ измѣненій, важныхъ для дѣла, невозможныхъ для выставки, неинтересныхъ для массы публики.

Важнѣйшее препятствіе къ осуществленію подобнаго грандіознаго плана явилось, конечно, въ денежныхъ средствахъ для его выполненія. Откуда взять потребныя деньги? Отъ правительства требовать милліоннаго расхода, когда устройство школъ, музеевъ, техническихъ курсовъ, даже простого обученія грамотѣ пуждается въ рубляхъ, а

иногда и въ грошахъ, было немыслимо. Разсчитывать же на содѣйствіе фабрикантовъ было еще менѣе вѣроятно. Техника составляетъ лучшій капиталъ фабриканта; послѣдній можетъ выставить свое издѣліе или изъ тщеславія, какъ фабрикантъ въ странѣ, огражденной тарифомъ, или изъ разсчета на рекламу, какъ фабрикантъ въ странѣ, навязывающей помощью свободной торговли свои издѣлія; но бросать деньги, чтобы знакомить другихъ со своей техникой, для фабриканта не имѣетъ смысла, да и бесполезно: подобной выставкой никого не научишь. Дѣйствительное знаніе можно получить или изъ спеціальныхъ описаній, или изучивъ дѣло на томъ заводѣ, гдѣ оно процвѣтаетъ, или приглашая оттуда технику за повышенную плату.

Сообразивъ неизбежное fiasco своей идеи, учредители московской выставки сдѣлали поворотъ, весьма полезный для осуществленія послѣдней. Забывъ о «политехникѣ», они исключительно прониклись программой «Биржевыхъ Вѣдомостей» г. Трубникова, когда въ газету входили одновременно отдѣлы почтовый, сельскаго благоустройства, военный, ветеринарный, акцизный и десятокъ другихъ. Нѣтъ такого писанія, которое не подходило бы подъ подобную широкую программу; нѣтъ также и такого предмета, который не подошелъ бы подъ программу, составленную комитетомъ выставки, а

такъ какъ никогда не было еще недостатка въ желаніи «показать себя» съ одной стороны и «посмотрѣть» съ другой, то успѣхъ выставки въ матеріальномъ отношеніи обезпечился. Щедрое содѣйствіе нѣкоторыхъ вѣдомствъ дополнило остальное, и появилась выставка вовсе не политехническая, а выставка ботаники, садоводства, промысловыхъ животныхъ, минералогическая, техническая, мануфактурная, кустарной промышленности, охоты, педагогическая, ветеринарная, медицинская, лѣсная, почтовая, морская, туркестанская и т. д., выставка всевозможныхъ курьезовъ, рѣдкостей и чудесъ, выставка безъ связи и системы, хотя и интересная.

Съ затратой слишкомъ милліона рублей на $\frac{2}{3}$ казенныхъ денегъ, получилось нѣчто въ декоративномъ отношеніи превосходное, какая-то непонятная смѣсь мануфактурной выставки и музея, политехники, этнографіи и чиновничьей проклейки, пріятная для глазъ, удивительно полезная для легкаго моціона, возбуждавшая аппетитъ, и, въ концѣ концовъ, неудовлетворительная по своей сбивчивости и непригодности для той среды, въ которой устроена. Долговременный опытъ показалъ, что ни одна выставка не можетъ осуществиться у насъ безъ щедраго пособія правительства и что, какъ бы заманчива выставка ни была, классъ свободныхъ и зажиточныхъ людей въ Рос-

сії такъ немногочисленъ, что публика, посѣщающая выставки, состоитъ обыкновенно изъ весьма ограниченнаго круга, преимущественно мѣстныхъ жителей. Сдѣлать въ Россіи выставку народную невозможно, а привлечь къ ней иностранцевъ очень трудно, по отдаленности разстоянія и по изобилію лѣтомъ въ Европѣ другихъ развлеченій и удовольствій ¹⁾. Москва есть центръ нашей мануфактурной промышленности, одинъ изъ центровъ народной жизни и религіозности, поэтому только выставки мануфактурная, этнографическая и церковныхъ предметовъ и архитектуры будутъ въ ней дѣйствительно популярны. Сообразивъ все это, окажется, что едва ли встрѣчалась потребность въ огромныхъ расходахъ на созданіе такихъ отдѣловъ, которые никакого для Москвы значенія имѣть не могли и заинтересовать были ее не въ состояніи. Какая польза, на примѣръ, въ расходѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на морской отдѣлъ, если его въ день посѣтятъ нѣсколько помѣщиковъ, чиновниковъ и купцовъ? Эти люди и по Москвѣ-рѣкѣ боятся переѣхать въ лодкѣ, а «бури» Айвазовскаго едва ли возбуждаютъ въ нихъ стремленія къ морю и мореходству.

Мы не желали, однако, быть черезчуръ стро-

¹⁾ Это вотъ и позабыли для Нижегородской выставки 1896 г.

гими и требовать отъ политехнической выставки, какъ факта уже совершившагося, болѣе того, что она дать могла. Мы старались лучше извлечь полезное, хотя соглашаемся, что попытка эта была легкая, удобосравниваемыхъ предметовъ было мало, описаніе отдѣльныхъ предметовъ напомнило бы каталогъ, а бессистемность повела бы къ различнымъ повтореніямъ. Въ этомъ случаѣ рѣдкая выставка представляла подобное вавилонское столпотвореніе; каждый тащилъ въ свой отдѣлъ, что могъ, безжалостно обирая сосѣдей. Наоборотъ, одни и тѣ же предметы выставались независимо въ разныхъ отдѣлахъ. *Chacun chez soi, chacun pour soi* — вотъ девизъ каждаго отдѣла. На примѣръ превосходныя геологическія карты донецкаго угольнаго края, составленныя горнымъ вѣдомствомъ, выставлены были въ морскомъ отдѣлѣ, какъ «коллекціи, собранныя какимъ-то морякомъ»; но по такой теоріи, если морякъ купить или получить гдѣ-нибудь сочиненія Шекспира или корнетъ-а-пистонъ, то и эти предметы также должны относиться къ морскому отдѣлу? Кипечные и мочевые камни лошадей и людей выставлены были въ четырехъ разныхъ отдѣлахъ, и этихъ камней, изъ которыхъ иные были болѣе булыжника, набралось, наконецъ, такъ много, что ими можно было вымостить квадратную сажень. Къ чему такое изобиліе? Впрочемъ о многочисленныхъ курье-

захъ рѣчь еще впереди, при обзорѣннѣ отдѣловъ.

О значительности выставки можно было судить по тому, что она состояла изъ 27 отдѣловъ и занимала болѣе 80 разныхъ павильоновъ и помѣщеній; къ сожалѣнію, каталогъ при моемъ посѣщеніи не былъ готовъ и замѣнялся описаніемъ, гдѣ не было и половины выставленныхъ предметовъ (не доставало даже цѣлыхъ 5 отдѣловъ), за то включено было много и такого, что на выставку вовсе не попало¹⁾. Это отсутствіе общаго каталога не позволяло сдѣлать какіе-либо выводы о числѣ экспонентовъ, о распредѣленіи ихъ по разнымъ отдѣламъ, по губерніямъ, странамъ и національностямъ и т. п. Но вообще можно сказать, что выставка была дѣломъ русскимъ, и участіе въ ней иностранцевъ, кромѣ шведовъ, австрійцевъ и виртембергцевъ, оказалось совершенно второстепеннымъ. Недостатокъ мѣста заставилъ разбросать павильоны въ пяти мѣстахъ: въ трехъ кремлевскихъ садахъ, на набережной Москвы-рѣки и на Кремлевскомъ плацу; обзорѣнне выставки сдѣлалось оттого утомительнымъ, непроизводительные расходы на по-

¹⁾ На всѣхъ выставкахъ награды получались за предметы, которые тамъ не фигурировали, каталоги же вралі. На Вѣнской всемірной выставкѣ была награждена Madame Ijoga. Это оказался Коппинскій заводъ Морского Министерства.

мѣщеніе увеличились вчетверо, за то выиграла архитектура деревянныхъ построекъ, которая получила возможность выказать себя со всѣхъ сторонъ. Мы слѣдовали въ своемъ описаніи за тѣмъ случайнымъ расположеніемъ отдѣловъ, которое существовало на дѣлѣ. Впрочемъ, иное описаніе, при крайней разнородности представленныхъ предметовъ, едва-ли было возможно.

Обзорѣнне начиналось обыкновенно съ отдѣла садоводства и ботаники; только немногіе оригиналы начинали осмотръ съ заду напередъ, съ севастопольскаго или желѣзнодорожнаго отдѣла; впечатлѣніе въ сущности оттого нисколько не измѣнялось. Отдѣлъ садоводства занималъ красивый павильонъ изъ стекла и желѣза (старыхъ рельсовъ), построенный на средства Путилова; кромѣ того, много цвѣтовъ и растений было разбросано по разнымъ мѣстамъ выставки, гдѣ на нихъ никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Цѣль отдѣла, какъ гласило офиціальное описаніе, была—«показать значеніе растительнаго міра для человѣка, показать источники тѣхъ безчисленныхъ произведеній, которыя доставляются намъ этимъ міромъ, какъ матеріалы питательные, строительные, художественные, медицинскіе и пр.». Конечно, этихъ безчисленныхъ источниковъ на выставкѣ не было, а отдѣлъ представлялъ довольно живописно устроен-

ную теплицу тропическихъ растений изъ оранжерей.

Тепличное садоводство, въ которомъ нинѣ видятъ цѣлую науку, мы считаемъ пустою роскошью, прихотью, гдѣ результатомъ сожиганія десятинъ хорошаго лѣса получается выращиваніе нѣсколькихъ чахлахъ тропическихъ растений. Мы очень хорошо сознаемъ значеніе цвѣтовъ въ жизни и поэзіи, знаемъ, что нельзя вообразить себѣ малороссіанку безъ васильковъ, нѣмку безъ незабудки, французженку безъ камеліи или персіанку безъ розъ; но не видимъ большого интереса въ усовершенствованіи разныхъ *musa*, *randanus*, *palmae*, *latania*, *agave* и *caruota*, когда всѣ добросовѣстные путешественники порѣшили, что флора умѣреннаго климата гораздо красивѣе, нежели тропическая. «Мое продолжительное пребываніе въ экваторіальныхъ странахъ Запада и Востока», говоритъ Уоллесъ, «убѣдило меня, что самыя роскошныя тропическія мѣстности по количеству цвѣтовъ и яркости красокъ далеко уступаютъ странамъ съ умѣреннымъ климатомъ». Замѣчательно, что въ жаркихъ странахъ искусственнымъ охлажденіемъ ээирами и углекислотою никто не думалъ выращивать нашихъ сѣверныхъ растений, на примѣръ березы, хотя драгоцѣнныя свойства послѣдней и даже необходимость для классической системы воспитанія из-

вѣстны и въ Индіи, и на Антильскихъ островахъ.

Къ этому же отдѣлу, неизвѣстно почему, отнесены и пробки, и искусственные цвѣты изъ воску и различныхъ матерій, а также атласъ ботанической географіи и такъ-называемое систематическое собраніе политехническаго музея, состоящее изъ коллекцій сѣмянъ, плодовъ, растительныхъ красокъ, овощей и учебныхъ ботаническихъ коллекцій, весьма посредственныхъ и не заключающихъ почти ничего заслуживающаго особаго вниманія.

Болѣе интересны отдѣлы промысловыхъ животныхъ и охоты, занимающіе пять павильоновъ, построенныхъ на счетъ Спечинскаго, Мекка, Губонина и Московскаго Общества охотниковъ. И тутъ царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ; въ колекцію попали было бюсты Пушкина и Крылова, и убраны прочь только послѣ долгихъ объясненій, что «литераторы» не особый видъ животныхъ, хотя ихъ и жарили когда-то на кострахъ. Для пущей важности отдѣлъ назывался «отдѣломъ прикладной зоологіи», съ расчетомъ, что подобная кличка позволитъ помѣстить поболѣе предметовъ. Дѣйствительно, кромѣ произведеній охоты, рыболовства, китоловства, звѣриныхъ промысловъ и др. предметовъ промышленности добывающей, въ отдѣлъ попало не мало предметовъ сельскаго хозяйства, ско-

товодства, пчеловодства, птицеводства, шелководства, разные ученые коллекції микроскоповъ, вредныхъ насѣкомыхъ, животныхъ превращеній и т. д. Такое разнообразіе вредило, конечно, полнотѣ и практической цѣли отдѣла.

Между тѣмъ едва ли есть страна, гдѣ промысловый отдѣлъ могъ бы быть представленъ такъ блистательно, какъ въ Россіи. Рыболовствомъ занимаются у насъ десятки тысячъ людей на всѣхъ моряхъ, рѣкахъ и озерахъ; звѣриные промыслы кормятъ издревле сѣверное населеніе; лѣса, покрывающіе $\frac{3}{4}$ территоріи, и охота, не какъ праздная забава, а какъ источникъ существованія, играетъ важную роль для многихъ губерній; мѣховая торговля Россіи также очень значительна и занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ свѣтѣ. Всѣ эти отрасли дали бы не мало матеріаловъ для выставки; только китоловство не выходило изъ области мечтаній Сидорова и Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, и потому всѣ снаряды и китоловные суда были получены изъ Даніи, а скелетъ кита, приготовленный Яржинскимъ и притащенный неизвестно для чего на политехническую выставку, корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» принялъ за скелетъ мамонта.

Весь промысловый отдѣлъ былъ составленъ слу-

чайно и неполно. Гораздо лучше былъ устроенъ отдѣлъ охоты, не промысловой, а той охоты барской, которая быстро исчезаетъ послѣ освобожденія крестьянъ, не позволяющаго болѣе тратить оборотнаго капитала на содержаніе собакъ и пенужной челяди. Охотничій павильонъ декорировалъ архитекторъ Гартманъ, изобрѣтатель стасовско-русскаго стиля, очень эффектно и со вкусомъ. Тутъ, кромѣ водки, собрано было все, что можетъ возвеселить душу любителя: оружіе древнее изъ гатчинскаго и царскосельскаго арсеналовъ и новое знаменитѣйшихъ мастеровъ, огнестрѣльное и холодное, чучела, рисунки Сверчкова, костюмы, мебель, скульптурныя вещи Либериха; все это подобрано очень удачно; въ особенности былъ оригиналенъ по устройству охотничій кабинетъ. Около павильона, на куртинѣ, помѣщались представители лучшихъ охотничьихъ собакъ, но ихъ скоро убрали.

Болѣе серьезный отдѣлъ, рыболовный, составленъ былъ далеко не съ такою любовью и знаніемъ дѣла, хотя въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Уральской области, рыболовство составляетъ главнѣйшее занятіе всѣхъ классовъ населенія. Китоловство, какъ мы уже говорили, было представлено иностранными экспонентами; тутъ можно было видѣть тѣ незамысловатыя орудія, изъ которыхъ стрѣляютъ гар-

пунами,—усовершенствованіе, сдѣлавшее китобойный промыселъ гораздо болѣе безопаснымъ, чѣмъ прежде. По части рыболовства, отдѣлъ былъ украшенъ гравюрами, изображавшими различные моменты французской рыбной ловли, но бѣденъ всѣмъ, что касается русскаго рыболовства, хотя этотъ промыселъ неоднократно подвергался спеціальнымъ изслѣдованіямъ и не трудно было бы, руководясь сочиненіемъ извѣстнаго славянофила Данилевскаго, по опредѣленной программѣ собрать много интересныхъ предметовъ. Полнѣе другихъ было представлено рыболовство уральскихъ казаковъ въ рисункахъ и коллекціяхъ рыболовныхъ снарядовъ и лодокъ, также въ образцахъ балыка, икры, вязиги и рыбнаго клея. Донское, или, вѣрнѣе, азовское, рыболовство представлено было гораздо бѣднѣе; для каспійскаго, важнѣйшаго изъ всѣхъ, Сапожниковъ и Плотниковъ выставили коллекціи рыболовныхъ снарядовъ: все это давало понятіе о пріемахъ русскаго рыболовства весьма поверхностное. Искусственное рыбководство, составляющее теперь цѣлую науку, было очень хорошо представлено на петербургской мануфактурной выставкѣ 1870 года, хотя и ни къ селу, ни къ городу; полезнѣе было устроить что либо подобное въ Москвѣ.

По звѣрловству не было почти снарядовъ и предметовъ, которые показывали бы ходъ у насъ

этой операціи, не было даже карты распространенія въ имперіи различныхъ пушныхъ животныхъ; мы забыли точно, что преслѣдованію пушнаго звѣря Россія обязана была Сибирью и частью Америки, и что до сихъ поръ русскіе извѣстны въ Европѣ, какъ *les boyards riches en fourrures*. Выдѣлка мѣховъ, не дурная впрочемъ, представлена была Солевымъ, собравшимъ мѣха всѣхъ русскихъ пушныхъ звѣрей, сѣверныхъ и южныхъ. То, что вошло въ промысловый отдѣлъ изъ скотоводства, было мало интересно и въ офиціальномъ описаніи называется только попыткою. Остатки свайныхъ домашнихъ животныхъ, кое-какіе образцы англійскихъ и швейцарскихъ породъ скота, и только. Птицеводство ограничивалось нѣсколькими чучелами куръ.

Отдѣлъ пчеловодства состоялъ почти исключительно изъ ульевъ различныхъ новыхъ системъ, но, по отзывамъ специалистовъ, былъ весьма неполонъ относительно многихъ снарядовъ современнаго пчеловодства. Какъ продуктъ пчеловодства, кромѣ меда, воска и восковыхъ издѣлій, красовался огромный вяземскій пряникъ. Равнодушіе къ пчеловодству теперь понятно: сбитень вмѣсто чая, коврижки и восковыя свѣчи кажутся намъ уже чѣмъ-то средневѣковымъ, свѣчи къ тому же фальсифицируются японскимъ растительнымъ воскомъ.

Гораздо полнѣе былъ отдѣлъ шелководства. Хотя мода на шелководство давно прошла въ Европѣ и полногрудыя женщины не согрѣваютъ болѣе за корсетами шелковичныхъ грень, но мода на шелковые платья съ пріятнымъ «фру-фру» только возрастаетъ ежегодно, а дороговизна шелка заставляетъ прилагать къ его производству особую заботливость. Отдѣлъ былъ устроенъ подъ руководствомъ извѣстнаго знатока шелководства Чижова и состоялъ послѣдовательно изъ плантацій тутоваго дерева, айланта и клещевины, снарядовъ для выкормки червей, разварки коконовъ, пряденія нити, образцовъ пряденаго шелка, шелковой ваты, отбросовъ и ткацкихъ станковъ для выдѣлки бархата и шелковой парчи. Бархатъ не хуже ліонскаго, а въ парчѣ у Россіи соперниковъ никогда не было, да и не будетъ по бесполезности этого продукта.

Голубятню для разныхъ породъ голубей, поставленную около главнаго павильона отдѣла, мы видѣли, но самыхъ голубей что-то не примѣтили.

Къ отдѣлу промысловому и охоты была отнесена интересная коллекція ружей всѣхъ современныхъ системъ, которыми вооружены арміи Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, Америки, Голландіи, Норвегіи и другихъ странъ. Мысль отнести войну къ «промысламъ» покажется инымъ очень пара-

доксальною; однако, сообразивъ, что пруссаки въ шесть мѣсяцевъ 1870—1871 г. заработали такимъ промысломъ 5 милліардовъ, придешь къ утѣшительному выводу, что промыселъ этотъ не безвыгоденъ, почище, пожалуй, какого-нибудь китоловства и боя моржей, и поймешь силу злой ироніи распорядителей второго отдѣла.

II.

Отдѣлъ геолого-минералогическій и горнозаводскій на выставкѣ былъ не изъ важныхъ; устроить его какъ слѣдуетъ не легко, потому что подземное царство—цѣлый міръ, а горное вѣдомство не щедрилось на расходы, зная, что для Москвы горное дѣло индифферентно. Одна каменноугольная промышленность интересовала москвичей и подмосковныхъ помѣщиковъ и фабрикантовъ, и она была представлена на политехнической выставкѣ недурно; архитекторъ даже остроумно воспользовался гротомъ, служащимъ обычнымъ мѣстомъ свиданій московскихъ купеческихъ дѣвицъ и пламенныхъ прикащиковъ и не разъ описаннымъ Островскимъ, и превратилъ это подземелье въ нѣчто, претендовавшее на каменноугольную разработку. Русскій мужикъ изъ папье-маше въ нѣмецкомъ костюмѣ сидѣлъ въ забоѣ и такъ естественно подбивалъ киркой уголь, что нѣкоторыя дамы заго-

варивали съ нимъ, принимая за живого человѣка. Слабое мерцаніе рудничной лампы содѣйствовало иллюзіи.

Болѣе всѣхъ для горнаго отдѣла пожертвовалъ князь Голицынъ, богатый владѣлецъ Нытвенскихъ заводовъ, выдѣлывающихъ весьма посредственное желѣзо, любимое нашими кустарными мастерами по легкостиковки. Издѣліямъ этимъ и нѣкоторыхъ другихъ заводовъ отвели значительное мѣсто; но въ общемъ наше горное дѣло, въ особенности уральское, не отличилось ничѣмъ особеннымъ. Казенные заводы выставили довольно полную коллекцію своихъ издѣлій, частью, впрочемъ, въ моделяхъ, напримѣръ орудія извѣстныхъ пермскихъ пушечныхъ заводовъ. Замѣчательнѣе всего былъ громадный желѣзный листъ Камскаго завода; листъ этотъ, назначенный служить подкладкой для брони, отличался шириной¹⁾.

По поводу каменнаго угля мы должны упомянуть о замѣчательномъ невѣжествѣ, выказанномъ составителями многочисленныхъ картъ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, повѣшенныхъ въ разныхъ отдѣлахъ выставки. На этихъ картахъ закрашено пространство донецкой каменноугольной

¹⁾ Камскій заводъ знаменитъ тѣмъ, что, когда на немъ учились готовить броню, то заводъ закрыли и пригласили въ Колпино готовить ее англійскій заводъ Камель и К^о.

почвы и названо каменноугольными мѣсторожденіями. Но пласты угля покрываютъ не все пространство каменноугольной почвы, а каменноугольная почва и каменный уголь занимаютъ у насъ въ Европейской Россіи огромное пространство не только на Донцѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, въ губерніяхъ Петроковской, Калужской, Тульской, Рязанской, Новгородской, Пермской, Оренбургской и друг. Кромѣ того, извѣстны различныя благонадежныя мѣсторожденія бураго угля, образующія цѣлыя бассейны. Это не мѣшало знать нашимъ желѣзнодорожнымъ дѣятелямъ, сочинявшимъ по картѣ одну новую линію за другой.

Лучшіе образцы каменнаго угля выставлены были горнымъ управленіемъ области Войска Донскаго, кусокъ антрацита изъ грушевыхъ копей въ толщину пласта былъ замѣчателенъ по своей плотности—это лучшее топливо въ мірѣ. Образцы каменнаго угля изъ Донецкаго бассейна представили Голубовская компанія, Поляковъ, Лисичанскій казенный рудникъ и другія лица. Изъ подмосковныхъ углей любопытнѣе другихъ богхедъ Мураевни, открытіе котораго надѣлало черезчуръ много шума въ 1869 году. Рыковъ и Бернарды, владѣльцы Павелецкихъ копей, выставили много образцовъ своего угля, которымъ выложенъ гротъ, наружную

стѣну котораго экспоненты размалевали полосами, желая представить публикѣ наглядно разрывъ земной коры; чепуха вышла невообразимая: вулканы били прямо изъ каменноугольной почвы, и т. п.

Такого же достоинства былъ раскрашенный листъ, названный Мусницкимъ «Геологическою картой Европейской Россіи Мурчисона съ дополненіями по новѣйшимъ изслѣдованіямъ». Карта Мурчисона была уже два раза издана съ дополненіями извѣстными спеціалистами: въ 1849 году Озерскимъ, въ 1864 году Гельмерсеномъ; исправить же карту согласно изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ въ послѣднее время, требовалась компетентность, на которую едва-ли имѣлъ право претендовать Мусницкій, въ геологическомъ мірѣ вовсе неизвѣстный.

Очень много образцовъ и разныхъ моделей, ничѣмъ, впрочемъ, не примѣчательныхъ, было выставлено копиями подмосковнаго бассейна съ Урала, изъ Киргизской степи и Царства Польскаго. Сами по себѣ куски угля, конечно, ничего не выражали, но показывали, что въ каменноугольной промышленности Россіи начиналось нѣкоторое оживленіе; публика ею заинтересована, и капиталы, судя по числу образующихся акціонерныхъ об-

ществъ для разработки угля, не прочь искать тутъ помѣщенія.

Модели горныхъ разработокъ, купленные у Шумана, сдѣланы были правильно, но немногому научали непосвященныхъ, а нѣкоторымъ русскимъ заводамъ, выставившимъ, подъ именемъ рудниковъ, модели какихъ-то допотопныхъ «дудокъ», слѣдовало бы повоздержаться. Къ горному же дѣлу относилась плоховато-сдѣланная модель подвижной золотопромывальной машины Каузова, которая являлась въ своемъ родѣ лучшимъ образчикомъ отсталой сибирской золотопромышленной техники.

Частные горные заводы были представлены на выставкѣ очень неудовлетворительно: лучшіе заводы отсутствовали, а второстепенные занимали большое пространство. На выставкѣ не было, на примѣръ, Нижне-тагильскихъ заводовъ Демидова, которые шли въ Россіи во главѣ горнаго дѣла и представляли можетъ быть первое въ мірѣ заведеніе на древесномъ топливѣ; не было Верхъ-исетскихъ заводовъ съ ихъ совершеннѣйшимъ кровельнымъ листовымъ желѣзомъ, и т. д. О заводахъ князя Голицына мы уже сказали; рядомъ съ нимъ выставилъ свое солнце изъ полированныхъ рельсовъ неутомимый Путиловъ, но солнце это какъ будто нѣсколько померкло, по крайней мѣрѣ лучи его были покороче сравнительно съ солнцемъ вы-

ставки 1870 г. Заводъ Истинско-залипжскій администраціи Барковыхъ занялъ цѣлый павильонъ. Маленькій заводъ этотъ извѣстенъ какъ старѣйшій въ Россіи проволочный заводъ; въ связи съ нимъ находилась единственная почти въ Россіи фабрика швейныхъ иглъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ самъ покойный Барковъ, державшій долгое время всю металлическую торговлю Россіи въ своихъ рукахъ и, несмотря на монополію, обанкротившійся на многіе милліоны рублей.

Русская соляная техника такъ ничтожна, а съ передачей въ акцизное вѣдомство и устраненіемъ горнаго вѣдомства, гдѣ хотя изрѣдка встрѣчались спеціалисты по галлургіи, упала такъ низко, что ей не слѣдовало фигурировать въ техническомъ отдѣлѣ; она и занимала тамъ очень скромное мѣсто, несоотвѣтственное значительности и разнообразію русскаго соляного дѣла. Странно, что на выставкѣ не было графита Алибера, который десять лѣтъ возилъ по всѣмъ выставкамъ въ Европѣ и даже получалъ награды за графитъ изъ недѣйствовавшего рудника.

Для цвѣтныхъ и драгоценныхъ камней и гранильнаго искусства былъ устроенъ особый павильонъ, гдѣ рабочіе Петергофской гранильной фабрики занимались передъ публикою египетской работой, называемою гранильнымъ искусствомъ.

Что это за работа, можно судить потому, что есть вазы, [которые работали по тридцать лѣтъ. Наждакъ остается до сихъ поръ единственнымъ дѣйствующимъ средствомъ. Въ этомъ производствѣ прогресса незамѣтно. Два стола изъ цвѣтныхъ каменной казенной работы были превосходны. Частныя издѣлія гораздо дешевле, но и менѣе изящны.

Къ горнозаводскому отдѣлу былъ причисленъ отдѣлъ горнозаводскаго лѣсного хозяйства, составленный трудами главнаго лѣсничаго уральскихъ заводовъ Мальгина; отдѣлъ отличался систематичностью и полнотою. Означеніи отдѣла можно судить потому, что горнозаводскіе лѣса занимаютъ въ Россіи пространство, равное по крайней мѣрѣ Франціи, и отличаются отъ другихъ лѣсовъ весьма дѣятельною эксплуатаціей.

Изъ горнозаводскаго отдѣла попасть въ туркестанскій для техника все равно, что жителю Лондона очутиться между жителями свайныхъ построекъ. Но на политехнической выставкѣ всѣ отдѣлы были такъ непропорціональны и случайны, а могущество казенныхъ денегъ такъ велико, что для простака казалось, пожалуй, что Ташкентъ Богъ вѣсть на какой высотѣ прогресса, а горное дѣло ограничивается обломками угля, кирпичами и полосами шиннаго желѣза. Какъ подумаешь, право, сколько было издержано средствъ, знанія и энер-

гій на устройство въ короткій періодъ времени четырехъ послѣдовательныхъ туркестанскихъ выставокъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ зданіи Министерства государственныхъ имуществъ и на все-россійской мануфактурной выставкѣ, и опять въ Москвѣ, то является сомнѣніе—русскую ли цивилизацію думала ташкентская администрація водворить въ Средней Азій или, наоборотъ, не хотѣла ли она возбудить въ россіянахъ симпатію къ кокано-бухаро-хивинскимъ порядкамъ? Между тѣмъ Щедринъ въ своемъ первомъ очеркѣ «Господа Ташкентцы» гораздо лучше опредѣлилъ истинное значеніе для Россіи Ташкента, чѣмъ это сдѣлали четыре выставки.

Въ одномъ, однако, не было сомнѣнія, что скучный и прозаическій Туркестанъ надолго оттѣснилъ на задній планъ и вывелъ изъ моды «погибельный», но поэтический и богатый будущимъ Кавказъ. Въ то время какъ туркестанскій отдѣлъ гордо возносилъ на выставкѣ свои башни къ небесамъ, кавказскій отдѣлъ скромно гдѣ-то загнали въ темное помѣщеніе среди глицериноваго мыла и швейныхъ машинъ. Сдѣлавъ необходимую прелюдію во имя священныхъ интересовъ истины, воздадимъ хвалу нелицемѣрную устроителямъ туркестанскаго отдѣла: они исполнили свою задачу превосходно. По мастерству и полнотѣ ихъ отдѣлъ

былъ первый на выставкѣ, и мы глубоко убѣждены, что въ дѣйствительности Туркестанъ гораздо хуже, нежели онъ выставленъ въ этомъ отдѣлѣ.

Конечно, серьезнаго въ отдѣлѣ было мало, но интереснаго много, въ особенности для иностранцевъ, такъ какъ нравы магометанскихъ инородцевъ въ разныхъ губерніяхъ достаточно ознакомили уже насъ съ образомъ ихъ жизни, весьма сходнымъ съ средне-азіятскимъ. Туркестанскій отдѣлъ отличался уже по наружности; вмѣсто русскаго стиля, павильонъ представлялъ въ уменьшенномъ видѣ копію съ самаркандскаго медресе и былъ раскрашенъ весьма искусно по рисункамъ Иванова. Внутренность отдѣла была расположена такимъ образомъ, что чрезъ главныя двери входили во внутренний дворикъ, составляющій общее отличіе всѣхъ восточныхъ построекъ, то, что въ Испаніи называется *patio*; далѣе въ большомъ лѣвомъ залѣ расположились коллекціи географическая, естественно-историческая, техническая и сельско-хозяйственная; въ концѣ, съ правой стороны, примыкала площадка, гдѣ размѣстились этнографическія группы. Затѣмъ слѣдовало отдѣленіе съ лавками туземнаго базара и сартовскимъ жилищемъ; отдѣльное зало заняло военное отдѣленіе и вещи изъ Кульджи. О туркестанскомъ отдѣлѣ можно было сказать, какъ малороссъ о Сарочинской ярмаркѣ: «И чого нема

на той ярмарци: сто рубливъ було бы въ кипенни, не купывъ бы всю ярмарку»... Какъ былъ ни великъ отдѣлъ числомъ выставленныхъ издѣлій, но, сводя общее впечатлѣніе, невольно приходили къ тому заключенію, что, кромѣ хлопка, шелка и нѣкоторыхъ другихъ отраслей промышленности въ зародышѣ, все это дрянь, цѣна которой грошъ.

Географическій отдѣлъ состоялъ изъ картъ Средней Азіи, составленіе которыхъ будетъ всегда серьезною заслугой Россіи передъ наукой. Въ научномъ отношеніи отдѣлъ былъ вообще богатъ, благодаря коллекціямъ туркестанской ученой экспедиціи. Въ минералогической и горной коллекціи интереснаго было мало. Гораздо важнѣе были коллекціи ботаническая, зоологическая и антропологическая; послѣднія изслѣдованія и опредѣленія русскихъ и иностранныхъ ученыхъ открыли въ этихъ собраніяхъ много новыхъ видовъ, которые и явились на выставкѣ, вмѣстѣ съ другими наиболѣе интересными формами. Въ особенности выдавалось собраніе различныхъ паразитовъ, глистовъ и пр., весьма распространенныхъ въ Средней Азіи. Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ желали дать публикѣ понятія о мѣстномъ земледѣліи, основанномъ на искусственномъ орошеніи. Земледѣльческія орудія поражали своею грубостью, но въ проведеніи и сохраненіи водопроводовъ туземцы выказываютъ

много знанія и здраваго смысла; число растеній, воздѣлываемыхъ въ краѣ; довольно значительно, и вообще край этотъ, повидимому, наиболѣе способенъ къ развитію земледѣлія. Изъ произведеній мѣстной культуры важнѣйшія: рисъ, сорго, хлопчатникъ, дженушка (люцерна); весьма важенъ также дикорастущій кендырь, который можетъ играть въ краѣ роль пеньки и льна.

Техническій или промышленный отдѣлъ былъ очень бѣденъ, а при маломъ развитіи туземной техники и неинтересенъ; въ этомъ отдѣлѣ были собраны грубыя бумажныя, шелковыя и шерстяныя издѣлія, писчая бумага изъ хлопка, камышевыя издѣлія, глиняная посуда, металлическія издѣлія, гашишъ, мыло, кожи и кожаныя издѣлія, сальныя свѣчи, лекарства, красильныя вещества, растительныя масла, приготовляемыя на заводахъ, такъ хорошо устроенныхъ, что въ 6 часовъ работы получается только 5 фунтовъ масла, и др. предметы. Въ отдѣлъ попали уже и издѣлія русскихъ заводовъ въ Туркестанскомъ краѣ; читатели догадываются, что эти издѣлія: спиртъ, водка и вино. Подобную технику Первушинъ и Кузнецовъ первыя завели въ Средней Азіи. О Кузнецовѣ говорили, что когда онъ угощалъ кого нибудь виномъ у себя въ Ташкентѣ, то лакею говорилъ: «Подай вина, да смотри, подлецъ, не кузнецовскаго!» Были,

впрочемъ, и издѣлія болѣе неожиданныя: одеколонъ, пудра и духи изъ заведенія, которое Гартинъ догадался устроить въ Копалѣ. Можно ли отрицать нашъ прогрессъ, когда мы выдѣлываемъ *poudre de riz* даже въ глубинѣ Киргизской степи, гдѣ и хлѣбъ до сихъ поръ сѣять порядочно не умѣютъ?

Техническія и научныя коллекціи публика смотрѣла однимъ глазомъ; она знала, что ей предстоитъ удовольствія посильнѣе — это этнографическое отдѣленіе, переносившее прямо въ Ташкентъ съ его оригинальною обстановкою и полудикими нравами. Фигуры были сдѣланы недурно, хотя и не заслуживали расточавшихся имъ гиперболическихъ похвалъ: «Съ пресерьезнымъ видомъ какая-то солидная борода», писалъ «Голосъ», «не обращаетъ вниманія на туземнаго куафера, безцеремонно дерущаго ужасной бритвой густые волосы на его головѣ». Что же было удивительнаго, что фигура изъ панье-маше не обращала вниманія на причиняемую ей боль? Гораздо удивительнѣе было бы, еслибъ она принялась плакать. На выставкѣ находились и живые туземцы, которые занимались передъ глазами публики вышиваніемъ и другими работами. Нѣкоторые посетители, желая сдѣлать распорядителямъ отдѣла комплиментъ, увѣряли, что эти туземцы ничѣмъ

не отличались отъ выставленныхъ манекеновъ. Мы нашли живыхъ манекеновъ очень любезными и добродушными.

Этнографическій отдѣлъ состоялъ изъ нѣсколькихъ частей. По площадкѣ передъ базаромъ разставлены были манекены: дувана или средне-азійскаго дервиша, индѣйца, афганца, еврея, персіянина, закрытыхъ сартянокъ—женщину въ покрывалѣ изъ сѣтки конскаго волоса и дѣвушку въ кисейномъ покрывалѣ; молодого сарта, ѣдущаго на ослѣ, поливальщика, который поливаетъ изъ бурдюка улицу, киргиза верхомъ на быкѣ, ведущаго двухъ верблюдовъ—одинъ навьюченный киргизскимъ хозяйствомъ, на другомъ сидѣла киргизка и поставлена люлька для ребенка; тутъ же стояла сартовская арба. Вся эта толпа стремилась къ базару, который состоялъ изъ двухъ рядовъ лавокъ, въ точности скопированныхъ съ настоящихъ.

На базарахъ въ Средней Азіи, кромѣ торговли, сосредоточена и вся промышленность и почти вся общественная и политическая жизнь. На выставкѣ для образца были устроены шесть характеристическихъ лавокъ, наполненныхъ различными очень удачно сгруппированными манекенами, а именно: лавка цирюльника; харчевня, гдѣ готовятъ пилавъ и родъ пельменей; чайная, куда сарты ходятъ любезничать съ хорошенькими

самоварчи—мальчиками... продающими чай; лавка вышивальщика, гдѣ помѣстились живые туземцы; лавка готоваго платья и лавка мелочная. За базаромъ на слѣдующей площадкѣ былъ устроенъ внутренній дворъ сартовъ или женская половина. Въ гаремѣ сидѣли три фигуры: одна качала люльку съ ребенкомъ, другая—молодая—наряжалась, глядя въ зеркало, а третья помогала ей одѣваться.

Кульджинскій отдѣлъ, составленный Колпаковскимъ, былъ невеликъ и ограничивался нѣсколькими образцами минеральныхъ произведеній и рудъ, коллекціей бурхановъ (будійскихъ идоловъ) и образчиками плохой chinoiserie. Въ военномъ отдѣлѣ на первомъ планѣ былъ поставленъ піонеръ русской цивилизаціи—солдаты въ бѣлой рубашкѣ, замшевыхъ панталонахъ, кепи съ бѣлымъ фартукомъ; въ рукахъ орудіе цивилизаціи—нарізное ружье, а въ башлыкѣ за плечами патроны. Кромѣ манекена, тутъ были собраны разные образцы одежды, бивуачныхъ жилищъ, топлива, перевозочныхъ средствъ, съѣстныхъ припасовъ, фуража и другихъ предметовъ военнаго хозяйства. Цѣль отдѣла была показать, что интендантство стремилось насколько возможно довольствоваться мѣстными средствами, требуя изъ Россіи только трехъ вещей: денегъ, денегъ и денегъ.

Очень жаль, что туркестанскую выставку уви-

дѣли немногіе иностранцы, потому что изъ 700,000 иностранцевъ, на которыхъ рассчитывали москвичи, пріѣхало кажется человекъ 70. Вообще малочисленность посѣтителей составляла важнѣйшій недостатокъ выставки,—хотя экспоненты и распорядители, принимая видъ равнодушный, старались разыгрывать роль публики, но это удавалось имъ плохо. Были, впрочемъ, экспоненты тщеславные, которые въ отличіе отъ обыкновенныхъ смертныхъ носили даже въ петлицѣ какіе-то знаки, похоти на тѣ, которые, по словамъ Трошю, установила парижская коммуна, только на голубой лентѣ.

Кавказскій отдѣлъ, помѣщенный въ техническомъ павильонѣ, былъ устроенъ съ небольшими расходами на счетъ суммъ кавказскаго намѣстничества, потому что, какъ выражался откровенно отчетъ, иначе было сдѣлать нельзя, по непониманію большинствомъ мѣстныхъ производителей значенія выставокъ. Кавказъ не Туркестанъ; даже бѣглый осмотръ отдѣла показывалъ, что природа не сосредоточила тутъ своей заботливости на баранинѣ и риппѣ, а щедрою рукою разсыпала богатства, на которыя, однако, со времени Прометей, всѣ обитатели Кавказа только поглядывали. Въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ, кромѣ всѣхъ продуктовъ умѣреннаго климата, можно было найти маисъ, рисъ, хлопчатникъ, табакъ, ворсильныя

пишки, клещевину, марену, сафлоръ, шафранъ, опій; въ лѣсномъ—орѣховое дерево, безпощадно истребляемое, желѣзное, самшитъ, розовсе; въ отдѣлѣ скотоводства—великолѣпнѣйшія лошади, овцы и козы; пчеловодство, шелководство и особенно винодѣліе могутъ развиваться на Кавказѣ до громаднѣхъ размѣровъ; по садоводству имѣются тамъ всѣ виды фруктовъ; устья рѣкъ полны рыбою. Если прибавить къ этому превосходный климатъ, чудные виды и красивѣйшіе типы женщинъ, оживляющихъ только воспитанія, какъ другія кавказскія произведенія обработки—то вотъ уже почти картина возможнаго на землѣ благополучія. Но и это еще не все; подъ землею заключаются немалыя богатства: цѣлебныя минеральныя воды Кавказа всѣмъ извѣстны, мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ и каменной соли поражаютъ своимъ богатствомъ, источники нефти такъ изобильны, что поспорятъ со знаменитыми пенсильванскими. Все это стоитъ на двухъ незамерзающихъ моряхъ, имѣетъ легкое и удобное водяное сообщеніе съ Россіей, Азіей и сѣверной Европой и даетъ намъ ежегодно только двадцать милліоновъ убытка. Удивительно! Впрочемъ, на выставкѣ было этому явленію достаточныя объясненія; стоитъ только забыть будущія времена глаголовъ, и посмотрѣть, кѣмъ и какъ въ настоящее время разрабатываются богат-

ства и что сдѣлано для поднятія умственнаго уровня производительнаго класса. Тутъ декорація мгновенно перемѣнялась и оказывалось, что въ земномъ раѣ всѣ источники богатства находились въ рукахъ казны или откупщиковъ, торговля — въ рукахъ армянъ, сельское населеніе — или въ обязательныхъ отношеніяхъ казачьей службы, или въ первобытномъ состояніи бѣдности и невѣжества; дорогъ, кромѣ стратегическихъ, нѣтъ; школъ почти нѣтъ, кредита и кредитныхъ учрежденій не существуетъ, техническихъ заведеній очень мало, промышленность въ младенчествѣ и т. д. Такой пассивъ очень легко уравнивалъ балансъ кавказскаго богатства и объяснялъ удовлетвори-тельно, почему интереснѣйшій предметъ на выставкѣ — скульптурныя издѣлія изъ воску Ходоровича, изображающія различные кавказскіе типы; почему образцы нефти и керосина тѣ-же и въ тѣхъ-же сосудахъ, что фигурировали на петербургской выставкѣ, а изъ 45-ти образцовъ кавказскихъ винъ большинство просто кислятина, невозможная для питья и т. п.

Отдѣлъ собранъ былъ старательно; всякой всячины набрали довольно: алебарды изъ Дербента временъ Петра Великаго; лимбургскій сыръ съ фермы барона Кученбаха близъ Тифлиса; образцы шерсти чирахскихъ овецъ, у которыхъ шерсть

не стригутъ, а выщипываютъ (операція, слегка напоминающая взысканіе прямыхъ податей); образчики айлантоваго шелководства, пропагандировавшагося Ситовскимъ; рыбный товаръ отъ сальянскаго откупа; извѣстныя шелковыя матеріи: канаусы, мови и джиджимъ (лучшія изъ Елисаветполя и Шемахи); бурки, ковры, папахи, оригинальныя вышивки; золотыя и серебряныя издѣлія; оружіе. Последнія вещи не лучше того, что въ любомъ магазинѣ кавказскихъ товаровъ. Медицинское Общество прислало 35 лекарствъ мѣстныхъ знахарей, заслуживавшихъ изслѣдованія. При отдѣлѣ устроена «читальня» (интересно, кто могъ на выставкѣ читать?) книгъ на грузинскомъ, армянскомъ, осетинскомъ, куринскомъ, казикумухскомъ, аварскомъ, кабардинскомъ и др. языкахъ. Мы полагаемъ, что устройство и 10,000 читалень съ казикумухскими книгами не прибавило бы въ Москвѣ ни одного грамотнаго человѣка. Современная цивилизація являлась въ разныхъ фотографическихъ видахъ мѣстнаго производства, въ многочисленныхъ картахъ и планахъ строившихся и проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ проектахъ нефтяныхъ топокъ, въ потійскомъ гидравлическомъ цементѣ и др.

Въ кавказскомъ же отдѣлѣ были помѣщены швейныя машины, занимавшія цѣлую линію и въ

двухъ крыльяхъ технологическаго отдѣла. Тутъ работали сразу двадцать или тридцать машинъ одиннадцати разныхъ системъ — американскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и другихъ фабрикъ. Замѣчательно, что публика обращала вниманіе не столько на сравнительное достоинство машинъ, сколько на сравненіе работающихъ за машинами дамъ. На интересную самодѣйствующую швейную машину, присланную какимъ-то французскимъ экспонентомъ, никто не обращалъ никакого вниманія.

За отдѣломъ охоты помѣщался павильонъ издѣлій кустарной промышленности, построенный на средства Шувалова; часть павильона была занята издѣліями арестантовъ московскаго тюремнаго замка и каретной фабрики Шувалова, неизвѣстно почему отнесенныхъ къ кустарной промышленности. Рядомъ съ павильономъ была разбита войлочная кибитка съ произведеніями внутренней Букеевской орды.

А. С. Суворинъ остался кустарнымъ павильономъ крайне недоволенъ; но мы должны признать его отзывъ черезчуръ строгимъ. Какое-либо кустарное производство можетъ быть очень важно по размѣрамъ своимъ и значенію въ народной жизни, но собственно для выставки оно не представляетъ большого интереса. Въ Россіи, напр., большая часть гвоздей получалась кустарнымъ спо-

собомъ въ Новгородской и Тверской губерніяхъ; производство это занимало тамъ зимою тысячи рукъ и потребляло болѣе милліона пудовъ желѣза, но, производя очень мало сортовъ издѣлій, оно на выставкѣ представлялось какимъ-нибудь десяткомъ гвоздей, котораго публика могла вовсе не замѣтить.

Въ послѣднее время очень у насъ много разсуждали о кустарной промышленности, собирали даже о ней кое-какія свѣдѣнія и писали статейки съ проектами поставить кустарное производство на «раціональныя» основанія. Мы были членомъ первой Правительственной комиссіи по изученію кустарнаго производства. Лучшимъ средствомъ для этого рекомендовались начала ассоціаціи. Признавая пользу артельного начала, которое въ кустарномъ дѣлѣ отчасти и приложено, нельзя все-таки не признать, что всѣ попеченія о благѣ кустарной промышленности — чистая блажь и происходятъ, по большей части, отъ незнанія условій промышленнаго производства вообще и кустарнаго производства въ особенности. Промышленность, какъ любовь: гоните ее въ дверь, она влетитъ въ окно. Никакое государство, какъ бы иностранные ученые и отечественные доктринеры ни считали его земледѣльческимъ, безъ промысловъ существовать не можетъ, а въ особенности, когда горючій матеріалъ дешевъ и свободныя руки зимою въ изоби-

ли. Поэтому, еще в доисторическую эпоху возникли в России разнообразные отрасли промышленности на кустарном началѣ, существующія безъ большихъ измѣненій до настоящаго времени. Невѣжество и неприхотливость потребителей, крѣпостное право, неумѣніе расцѣнить свой трудъ, недостатокъ фабрикъ и заводовъ и прикрѣпленіе людей къ землѣ, болѣе всего по отсутствію удобныхъ средствъ къ передвиженію, поддерживали временно существованіе подобнаго способа производства; но при устройствѣ настоящихъ фабрикъ и заводовъ онъ теряетъ свой *raison d'être* и долженъ непременно исчезнуть, какъ исчезъ въ государствахъ даже менѣе развитыхъ, нежели Россія. Мы не говоримъ о ремеслахъ и мелкой промышленности: они, конечно, всегда останутся; но продолжать ковать гвозди, воругъ казенный лѣсъ, и ткать холсты, получая по 3 копейки въ день, когда одна хорошая фабрика сработаетъ гораздо болѣе, нежели цѣлый уѣздъ, занимающійся кустарнымъ производствомъ,—значитъ безцѣльно растрачивать экономическія силы и пренебрегать рабочими руками въ странѣ, гдѣ ихъ-то всего болѣе и недостаетъ для эксплуатаціи безмѣрной почвы съ ея нетроутыми богатствами. Если же мы нашу промышленность, взамѣнъ силы пара, техническаго и денежнаго капитала, будемъ угощать экономическими

теоріями и проектами, то польза будетъ не очень велика, а къ тому, кажется, и клонятся предполагаемыя улучшенія кустарнаго производства.

При тщательномъ осмотрѣ, несмотря на кажущуюся бѣдность и мизерность кустарнаго отдѣла, онъ оказался довольно богатымъ, но расположеннымъ не систематически. Устроить такой отдѣлъ нелегко. Для составленія его въ полномъ видѣ нельзя ограничиваться перепискою съ земскими управами и губернскими статистическими комитетами, а тѣмъ болѣе приглашеніемъ производителей; для этого нужна командировка на мѣстные базары знающихъ лицъ, которыя бы просто купили все, что покажется имъ интереснымъ; другого пути нѣтъ. На политехнической выставкѣ находились коллекціи почти всѣхъ отраслей русскаго кустарнаго производства: издѣлія изъ льна и пеньки, отъ мѣшковъ и канатовъ до кружевъ и тонкаго великосельскаго полотна; издѣлія изъ шерсти и пуха, отъ войлока и валянокъ до великолѣпныхъ бѣлыхъ шалей изъ козьего пуха, дѣлаемыхъ оренбургскими казачками; деревянная посуда, деревянные вещи, дуги и оглобли (замѣчательны изъ деревни Поповки, Егорьевскаго уѣзда), сундуки; издѣлія изъ мочала и лыка; кожаная обувь, дубленки, овчины, полотенца, женскіе наряды; гончарныя издѣлія; разнообразныя металлическія издѣлія, между кото-

рыми первое мѣсто занималъ ножовой товаръ изъ села Ворсмы; игрушки; струны; роговые издѣлія; плетенныя издѣлія изъ дерева и т. д. Можно бы легко эти коллекціи распространить еще болѣе для доказательства, что мужикъ нашъ бѣдно одѣтъ, плохо обутъ, снабженъ первобытными инструментами и орудіями, имѣетъ слишкомъ мало для удовлетворенія потребностей комфорта и ничего для удовлетворенія психической стороны человѣческой природы. Но грустная истина эта хорошо всѣмъ была извѣстна и безъ политехнической выставки. Она будетъ поучительна развѣ только тому англичанину, который рапортовалъ англійскому парламенту, что ежедневную пищу русскаго рабочаго составляетъ рисовая каша съ прованскимъ масломъ. Центральный статистическій комитетъ весьма кстати издалъ къ выставкѣ описаніе кустарной промышленности въ Россіи; къ сожалѣнію, цѣна книги была назначена несообразно высокая, и непонятно даже, почему для такихъ дешевыхъ издѣлій понадобилось такое дорогое описаніе.

III.

Отдѣлъ техническій былъ раздѣленъ на двѣ части: на отдѣленіе техническое и отдѣленіе дѣйствующихъ машинъ; къ этому же отдѣлу, составлявшему всю суть «политехнической» выставки, примыкало много отдѣльных павильоновъ, устроенныхъ разными экспонентами. Построенъ техническій отдѣлъ былъ преимущественно на пожертвованія Малютиныхъ, Губонина, Шаблыкина и др.; часть его помѣщеній занималась отдѣлами кавказскимъ и педагогическимъ. Кромѣ того существовалъ еще отдѣлъ мануфактурный, какъ отдѣльное цѣлое, хотя онъ былъ близко связанъ съ отдѣленіемъ дѣйствующихъ машинъ. Подобнымъ раздробленіемъ одного и того же отдѣла руководила все та же славянская рознь, на которую мы уже указывали, какъ на источникъ неурядицы въ общей организаціи выставки.

Въ техническомъ отдѣлѣ русской выставки на первомъ планѣ должно было бы стоять винокуренное

производство, — вотъ истинно національная промышленность! Даже мохъ, составляющій скудное пропитаніе сѣверныхъ оленей, не былъ оставленъ въ покоѣ, и его начали превращать уже въ спиртъ—водку. Жалко еще, что общинное землевладѣніе мѣшаетъ обратить въ водку и крестьянскіе надѣлы. Зато какая широкая промышленная дѣятельность! Вся эта изумительная политехника представлена была однако на выставкѣ очень плохо, едва ли не двумя или тремя моделями, изъ которыхъ выдавались модель Яфа для извлеченія (все для извлеченія) водки изъ старыхъ бочекъ. Говорили, впрочемъ, что въ министерство финансовъ поступило болѣе десяти просьбъ о разрѣшеніи устроить на политехнической выставкѣ опытный винокуренный заводъ для ознакомленія публики съ производствомъ, но подъ условіемъ, для возмѣщенія расходовъ, дозволить выкуривать спиртъ безъ акциза. Министерство, сообразивъ, съ одной стороны, что едва ли русскую публику слѣдуетъ еще болѣе просвѣщать по винной части, а съ другой, что дозволеніе, при выдѣлкѣ спирта цѣною въ рубль за ведро, уклоняться отъ уплаты 6-ти рублей акциза побудить экспонентовъ построить квасильные чаны больше Сухаревой бани и затопить Москву дешевкою,—рѣшительно отказало.

Разочарованные экспоненты ограничились тогда

только коллекціями бутылокъ съ красивыми этикетками. На одной этажеркѣ Яфа красовалась надпись: «Славянскіе напитки»; мы подошли и прочли: «Rhum de la Jamaïque», «Cognac fine Champagne» и т. д.; вотъ гдѣ познаешь космополитическія стремленія славянской натуры! Наоборотъ, у берлинскаго заводчика Kues надписи были по-русски; тутъ мы нашли водку «Малаховскій Агонь», тонкая лестъ героямъ Малахова кургана и маршалу Пелисье. Къ этому же отдѣлу отнесена и фабрикація (читай фальсификація) виноградныхъ винъ,—производство, скромничающее на выставкахъ и свирѣпствующее въ торговлѣ.

Другая очень важная въ Россіи отрасль промышленности—свеклосахарная—также весьма неудовлетворительно была представлена на выставкѣ; даже извѣстные заводы графа Бобринскаго доставили весьма неполную коллекцію продуктовъ отдѣльных операций. Модель цѣлаго свеклосахарнаго завода съ новѣйшими улучшеніями, выставленная Адельсгеймомъ, по отзыву специалистовъ, была не интересна.

Хотя, казалось бы, логичнѣе, имѣя особое отдѣленіе дѣйствующихъ машинъ, отдѣлить въ технологическій отдѣлъ только производства, требующія химической переработки, однако по системѣ, усвоенной политехнической выставкой, около сахара

стояли витрины со шляпами и разными готовыми издѣліями. Недалеко отъ шляпъ выставлены были издѣлія изъ щетины и конскаго волоса; интересна искусственная щетина Фейста, на фабрикѣ котораго въ Варшавѣ дѣлали щетину изъ гусиныхъ перьевъ, въ опроверженіе, вѣроятно, извѣстной поговорки, что «гусь свинѣ не товарищъ». Конскіе хвосты фабрики Тицнера въ Москвѣ были такъ нѣжны и изысканы, что скорѣе годились бы на пиньоны какой-либо парижской красавицы.

Въ писчебумажномъ отдѣлѣ были интересны образцы бумаги изъ льняной соломы и древесной массы,—производства, имѣющаго въ Россіи большую будущность. Каждый годъ въ бумагѣ количество дорогой тряпки теперь уменьшается, а количество древесной массы, каолина и разныхъ суррогатовъ увеличивается; древесная масса изъ Финляндіи вывозится уже за границу.

Особенно изобиловали въ технологическомъ отдѣлѣ консервы. Въ 1866 г. пруссаки распустили слухъ, что побѣдилъ школьный учитель; въ 1870 году всѣ успѣхи приписали гороховой колбасѣ, и вотъ пошли по всѣмъ странамъ изобрѣтать что-либо подобное, забывая, что сдѣлать гороховую колбасу немудрено, но мудрено съѣсть эту смѣсь панки съ саломъ, для чего требуются нѣмецкій желудокъ и кулинарные воззрѣнія, отъ которыхъ

у Брилья-Саварена встали бы волосы дыбомъ на парикѣ, хотя бы послѣдній былъ «на тончайшемъ волосяномъ тюлѣ» (также новинка на политехнической выставкѣ). Комическое описаніе приготовления гороховой колбасы, открытое сотрудникомъ «Русскаго Мира», извѣстно уже всѣмъ по газетамъ. Между консервами выдавались пользующіеся, благодаря рекламамъ, всемірною извѣстностью, бульонъ Либиха и мальць-экстрактъ Гофа; передъ ними наши собственные изобрѣтенія Данилевскаго, Азибера и другихъ теряли свое значеніе. Мы во всякомъ случаѣ убѣждены, что если суждено украсить новымъ блескомъ русскому оружію, то обойдется дѣло не только безъ гороховой, но и безъ всякой другой колбасы, хотя колбаса въ своемъ родѣ продуктъ національный. Если бы колбасѣ дать крылья, говорятъ малороссы, то это была бы самая красивая птица!

На другой половинѣ отдѣла интересна была выставка нѣкоторыхъ химическихъ заводовъ, обрабатывающихъ русскіе продукты. Ушковъ представилъ цѣлый котелъ отличныхъ кристалловъ хромпика; Шиповъ—разнообразные продукты сухой перегонки дерева высокаго достоинства. Вульфъ выставилъ образцы минеральной сѣни, объ открытіи которой напечаталъ цѣлую поэму въ стихахъ. Мыло было представлено превосходно русскими и

особенно заграничными заводами: фрукты изъ мыла какой-то вѣнской фабрики, право, только вкусомъ различались отъ настоящихъ. Съ янтаремъ явились пруссаки; карандаши выставилъ знаменитый Фаберъ; всего и не перечтешь, что находилось въ этомъ отдѣлѣ; только общее впечатлѣніе его было такое, будто выходишь изъ хорошей москательной лавки.

Изъ техническаго отдѣла прямой переходъ въ отдѣленіе дѣйствующихъ машинъ. Устроителямъ политехнической выставки слѣдовало показать свое искусство, чтобъ одною хорошою машиной и остроумной системой передачи движенія пустить въ ходъ всѣ механизмы выставки; но тутъ-то политехника и захромала, и двигателями служили нѣсколько локомотивовъ къ соблазну посѣщавшихъ выставку механиковъ. Отдѣленіе дѣйствующихъ машинъ занимало значительную часть зданія экзерциргауза, кромѣ хоръ и части, отдѣленной глухою перегородкой на устройство залы для концертовъ и публичныхъ чтеній. Московскій храмъ тагистики—замѣчательное въ своемъ родѣ зданіе по размѣрамъ, заключаая 1,600 квадр. сажень; хотъ оно и темновато, но для устройства выставки чрезвычайно удобно, позволяя свободно размѣщаться огромному числу машинъ.

Манежъ украшался плохою бронзовою статуей

Петра, Дмитрикова, въ костюмѣ корабельнаго мастера, и тремя великолѣпными коврами, повѣшенными на хорахъ, фабрики Темплинга въ Лондонѣ и Глазговѣ. Средній, самый громадный коверъ изображалъ Спасителя и апостоловъ Петра и Павла. Внизу большими буквами на трехъ языкахъ было написано—«миръ». Англійскій фабрикантъ думалъ, вѣроятно, въ это время объ алабамскомъ вопросѣ. Машины въ дѣйствиіи привлекали значительное число посѣтителей и послѣ ресторана это было наиболѣе оживленное мѣсто на всей выставкѣ.

Мы коснемся преимущественно производствъ, которыя представлялись въ этомъ отдѣлѣ въ дѣйствиіи; недѣйствующія же собранія, которыхъ очень много, составляли только продолженіе технологическаго и мануфактурнаго отдѣловъ, не нашедшее себѣ тамъ болѣе законнаго мѣста. Стекланное производство было представлено въ образцахъ и готовыхъ издѣліяхъ, изъ которыхъ интересны физическіе инструменты Грейнера. По фарфоро-фаянсовому производству Гарднеръ, владѣлецъ старѣйшаго и лучшаго завода въ Россіи, устроилъ нѣсколько станковъ, гдѣ формовали посуду, обжиганіе которой и другія операциі представлены въ моделяхъ. Рядомъ Черемухинъ работалъ простыя глиняныя издѣлія на станкѣ собственнаго изобрѣтенія, очень скоро и искусно. Гезень и Митчисонъ по-

ставили рядъ машинъ, показывавшихъ постепенный переходъ сырого матеріала въ различные сорта фосфорныхъ спичекъ,—производство очень простое и, судя по его быстрому распространенію, очень выгодное. Писчебумажное производство было представлено переплетнымъ мастерствомъ и приготовленіемъ конвертовъ. Главнѣйшимъ экспонатомъ по переплетному мастерству явился Куманинъ, приготовляющій большія конторскія книги, которые недавно выписывались изъ-за границы. Конверты изготовлялись остроумной машинкой: женщина кладетъ листъ бумаги, шелкъ—и выходитъ готовый конвертъ, три стороны котораго заклеены, а четвертая только намазана клеемъ. А давно ли, подумаешь, какое множество чиновниковъ занимались приготовленіемъ и обрѣзкою конвертовъ для казенныхъ пакетовъ; еще большее число посвящало себя очинкѣ гусиныхъ перьевъ для начальства; умѣніе очинить «по рукѣ» начальника считалось даже легчайшимъ способомъ сдѣлать карьеру; но времена переменчивы, и теперь всѣ эти должности остались за штатомъ, благодаря изобрѣтенію стальныхъ перьевъ, приготовленіе которыхъ изъ стальныхъ пластинокъ также выставилъ Sommerville и К^о изъ Бирмингама.

Къ отдѣлу «дѣйствующихъ машинъ» были отнесены золотошвейное и модное производства. «Дѣй-

ствующие машины», на этотъ разъ одѣтыя въ дорогие національные русскіе костюмы и въ кокошники, занимались вышиваніемъ церковныхъ облачений и военныхъ мундировъ. Нѣсколько молодыхъ машинъ приготовляли наряды изъ лебяжьего пуха,—производство, доставившее извѣстность г-жѣ Виноградовой въ Нижнемъ-Новгородѣ. Немногимъ поучительнѣе было приготовленіе табака Рейнгардтомъ при помощи обыкновенныхъ ручныхъ приборовъ. Вниманіе филантропа заслуживала мастерская для безпріютныхъ въ Москвѣ, изготовлявшая различные дешевые и простые предметы. Къ разряду мелкихъ ремеслъ могли быть отнесены и различные производства по точенію и обдѣлкѣ дерева, кости, янтаря и перламутра. Изъ экспонатовъ обращали вниманіе: Пospѣховъ съ издѣліями изъ моржевой кости,—производствомъ, постепенно исчезающимъ на сѣверѣ Россіи, и Павловъ, приводившій въ восторгъ квасныхъ патріотовъ тѣмъ, что точилъ простымъ смычкомъ, не прибѣгая, подобно нѣмцамъ, къ злохитростному содѣйствію машинъ. Рабочіе Маракушина выдѣлывали классическія гармоникі, составляющія переходную ступень русскаго народа отъ балалайки къ музыкѣ будущаго; Бѣляева — деревянные крашенныя издѣлія, называемыя почему-то за границею японскими.

Винокуренное, свеклосахарное производство и приготовленіе минеральных водъ представлены были немногочисленными аппаратами. По обработкѣ металловъ собрали очень много коллекцій, а нѣкоторыя болѣе простыя вещи изготовлялись и на выставкѣ. Корифельдъ явился съ извѣстными цинковыми надписями, для которыхъ выставка — всѣ петербургскіе дома; Бухъ — съ металлическими пуговицами всѣхъ полковъ и вѣдомствъ, — образцамъ нѣсть числа; Варыпаевъ съ обширною коллекціей издѣлій мастеровъ с. Павлова, ужасный пожаръ котораго незадолго передъ тѣмъ возбудилъ общественное вниманіе. Верещагинъ помѣстилъ тутъ же принадлежности артельного сыроваренія; Энгельгардтъ не помѣстилъ ничего, но навѣрное бы замѣтилъ, что издѣліямъ Верещагина приличнѣе было бы лежать въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ. Впрочемъ, иностранные экспоненты и ихъ здѣшніе коммисіонеры выставили въ этомъ же отдѣлѣ много разныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Между просто хозяйственными машинами обращали на себя вниманіе американскія машины для стирки, выжиманія и катанія бѣлья. Операнія эти совершаются очень быстро, и бѣлье выходитъ очень чистымъ и труднѣе портится, нежели обыкновенною ручною стиркой. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ нужно обратиться къ компетентнымъ сужденіямъ прачекъ.

Но всѣ механическія издѣлія блѣднѣли передъ придильными машинами фабрики Плате и К^о, пущенными въ ходъ нашими мануфактуристами. Публика равнодушно посматривала на эти машины; какъ бы не зная, что эти веретена произвели величайшій общественный переворотъ новѣйшихъ временъ, окончанія и послѣдствій котораго не предвидятъ самые проникательные люди, но передъ которыми кажутся жалкими перевороты отдѣльныхъ государствъ. Машины эти, изобрѣтателей которыхъ не идеализируютъ, какъ другихъ реформаторовъ, потому что ими обязаны не одному какому-либо человѣку, а соединеннымъ усиліямъ многихъ инженеръ-механиковъ, создали новый порядокъ вещей, влияніе котораго отражается на отдаленнѣйшихъ островахъ Австраліи, гдѣ появленіе дешевыхъ мануфактуръ вносить разлагающій элементъ въ первобытную цивилизацію; эти-то машины своимъ распространеніемъ создаютъ промышленный пролетаріатъ со всѣми связанными съ нимъ вопросами и головоломными задачами, — тотъ порядокъ вещей и тотъ пролетаріатъ, о которомъ одинъ знаменитый естествоиспытатель и путешественникъ написалъ слѣдующія строки, разсуждая преимущественно объ Англіи: «Преодоленіе силъ природы повлекло за собою быстрое возрастаніе народонаселенія и значительное накопленіе богатствъ, что въ свою оче-

редъ имѣло слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности, порока и поощренія столькихъ гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что еще вопросъ, не понизился ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія, и не принесло ли это движеніе болѣе зла, нежели блага. Въ сравненіи съ нашимъ удивительнымъ прогрессомъ въ физикѣ и ея практическихъ примѣненіяхъ, англійская общественная и нравственная организація остается въ состояніи варварства. И если мы будемъ продолжать обращать главныя наши силы къ утилизованію знанія законовъ природы только съ цѣлью дальнѣйшаго расширенія торговли и промышленности, то слѣдующій за этимъ неизбѣжно вредъ можетъ возрасти до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что мы будемъ не въ силахъ справиться съ нимъ. Нужно признать тотъ фактъ, что богатство, знанія и культура, выпадающія на долю немногихъ лицъ, не составляютъ еще цивилизаціи и не могутъ служить символомъ совершенства нашего общественного быта. Наши безпримѣрные успѣхи въ промышленности и торговлѣ, наши обширные и многочисленные города создали цѣлую армію пролетаріевъ и преступниковъ, ряды которыхъ увеличиваются съ каждымъ днемъ; они создали многочисленный классъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ тяжеломъ неблагоприятномъ трудѣ, между тѣмъ какъ на

долю ничтожнаго меньшинства выпали одни лишь удовольствія; они видятъ вокругъ себя роскошь и довольство, наслаждаться которыми они лишены всякой надежды; въ этомъ отношеніи положеніе ихъ хуже дикарей».

Слова богатаго англичанина невольно приплыли намъ на память въ Манежѣ. Они составляли обратную сторону всей политехнической выставки; но хотя многія машины и изобрѣтенія вліяютъ на промышленный прогрессъ, ни одно, однако, до сихъ поръ не оказывало такого рѣшительнаго вліянія, какъ усовершенствованія въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ.

Къ техническому же отдѣлу отнесли нѣсколько павильоновъ, которые, подъ предлогомъ опытнаго производства, представляли скорѣе лавочки для торговли разными товарами: пивомъ, шоколадомъ, пудрою, папиросами.

Болѣе посѣщались публикою павильоны, посвященные серебряному и ювелирному производству; такихъ павильоновъ было семь. Можно пожалѣть, однако, что на выставкѣ не было произведеній Сазикова; по серебрянымъ работамъ въ русскомъ стилѣ отличился болѣе другихъ Постниковъ, хотя нѣкоторые отзывы о немъ мы нашли преувеличенными. Въ каждомъ изъ павильоновъ рабочіе производили передъ публикою свои, въ сущности не-

замысловатых, работы, такъ что не совсѣмъ понятна и цѣль перенесенія подобныхъ мастерскихъ на выставку съ немалыми затрудненіями и расходами; между станками были и русскаго изобрѣтенія, что весьма естественно, потому что подѣлки изъ драгоцѣнныхъ металловъ издревле уже составляли блестящую сторону русской промышленности.

Мы пропустили въ описаніи Манежа упомянуть о выставленныхъ по серебряному и ювелирному производству предметахъ Хлѣбникова, Фульда, Крумбюгеля и Адлера, которые устроили тутъ же и свои мастерскія. Серебряныя издѣлія Хлѣбникова недурны, а изъ ювелирныхъ первое мѣсто по изяществу рисунка и превосходной работѣ принадлежало издѣліямъ Фульда, давно пользующагося въ Москвѣ извѣстностью. Ювелирныя издѣлія Чичева были не менѣе изящны, но не отличались такою роскошью. Адлеръ заслуживалъ вниманія потому, что первый ввелъ въ Москвѣ въ производствѣ золотыхъ издѣлій машинную работу.

По правилу, что у сапожника всегда самые худые сапоги, и мануфактурный отдѣлъ на московской политехнической выставкѣ былъ хуже другихъ. А Москвѣ ли ужъ равнодушно относиться къ мануфактурамъ? Не имъ ли обязана она всѣмъ своимъ настоящимъ благополучіемъ? Для фабрикъ нужны сырые матеріалы, для оборота деньги, для

продажи издѣлій кредитъ, и вотъ Москва является тутъ неизбѣжнымъ посредникомъ, собирая отъ всего порядочныя крупныя и выражая чувство благодарности въ приумноженіи храмовъ Господнихъ. Положительно можно сказать, что безъ мануфактурной промышленности и связанной съ нею торговли на ярмаркахъ, въ Кяхтѣ и на Востокѣ, Москва, послѣ коренныхъ преобразованій Петра и удаленная отъ водяныхъ путей, должна была постепенно падать. Въ этомъ случаѣ москвичи оцѣнили по достоинству тотъ жезлъ, который источилъ для нихъ струю, наполнившую ихъ карманы, и превратившій ржавыя болота и горѣлые лѣса Богородскаго, Егорьевскаго, Ковровскаго, Шуйскаго, Кинешемскаго и многихъ другихъ уѣздовъ въ русскій Манчестеръ. Но если московскіе и подмосковные фабриканты знали цѣну покровительства такого тарифа, то никакой цѣны не придавали такой выставкѣ, гдѣ не было экспертизы и гдѣ не давалось ни гербовъ, ни медалей, ни чиновъ и др. знаменъ отличія. Мануфактурная же экспертиза наша извѣстна. Себѣ эксперты назначаютъ somme de raison гербы, дяденькамъ и тетенькамъ золотыя медали, двоюроднымъ братцамъ и племянникамъ большія серебряныя, и такъ далѣе до седьмого колѣна включительно. Всѣмъ прочимъ экспонентамъ

не жалбуютъ зато «почетныхъ отзывовъ», отъ которыхъ фабрикантамъ ни тепло, ни холодно.

Нельзя сказать, чтобъ мануфактурный отдѣлъ, устроенный на средства, собранныя Найденовымъ, былъ плохъ; въ немъ много находилось отличнаго, но онъ былъ бѣденъ числомъ предметовъ, неполонъ и потому не давалъ никакихъ данныхъ для сравненія. Первый въ Россіи мануфактуристъ Т. С. Морозовъ выставилъ, напримѣръ, произведенія своихъ извѣстныхъ фабрикъ въ такомъ порядкѣ, что они представляли постепенный переходъ отъ сырого матеріала къ окончательно выработаннымъ издѣліямъ; но эти образцы не давали никакого понятія тому, кто незнакомъ съ мануфактурнымъ дѣломъ, и, конечно, ничему не научали специалиста. Раздававшаяся безвозмездно брошюра, содержащая популярное описаніе переходовъ хлопка при его фабричной обработкѣ, не укрѣпляла въ головѣ посетителя значенія разныхъ банкаброшей, ватировъ и сельфакторовъ. Другое дѣло, еслибъ рядомъ съ издѣліями Морозова лежали такія издѣлія десятковъ другихъ русскихъ фабрикъ и превосходнѣйшія издѣлія иностранныя: тогда было бы поучительно сравненіе взаимныхъ достоинствъ и недостатковъ, и вырабатывалось бы знаніе какъ о положеніи мануфактуръ въ Россіи, такъ и о техническомъ устройствѣ различныхъ нашихъ фабрикъ.

То, что сказано о бумажной фабрикаціи, прилагается одинаково и къ шерстяной, шелковой, льняной и другимъ отраслямъ промышленности.

Кромѣ извѣстной степени технического совершенства, мануфактуры наши достигли весьма пріятнаго положенія предпріятій весьма выгодныхъ; въ особенности бумагопряденіе давало отличные дивиденды, и небольшая тарифная пошлина сдѣлалась чисто номинальною. Съ развитіемъ благосостоянія народной массы нужно ожидать необыкновеннаго оживленія мануфактурной промышленности и новаго прилива капиталовъ къ этого рода дѣятельности.

Мы могли очень немного сказать объ отдѣлѣ педагогическомъ; онъ интересовалъ насъ мало, и при бѣгломъ осмотрѣ мы ограничились только немногими особенностями, бросившимися намъ въ глаза. Въ расходахъ на устройство педагогическаго отдѣла приняли участіе фонъ-Меккъ, Винокуровъ, военное министерство и министерство народнаго просвѣщенія; на эти деньги устроили фребелевскій павильонъ, образцовую школу учебнаго вѣдомства и хоры экзерциргауза заняли учебными коллекціями, преимущественно военнаго министерства и иностранныхъ экспонентовъ. По отзывамъ специалистовъ, педагогическій отдѣлъ былъ очень полонъ; можно сказать, даже чересчуръ полонъ,

потому что изобиліе предметовъ хотя бы въ такъ называемыхъ дѣтскихъ садахъ было таково, что мы находились не въ саду, а точно въ лѣсу.

Прогуливаясь по педагогическому отдѣлу и созерцая безчисленное множество раскрашенныхъ рисунковъ птицъ, звѣрей, растений, геометрическихъ фигуръ и т. п., можно было подумать, что реальное воспитаніе заняло у насъ преобладающее положеніе и что законъ, которымъ организуется реальное воспитаніе, изданъ не въ 1872 году, а Богъ знаетъ уже сколько лѣтъ тому назадъ. Такое изобиліе отчасти объяснялось однако тѣмъ, что противоположная система воспитанія не могла выставить много, по немногосложности, выражаясь техническимъ языкомъ, своихъ «орудій производства»: нѣсколько грамматикъ и лексиконовъ составляютъ весь ея багажъ, такъ что дѣлается непонятнымъ даже, отчего такъ дорого берутъ за воспитаніе въ нѣкоторыхъ классическихъ лицеяхъ?

Болѣе другихъ выставили въ различныхъ коллекціяхъ педагогическаго отдѣла г-жи Задлеръ и Соколова отъ петербургскаго Фребелевскаго Общества (игры и занятія по системѣ Фребеля, головоломки и пр.), г-жи Мамонтова и Соловьева отъ московскихъ дѣтскихъ садовъ, называемыхъ по-московски «дѣтишцами» (тѣ же предметы, но гораздо болѣе разнообразныя и для дѣтей полез-

ныя). Дѣтскіе сады, какъ извѣстно, имѣютъ цѣлью замѣнить полезными игрушками разныя военныя принадлежности, которыми до сихъ поръ играли дѣти, но едва ли такое утилитарное направленіе было своевременнымъ; по крайней мѣрѣ во Франціи въ то время проявилась реакція въ пользу усиленнаго возбужденія воинственности въ дѣтяхъ, какъ необходимой приправы къ обязательному управленію военной повинности. Высшія спеціальныя учебныя заведенія въ педагогическомъ отдѣлѣ выставки участія не приняли. Хотя отдѣлъ педагогіи не имѣетъ, строго говоря, никакого отношенія къ «политехникѣ», устройство его могло быть небезполезнымъ, ознакомляя огромный кругъ нашихъ дѣятелей по воспитанію съ предметами, изъ которыхъ они могли извлечь непосредственную пользу въ своей практикѣ. Но равнодушіе ли наше къ вещамъ существеннымъ, сравнительно съ тѣмъ, что занимательно, или же провинилась самая организація отдѣла, но онъ никого не интересовалъ, и развѣ кто-либо изрѣдка мелькомъ взглядывалъ на фребелевскія игрушки. Въ этотъ отдѣлъ ходили преимущественно дѣти, хотя онъ скорѣе долженъ былъ интересоватъ родителей и наставниковъ.

Изъ иностранныхъ экспонентовъ по педагогіи выставили болѣе всего шведы, въ особенности литографическое общество въ Норкепингѣ. Судя

по изобилію географическихъ картъ, мы полагаемъ, что цѣлью шведской выставки было поученіе не столько дѣтей, сколько взрослыхъ. Дѣло въ томъ, что всѣ карты повторяли одинаково какую-то несуществующую «Скандинавію» и забывали провести границу по Торнео, благо тамъ течетъ уже рѣка; но зато толстою полосой отдѣляли Финляндію отъ русскихъ владѣній; нѣкоторые географы, болѣе щедрые (на нашъ счетъ, конечно), вспоминая времена Карла XI и забывая великаго человѣка, въ честь рожденія котораго и устроена была политехническая выставка, причисляли еще къ Скандинавіи и прибалтійскія провинціи, куда тою же полосой отграничивали и Петербургскую губернію, т. е. Ингерманландію. Шведы забыли только приписать, въ которомъ году произойдетъ это новое размежеваніе Европы. Еще курьезъ. Въ числѣ книгъ для первоначальнаго, безъ сомнѣнія, русскаго воспитанія, мы нашли «Критику чистаго разума» Канта и «Исторію цивилизаціи» Бокля. Для начала недурно!

IV.

Одинъ англійскій министръ замѣтилъ депутату, извинявшемуся, что онъ возражалъ ему безъ желанія оспаривать: «Въ другой разъ, когда вы захотите ничего не сказать, то лучше ничего не говорите». Къ сожалѣнію, мы, по тяжелой обязанности репортера, не могли послѣдовать мудрому совѣту министра и уклониться отъ описанія такихъ отдѣловъ выставки, какъ медицинскій и ветеринарный. Еще по медицинѣ каждый человѣкъ кое-что смекаетъ, обращаясь поневолѣ къ знакомымъ эскулапамъ; но съ ветеринарами рѣдко кому приходится имѣть дѣло, развѣ по ошибкѣ. Трудъ нашъ облегчается только тѣмъ, что къ медицинскому отдѣлу были отнесены на Политехнической выставкѣ общедоступные предметы, въ родѣ грушевой, лимонной и другихъ шипучихъ водъ Ланина, занимавшія нѣсколько особыхъ навильоновъ. Воды эти имѣютъ свойство разстраивать желудокъ; докторамъ это на-руку—вотъ почему фруктовыя воды и

причислены, вѣроятно, къ медицинскому отдѣлу. Къ медицинскому же отдѣлу была отнесена кибитка съ кумысомъ, хотя кумысъ употребляется гораздо болѣе, чтобъ напиваться пьянымъ, нежели для леченія.

Такъ-называемый ветеринарный отдѣлъ помещался на хорахъ, около педагогическаго отдѣла, какъ бы въ доказательство, что педагогія и ветеринарія—обѣ науки пока эмпирическія и бродятъ во тьмѣ. Для чего устроили ветеринарный отдѣлъ, т. е. перевозили какія-то банки и стклянки изъ Харькова, Дерпта и Петербурга—вѣдаетъ Аллахъ. Отдѣлъ могъ ознакомить публику или съ техникой выполненія ветеринарныхъ инструментовъ и приборовъ, или съ главнѣйшими болѣзнями нашихъ домашнихъ животныхъ; но перваго не было, а для второго необходимы коллекція и наглядные рисунки постепеннаго хода болѣзней и постоянныя популярныя объясненія. Собачье бѣшенство—вопросъ, напримѣръ, очень интересный для всѣхъ. Что же далъ отдѣлъ? Стояла банка со спиртомъ или хлористымъ цинкомъ; въ ней что-то бѣловатое; надпись гласила, что это «измѣненіе пейеровыхъ железъ при бѣшенствѣ». Публика, не знающая, гдѣ эти пейеровы железы, проходила мимо, и т. д. Полнѣе было собраніе скелетовъ разныхъ животныхъ; интересны также складные препараты

изъ папье-маше лошади и коровы въ натуральную величину доктора Озу и нѣкоторые образцы уродства: цыпленокъ о четырехъ ногахъ, теленокъ о двухъ головахъ, и т. п. Ветеринарное искусство въ Россіи въ загонѣ, хотя первое въ мірѣ по объему скотоводство и жесточайшія скотскія эпидеміи, распространяющіяся даже на людей, должны были бы поставить подобную спеціальность на первый планъ, дать ей матеріальныя средства и окружить извѣстнымъ почетомъ. Наше равнодушіе отчасти понятно; въ Россіи, гдѣ не лечатъ людей, гдѣ, по самому скромному разсчету, земству нужно нанять еще 1,200 врачей и 6,000 фельдшеровъ и увеличить расходы на медицинскую часть на 820%, леченіе животныхъ покажется многимъ излишнею сантиментальностью, а тѣмъ болѣе сочтется наивнымъ сожалѣніе хроникера «Русскаго Міра», отчего такъ мало сдѣлано для леченія птицъ. Не слѣдуетъ брать примѣра съ Индіи, гдѣ люди мрутъ сотнями тысячъ (напримѣръ, въ Ориссѣ) съ голоду, а для больныхъ обезьянъ и голубей устраиваются пріюты и больницы; но все-таки поболѣе вниманія къ скотамъ не мѣшаетъ изъ одного экономическаго разчета: сибирская язва наноситъ сельскому хозяйству убытокъ, который съ лихвой покрываетъ бы улучшеніе ветеринарной части.

Медицинскій отдѣлъ распадался на три части:

отдѣленіе хирургическое, устроенное Швабе, терапевтическое, устроенное Комитетомъ выставки, и фармацевтическое, устроенное Целемъ. Кромѣ того, къ отдѣлу этому принадлежало нѣсколько второстепенныхъ павильоновъ и небольшой медицинскій садъ. Слѣдуетъ причислить сюда же и образцовыя сельскія больницы, но мы, слѣдуя каталогу, скажемъ о нихъ нѣсколько словъ, говоря объ отдѣлѣ сельскаго домоводства.

Хирургическое отдѣленіе было самое лучшее и самое интересное; съ нимъ соединялся и отдѣлъ акушерства. «Тутъ и непосвященный въ тайны науки», замѣтили глубокомысленно «Биржевыя Вѣдомости», «можетъ понимать многое». Дѣйствительно вѣрно, и если непосвященный слишкомъ молодъ, чтобъ понимать, то хорошо сдѣланный изъ гуттаперчи препаратъ родовъ объяснялъ все обстоятельно. Собраніе хирургическихъ инструментовъ было очень полно.

Терапевтическому отдѣлу было дано практическое значеніе. Имѣя въ виду, что, вмѣсто иностранцевъ, Москву посѣтили къ выставкѣ оспа и холера, комитетъ благоразумно устроилъ здѣсь пріемный покой, гдѣ сидѣлъ дежурный фельдшеръ, и кабинетъ съ надписью: «Комната дежурнаго врача». Съ научной стороны терапевтическій отдѣлъ былъ плохъ, да и не могъ почти быть хорошимъ,

когда съ нимъ одновременно конкурировали разныя больницы, отдѣлы попеченія о больныхъ и раненыхъ, севастопольскій отдѣлъ, военно-медицинское управленіе и др. учрежденія. Мы даже полагаемъ, что на политехнической выставкѣ слишкомъ много уже было выставлено по больничной части и лучше было бы всѣ эти койки и тюфяки употребить съ большею пользою, а выставить дѣйствительно что-нибудь новое въ техническомъ отношеніи.

Фармацевтическій отдѣлъ изображалъ аптеку, обыкновенную аптеку; тотъ же запахъ, тѣ же ящики съ латинскими надписями, тѣ же провизоры и ученики, мечтавшіе о Куллербергѣ. Среди этой аптеки помѣстилась выставка резиновыхъ издѣлій руссійско-американской мануфактуры. Хотя связь резиновыхъ калошъ и пожарныхъ рукавовъ съ аптекою трудно уловима, но это не мѣшаетъ похвалить кстати превосходныя издѣлія мануфактуры, подобной которой немного въ Европѣ. Однихъ резиновыхъ калошъ мануфактура сдѣлала въ 1871 году 1,833,543 пары; а такъ какъ у насъ сверхъ лыковыхъ лаптей резиновыхъ калошъ носить еще не привыкли, то приходится калоши продавать за границу¹⁾. Этотъ отпускъ кормить 1,100 рус-

¹⁾ Теперь мануфактура выдѣлываетъ болѣе 8 милл. паръ калошъ, а имѣется еще три такихъ фабрики. Калоши быстро

скихъ рабочихъ. Мы не понимаемъ вообще цѣли устройства на выставкѣ образцовой аптеки, да еще въ Москвѣ. Еслибъ кто-либо изъ публики, насмотрѣвшись современныхъ усовершенствованій въ фармакопей, и пожелалъ устроить аптеку, то это была бы пустая мечта, потому что открытіе аптеки въ Россіи есть монополія, а монополія эта доступна только для однихъ нѣмцевъ. Почему?—никто не знаетъ; но и малолѣтнему извѣстно, что такъ положено въ нѣмецкомъ катехизисѣ.

Къ медицинскому отдѣлу относился павильонъ Адельгейма, московскаго дантиста. Всѣ инструменты, которые обыкновенно кажутся ужасными въ тѣ минуты отчаянія, когда приходится подвергать себя пыткамъ вырыванія зубовъ, можно было разсматривать здѣсь спокойно и безъ замиранія сердца. Адельгеймъ продавалъ также по 10 коп. брошюру о гигиенѣ зубовъ, изъ которой всѣ узнали, что зубы необходимо чистить по утрамъ зубной щеткой не слишкомъ твердой, но и не слишкомъ мягкой; когда зубы портятся, ихъ нужно пломбировать, а когда боль невыносима, то лучше выдернуть. За гривенникъ новаго немного!

пошли въ ходъ. Я лично видѣлъ въ 1893 г. на уральскихъ заводахъ пудлинговыхъ рабочихъ у печей въ высокихъ кожаныхъ сапогахъ, сверхъ которыхъ для шку были надѣты резиновые калоши. А это было въ іюль мѣсяцѣ!

Всѣ разсмотрѣнные нами отдѣлы, кромѣ фармацевтическаго павильона, находились въ первомъ кремлевскомъ саду; пройдя сквозь каменную арку Троицкаго моста, гдѣ распорядительный комитетъ позабылъ приказать вычистить грязь, вступали во второй кремлевскій садъ. Направо огромное пространство занималъ ресторанъ Гашедуа, заведеніе котораго отличалось столько же любезностью хозяина, сколько и дорогими цѣнами порцій. Передъ рестораномъ хоръ военной музыки разыгрывалъ цѣлый день избранныя мѣста изъ Верди и Оффенбаха. Хоръ—какъ всѣ армейскіе хоры; каждый дуется, что есть мочи, какъ Богъ ему на душу положилъ; но слѣдовало удивляться усердію капельмейстера: онъ все время или неистово билъ тактъ, или еще чаще бралъ трубу и съ какимъ-то особымъ ожесточеніемъ игралъ, чтобъ покрыть нестройные звуки своего оркестра.

Противъ ресторана раскинулся лѣсной отдѣлъ. Долгое время публика наша узнавала существованіе лѣснаго вѣдомства только читая непрерывно объ отдахѣ подъ судъ лѣсничихъ за самовольныя порубки; въ послѣднее время, однако, лѣсное вѣдомство вышло изъ апатіи, оставило свои лѣса и явилось въ столицы, чтобъ поднять «лѣсной вопросъ». Мы не знаемъ, менѣе ли будетъ теперь самовольныхъ порубокъ, но интеллектуальное ожи-

вление въ средѣ лѣсничихъ несомѣнно: основано Лѣсное общество, издается «Лѣсной Журналъ», созванъ лѣсной съѣздъ, и лѣсной отдѣлъ политехнической выставки показывалъ, что въ лѣсной администраціи не мало людей, очень хорошо знающихъ свою часть. Вообще лѣсной отдѣлъ на выставкѣ былъ изъ лучшихъ; если онъ не былъ полонъ, то очень систематиченъ и очевидно составленъ специалистами, по заранѣе обдуманной серьезной программѣ. Мы прибавимъ къ этому, что отдѣлъ, какъ слышно, обошелся казнѣ не болѣе 10,000 руб., т. е. чрезвычайно дешево, хотя, при существованіи болѣе 800 однихъ казенныхъ специалистовъ, собраніе большинства предметовъ не представляло затрудненій.

Задачею отдѣла было показать жизнь лѣса, роль его въ народномъ хозяйствѣ, исторію лѣсного дѣла въ Россіи, современное состояніе лѣсной науки въ Россіи. Исторію лѣсного дѣла отдѣлъ начинаетъ съ Петра I, какъ «основателя лѣсного дѣла»; но Петръ основатель только лѣсной администраціи, а не дѣла: лѣсное, полагаемъ, дѣло существовало всегда. Сфера его даже сѣззилась; русскіе мужики теперь только ѣдятъ дерево, и то въ губерніяхъ десяти, и не каждый годъ; по описанію же Нестора, дерево входило даже въ религію, потому что славяне поклонялись пнямъ; слѣдова-

тельно, значеніе лѣса относительно умалилось, увеличилось только его истребленіе. Воспользовавшись именемъ Петра I, Сидоровъ помѣстилъ тутъ же рядъ картинъ изъ дѣяній Великаго Преобразователя; но какъ нарочно, ни одна картина къ лѣсному дѣлу не относилась, хотя подобраны онѣ вообще были хорошо, за исключеніемъ картинъ, изображавшихъ обдумываніе проекта zaloженія крѣпости на Новой Землѣ, и солдата, по невѣжеству принявшаго Петра I за святого и поставившаго его портретъ въ божницу. Въ исторіи лѣсного дѣла забыли упомянуть, что для перваго основанія лѣсной специальности болѣе всего сдѣлалъ въ Россіи гр. Канкринъ; можетъ быть это сдѣлано и *par dépit*, потому что гр. Канкрину, едва ли справедливо, приписываютъ извѣстное замѣчаніе на экзаменѣ, что вредитъ болѣе всего сбереженію лѣсовъ не короѣдъ-граверъ и шелкопрядъ-монахъ, а лѣсной офицеръ. Такой афоризмъ, можетъ быть, и былъ вѣренъ въ 30-хъ годахъ; но теперь лѣсничество простерли свое усердіе до того, что на Волгѣ требуютъ лѣсные билеты даже отъ шлюпокъ, привозимыхъ туда рѣчными пароходами, сдѣланными въ Англіи и Бельгіи!

По лѣсной статистикѣ обращала на себя вниманіе карта всѣхъ лѣсовъ Европейской Россіи въ 25-ти-верстномъ масштабѣ, съ показаніемъ раз-

личія ихъ по праву владѣнія. Такъ какъ карта составлялась по свѣдѣніямъ военно-топографическихъ съемокъ, нерѣдко старыхъ, то несомнѣнно, что отъ значительной части нарисованныхъ тутъ лѣсовъ, въ особенности частныхъ, остались лишь одни сладкія воспоминанія. Въ дендрологическомъ отдѣлѣ обращали на себя вниманіе огромные отрубки дерева важнѣйшихъ нашихъ породъ: лиственницы, сосны, ели, дуба, ясени и друг., изъ самыхъ различныхъ мѣстностей Россіи. Любопытно, какъ сильно вліяетъ на быстроту развитія дерева климатъ. Въ то время, когда въ Ташкентѣ дерево въ 25 лѣтъ доходитъ до 30 дюймовъ въ діаметрѣ, въ Царствѣ Польскомъ въ 189 лѣтъ до 43 дюймовъ, на Енисей дерево имѣетъ только 5¹/₄ дюйма. Такое медленное возрастаніе показываетъ, какъ осторожно нужно относиться съ лѣсами на Сѣверѣ. Запасы его тамъ—наслѣдіе нѣсколькихъ вѣковъ и не могутъ быть скоро возобновляемы.

Кто читалъ книгу Эдмона Абу «Le Progrès», обратилъ, конечно, вниманіе на весьма интересное описаніе, какимъ образомъ искусственнымъ разведеніемъ морской сосны, дающей скипидаръ, французскіе ланды превратились изъ бесплодной пустыни въ весьма цѣнные и доходныя имуществы. Нѣчто подобное было начато и во многихъ мѣ-

стахъ Россіи, но или брошено, или, при желаніи достигнуть скорѣйшихъ результатовъ, получило ложное направленіе, каково, напр., укрѣпленіе песковъ около Алешекъ не сосной, а скорораствующей и почти бесполезной шелугой. Для степного лѣсоразведенія очень много сдѣлали въ Россіи богатый нѣмецкій колонистъ Корнисъ и лѣсной офицеръ Граффъ; первый умеръ богачомъ, а послѣдній скончался отъ «лѣсной скорби»—болѣзни, составляющей, по описаніямъ, pendant къ извѣстной гражданской скорби и полученной имъ отъ тяжелыхъ трудовъ, плохого казеннаго содержанія и разныхъ казенныхъ непріятностей. Вопросы о разведеніи лѣсовъ въ степи и укрѣпленіи песковъ чрезвычайно важны для Россіи; достаточно вспомнить громадныя пространства Рынь-песковъ, подвигающихся къ Волгѣ; проектъ ихъ облѣсенія былъ встрѣченъ въ Петербургѣ ироническою улыбкою, а между тѣмъ это вопросъ въ полномъ смыслѣ слова общегосударственный.

Отдѣленіе лѣсовозращенія, лѣсохраненія и лѣсоустройства занималъ сравнительно съ лѣсоразведеніемъ небольшое мѣсто, потому что эта часть лѣсного хозяйства въ Россіи самая слабая; трудно даже повѣрить, какъ мало познаній распространено въ обществѣ по такому важному предмету; казенные лѣса могли бы служить въ этомъ слу-

чаѣ образцомъ для частныхъ владѣльцевъ; но отъ совокупности разныхъ причинъ хозяйство первыхъ далеко не въ блестящемъ положеніи; вотъ почему такъ недовѣрчиво относились у насъ ко всѣмъ проектамъ, которые, быть можетъ, и съ благой цѣлью, предлагали регламентировать нѣсколько пользованіе частными лѣсами, подобно тому, какъ регламентировано, на примѣръ, пользованіе нѣдрами земли и т. п.

По эксплуатаціи лѣса было выставлено очень много предметовъ, хотя эта чрезвычайно важная отрасль русскаго народнаго лѣснаго хозяйства далеко не была представлена тутъ вполне; неполнота, мы полагаемъ, объясняется болѣе всего тѣмъ, что лѣсные продукты преимущественно потребляются на мѣстѣ; только известная часть ихъ передвигается на отдаленныя разстоянія, и относительно незначительная поступаетъ въ международную торговлю; кромѣ того, лѣсная эксплуатація въ казенныхъ дачахъ, находящаяся въ рукахъ спеціалистовъ, весьма однообразна; тамъ же, гдѣ изъ лѣса извлекаются побочные доходы, лѣсъ находится почти исключительно въ распоряженіи крестьянъ, и о technikѣ эксплуатаціи никто не заботится; землевладѣльцы считаютъ себя иногда счастливыми, если просто оберегли лѣсъ отъ расхищенія. Можно замѣтить еще, что лѣсная выставка въ подобномъ

объемѣ была первая въ Россіи и, безъ сомнѣнія, пробѣлы ея послужили руководствомъ для послѣдующихъ выставокъ, гдѣ болѣе дѣятельное участіе приняли частные экспоненты. Въ отдѣленіи эксплуатаціи лѣса обращали на себя вниманіе разнообразныя орудія и механизмы для срубки, спилки и свалки деревъ; за границею сдѣлано для этого много усовершенствованій; у насъ же до сихъ поръ употребляется прадѣдовскій топоръ, которому славянофилы приписываютъ даже какія-то магическія свойства. Только для судостроенія валятъ у насъ деревья съ корнемъ; между тѣмъ истощеніе лѣсовъ во многихъ губерніяхъ Россіи и необходимость облѣсенія вырубленныхъ пространствъ давно понуждаютъ валить деревья не иначе, какъ съ корнями, отчего не терялись бы $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ древесной массы, и не приходилось бы наблюдать при скорбнаго явленія, какъ, при небрежной растратѣ деревьевъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, неподалеку, въ степныхъ, приходится прибѣгать къ камышу, соломѣ, кизяку и друг. суррогатамъ; при увеличеніи населенія является даже сомнѣніе въ возможности удовольствоваться и этимъ скромнымъ топливомъ. Впрочемъ остроумно замѣтилъ одинъ нѣмецкій ученый, что рационально пользоваться лѣсомъ начинаютъ вездѣ и всегда только сто лѣтъ послѣ его совершеннаго истребленія.

При образцахъ дровяного лѣса висѣла интересная таблица Собичевского разнообразныхъ мѣръ, употребляемыхъ въ Россіи въ лѣсномъ хозяйствѣ; таблица эта была далеко неполна; на однихъ горныхъ заводахъ мы знаемъ нѣсколько десятковъ мѣръ лѣсныхъ матеріаловъ; можно себѣ представить, какую путаницу въ лѣсной торговлѣ должно производить подобное вавилонское столпотвореніе. По строевому лѣсу представлены отличные образцы деревъ, въ особенности Кауфманомъ и Сидоровымъ: первымъ по карабельному лѣсу, идущему изъ Балтійскаго моря, а вторымъ—съ Печоры; тутъ же выставлена большая коллекція моделей судовъ, плавающихъ по нашимъ внутреннимъ водянымъ системамъ, очень хорошо исполненная, и нѣсколько такъ же хорошо сдѣланныхъ моделей крестьянскихъ построекъ. Жаль, что послѣднія представлены были не изъ большого числа мѣстностей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ постройкѣ рѣчныхъ судовъ наши крестьяне выказали много остроумія и умѣнья приноровиться къ разнообразнымъ свойствамъ рѣкъ и грузовъ; но и не подлежитъ сомнѣнію, что постройка подобныхъ ковчеговъ почти каждый годъ изъ новаго лѣса повлечетъ такое быстрое вздорожаніе и даже совершенный недостатокъ строевого лѣса, что коренная реформа нашего рѣчного судостроенія неизбежна. Далѣе слѣ-

довали модели лѣсопильныхъ заводовъ и образцы лѣса; пильнаго, бочарнаго, для подѣлокъ, токарнаго (коллекція ложекъ, корытъ, кнутовищъ, разной крестьянской утвари, игрушекъ и проч.), щепного (дрань, гонтъ, плетеные издѣлія), ковровъ и луба. Послѣднее производство было представлено съ разныхъ сторонъ: кора, какъ дубильный матеріалъ и какъ матеріалъ для дегтя, мочальное и лыковое производство; издѣлія изъ бересты. Тутъ былъ выставленъ и грубый станокъ для тканья рогожъ, который поучительно сравнить съ новѣйшими ткацкими машинами мануфактурнаго отдѣла. Русскіе изъ рогожъ извлекаютъ большую пользу, но по искусству, и въ особенности по изяществу, ихъ плетенія далеко отстаютъ отъ дикарей Малайскаго архипелага и Океаніи. Послѣдняя часть отдѣленія эксплуатаціи лѣса представляла продукты извлеченія дохода отъ побочнаго лѣсного пользованія: подсочки деревьевъ, плодовъ, полученія деревяннаго масла, трута, торфа, мелкихъ издѣлій п т. п.

Транспортъ лѣса былъ представленъ нѣсколькими моделями телѣгъ, саней, плотовъ и барокъ далеко неполно, по относительной важности этого предмета. Точно также весьма бѣдно представлена была химическая обработка древесины, хотя нѣкоторыя части его, напр. угольное производство, до-

полнялись выставкою горнозаводскаго лѣсного хозяйства. Добываніе смолы, скипидара, пека, вара, канифоли, дегтя, сажы, поташа и шадрина играютъ важную роль въ нашемъ хозяйствѣ, а для Сѣвера—это важнѣйшій экономическій вопросъ послѣ мореплаванія. Мы считаемъ излишнимъ указывать на его интересъ и на пользу отъ болѣе тщательнаго изученія его; пока однако на Сѣверѣ отпускъ лѣса и лѣсныхъ продуктовъ будетъ исключительно въ рукахъ иностранцевъ, едва ли можно ожидать большихъ на этотъ счетъ улучшеній, даже при введеніи пресловутаго артельного смолокурения. Внимательность въ составленіи лѣсного отдѣла доходить до того, что не позабыты были и такія мелочи, какъ образцы сосновой шерсти.

Отъ сельско-хозяйственнаго отдѣла на политехнической выставкѣ нельзя было и ожидать чего-либо серьезнаго, потому что экспонентамъ гораздо удобнѣе дожидаться непрерывно повторяющихся у насъ спеціальныхъ выставокъ сельскаго хозяйства, скотоводства и коннозаводства, гдѣ экспонируемые предметы могутъ быть оцѣнены болѣе понимающими дѣло лицами. Съ другой стороны, сельское хозяйство въ Россіи, составляя важнѣйшій народный промыселъ, безконечно измѣняется въ разныхъ мѣстностяхъ по своимъ условіямъ и не можетъ быть удобно сосредоточено для разсмотрѣнія

въ какомъ-либо павильонѣ. Сельско-хозяйственная техника тѣмъ и отличается отъ промышленной техники, что она вполне зависима отъ климата, почвы и т. п., перенести же послѣдніе на время въ Москву—невозможно. О сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ можно сказать, что это большой отдѣлъ на политехнической выставкѣ, но вовсе не важный, и даже не серьезный отдѣлъ. При бѣгломъ обзорѣ казалось, что въ немъ, кромѣ склада англійскихъ машинъ и экстеріеровъ животныхъ изъ папье-маше, ничего не было; по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось много предметовъ, заимствованныхъ изъ сельско-хозяйственныхъ музеевъ. Отдѣлъ былъ устроенъ на средства министерства государственныхъ имуществъ и занималъ четыре павильона и нѣсколько крытыхъ галерей; казенныя деньги были затрачены щедро, но, очевидно, безъ должнаго умѣнія; оттого отдѣлъ вышелъ неполный и безсистемный. Такая невнимательность наказалась полнымъ и систематическимъ невниманіемъ публики. Иностранецъ, посѣтившій выставку, подумалъ, что земледѣліе для Россіи занятіе такое же постороннее, какъ ловля жемчужныхъ раковинъ или разведеніе обезьянъ. Отчасти подобное равнодушіе служило доказательствомъ, что по современному уровню нашей культуры выставки еще не имѣютъ большого практическаго значенія; по крайней мѣрѣ

постоянно отдѣламъ, наименѣе важнымъ по приложенію къ жизни, публикою отдавалось преимущество передъ существенными. Сельско-хозяйственный отдѣлъ устроенъ былъ также весьма неудобно; то и дѣло встрѣчались выходы, въ которые удобно было уйти и оставлять большую часть безъ осмотра. Близость ресторана служила для этого достаточнымъ соблазномъ для большей части нашихъ сельскихъ хозяевъ.

Полнѣе другихъ было собраніе сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій; къ сожалѣнію, важнѣйшую роль играла спекуляція: выставлено было множество однородныхъ предметовъ безъ всякаго описанія, съ единственною цѣлью воспользоваться выставкою, какъ рекламою для сбыта залежавшихся въ складахъ издѣлій разныхъ заграничныхъ и русскихъ фабрикъ. Остальные отдѣленія такъ-называемаго общаго земледѣлія, т. е. предметовъ, относящихся до почвы, обработки земли и ухода за растеніями, оказались систематичными только въ каталогѣ; въ дѣйствительности по каждому вопросу были собраны кое-какіе модели и образчики, едва ли очень поучительные для сельскихъ хозяевъ. Частное земледѣліе, содержащее коллекціи полеводства, луговодства, винодѣлія, статистическія карты, болѣзней растеній, вредныхъ насѣкомыхъ, сорныхъ травъ и т. п., носило на себѣ тотъ же характеръ

случайности; табакъ, вино, зерновые хлѣба, волокнистыя растенія были представлены отдѣльными экземплярами, между которыми знатокъ нащелъ, быть можетъ, и много интереснаго, но все это недостаточно рельефно и полно характеризовало важнѣйшія отрасли земледѣльческой промышленности въ Россіи.

Нѣсколько обстоятельнѣе было собраніе по отдѣлу домашнихъ животныхъ, хотя здѣсь пропустили весьма важный отдѣлъ птицеводства. Нѣкоторыя части отдѣла скотоводства были даже очень практичны, напримѣръ большое собраніе инструментовъ для боя скота, употребляемыхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и за границею. И въ этомъ нехитромъ дѣлѣ мы отстали значительно отъ иностранцевъ, въ особенности отъ англичанъ. Недурна была также коллекція по овцеводству, въ особенности тонкорунному. Зато крупный рогатый скотъ и лошадей представили болѣе въ фотографическихъ рисункахъ. Общее впечатлѣніе сельскохозяйственнаго отдѣла было таково, что эта выставка не нашихъ земледѣлія и сельской промышленности вообще, а департамента земледѣлія и сельской промышленности. Мы указывали уже на нераціональность классификаціи выставки по различнымъ вѣдомствамъ. Конечно, каждое вѣдомство или администрація могли бы выставить что-либо курьезное:

полицейское вѣдомство — харьковскую пожарную команду, финансовое — нижегородскіе соляные магазины, и т. п.; но такая группировка не соответствуетъ требованіямъ науки и здраваго смысла.

Отдѣлъ сельскаго домоводства состоялъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ зданій со всѣми принадлежностями; такимъ образомъ, сельская архитектура соединялась тутъ съ декоративнымъ искусствомъ, мебелировкой и др. ремеслами. Для образца поставили: домъ для землевладѣльца средняго состоянія, церковь, сельскую школу, двѣ сельскихъ больницы и питомникъ для грудныхъ дѣтей. Зданія эти могутъ быть разсматриваемы съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ особенности съ архитектурной и художественной; мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями о томъ, каковы показались они намъ съ практической стороны.

Домъ землевладѣльца походилъ скорѣе на курятникъ; отдѣльныя комнаты очень напоминали каюты купеческаго корабля, и, конечно, землевладѣлецъ, имѣющій 3,000 р. дохода (домъ предполагался для такого именно помѣщика) построить, при относительной дешевизнѣ у насъ лѣса, нѣчто болѣе просторное и удобное. Особенно неудобно казалось расположеніе всѣхъ спаленъ и комнатъ для гувернантки и для пріѣзжихъ гостей въ мансардѣ, подъ желѣзной крышей. «Какъ же они будутъ спать

тутъ въ іюльскую жару?» спросили мы. «Да они спать-съ на Поварской», отвѣчалъ намъ артельщикъ, очевидно разумѣя экспонента дома. Меблировка — оригинальная въ томъ отношеніи, что все было сдѣлано искусно изъ простого дерева; интересно бы знать только, не обошлась бы подобная мебелировка дороже обыкновенной, въ виду прихотливости рисунка. Были и курьезы, напр., постель, устроенная такъ, что могла расширяться, смотря по росту человѣка, начиная отъ колыбельнаго ребенка до старика. Едва ли, однако, какой-либо русскій землевладѣлецъ проспитъ на одной и той же постели всю свою жизнь. Умывальникъ устроенъ былъ такъ, что вода лилась на руки изъ какого угодно сосуда, помощью сифона, который замѣняетъ «человѣка»; приспособленіе черзчуръ прогрессивное для многихъ еще мѣстностей Россіи.

Церковь, недурно поставленная на пригоркѣ, внутри казалась очень мала и помѣщала не болѣе ста человѣкъ; архитекторъ позабылъ, кажется, что законъ воспрещалъ устраивать приходы тамъ, гдѣ менѣе 1,000 прихожанъ; да и священникъ при такой маленькой церкви помретъ скоро съ голоду, развѣ поступить въ сельскій питомникъ, устроенный «по проекту заслуженнаго профессора Китарры». Сельская школа представляла домъ со

многими комнатами, наполненными учебнымъ хламомъ; со своими книгами, мебелью и картинами она могла служить образцомъ, какъ не слѣдуетъ устраивать школъ, а и безъ того у насъ народное образованіе, говоря словами Петра, не въ авантажѣ обрѣтается. Если сельская школа плоха, то сельская больница Громова была слишкомъ уже хороша. Даже по наружности эти бревна, пропитанныя олифою и покрытыя лакомъ, возбуждали сомнѣніе, которое подкрѣплялось металлическими эластичными перинами внутри и другими утонченностями. Въ оправданіе роскоши, говорили, что цѣль больницы было представить «идеаль» будущей обстановки дѣятельности сельскаго врача. Болѣе практическое значеніе имѣли образцы дешевыхъ сельскихъ аптекъ и набора хирургическихъ инструментовъ для земскихъ врачей.

Въ этомъ же саду помѣщался небольшой шалашъ изъ коры и соломы общества покровительства животнымъ; тамъ не было ничего интереснаго, кромѣ большой картины, изображавшей мужика съ звѣрообразной фізіономіей, который хочетъ мучить медвѣдя съ добрымъ, человѣческимъ выраженіемъ морды; женщина декольте мечомъ разрубаетъ цѣпь. Сія аллегорія означала воспрещеніе водить по деревнямъ медвѣдей и показывать, «какъ дѣвки горохъ воруютъ». Поучительно.

V.

Распорядителямъ выставки пришла оригинальная идея программу раздѣлить не по наукамъ, а по вѣдомствамъ; позабыто было только то «неизвѣстное вѣдомство», «образцы» котораго продавала с.-петербургская аукціонная камера 5-го января 1872 года. Впрочемъ, если въ Аоннахъ были храмы неизвѣстныхъ боговъ, то отчего у насъ не можетъ быть неизвѣстныхъ (по крайней мѣрѣ для обыкновенныхъ смертныхъ) вѣдомствъ. Такая казенная программа и была, вѣроятно, причиною появленія особаго почтоваго отдѣла выставки. Надъ этимъ отдѣломъ одни глумились, другіе находили, что нѣсколько скромности не повредило бы почтовому вѣдомству. Для многихъ отдѣлъ былъ радостною новинкой; о русскомъ почтовомъ устройствѣ всѣ имѣли самыя превратныя понятія; почта представлялась въ видѣ старыхъ, брюзгливыхъ и дурнооплоченныхъ чиновниковъ, неясныхъ и за-

путанныхъ правилъ, составленіе которыхъ, по словамъ самого почтового управленія, относилось къ «незапамятнымъ временамъ», заштопанныхъ чемодановъ 1803 года, праздничныхъ денегъ, грязныхъ станцій съ вѣчными: «Нѣтъ лошадей» для проѣзжающихъ по частной надобности; между тѣмъ, на выставкѣ увидѣли чиновниковъ съ проборами на затылкѣ, новешенькіе чемоданы, тѣ же станціи на фотографіяхъ похожи на итальянскія палатцо и швейцарскія шале, манекены почталіоновъ въ балетной позѣ и т. д. Впечатлѣніе до того было сильно, что у одного изъ сотрудниковъ «Голоса» сдѣлалось нѣчто въ родѣ затменія и онъ написалъ слѣдующія строки: «Собранныя свѣдѣнія каждаго внимательно разсматривающаго эти документы убѣждаютъ, что наша почта никакъ не можетъ считаться отставшею отъ подобныхъ же учрежденій другихъ европейскихъ государствъ». Слава Тебѣ Господи! «Нѣтъ сомнѣнія», говорилось далѣе въ замѣткѣ, «что публика, ознакомившись съ такими особенностями нашихъ почтовыхъ сообщеній (т. е. съ манекенами почты на оленяхъ и собакахъ), пойметъ, почему русская почта иногда не такъ быстра, какъ почта германская или французская, и, быть можетъ, убѣдится, что русская почта, преодолевая такіе затрудненія, о которыхъ другія европейскія государства не имѣютъ и понятія, мо-

жетъ гордиться своею относительною быстротою»... Авторъ этого панегирика серьезно, кажется, воображалъ, что внутри Россіи всѣ ѣздятъ на собакахъ и оленяхъ; но онъ глубоко ошибался; такимъ образомъ не перевозилась и $\frac{1}{50000}$ часть почтовой корреспонденціи, остальная же часть, болѣе важная, нежели предписанія исправникамъ въ Мезень и Охотскъ, подвергалась затрудненіямъ, происходившимъ вовсе не отъ свѣтилъ небесныхъ или изотермическихъ линій.

Мы понимаемъ гордость англичанъ, устроившихъ почтовые сообщенія съ цѣлымъ свѣтомъ такъ совершенно, что, напримѣръ, въ 25 лѣтъ изъ сотенъ милліоновъ писемъ и посылокъ, перевезенныхъ изъ Англіи въ Соединенные Штаты и обратно, не пропало ни одного письма, ни одного тюка; или гордость Пруссіи, гдѣ за пропажу какого-то письма оштрафовали въ прогрессивномъ порядкѣ чуть не все почтовое вѣдомство. Такіе примѣры поучительны, но много ли ихъ наберется въ русской почтовой исторіи?

Какъ неполно была составлена почтовая выставка, видно изъ того, что въ ней не было модели совершеннѣйшаго орудія современныхъ почтовыхъ сообщеній—почтоваго парохода, образца тѣхъ тысяче-сильныхъ гигантовъ, которые перелетаютъ океаны со скоростью $29\frac{3}{4}$ верстъ въ часъ, или

идутъ по 35-ти сутокъ въ морѣ подѣ парами. Подобный предметъ интереснѣе фотографическаго вида вологодской почтовой станціи, или холщоваго мѣшка для перевозки писемъ. Равнодушіе къ пару весьма, впрочемъ, понятно въ почтовомъ отдѣлѣ. Десять лѣтъ ходили, напримѣръ, пароходы изъ Одессы въ Крымъ, а почту, вмѣсто того чтобъ доставлять въ однѣ сутки, попрежнему везли по пескамъ и солонцамъ по недѣлѣ на перекладной. На Кавказъ на пароходѣ изъ Одессы можно было попасть въ пять дней, а при прямыхъ рейсахъ и въ двое сутокъ. О пароходахъ никто, однако, не думалъ, и почта преспокойно достигала Кавказа въ 2¹/₂ или 2 недѣли, совершая объѣзды чуть не вокругъ мыса Доброй Надежды. Одна наша знакомая послала въ Кутайсъ ящикъ съ женскими нарядами; черезъ два мѣсяца тамъ вмѣсто ящика получили бумагу изъ Тифлиса, что «волею Божию оныя наряды въ завалахъ приведены въ совершенную негодность, въ доказательство чего составленъ актъ за надлежащимъ подписаніемъ, освобождающій отправителя отъ необходимости требовать какого-либо вознагражденія по застрахованію посылки». Какъ тутъ было не согласиться съ «Голосомъ», что мы ничѣмъ не отстали отъ Европы въ почтовомъ дѣлѣ!

Обозрѣватели почтоваго отдѣла упустили также изъ виду, что администрація—не фабрика, техни-

ческія орудія для нея—вопросъ второстепенный, а болѣе важенъ духъ учрежденія. Очень можетъ быть, что наши баулы, чемоданы, сабли почталіоновъ, штемпеля, ящики для писемъ и т. п. были не хуже заграничныхъ; можетъ быть, даже лучше, но выставка этихъ предметовъ никого не убѣдила, что почтовое устройство наше совершенно, когда каждый испыталъ на себѣ, что эта часть требуетъ наиболѣе серьезныхъ преобразованій. Есть множество учреждений: государственное коннозаводство, инженерное вѣдомство, морская артиллерія, государственный контроль и т. д., дѣятельность которыхъ интересуется немногихъ; нестройства въ нихъ, даже очень важныя, замѣтны только для тѣхъ, кто занимается такъ называемой «внутренней политикой». Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находится почта: съ нею сталкивается публика непрерывно, каждый день и даже по нѣскольку разъ въ день; малѣйшее стѣсненіе, почти незамѣтное на бумагѣ, полезное даже для контроля или единства управленія, отзывается на милліонахъ людей и вызываетъ жалобы, которыя, какъ бы мелочны ни были, заслуживаютъ уваженія, потому что опытомъ дознано, что люди охотнѣе переносятъ изрѣдка крупныя непріятности, нежели постоянныя и каждодневныя; да не только люди, желѣзо, выдерживающее гро-

мадные тяжести, разсыпается отъ ежедневныхъ мелкихъ ударовъ и толчковъ.

Многое изъ собраннаго въ почтовомъ отдѣлѣ было не лишено извѣстнаго интереса, какъ матеріалъ для исторіи почты въ Россіи, хотя, казалось бы, проще было употребить на составленіе подобной исторіи третью часть той суммы, которая истрачена на манекены и деревянный павильонъ. По исторической части были интересны карты почтовыхъ сообщеній до-Петровскаго времени, временъ Елисаветы Петровны, Павла I и настоящаго времени. Оказывалось, что съ 1799 г. новыхъ почтовыхъ трактовъ, не считая отдаленныхъ окраинъ, до 1872 г. почти не прибавилось. Къ этимъ картамъ дополненіемъ служили статистическія свѣдѣнія о почтовыхъ доходахъ съ 1816 года, изъ которыхъ было видно, какою малою растяжимостью отличалась эта отрасль дохода, — явленіе не удивительное въ странѣ, гдѣ только 10% населенія было грамотно и едва ли болѣе 3% вело почтовую переписку, не считая выправки паспортовъ. Замѣчательно еще, что у насъ почти до послѣдняго времени казенная корреспонденція равнялась частной; между тѣмъ даже въ такихъ малограмотныхъ странахъ, какъ Испанія, частная корреспонденція превосходила въ четыре и въ пять разъ казенную. У насъ кромѣ того раскольники и евреи имѣютъ

свою почту, да и люди ученые, какъ Погодинъ, не посылали иначе писемъ, какъ съ оказіей. Огромная коллекція почтовыхъ марокъ всѣхъ странъ, собранная въ отдѣлѣ, была интересна для извѣстныхъ любителей подобныхъ собраній. На нее съ гордостью взглянулъ бы Э. Араго, который первый ввелъ въ 1848 году почтовые марки. Иностранныхъ экспонентовъ было мало въ этомъ отдѣлѣ, и выставленные заграничными почтовыми управленіями вещи не интересны. Къ сожалѣнію, эти управленія не позаботились выставить орудія такъ называемыхъ «черныхъ кабинетовъ»; публикѣ было бы интересно взглянуть на приемы, которыми нарушаются извѣстныя статьи конституцій, гласящія, что «тайна писемъ неприкосновенна».

Публика привлекалась всего болѣе въ почтовый отдѣлъ замѣчательною группой манекеновъ, изображавшей перевозку почты въ Архангельской губерніи и въ Восточной Сибири. Въ декоративномъ отношеніи это было верхъ совершенства. Снѣгъ превосходно поддѣланъ изъ ваты, посыпанной толченой слюдой; свѣтъ, пропущенный сквозь голубоватыя стекла, и елки, покрывавшія декорацию, также необыкновенно способствовали иллюзіи; самые манекены и чучела животныхъ превосходны. Налѣво бѣжалъ олень и везъ легкія санки, въ которыхъ сидѣлъ самоѣдъ и держалъ за поводъ

другого оленя, везшаго санки съ почтовою кладью. Направо остановились весьма естественно сани, запряженные собаками; изъ саней вылезалъ съ сумкою на груди якуть; позы собакъ были весьма натуральны. Говорятъ, что чучела животныхъ, сани, упряжь и одежда были выписаны нарочно. Декорация эта—одно изъ чудесъ политехнической выставки—по достоинству оцѣнивалась посѣтителями.

Рядомъ съ почтовою выставкой въ томъ же павильонѣ помѣщался телеграфный отдѣлъ. Хотя телеграфное дѣло составляетъ важную отрасль и въ частной промышленности, но отдѣлъ политехнической выставки почти исключительно былъ составленъ казенными средствами. Въ декоративномъ отношеніи, послѣ почтоваго дѣла онъ былъ не интересенъ; въ практическомъ отношеніи, внутреннее содержаніе его было поважнѣе, хотя и не Богъ вѣсть какъ замысловато. Телеграфное вѣдомство довольно дѣятельно заботилось о развитіи телеграфныхъ сообщеній, и заслуга эта оцѣнена публикою. Для сравненія развитія телеграфныхъ линий, оно выставило двѣ карты Россіи: одну 1871 г., другую—когда телеграфовъ почти не было. Никто не сомнѣвался, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, но нужно, чтобы это что-нибудь шло въ параллель съ потребностями страны и требова-

ніями европейской жизни. Упреки телеграфному вѣдомству раздавались преимущественно за его слишкомъ фискальное воззрѣніе на телеграфъ, какъ на источникъ государственнаго дохода, и на проистекавшіе изъ этого воззрѣнія высокіе тарифы корреспонденціи, исключеніе изъ которыхъ дѣлалось только для иностранцевъ. И необучавшимся въ семинаріяхъ извѣстно, напримѣръ, что часть менѣе цѣлаго; между тѣмъ телеграмма изъ Петербурга въ Вильно стоила 2 р., а вдвое далѣе, изъ Петербурга въ Берлинъ, на ту же Вильну,—1 р. 88 к. Выходило, что одной аксіомой въ математикѣ меньше.

Строго говоря, телеграфъ составляетъ только небольшую часть прикладной физики, и выдѣленіемъ его въ особый отдѣлъ руководили чисто канцелярскія соображенія. Остальную физику принялъ подъ свое покровительство директоръ Общества взаимнаго кредита Касаткинъ, хотя банковое дѣло основано у насъ не столько на законахъ физики, сколько на опытахъ бѣлой магіи. Построенный Касаткинымъ павильонъ былъ нѣсколько обширенъ для небольшого числа заключавшихся въ отдѣлѣ предметовъ, потому что фотографія и гидравлика выдѣлялись также въ особые павильоны. При физическомъ отдѣлѣ, на средства Чекалина, была устроена метеорологическая станція, снабженная

лучшими инструментами Каплера, Грейнера и др., на нее слѣдовало обратить особое вниманіе нашихъ сельскихъ хозяевъ. Жизнь въ деревнѣ однообразна, метеорологія можетъ играть въ будущемъ для сельскаго хозяйства роль весьма важную, число метеорологическихъ станцій въ Россіи очень незначительно, поэтому желательно, чтобъ наши богатые помѣщики (чему уже подано нѣсколько примѣровъ) устраивали у себя метеорологическія станціи, на что требуется очень небольшая сумма денегъ и незначительныя предварительныя познанія. Съ очевидною пользою для дѣла такимъ образомъ явится маленькое разнообразіе въ сельской жизни, и въ Россіи будутъ свои, если не Кемцы и Дове, то хоть Матѣ де-ла-Дромы; до тѣхъ поръ же русскіе метеорологи даже Академіей выписываются изъ-за границы.

Значительное пространство физическаго отдѣла занимала коллекція моделей мѣръ длины и емкостей Кроткова, имѣвшая цѣлью доказать превосходство метрической системы: въ то время, какъ послѣдняя выражается вполнѣ тремя моделями, для русской метрологіи требуется ихъ пятнадцать. Главные противники метрической системы—англичане, голосъ которыхъ, по ихъ положенію во всемірной торговлѣ, весьма высокъ. Намъ же, прежде метрической системы, полезнѣе бы озаботиться введеніемъ

хотя европейскаго лѣтосчисленія, а то кромѣ относительнаго запаздыванія на столѣтіе, мы какъ-то ухитряемся и абсолютно запаздывать еще на 12 дней, подъ тѣмъ предлогомъ, что русскіе мужики не поймутъ новаго стиля. Мужики поняли вещи и похитрѣ этого, напримѣръ, что бумажка и серебряный рубль одно и то же; къ тому же въ 1700 году перенесли новый годъ съ сентября на январь, и никакой особой путаницы отъ этого не произошло.

Послѣ метрической системы интересна въ отдѣлѣ коллекція по гальванопластикѣ, начиная съ образцовъ, которые Якоби показаль въ 1838 году Академіи Наукъ. Для занимающихся физикой, которую кто-то не безъ основанія называлъ «наукою богатыхъ людей» (оттого-то, вѣроятно, въ нашей странѣ такъ мало физиковъ), въ отдѣлѣ выставлено нѣсколько приборовъ, весьма одобрявшихся спеціалистами. По акустикѣ была замѣчательна коллекція камертоновъ, потому что изготовлена свящ. Израилевымъ въ Ростовѣ. Ростовъ издавна славится не только огородами и рожденіемъ дома Елисеевыхъ, но и музыкальностью; въ немъ даже колокола звонятъ по потамъ, сочиненнымъ митрополитомъ Іоною, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ нельзя услышать подобнаго звона.

Фотографическій отдѣлъ представлялъ москов-

скую фотографію Торлецкаго, перенесенную цѣликомъ на выставку; но болѣе всѣхъ для фотографическаго отдѣла сдѣлалъ Мечковскій, владѣлецъ лучшаго въ Европѣ фотографическаго заведенія. Подаренная имъ московскому музею фотографическая коллекція въ высшей степени замѣчательна, какъ единственное полное историческое собраніе всего относящагося до фотографическаго искусства, начиная отъ первыхъ опытовъ Дагера въ 1824 году до современныхъ фотографическихъ изображеній луны и опытовъ полихроміи. Портреты Мечковскаго отличались изяществомъ; нельзя, однако, не пайти въ нихъ недостатка, восхищавшаго дамъ, а именно Мечковскій держался теоріи, что *l'art embellit la nature* и, благодаря искусно выбранной позѣ, освѣщенію, а быть можетъ и ретуши, всѣ женщины выходили на его портретахъ красивыми, а мужчины геніальными.

Когда во время войны 1870—71 гг., нѣмцы старались всячески унижить достоинство французскихъ ученыхъ, доказывая, что дальше водевиля и фельстона не можетъ идти французскій умъ, они позабыли, между прочимъ, фотографію, всецѣло обязанную французскимъ ученымъ. Въ отмщеніе за это французы сдѣлали изъ фотографіи новое примѣненіе (къ голубиной почтѣ), которое позволило даже частнымъ лицамъ переписываться съ

осажденнымъ Парижемъ. Для фотографіи открыто еще впереди широкое поле приложеній, и нѣтъ сомнѣнія, что до сихъ поръ это чудесное открытіе нашего вѣка только въ зародышѣ.

Типографскій и литографскій отдѣлы, подъ общимъ именемъ печатнаго отдѣла, помѣщались въ довольно большомъ павильонѣ, занятомъ преимущественно скоропечатными машинами; здѣсь посѣтителю, не бывавшій въ типографіи, могъ видѣть весь ходъ печатнаго дѣла отъ отливки буквъ до просушки отпечатанныхъ листовъ. На первомъ планѣ стояли превосходныя работы нашей Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, станки которой, какъ извѣстно, усердно работаютъ круглый годъ. Наполненное иноземцами, по самому характеру своей дѣятельности, учрежденіе это стоитъ особнякомъ и не можетъ оказывать вліянія на развитіе нашего типографскаго дѣла, въ дешевизнѣ и особенно въ изяществѣ далеко отставшаго отъ заграничнаго. Подобное положеніе объясняли обыкновенно ограниченностью нашего типографскаго дѣла, но едва ли оно такъ мало, какъ полагаютъ. Въ одной интересной духовной книгѣ (Русское проповѣдничество) мы нашли очень любопытный фактъ, что одна московская типографія выпустила 360 изданій словъ покойнаго митрополита Филарета въ количествѣ 2.200,000 эк-

земляровъ. А за границею успѣхъ знаменитаго романа г-жи Вичеръ-Стоу, разошедшагося въ 500,000 экземпляровъ, считался уже необыкновеннымъ. На выставкѣ не было издѣлій другой нашей представительницы казеннаго печатнаго дѣла — карточной фабрики Воспитательнаго Дома. Хотя произведенія ея и не отличаются изяществомъ, но, послѣ Экспедиціи заготовленія бумагъ, это единственная, кажется, казенная фабрика въ Россіи, работающая съ барышемъ.

Въ исторической части отдѣла собрали древнепечатныя книги и памятники печатнаго дѣла времени Петра Великаго. Ильинъ, владѣлецъ единственнаго въ Россіи картографическаго заведенія, устроилъ свои работы, къ которымъ приложенъ женскій трудъ. Публично печаталась разными красками учебная карта Россіи. Хотя изданія Ильина уступаютъ въ изяществѣ работамъ военно-картографическаго отдѣла, но по скорости исполненія, сравнительной дешевизнѣ и особенно по многочисленности и разнообразію они заслуживаютъ полнаго сочувствія. Многіе хвалили также машину другаго полковника Петрова, для печатанія прифта безъ набора, но хотя мы и не «изъ нѣмцевъ» (какъ упрекалъ одинъ панегиристъ порицателей аппарата), но позволяемъ себѣ усумниться въ пригодности новаго изобрѣтенія. Техни-

ка такъ мало развита еще въ Россіи, что прослѣдить механикомъ немудрено, зато изобрѣсти что-нибудь новое русскому почти невозможно; таково наше мнѣніе, и мы готовы подтвердить его цифрами и историческими данными.

По справедливости около отдѣла «печатнаго» слѣдовало бы помѣстить отдѣлъ «не печатный»; но еслибъ собрать, что на этотъ счетъ носится въ Россіи въ воздухѣ, то коллекція не вмѣстилась бы и въ десяти павильонахъ; вѣроятно, потому такого отдѣла и не полагалось.

Изъ перваго кремлевскаго сада во второй нужно было проходить подъ аркой; чтобъ попасть изъ втораго кремлевскаго сада въ третій, наоборотъ, приходилось влѣзать на мостъ по деревяннымъ лѣстницамъ. Въ этомъ саду сосредоточивалось три мало интересныхъ (на выставкѣ) отдѣла: гидравлическій, архитектурный и историческій.

Гидравлическій отдѣлъ, выдѣленный особо, хотя онъ имѣлъ прямое соотношеніе къ отдѣлу прикладной физики, не много выигралъ оттого въ интересѣ. Публика принимала его за пожарное депо выставки и проходила мимо; дѣйствительно, кромѣ пожарныхъ инструментовъ въ этомъ отдѣлѣ ничего почти не заключалось. Отдѣлу придано, однако, было практическое значеніе, собрана экспертная коммиссія, произведены испытанія и розданы пре-

ми изъ суммы въ 2,900 руб., пожертвованной страховыми обществами. При своей скромности, пожарный отдѣлъ очень важенъ для Россіи. Пожары, послѣ пьянства, едва ли не самый страшный бичъ нашего народнаго хозяйства; по казеннымъ численіямъ они истребляютъ ежегодно болѣе 40,000 построекъ, слишкомъ на 30 милл. руб. имущества, но, конечно, эта громадная цифра еще ниже дѣйствительности, а съ истребленіемъ лѣса разорительная сила пожаровъ по дороговизнѣ построекъ должна еще увеличиваться. Безъ сомнѣнія, страхование является въ этомъ случаѣ сильною помощью населенію, но страхование въ деревняхъ рѣдко возможно, да и при нашей организаціи перестрахованія большая часть выгодъ отъ страхового дѣла уходитъ въ руки иностранцевъ, а слѣдовательно затрудняется и развитіе дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ, особенно удешевленіе. Чтобъ бороться со зломъ, остается, слѣдовательно, наилучшій путь всетаки въ усовершенствованіи, удешевленіи и распространеніи пожарныхъ инструментовъ, а также обученіе обывателей пожарному дѣлу, къ чему уже съ успѣхомъ приступили нѣкоторые наши города. Собраніе пожарныхъ трубъ и инструментовъ на выставкѣ было довольно значительно. Сравнительное испытаніе трубъ англійскихъ и американскихъ показало зна-

чительное превосходство послѣднихъ, которыя дѣйствуютъ непрерывной струей и такъ спокойно, что вода въ стаканѣ, поставленномъ на ободѣ колеса, не колыхалась. Гидравлическій отдѣлъ устроенъ былъ на средства Листа.

Архитектурный отдѣлъ состоялъ изъ нѣсколькихъ частей, изъ павильоновъ архитектуры и мебелировки, историческаго и храма Спасителя въ Москвѣ. Очень долго архитектура наша ограничивалась тѣсною сферой жилыхъ домовъ и церковныхъ построекъ. Изрѣдка только какому-нибудь архитектору удавалось отличиться сооруженіемъ казармъ или монумента. Однообразіе стиля было чрезвычайное; въ то время, когда на Западѣ псевдоклассицизмъ давно отошелъ уже въ вѣчность, у насъ наивно полагали, что греки и римляне сказали въ искусствѣ послѣднее слово. Человѣкъ разносторонне-образованный, графъ Канкринъ написалъ въ 30-хъ годахъ книжку объ архитектурѣ, гдѣ доказывалъ, что слѣдуетъ воспрещать всѣ постройки иначе, какъ по узаконенному греко-латинскому образцу. Подобныя идеи прилились очень по вкусу тогдашнему главному строительному управленію, и оно усердно ограничивало художественные порывы нашихъ архитекторовъ. Одинъ Петербургъ поддерживалъ еще нѣсколько здравыхъ поня-

тія об'є искусствѣ. Москва и провинціальныя города не знали другого стили, кромѣ казеннаго.

Но обстоятельства перемѣнились; перестройка большихъ городовъ на Западѣ Европы и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, рынковъ, большихъ гостиницъ, фабрикъ и другихъ полезныхъ сооружений дали архитектурѣ сильный толчокъ и новое, утилитарное направленіе. Толчокъ этотъ отозвался и на Россіи, гдѣ въ то же время явилось стремленіе создать или возстановить самостоятельный русскій стиль. Дороговизна квартиръ, хотя и прискорбная, будетъ главною причиною развитія въ Россіи архитектуры и расширенія этой отрасли искусства.

Выставка архитектурная могла преслѣдовать три цѣли: историческую, техническую и художественную. Это было выполнено, и то отчасти, для первой, собраніемъ моделей и рисунковъ древнихъ зданій Россіи, замѣчательныхъ или по своей постройкѣ, или въ историческомъ отношеніи; для сравненія приложены были рисунки замѣчательныхъ зданій другихъ странъ. Части техническая и художественная (собраніе проектовъ, рисунковъ и моделей современныхъ зданій) составлены были неудовлетворительно, случайно и занимали небольшую часть павильона, отведеннаго преимущественно предметамъ, служащимъ для мебелировки и украшенія домовъ. Между этими пред-

метами находилось не мало замѣчательнаго. Шопенъ выставилъ, на примѣръ, очень много издѣлій своего извѣстнаго бронзоваго завода, который останется, безъ сомнѣнія, долгое время единственнымъ въ Россіи; непонятно даже, какія цѣли руководили въ поощреніи къ созданію у насъ производства столь роскошныхъ предметовъ. По нашимъ карманамъ гораздо болѣе приличны разныя композиціи. По деревяннымъ издѣліямъ удовлетворительнѣйшія русскія произведенія относились къ церковнымъ украшеніямъ: кіотамъ, царскимъ вратамъ и т. п.

Въ техническомъ отношеніи въ архитектурномъ отдѣлѣ было мало заслуживающаго вниманія. Стоитъ упомянуть о коллекціи русскихъ гидравлическихъ цементовъ ¹⁾, модели кузницы изъ старыхъ рельсовъ по способу Путилова, моделяхъ разныхъ печей, кровельнаго толя, плиты, русскихъ мраморовъ и т. д. По современному зодчеству

¹⁾ Производство гидравлическаго цемента приняло у насъ громадныя размѣры и играетъ важную роль въ промышленности. Это производство создано (ранѣе цементъ привозили изъ-за границы и беспошлинно) покровительственною пошлюной. Первую пошлину въ 3 коп. кред. съ пуда выхлопоталъ я черезъ Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, по просьбѣ рижскаго фабриканта Шмидта. Сообщаю объ этомъ въ назиданіе потомству и къ свѣдѣнію будущихъ историковъ русской промышленности.

могъ бы представить кое-что павильонъ храма Спасителя въ Москвѣ; въ его коллекціи были не безинтересныя вещи въ техническомъ отношеніи, но общее впечатлѣніе и идея храма, на который истрачено столько денегъ и который долженъ служить памятникомъ великой эпохи, — неудовлетворительны.

Историческій отдѣлъ былъ посвященъ цѣликомъ памяти Петра Великаго, имя котораго непрерывно встрѣчалось въ разныхъ отдѣлахъ выставки; уже по наружности историческій отдѣлъ напоминалъ Коломенскій дворецъ, въ которомъ, по преданію, родился Петръ, хотя на этотъ счетъ самые компетентные историки не согласны между собою.

Мы не одобряемъ фетишизма, который побуждаетъ собирать разныя мелочи туалета послѣ великихъ людей, фетишизма, доведеннаго до смѣшного въ извѣстной луврской коллекціи вещей Наполеона, нынѣ, кажется, упраздненной; но нельзя отрицать и пользы подобныхъ собраній, особенно въ цѣльномъ видѣ, такъ какъ они возстановляютъ историческую эпоху съ ея закулисной стороны и лучше всякихъ книгъ указываютъ на неизмѣримый прогрессъ въ промышленномъ и культурномъ отношеніи. Читая у историковъ фантастическіе рассказы о дипломатическихъ способностяхъ Игоря Святославича, рыцарской вѣжливости какого-нибудь средневѣковаго барона, или глубокой учено-

сти Алкуина, начинаешь думать, не составляетъ ли хваленый прогрессъ простого толченія воды, а какъ взглянешь на ту мизерную обстановку, въ которой вращались эти люди, сейчасъ же поймешь пользу исторической перспективы и оцѣнишь увлеченія историковъ, мѣряющихъ историческихъ дѣятелей на современные аршины.

Для образованія петровскаго павильона было собрано весьма тщательно все, что осталось замѣчательнаго въ разныхъ нашихъ дворцахъ, музеяхъ и присутственныхъ мѣстахъ. Болѣе десяти портретовъ разныхъ эпохъ; знамена, отбитыя при Полтавѣ; качалка Карла XII; мундиръ, пробитая пулею шляпа и орденъ Андрея, бывшіе на царѣ во время Полтавскаго сраженія; всѣ принадлежности его кабинета; азбука, по которой онъ собственноручно исправилъ такъ-называемый гражданскій стиль; типографскій станокъ, бывший съ царемъ въ походахъ, и корректурныя исправленія реляцій его собственной рукой; первый номеръ «Петербургскихъ Вѣдомостей» 1703 года; лопата, которою Петръ началъ копать Ладожскій каналъ; знаменитые треухъ и дубинка, оставленные имъ въ Царицынѣ; постель, экипажи, кубки, оружіе; морскіе инструменты и множество другихъ принадлежностей домашней жизни Петра и нѣкоторыя

изъ его работъ разставлены были въ порядкѣ, весьма удобномъ для обозрѣнія публики.

Еще недавно полагали, что реформа Петра исчерпываетъ всѣ важнѣйшія потребности нашей гражданской жизни. Настоящее поколѣніе далеко отъ такого увлеченія, которое лучше всего выражается извѣстною фразою Оеофана Прокоповича: «Какою Петръ сдѣлалъ Россію, такова и будетъ!» Оно благоговѣетъ передъ памятью Петра, какъ величайшаго дѣльца и работника, возбудившаго всеобщее удивленіе, но понимаетъ, что русскому народу предстоитъ разрѣшеніе многихъ задачъ, о которыхъ и не снилось въ концѣ XVII вѣка.

VI.

Наука давно отнесла такъ называемыя «врожденные склонности» къ числу праздныхъ выдумокъ схоластической философіи, но изъ наиболѣе выдающихся исключеній изъ общаго правила нужно признать Петра Великаго, на маловодной рѣкѣ Москвѣ почувствовавшаго неодолимую страсть къ морю. Петръ не могъ, однако, передать эту любовь къ морю своему народу, который и природа, и историческія условія сдѣлали народомъ континентальнымъ. Русское племя, постепенно раздвигая свои владѣнія—на востокъ колонизаціей и на западъ завоеваніемъ—приграничило къ государству семь морей и два океана, но за малыми исключениями осталось само чуждо морской дѣятельности. И это очень понятно. При взглядѣ на этнографическую карту видно, что русскіе поселились у моря, и то мѣстами, только по Бѣлому морю; затѣмъ берега Балтійскаго, Каспійскаго и

даже Чернаго и Азовскаго морей почти сплошь населены инородческими элементами: финнами, латышами, эстами, греками, татарами, калмыками, персіянами, и притомъ довольно слабо. При такихъ условіяхъ трудно было создать русскій флотъ съ русскимъ экипажемъ, разумѣя, конечно, торговый флотъ, который по естественному порядку вещей составляетъ основаніе и военнаго флота.

Потому въ огромномъ стеклянномъ дворцѣ, занятъ морскимъ отдѣломъ на Политехнической выставкѣ, какую часть занимали частные экспоненты? Ихъ вовсе не было видно. Хотя въ каталогѣ упоминалось о частныхъ экспонентахъ по торговому мореплаванію, но это были: Никита Вульфъ съ краской сепіей изъ Тверской губерніи, архитекторъ Монигети съ моделями мебели, Сѣмечкинъ съ геологическими картами, Лярскій съ грузокатомъ, Сорокинъ съ машиной для сапожныхъ гвоздей и т. п. Таковы представители русскаго торговаго флота! Коллекція дополнялась, правда, моделями пароходовъ, выписанныхъ изъ Англіи обществами «Черноморскаго пароходства и торговли» и «Кавказъ и Меркурій», и моделями допотопныхъ промысловыхъ судовъ Вѣлаго и Каспійскаго морей; но единственнымъ арматоромъ являлся Милютинъ, построившій три небольшихъ судна въ Череповцѣ.

Если вспомнить, что уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ новгородцы нападали съ моря на Финляндію и плавали въ Карское море, а запорожцы на мелкихъ «чайкахъ» разоряли берега Анатолиі, а въ прошломъ столѣтіи казаки и якутскіе купцы открыли и изслѣдовали значительную часть Сѣверной Америки и Тихаго океана, то въ морскомъ отношеніи современный прогрессъ нашъ покажется очень незавиднымъ. Онъ и не могъ быть другимъ, потому что въ теченіе полутора столѣтій гонялись только за виѣшнимъ блескомъ и стремились сдѣлать Россію первоклассной морской державой, не имѣя ни морской активной торговли, ни торговаго флота.

Уже Петръ далъ толчокъ въ этомъ неправильномъ направленіи. Онъ оцѣнилъ пользу военнаго флота въ Голландіи, которая въ XVII вѣкѣ при небольшихъ средствахъ воспользовалась военнымъ флотомъ, чтобъ подорвать политическое и торговое значеніе испанцевъ и сдѣлать океанъ свободнымъ. Не очень заботясь о торговомъ флотѣ и всячески стѣсняя торговлю Архангельска и Вѣлаго моря, Петръ развивалъ военный флотъ болѣе всего, чтобъ уничтожить на Балтійскомъ морѣ исключительное господство шведовъ; потому-то съ окончательнымъ униженіемъ Швеціи и окончилась почти боевая исторія балтійскаго флота. Съ энер-

гидей, свойственную Петру во всѣхъ дѣлахъ, въ ка-
кихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ онъ создалъ флотъ
на Балтійскомъ морѣ, не имѣя другихъ моряковъ,
кромѣ нѣсколькихъ архангельскихъ рыбаковъ. Одна-
ко мы видимъ, что всѣ морскія побѣды Петра:
при Гангутѣ, Гренгамѣ и другія основаны были
на галерномъ флотѣ и абордажѣ, т. е. исключи-
тельно на сухопутной силѣ.

При преемникахъ Петра до самой Екатерины II
военный флотъ нашъ совершенно разстроился и
оказывалъ только слабую помощь въ войнахъ съ
Швеціей и Пруссіей. Екатерина обратила русскій
флотъ въ наступательное орудіе противъ Турціи;
въ особенности это орудіе получило значеніе съ
созданіемъ черноморскаго флота и устройствомъ
въ Севастополѣ, въ 350 верстахъ отъ недоступна-
го до того Константинополя, сильнаго военного
порта.

Съ 1828 года выяснилось, что безъ содѣйствія
черноморскаго флота никакія наступательныя дѣй-
ствія Россіи противъ Турціи невозможны, но со
временъ Екатерины выяснилось также, что Европа
стала опасаться болѣе русскихъ, нежели турецкихъ
завоеваній, и съ досадою и завистью смотрѣла на
наше положеніе на Черномъ морѣ. Опасеніе это
и привело къ севастопольскому погрому. Такимъ
образомъ нашъ военный флотъ сразу былъ по-

ставленъ въ странное положеніе: на Балтійскомъ
морѣ задача его была, казалось, окончена, а изъ
Чернаго онъ былъ исключенъ. Бѣлое море хотя
открывало намъ океанъ, но, къ сожалѣнію, только
на четыре мѣсяца, и чувствовалась необходимость
имѣть порты, круглый годъ не замерзающіе. Въ на-
стоящее время роль военного флота опять видо-
измѣняется: на Черномъ морѣ ему снова откры-
лось поле дѣйствій, на Балтійскомъ онъ долженъ
сообразоваться съ Пруссіей, которая хочетъ воз-
обновить притязанія Швеціи на превращеніе его въ
свое озеро. Но главная задача морскихъ силъ въ
Тихомъ океанѣ.

Лучшимъ временемъ по значенію для нашего
флота былъ конецъ прошлаго столѣтія. Русскіе
корабли громили Швецію и Турцію. По странной
случайности, этотъ же періодъ совпалъ съ времен-
нымъ развитіемъ нашего торговаго флота. Послѣд-
нее не было вовсе, какъ увѣряютъ, послѣдствіемъ
покровительственныхъ мѣръ, тянувшихся въ про-
шломъ вѣкѣ безъ перерыва, но создано было исклю-
чительно подъ вліяніемъ военныхъ событій. Сна-
чала война за американскую независимость, стѣс-
нившая движеніе судовъ англійскихъ, француз-
скихъ и испанскихъ, дала преимущество судамъ
нейтральныхъ націй, въ томъ числѣ и Россіи; за-
тѣмъ еще болѣе выиграла послѣдняя, когда фран-

цузская революція, ея войны и имперія съ континентальной системой исключили изъ морской торговли суда французскія, итальянскія, испанскія, голландскія и нѣмецкія. Періодъ этотъ, тяжелый вообще для Россіи, былъ очень выгоденъ для ея флота и создалъ то призрачное благополучіе, которое въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія уничтожилось, весьма естественно.

Съ 30-хъ годовъ начинается быстрое развитіе пароходства, поставившее Россію, занимавшую до того выгодное относительно судостроенія мѣсто по изобилію и дешевизнѣ лѣса, пеньки, парусины и смолы, на второй планъ, изъ котораго выйти было не легко, потому что для парового плаванія старая Россія съ ея неустроенными внутренними путями, запрещеніемъ выѣзжать за границу, отсутствіемъ всякихъ механическихъ средствъ и пр., еще не доросла. Только въ Крымскую войну мы, собираясь показывать «высокое давленіе безъ паровъ», сами познали пользу пара.

Въ простотѣ сердечной многіе и до сихъ поръ полагаютъ, что вопросъ о созданіи русскаго паруснаго торговаго флота разрѣшается очень легко и просто: стоитъ издать нѣсколько указовъ, скопированныхъ съ навигаціоннаго акта Кромвеля—и дѣлу конецъ. Мы совершенно противоположнаго мнѣнія. Точно такъ же, какъ нельзя было создать

указомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, а потребовалось для того множество отдѣльныхъ узаконеній, работъ, изслѣдованій, изысканій, затратъ частныхъ лицъ и правительства, напряженія всѣхъ экономическихъ силъ страны, даже нѣкотораго риска въ финансовомъ отношеніи (первыя желѣзнодорожныя бумаги были реализованы чуть ли не по 52 за 100), точно также и торговый флотъ въ современномъ его значеніи можетъ быть созданъ только цѣною значительныхъ усилій и большихъ денежныхъ пожертвованій. При этомъ не слѣдуетъ еще задаваться невозможными цѣлями. Смѣшно было бы, напримѣръ, въ Англіи или во Франціи задумать устройство чего-либо похожаго на наше казачество; совершенно въ такихъ же условіяхъ находятся попытки, поощряемыя московскими публицистами, создать въ Россіи купеческій флотъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ созданъ онъ въ Норвегіи, Голландіи, или на греческихъ островахъ, гдѣ камни, болота и исключительное географическое положеніе гонятъ населеніе въ море. Россіи гораздо легче создать теперь паровой флотъ дальняго плаванія, нежели каботажный. Для перваго, пользуясь нашими значительными средствами и содѣйствіемъ правительства, не трудно вооружить нѣсколько хорошихъ и большихъ пароходовъ съ относительно небольшимъ числомъ команды и опытныхъ шкиперовъ;

такія паровыя суда получаютъ теперь преоблада-
ніе во всемірной торговлѣ и быстро вытѣсняють
парусный флотъ дальняго плаванія. Совершенно
въ другихъ условіяхъ находится задача превра-
тить прибрежное населеніе Россіи въ морское. Въ
Петербургской губ., на примѣръ, живутъ по бере-
гамъ моря нѣмецкіе колонисты; для того чтобы
превратить это чисто земледѣльческое населеніе въ
моряковъ, предлагали (что и исполнялось) устроить
на счетъ земства нѣсколько навигаціонныхъ школъ;
но имѣлъ ли подобный образъ дѣйствій хоть не-
много здраваго смысла?

Необходимо было измѣнить и отношенія тор-
говаго флота къ военному. Военный флотъ суще-
ствовалъ пока совершенно независимо. Для него
набирались огромныя команды, доходившія въ
50-хъ годахъ до 50,000 человѣкъ, изъ жителей
внутреннихъ губерній, $\frac{2}{3}$ которыхъ не плавали
даже по рѣкамъ и только тяжелымъ двадцати-
лѣтнимъ ученіемъ превращались съ грѣхомъ по-
поламъ въ quasi-моряковъ, съ тѣмъ чтобы по окон-
чаніи службы уйти снова въ Саратовскую или
Ярославскую губерніи и никогда болѣе не ви-
дѣть моря. Отдаленныя и кругосвѣтныя плаванія
были чрезвычайно рѣдки, а внутреннія плаванія
вырабатывали не столько неустрашимыхъ и на-
ходчивыхъ моряковъ, сколько гимнастовъ. Въ

искусствѣ показывать фокусы при уборкѣ парусовъ, а также въ щедрости на тѣлесныя наказанія никто не превосходилъ русскій флотъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Послѣ Крымской войны взгляды морского управ-
ленія совершенно измѣнились; оно содѣйствовало
устройству срочнаго пароходства и энергически
пустило русскія военныя суда въ дальнія пла-
ванія. Послѣднія подтвердили грустный фактъ,
что въ то время, когда русскій военный флагъ
гордо развѣвался на всѣхъ моряхъ, русскаго ку-
печескаго флага нигдѣ не было видно, кромѣ тор-
жественныхъ иллюминацій. Морское управленіе
встрѣтило, однако, препятствія въ преслѣдованіи
своей задачи отъ развитія съ начала 1860 годовъ
броненоснаго флота, превращавшаго военный
флотъ въ какое-то вспомогательное средство для
обороны береговъ и крѣпостей. Постройка подоб-
наго флота требуетъ множества денегъ, а плаванія
броненосцевъ такъ ограничены, что, со введеніемъ
всесословной морской военной повинности и есте-
ственнымъ сокращеніемъ срока службы, являет-
ся сомнѣніе въ возможности образовывать сколь-
ко-нибудь опытныхъ матросовъ. Какъ выйдетъ
морское управленіе изъ этой дилеммы, въ кото-
рую поставлены теперь не только Россія, но и
Пруссія, Италія, Австрія и др. государства, со-

держація военный флотъ съ политическими цѣлями, — предвидѣть нельзя.

Какія бы однако воззрѣнія ни преобладали въ морскомъ управленіи, какъ бы оно ни смотрѣло на значеніе для Россіи военнаго флота на разныхъ моряхъ и соотвѣтственно тому увеличивало его или сокращало, но вовсе безъ военнаго флота Россія обойтись не можетъ, а въ такомъ случаѣ для собственныхъ интересовъ этого флота нужно поощрять русское торговое мореплаваніе.

Какъ вездѣ, торговое мореплаваніе выгодное занятіе и въ Россіи; хотя ничтожность нашего флота говоритъ будто бы противное, но это можно доказать немногими примѣрами. Благосостояніе «Русскаго Общества пароходства и торговли» объясняютъ обыкновенно помилной платой; безъ послѣдней, однако, въ двѣнадцать лѣтъ выручка пароходовъ Общества увеличилась въ шесть разъ. Каково же будетъ положеніе, когда за границею будутъ русскіе купцы и агенты и русскіе консулы изъ русскихъ.

Эти примѣры убѣждаютъ, что судоходство и для Россіи выгодно. Если же имъ не занимаются, то потому, что оно не составляетъ для населенія естественнаго промысла. Къ мореплаванію нужно привлечь наши капиталы искусственной гарантіей извѣстной выгоды, довольно значительной. Подоб-

ная гарантія для правительства не рискована, потому что она будетъ по большей части номинальна. Тутъ повторится та же исторія, что и съ желѣзными дорогами; въ томъ предположеніи, что русскія дороги убыточны, были розданы десятки милліоновъ рублей ежегодныхъ гарантій, между тѣмъ не потребовалось и четверти назначенной суммы.

Морское министерство отдѣлало свою выставку роскошно съ затратой до 300,000 рублей. Кромѣ огромнаго павильона изъ желѣза и стекла, морской отдѣлъ состоялъ изъ павильона для издѣлій Обуховскаго завода, заандамскаго домика Петра Великаго въ натуральную величину, носовой части большого трехмачтоваго купеческаго судна съ фокъ-мачтой, съ полнымъ вооруженіемъ, и средней части большого военнаго корвета съ гротъ-мачтой съ полнымъ вооруженіемъ и парусами; внутри устроены каюты для всѣхъ офицерскихъ чиновъ со всею мебелью и убранствомъ, показывавшія во-очію москвичамъ тайны жизни на кораблѣ. Корабли врыты по ватеръ-линію въ землю и стояли спокойно; но, къ сожалѣнію, москвичи знаютъ, что въ морѣ этого не бываетъ, и никогда не промѣняютъ своей неподвижной почвы и моря житейскаго на странствованія по зыбкой стихіи и океанамъ.

Въ морскомъ отдѣлѣ, какъ въ превосходномъ морскомъ музеѣ, собрано было все, что только необходимо для ознакомленія публики съ техникою морского дѣла. Ни одинъ отдѣлъ, не исключая туркестанскаго, не составленъ было такъ полно и съ такимъ тщаніемъ; кромѣ того, десятокъ морскихъ офицеровъ по очереди «стояли на вахтѣ» и разъясняли значеніе выставленныхъ предметовъ. Эти разъясненія были цѣлыя лекціи; при насъ одинъ офицеръ полтора часа объяснялъ, напр., для чего служить шлюпка, съ такой подробностью, что на слушателей нашло даже уныніе. Роскошь отдѣла видна была изъ того, что его обвѣсили десятками картинъ лучшихъ нашихъ маринистовъ—Айвазовскаго, Боголюбова и др., изображавшихъ славныя для русскаго флота битвы гангутскую, гренгамскую, чесменскую, ревальскую, Выборгскую, Афонскую, наваринскую, сѣнопскую, а также отдѣльные подвиги нашихъ моряковъ. Если русскіе моряки плохо плавали, зато всегда лихо дрались съ непріятелемъ. За исключеніемъ сдачи «Рафаила» и нѣкоторыхъ другихъ темныхъ пятенъ, въ большинствѣ случаевъ флотъ нашъ оставался побѣдителемъ, что свидѣтельствовали развѣшенные на выставкѣ три большихъ карты разныхъ морей, на которыхъ отмѣчены многочисленныя мѣста сраженій русскаго флота съ 1656 года. Художники изобразили эти

подвиги съ нѣкоторымъ пересоломъ, весьма простительнымъ; въ особенности замѣчательнъ «Наваринъ» Айвазовскаго, гдѣ всѣ турки валятся вверхъ ногами, причемъ у нихъ шапки съ головы не падаютъ, какъ будто бы прибитыя гвоздями. Кромѣ картинъ и картъ, историческая галерея дополняется портретами морскихъ дѣятелей: Спиридова, Чичагова, Грейга, Ушакова, Кроуна, Сенявина, Лазарева, Нахимова, Новосильскаго и мн. др. Къ сожалѣнію, выборъ послѣднихъ сдѣланъ исключительно по соображенію боевыхъ заслугъ и были пропущены портреты знаменитѣйшихъ русскихъ путешественниковъ и гидрографовъ: пробѣлъ весьма чувствительный.

Въ гидрографическомъ отдѣленіи помѣщено много гидрографическихъ, метеорологическихъ и геодезическихъ инструментовъ, а также морскихъ картъ; но не было общаго свода всѣхъ описей и географическихъ открытій, сдѣланныхъ русскими моряками; подобная карта показала бы наши заслуги въ гидрографіи,—заслуги солидныя и нерѣдко героическія, каково, напр., описаніе Сѣвернаго ледовитаго океана. Рядомъ съ гидрографіей помѣщалась выставка спасательныхъ станцій, а на крышѣ средней части большого павильона возвышался маякъ съ аппаратомъ Френеля. Маяки и спаса-

тельные станціи въ Россіи въ неудовлетворительномъ еще положеніи ¹⁾.

Въ серединѣ большого павильона помѣщался ботикъ Петра Великаго, заново отдѣланный; у него стоялъ постоянно почетный караулъ. Вокругъ размѣстилось историческое отдѣленіе, гдѣ въ моделяхъ и чертежахъ наглядно представлялась исторія русскаго военнаго флота, отъ галеры царя Алексѣя Михайловича до 120-ти пушечнаго паруснаго корабля «Россія», отличившагося при бомбардировкѣ Свеаборга. Здѣсь же находились кортикъ Петра I-го, морской мундиръ Екатерины II-й и серебро, подаренное ею Черноморскому флоту, изъ добычи, взятой адмираломъ Ушаковымъ.

Современное положеніе военнаго флота представлено было и въ моделяхъ, и въ чертежахъ какъ нашего парового деревяннаго флота: кораблей, нынѣ вышедшихъ изъ употребленія, фрегатовъ, корветовъ, клиперовъ, яхтъ и канонерскихъ лодокъ, такъ и броненоснаго флота, которому на разореніе французскихъ кармановъ положилъ начало въ 1854 году все тотъ же Наполеонъ III. Впрочемъ, идея броненосныхъ судовъ была предложена гораздо ранѣе, въ 1812 году, Стивенсомъ, въ Аме-

¹⁾ Справедливость заставляетъ отмѣтить, что со времени написанія этихъ строкъ сдѣлано въ Россіи по этой части очень много.

рикѣ, въ 1821 году Пексаномъ во Франціи, если только не изобрѣли ихъ китайцы, которые умудрились все изобрѣсти, отъ книгопечатанія до митральезы, и ничего не усовершенствовать. Модели броненоснаго флота представляли фрегаты, мониторы съ башнями Кольза и Эриксона и поповку, русское изобрѣтеніе — адмирала Попова, измѣнившая только первоначальный типъ круглыхъ судовъ, предложенныхъ, кажется, для обороны Антверпена ¹⁾.

Для объясненія отдѣльныхъ частей современнаго военнаго судостроенія и кораблевожденія на выставкѣ заключался богатѣйшій матеріалъ. Въ разнообразныхъ коллекціяхъ Политехнической выставки недоставало только «морскихъ сливокъ», въ употребленіи которыми глупый предразсудокъ винить часто моряковъ, и той утонченной любезности, которой русскіе моряки выгодно отличаются отъ стереотипнаго понятія объ европейскихъ морякахъ, созданнаго романами Маріетта и Сю и комедіями Скриба.

Выставка показывала, что если мы въ военноморскомъ дѣлѣ не проявляли большой инициати-

¹⁾ Отрицательныя качества поповокъ выяснились блистательно въ войну 1877 г., послѣ которой какой-то шутникъ предложилъ обратить ихъ въ мукомольныя мельницы.

вы, то и не упорствовали, какъ до Крымской войны, въ рутинѣ. Морское управленіе заслуживало еще признательности и по стремленію передать въ руки частной дѣятельности почти все, что не относилось непосредственно къ военно-морскому ремеслу въ тѣсномъ смыслѣ,—явленіе довольно рѣдкое въ Россіи. Въ особенности русская промышленность обязана была въ этомъ отношеніи адмиралу Воеводскому, заправлявшему долгое время кораблестроеніемъ.

Въ заключеніе мы должны пожалѣть, что столь значительныя средства употреблены были на популяризацію морского дѣла въ Москвѣ, которая по своему географическому положенію всегда останется къ нему равнодушною, какъ равнодушны, напримѣръ, Парижъ къ интересамъ французскаго флота. На тѣ же средства съ гораздо большею пользою можно было устроить превосходный постоянный морской музей въ Одессѣ, Ригѣ или Архангельскѣ, въ средѣ населенія, понимающаго выгоды мореплаванія и считающаго его дѣломъ, близкимъ своему сердцу.

VII.

На другомъ концѣ набережной Москвы-рѣки, отъ Тайницкой башни до Василія Блаженнаго, былъ устроенъ отдѣлъ желѣзнодорожный, на средства, пожертвованныя Губонинымъ, Козаковымъ, Пріятелевымъ, Епишкинымъ, Коровинымъ и Мейеномъ. Къ послѣднему, какъ къ предсѣдателю отдѣла, должны быть отнесены похвалы какъ по отличному устройству отдѣла, такъ и по своевременному изданію каталога, съ которымъ въ полнотѣ могъ сравниться только каталогъ морского отдѣла. Отдѣлъ посылалъ на свой счетъ инженеровъ за границу и даже въ Америку, но, кажется, изъ этихъ разъѣздовъ не вышло проку.

При входѣ красовалось пассажирское зданіе и дебаркадеръ въ натуральную величину, весьма неудобно расположенные, съ залами для пассажировъ 1-го, 2-го и 3-го класса, соотвѣтственною мебелью и телеграфной станціей, соединенной съ город-

скимъ телеграфомъ. Въ залѣ 3-го класса размѣстились отдѣленія изысканій, топографическихъ картъ, инструментовъ и орудій, употребляемыхъ для изысканій. Въ залахъ двухъ первыхъ классовъ были выставлены предметы по исторіи, статистикѣ и эксплуатаціи дорогъ; чертежи и модели, объяснявшіе постепенное развитіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи; спеціальныя карты и альбомы постройки всѣхъ существовавшихъ въ Россіи дорогъ; официальные документы и отчеты, модели изъ музея института путей сообщенія; библіотека русскихъ и иностранныхъ сочиненій о желѣзныхъ дорогахъ и образцы книгъ, бланковъ и таблицъ для желѣзнодорожнаго счетоводства.

Многіе изъ этихъ предметовъ были очень интересны; другіе интересны потому, что изобрѣтены въ Россіи и приноровлены къ нашимъ потребностямъ. Выставлено всего было много, и мы только вскользь упомянемъ объ обширной коллекціи инструментовъ для изысканій по желѣзнымъ дорогамъ (70 предметовъ); о моделяхъ моста по новой системѣ, усовершенствованной стрѣлки и американской снѣговой защиты; о снѣгоочистителяхъ въ моделяхъ и въ натуральную величину—хорошій снѣгоочиститель—предметъ весьма важный для Россіи; о моделяхъ новаго способа постройки верхняго строенія полотна желѣзныхъ дорогъ Тырано-

выхъ, обратившихъ на себя вниманіе въ Лондонѣ; о коллекціи различныхъ поврежденій въ рельсахъ, гдѣ съ прискорбіемъ можно было видѣть, что и стальные рельсы ломаются очень часто; наши Демидовскіе еще лучше другихъ въ этомъ отношеніи; о коллекціи гаекъ, болтовъ и пр.,—производство этихъ издѣлій быстро развивалось въ Россіи; о множествѣ разныхъ издѣлій завода при Коммиссаровской школѣ, мѣдныхъ трубахъ, издѣлій изъ стали Мартена, тогда бывшей новостью, и т. д., и т. д.

Нѣкоторые предметы отличались и комическимъ характеромъ: такова, напримѣръ, карта вновь проектированнаго направленія Уральской желѣзной дороги, которое имѣло цѣлью примирить два давно соперничавшихъ направленія—на Тагиль, Пермь, Вятку и Кострому, и на Екатеринбургъ, Сарapulъ и Казань. Новое направленіе, сочиненное особой спеціальной комиссіей, состояло въ томъ, что дорога шла зигзагами по горамъ отъ Екатеринбурга къ верхней Камѣ, по направленію изъ Средней Азіи къ сѣверному полюсу, стараясь уловить поболѣе горныхъ заводовъ, совершенно какъ та желѣзная дорога, которая, по выраженію одного сатирика, «болотомъ пойдетъ—захватитъ морошку, лѣсомъ—рябчика». Очень жаль, что такой важный государственный вопросъ, какъ Сибирская же-

лѣзная дорога, вмѣсто серьезной разработки, или еще лучше скорѣйшаго осуществленія, былъ оставленъ пищею для всякихъ фантазій ¹⁾).

На примыкавшихъ къ станціонному зданію крытыхъ платформахъ были выставлены телѣжки для перевозки багажа и товаровъ, брезенты, вѣсы, вещества для смазыванія и пр. Въ крытой галереѣ, въ серединѣ пассажирскаго вокзала, положили пять рельсовыхъ путей, изъ которыхъ два протянули до конца желѣзнодорожнаго отдѣла. На рельсахъ поставили подвижной составъ, локомотивы, вагоны и платформы, употреблявшіеся на разныхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Эта часть отдѣла была самая интересная, и едва ли не важнѣйшая на политехнической выставкѣ. Никто не сомнѣвался, что, занявъ полмилліарда рублей, мы могли выстроить желѣзные дороги, т. е. русскіе инженеры сдѣлаютъ нивелировку, русскіе мужики насыпать полотно и срубить станціи, а мосты, рельсы, подвижной составъ, телеграфъ и пр. будутъ куплены за границей; но неприлично было такому государству, какъ Россія, оставаться навсегда въ зависимости отъ иностранныхъ заводовъ

¹⁾ Уральскую горнозаводскую дорогу съ трудомъ потомъ связали обходнымъ путемъ съ рельсовой сѣтью. Сама по себѣ она упирается съ одной стороны въ тундру, а съ другой—въ сибирскія болота.

и ограничивать свою технику нивелировкой, выемками и насыпями. Каждая война ставила бы тогда наши желѣзные дороги въ опасное положеніе и принуждала бы держать огромные запасы на всякій случай мертвымъ капиталомъ. Кромѣ того высшія соображенія показывали, что на желѣзныхъ дорогахъ и развилась на Западѣ горная и механическая промышленность; упустить этотъ случай, чтобъ дать сильный толчокъ и своей промышленности, значило бы игнорировать важнѣйшіе интересы страны.

Послѣ нѣкотораго колебанія желѣзнодорожное дѣло было, наконецъ, связано у насъ съ механическимъ и отчасти горнымъ дѣломъ, и нѣсколько лѣтъ практики принесли слѣдующіе результаты: желѣзные мосты дѣлаются въ Россіи; рельсы перекатываются кое-гдѣ съ грѣхомъ пополамъ, но къ устройству настоящихъ рельсовыхъ заводовъ, приготовляющихъ рельсы изъ чугуна, выплавленного на коксѣ, еще не приступлено ¹⁾; русскій каменный уголь начинаетъ мало-по-малу входить въ употребленіе на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ; болѣе успѣха сдѣлало приготовленіе въ Россіи подвижного состава. Политехническая выставка показала въ этомъ случаѣ значительный прогрессъ

¹⁾ Къ этому приступили только въ концѣ 80-хъ годовъ.

сравнительно съ выставкою 1870 года въ Петербургѣ, гдѣ появленіе въ первый разъ русскихъ локомотивовъ возбудило общій восторгъ.

Первое мѣсто въ локомотивномъ производствѣ принадлежало громадному заводу Русскаго общества механическихъ и горныхъ заводовъ (бывш. Полетики и Семянникова). Онъ выставилъ два товарныхъ паровоза: одинъ—отдѣланный, съ тендеромъ, вѣсомъ 36 тоннъ; другой—вчернѣ, безъ окраски. Последний въ особенности замѣчателенъ, такъ какъ показывалъ, что, за исключеніемъ немногихъ частей, былъ сдѣланъ въ Россіи, матеріалы также употреблялись преимущественно русскіе. Этотъ заводъ занимался еще въ обширномъ видѣ кораблестроеніемъ и приготовленіемъ желѣза. Старѣйшій паровозный заводъ въ Россіи—Александровскій Главнаго Общества—выставилъ 8-ми-колесный товарный паровозъ, сдѣланный еще въ 1869 году. Паровозы этого завода, хотя собранные преимущественно изъ иностранныхъ частей, отличались дороговизною. Затѣмъ по старшинству шелъ Коломенскій машиностроительный заводъ, бывший Струве. Заводъ этотъ знаменитъ своими мостовыми сооруженіями; въ паровозы его также входило много привозныхъ изъ-за границы частей. Коломенскій заводъ выставилъ товаро-пассажирскій вагонъ, съ тендеромъ, въ 32 тонны. Людиновскій заводъ Маль-

цева выставилъ товарный локомотивъ съ тендеромъ. На Петербургской выставкѣ въ паровозѣ Мальцева были найдены многіе недостатки, но, судя по выставленному вновь паровозу, производство Людиновскаго завода сдѣлало успѣхи. Дѣятельность Мальцева для русской промышленности слишкомъ извѣстна, чтобъ о ней настояла необходимость распространяться. На выставкѣ недоставало только локомотивовъ казеннаго Воткинскаго завода, признанныхъ на выставкѣ 1870 г. отличными. Получившіе заказы на паровозы Путиловъ и Карръ и Макферсонъ не нашли выгоднымъ осуществлять это предпріятіе при современныхъ условіяхъ.

Кромѣ локомотивовъ для подвижного состава нужны еще вагоны и платформы. Въ производствѣ этихъ издѣлій нашъ прогрессъ еще значительнѣе, нежели въ производствѣ паровозовъ. Ковровскія мастерскія Главнаго Общества праздновали уже выпускъ тысячнаго вагона, съ ними соперничали уже десятки другихъ заведеній. Кромѣ того, разные заводы и заведенія выставили платформы, полувагоны, дрезины и т. д. Несмотря на это изобиліе, на выставкѣ не было еще многихъ русскихъ заводовъ, только что возникшихъ.

Ливенская дорога выставила локомотивъ системы Ферли, сдѣланный на заводѣ Шарпъ-Стюартъ. Си-

стема Ферли имѣеть много достоинствъ, но къ ней, къ сожалѣнію, была приплетена узкая колея. Вопросъ объ этой колеѣ возникъ случайно въ собраніи англійскихъ инженеровъ, въ 1865 году, въ Лондонѣ, изъ-за существовавшей втихомолку съ 1832 года Фестиніюжской желѣзной дороги въ Англіи, длиною въ 18 верстъ. Англійскіе инженеры, и во главѣ ихъ президентъ общества Биддеръ, осмѣяли панегиристовъ узкой колеи, въ особенности Малле, который доказывалъ, что будто съ уменьшеніемъ колеи вѣсъ локомотива и расходы эксплуатаціи уменьшаются въ пропорціи куба. Замѣчательно, что Спулеръ, долго управлявшій Фестиніюжской дорогой, и отецъ котораго также былъ управителемъ этой дороги съ ея основанія, въ своемъ сочиненіи доказывалъ, что, по его собственному продолжительному опыту управленія узкоколейной дорогой, онъ находитъ колею въ 2 фута недостаточною и не рекомендуетъ эту ширину, а предлагаетъ принять колею въ $2\frac{1}{2}$ фута. Нѣтъ сомнѣнія, если бы Спулеръ управлялъ дорогою, гдѣ колея была бы $2\frac{1}{2}$ фута, то онъ пришелъ бы къ заключенію, что эту колею рекомендовать нельзя, а слѣдуетъ принять 3 фута, и т. д., и могъ бы дойти до того, что слѣдуетъ держаться принятой уже и установленной колеи, которую скорѣе же-

лательно увеличить (для дорогъ съ очень большимъ движеніемъ), нежели уменьшить.

Узкоколейныя дороги всплыли наверхъ совершенно случайно, вслѣдствіе осмотра особою комисіею въ 1870 году русскихъ инженеровъ Фестиніюжской дороги. Нѣкоторые наши инженеры, г. Саловъ и др., увлеклись старою новинкою и начали доказывать, что не только узкоколейныя дороги превосходны, но слѣдуетъ приложить узкую колею и ко всѣмъ новымъ дорогамъ въ Россіи, между прочимъ и къ Сибирской! За это увлеченіе заплатились наши города: Ливны, Новгородъ и Вологда, соединенные узкоколейными дорогами съ общемою сѣтью и обреченные на всегдашнюю перегрузку своихъ товаровъ и на замкнутость своего подвижного состава. Лишенные прямого сообщенія, дороги эти останутся навсегда вѣтвями и не будутъ въ состояніи быть продолженными. Когда жаръ увлеченія прошелъ, защитники узкой колеи узнали, что вопросъ о ней давно порѣшенъ, что иныя ширококолейныя дороги обошлись вдвое дешевле узкоколейной Фестиніюжской, что ширина колеи не препятствуетъ движенію по большимъ уклонамъ и крутымъ кривымъ, и что вѣсъ подвижного состава не зависитъ вовсе отъ ширины колеи. Но исправить ошибку было уже поздно.

Позади вокзала, въ саду, была помѣщена весьма

посредственная бронзовая статуя Петра Великого во весь ростъ; далѣе шелъ императорскій павильонъ. Въ сторонѣ, у стѣны, построили баракъ для рабочихъ при устройствѣ полотна; вокругъ коллекціи орудій, употребляемыхъ при земляныхъ работахъ; образцовая казарма для помѣщенія рабочихъ при постройкѣ и ремонтѣ желѣзной дороги и навѣсъ для помѣщенія временныхъ рабочихъ. Тутъ же расположились орудія для верхняго строенія пути; образцы щебня, шпаль, лежней, рельсовъ, переводныхъ круговъ, стрѣлокъ и т. п. Въ концѣ отдѣла стоялъ водоподъемный бакъ съ кранами и паровой коперъ.

У входа въ отдѣлъ былъ поставленъ автомобиль системы Томсона съ каучуковыми шинами. Эта система и подобныя ей рѣшали весьма важный для многихъ нашихъ мѣстностей вопросъ о передвиженіи грузовъ по грунтовымъ дорогамъ посредствомъ пара. Благодаря широкимъ и упругимъ шинамъ, локомотивъ свободно двигался по слабому и неровному мѣсту. При опытахъ въ Англіи близъ Единбурга въ 1869 году, какъ сообщалъ «Times», подъ шины автомобиля при его движеніи по шоссе бросали картофель и онъ не раздавливался. Уже въ 1870 г. болѣе 100 подобныхъ автомобилей употреблялись на Цейлонѣ для перевозки грузовъ съ плантацій и копей къ портамъ.

Мы слышали о желѣзнодорожномъ отдѣлѣ довольно рѣзкіе отзывы отъ специалистовъ, въ томъ смыслѣ, что въ отдѣлѣ очень было мало новаго. Вообще на Политехнической выставкѣ было очень обыкновенное явленіе — специалисты, ругавшіе каждый свои отдѣлы, хвалившіе другіе отдѣлы. Въ этихъ упрекахъ была доля основанія, потому что свое дѣло всегда болѣе знакомо и удовлетвориться имъ труднѣе. Желѣзнодорожный отдѣлъ не представлялъ, можетъ быть, желѣзнодорожнаго дѣла въ Европѣ въ его новѣйшей постановкѣ, но онъ и не задавался такою обширною задачею. Отдѣлъ превосходно рисовалъ современное положеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, и если взять во вниманіе, что весь обширный отдѣлъ былъ устроенъ на частныя средства и распорядители не получали при этомъ ни подъемныхъ, ни суточныхъ, ни прибавочныхъ, ни добавочныхъ и т. д., то нельзя не признать чрезмѣрнымъ требованіе, чтобы мы, пять лѣтъ строивъ дороги, начали уже удивлять Европу совершенствомъ своей техники.

VIII.

Военный отдѣлъ — совершенная противоположность съ желѣзнодорожнымъ. Кромѣ ресторана, все въ немъ было создано казенными средствами и казенными агентами. Г. Боголюбовъ въ объемистомъ панегирикѣ военнаго отдѣла, написанномъ ловко и не безъ знанія дѣла, объяснялъ цѣль устройства тройко: во-первыхъ, поддержать спеціально-военное образованіе, потому что никогда книги не замѣняютъ нагляднаго, легкаго и скорого знакомства съ предметами въ ихъ настоящемъ, подлинномъ видѣ; во-вторыхъ, наканунѣ введенія общеобразовательной воинской повинности, военное дѣло должно сдѣлаться популярнымъ, и въ-третьихъ, выставка есть отчетъ обществу въ тѣхъ серьезныхъ затратахъ, которыя государство дѣлаетъ для арміи. На устройство отдѣла, по словамъ г. Боголюбова, было истрачено 150,000 руб., но въ дѣйствительности гораздо болѣе, потому что Фейгинъ, обязавшись вы-

строить зданіе за 30,000 руб., употребилъ на это по крайней мѣрѣ вдвое; кромѣ того на выставку, говорятъ, было командировано на казенный счетъ охоло двухсотъ лицъ. Мы слышали, что расходы превзошли полмилліона, и эта цифра, вѣроятно, ближе къ истинѣ.

На эти обширные средства было покрыто зданіями и вообще занято пространство около 3,000 кв. саж., не считая еще Военно-Педагогическаго отдѣла, помѣщеннаго въ экзерциргаузѣ. Часть зданій расположилась по набережной Москвы-рѣки, а именно павильонъ для военно-техническихъ производствъ и павильоны Алафузова и Акчуриной, а черезъ рѣку былъ наведенъ понтонный мостъ. Военно-техническій павильонъ заключалъ въ себѣ гильзовый отдѣлъ петербургскаго патроннаго завода и отдѣлы московскихъ патронныхъ мастерскихъ, петербургскихъ арсенала и орудійнаго завода, тульскаго и сестрорѣцкаго оружейныхъ заводовъ, охтенскаго порохового завода и петербургской обмундировальной мастерской.

Цѣль такой подробной выставки означенныхъ производствъ въ дѣйствиіи не совсѣмъ была ясна. Устройство, напримѣръ, патроннаго завода съ затратою нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей не можетъ служить какою-либо школой для нашей промышленности. Во-первыхъ, если патронное про-

изводство и перейдетъ въ частныя руки, все-таки оно не займетъ болѣе одного или много двухъ заводовъ; во-вторыхъ, самая техника патроннаго производства очень элементарна, механизмы несложны, и патронъ проходитъ сотню рукъ, не считая еще тѣхъ, которыя заняты снаряженіемъ, счетомъ, укупоркою и пр. Болѣе интереса могло бы представить пороховое производство, въ виду проекта разрѣшить производство дешеваго и хорошаго частнаго пороха, вмѣсто дорогого и плохого казеннаго; но пороховое производство по своей опасности не слишкомъ удобно для выставки среди публики вблизи Кремля.

Вообще военное вѣдомство слишкомъ много вещей дѣлаетъ казенными средствами. Г. Боголюбовъ, правда, доказывалъ, что принципъ военнаго вѣдомства—пользоваться по возможности частной промышленностью и обращаться къ производству собственными средствами только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ частная производительность или безсильна, или черезчуръ дорога; но неужели частная промышленность Россіи не въ состояніи, на примѣръ, сдѣлать топоръ или лопату? Между тѣмъ весь шанцовый инструментъ инженерное вѣдомство дѣлало само въ Динабургѣ, вдали отъ желѣзныхъ заводовъ, и навѣрное гораздо дороже частной промышленности. То же самое относится и ко

многимъ другимъ предметамъ. Казенные поставщики выставили въ особыхъ павильонахъ: Алафузовъ и К^о льнопрядильныя и льноткацкія машины, выдѣлывающія принятыя нашимъ интендантствомъ образцы льняныхъ тканей, а вдова Акчурина—машины, выдѣлывающія сѣрыя армейскія безворсныя и верблюжьи сукна. Поэтъ Батюшковъ, въ своемъ «Вечерѣ у Кантемира», заставляетъ Монтескье пророчествовать, что самоѣды будутъ скоро читать «Персидскія письма» при свѣтѣ лампы, налитой рыбьимъ жиромъ». Алафузовъ показалъ нѣчто подобное: полудикія чувашки, черемиски, татарки и мордовки, въ своихъ національныхъ первобытныхъ костюмахъ, работаютъ очень искусно на сложнѣйшихъ англійскихъ льнопрядильныхъ и льноткацкихъ машинахъ. Такое занятіе, можетъ быть, не такъ эффектно, какъ чтеніе легкой сатиры XVIII вѣка, но, конечно, несравненно для Россіи полезнѣе.

Остальная половина военнаго отдѣла находилась въ Кремлѣ, на плацу, противъ Малаго кремлевскаго дворца. Для осмотра этой половины нужно было подняться по откосу и пройти ресторанъ, гдѣ въ верхнемъ этажѣ угощали «чистую публику», а внизу устроена артельная застольная для чернорабочихъ, служившая и для производства надъ русскими желудками, переваривающими, по

выраженію Гоголя, и царскую водку, опытовъ съ разными русскими консервами. Случалось иногда, что чистую публику угощали кушаньемъ, изготвленными, очевидно, для чернорабочихъ; но я не слыхалъ, чтобъ случилось противное и чтобъ чернорабочимъ подносили по ошибкѣ кушанья, назначенныя для верхняго этажа. Военный ресторанъ оставлялъ также желать многого относительно любезности, что нужно приписать отсутствію красивыхъ женщинъ, засѣдавшихъ, напримѣръ, у Гапедуа и Кацараки.

На плану въ Кремлѣ были выстроены большой павильонъ военно-историческаго музея, образцовая казарма, часть военного госпиталя, разные госпитальные и лагерные бараки и навѣсъ для обоза. Членамъ комисіи пришла, какъ замѣчалъ г. Боголюбовъ, «хорошая мысль» соорудить тутъ же укрѣпленіе, вооруженное орудіями; но хорошая мысль не осуществилась. О разныхъ баракахъ, казармахъ и лазаретахъ мы предоставили говорить специалистамъ, замѣтивъ только, что вся эта казарменная архитектура, покрытая краской на казенной олифѣ, «по мысли заслуженнаго профессора Киттары», и казарменная обстановка едва ли сдѣлали военное ремесло популярнымъ, какъ полагалъ г. Боголюбовъ. Военное дѣло плѣняетъ молодое воображеніе опасностью, отличіями, сла-

вою и поэтическимъ дымомъ сраженія; а казармы, полулазареты, операціонные бараки и гороховая колбаса составляютъ оборотную сторону медали, весьма непріятную.

Въ верхнемъ помѣщеніи военного отдѣла самое интересное былъ историческій музей въ огромномъ павильонѣ, построенномъ въ русскомъ вкусѣ Гартманомъ. Въ этомъ отдѣлѣ находились собранія военно-топографическое, инженерное, военно-медицинское, ветеринарное, артиллерійское и интендантское. Въ послѣднемъ цѣлый рядъ залъ былъ наполненъ манекенами военныхъ разныхъ эпохъ въ мундирахъ и др. принадлежностяхъ того времени.—Это изображеніе въ лицахъ книги «Одежды и вооруженія російскихъ войскъ». Однообразіе въ обмундированіи въ Россіи ввелъ Петръ I, скопировавшій военную форму со шведской; при Петрѣ II были введены въ войска пудра, косы, мажеты и штиблеты; при Аннѣ I — кокарды. При Екатеринѣ II, по мысли Потемкина, обмундированіе было опять значительно упрощено, пудра и косы отмѣнены, но Павелъ I возстановилъ пудру и пукли. При Александрѣ I окончательно были изгнаны пудра, косы и пукли, но зато вмѣсто широкихъ и удобныхъ петровскихъ и екатерининскихъ кафтановъ съ камзолами, заимствованы изъ Франціи мундиры съ фалдами и стоячимъ ворот-

никами, краги и тяжелые кивера; при Николаѣ I отмѣнены штиблеты и краги, но введены каски; наконецъ, съ конца 50-хъ гг., съ другими преобразованиями по военной части, началась реакція въ пользу облегченія солдата въ обмундированіи: короткохвостые мундиры замѣнены кафтанами, брюки—шароварами, шинели—пальто, каски—суконной шапкой съ башлыкомъ. Та же либеральная идея руководила и измѣненіями въ пригонкѣ аммуниціи и т. п. Выставленные манекены показывали наглядно характеръ всѣхъ господствовавшихъ у насъ насчетъ формъ взглядовъ и ихъ колебанія. Кромѣ манекеновъ, въ интендантскомъ отдѣлѣ обращали на себя вниманіе нѣкоторыя статистическія карты, техническіе приборы и особенно интересная коллекція, къ сожалѣнію, только для XIX столѣтія, разныхъ предметовъ интендантскаго довольствія.

Военно-топографическая выставка была любопытна не для однихъ спеціалистовъ, потому что въ ней кромѣ различныхъ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ, собрали огромныя коллекціи картъ Россіи, начиная съ XVII столѣтія, также разныхъ плановъ, гравюръ и фотографическихъ рисунковъ. Астрономія, по ея безобидности, всегда покровительствовалась въ Россіи, а по топографіи, хотя большее число нашихъ губерній имѣ-

ютъ еще очень плохія, составленные еще при Екатеринѣ II, карты, все-таки сдѣлано очень много сравнительно съ огромнымъ пространствомъ Россіи. Труды военно-топографическаго вѣдомства смѣло выдерживаютъ сравненіе съ лучшими картографическими работами Западной Европы.

Инженерная выставка состояла изъ коллекціи моделей, чертежей и инструментовъ, мало интересныхъ для неспеціалиста; тутъ же были сосредоточены понтоны и военные телеграфы. Изъ историческихъ матеріаловъ инженерной коллекціи очень важенъ отлично сохранившійся атласъ русскихъ крѣпостей 1735 года; модели новогеоргіевскихъ и кронштадтскихъ укрѣпленій относились уже къ инженерной археологіи, за исключеніемъ моделей желѣзной фортификаціи, приложенной къ оборонѣ Кронштадта; эти желѣзные укрѣпленія поражали своею дороговизною самое пылкое воображеніе.

Съ инженернымъ искусствомъ въ постоянной борьбѣ находится артиллерія. Отъ Вобана и до Севастополя инженерное искусство брало верхъ; но теперь сила артиллеріи, т. е. сила нападенія, далеко опередила силу защиты, и въ инженерномъ искусствѣ долженъ произойти переворотъ. Въ артиллерійскомъ собраніи была помѣщена обширная коллекція артиллерійскихъ орудій съ XV в. до настоящаго времени, а также снарядовъ предохра-

тельнаго вооруженія, холоднаго оружія древняго и новаго, и огнестрѣльнаго оружія, начиная съ тяжелыхъ и фитильныхъ пищалей до современныхъ скорострѣльныхъ ружей, убивающихъ только 35 человекъ въ минуту. Въ коллекціи оружія собрано было множество предметовъ историческихъ, принадлежавшихъ разнымъ дѣятелямъ, начиная съ XII вѣка.

Слѣдовало бы еще сказать нѣсколько словъ и о коллекціяхъ военно-медицинской и военно-ветеринарной; но на политехнической выставкѣ столько разъ встрѣчались разные пластыри, бинты и скальпели, что описывать ихъ снова скучно, да на войнѣ людямъ рѣдко и приходится умирать по всѣмъ правиламъ науки.

Если военный отдѣлъ имѣлъ цѣлью показать войну въ теоріи, то Севастопольскій отдѣлъ долженъ былъ показать войну на практикѣ. Эта цѣль нѣсколько исказилась прибавленіемъ къ отдѣлу многихъ предметовъ, на примѣръ, херсонесскихъ древностей, не идущихъ вовсе къ дѣлу. Севастопольскій отдѣлъ помѣщался въ Кремль, въ просторномъ павильонѣ, очень хорошо освѣщенномъ, рядомъ съ историческимъ павильономъ военнаго отдѣла. Отдѣлъ былъ занятъ выставкой Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ; собственно севастопольскому музею отвели двѣ обширныхъ и

одну небольшую залу. Въ одной была построена большая модель Малахова кургана, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ наканунѣ штурма; какой-то офицеръ рассказывалъ объ этомъ штурмѣ плаксивымъ голосомъ и очень скучно; здѣсь же можно было видѣть образцы тогдашняго оружія и множество бюстовъ и портретовъ. Тутъ безъ всякаго разбора собраны были изображенія всѣхъ лицъ не ниже четвертаго класса, входившихъ въ составъ гарнизона. Но общественное мнѣніе давно разсортировало этихъ лицъ на тѣхъ, которые должны войти въ храмъ безсмертія, и на тѣхъ, именамъ которыхъ давно слѣдовало бы кануть въ Лету, если они не пожелаютъ нести тяжелой отвѣтственности передъ потомствомъ за пораженіе, которое было нанесено намъ въ нашей собственной землѣ арміей, дерзко высадившейся на отдаленномъ берегу. Справедливость требовала помѣстить рядомъ и портреты лицъ, прославившихся геройствомъ, и съ непріятельской стороны. Петръ Великій благодарилъ плѣнныхъ шведовъ за науку и тяжелые уроки. Едва ли современная Россія не должна съ благодарностью вспоминать имена тѣхъ людей, которые, сложивъ свои кости подъ Севастополемъ, вдали отъ родины, доказали намъ безсиліе Россіи крѣпостной, безгласной и бездорожной и укрѣпили въ

насть уваженіе къ нѣкоторымъ благамъ европейской цивилизаціи.

Другая зала была болѣе интересна. Большой уголъ былъ занятъ моделью въ настоящую величину части бруствера севастопольскаго бастіона, изъ-за котораго стрѣляли два пѣхотныхъ солдата и ополченецъ. Картину эту недостаточно эффектно поставили; зато слѣдовало похвалить очень удачно исполненную для севастопольскаго музея коллекцію акварелей гг. Маковского и Прянишникова изъ севастопольской боевой жизни; кромѣ того, тутъ собрано было много другихъ картинъ, рисунковъ и литографій, относившихся къ Севастополю, къ его исторіи и къ осадѣ. Изъ болѣе серьезныхъ предметовъ заслуживаютъ упоминанія модель минной войны, въ которой мы во время осады имѣли, благодаря лучшему знанію геологіи почвы, постоянный перевѣсъ надъ союзниками; модель моста черезъ бухту, по которому перешла на сѣверную сторону армія послѣ взятія Малахова кургана; модели современныхъ кораблей черноморскаго флота; планы Севастополя въ разные періоды его существованія, начиная съ основанія, и др. предметы.

Небольшое помѣщеніе занималъ кабинетъ Гюббенета, который вмѣстѣ съ Пироговымъ руководилъ хирургическими операціями во время осады;

тамъ собраны были коллекціи поврежденныхъ костей, вынутыхъ пуль и осколковъ, хирургическихъ инструментовъ и матеріаловъ для перевязокъ, а также превосходно исполненныя Гоффертомъ большія фотографіи операцій, произведенныхъ Гюббенетомъ¹⁾. Впечатлѣніе, выносимое изъ кабинета Гюббенета, было очень сильно и служило хорошимъ прохладительнымъ средствомъ для того, въ комъ созерцаніе севастопольскихъ трофеевъ возбуждало бы излишній воинственный жаръ.

Скромность составляетъ отличительную черту русскаго храбреца. Кто-то очень вѣрно замѣтилъ, что русскіе съ увлеченіемъ рассказываютъ больше о потасовкахъ и дракахъ, но объ истинныхъ подвигахъ говорятъ неохотно и съ застѣнчивостью; фанфаронада и матаморство совершенно чужды русскому характеру. Блистательное подтвержденіе этого факта мы видимъ въ исторіи севастопольской осады; несмотря на чисто эпическій характеръ этой грандіозной борьбы, на интересъ, возбужден-

¹⁾ Этотъ Гюббенетъ, профессоръ Кіевского университета, знаменитъ еще своимъ отвѣтомъ Александру II, рисующимъ непомерное самолюбіе хирурга. На представленіи профессоровъ покойный государь, вспомнивъ, что полиціймейстеръ въ Кіевѣ тоже былъ Гюббенетъ, спросилъ: «Ты его братъ?»—Нѣтъ, ваше величество, онъ мой братъ, отвѣчалъ профессоръ.

ный ею не только во всей Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ, никто не потрудился до сихъ поръ сдѣлать сколько-нибудь порядочнаго описанія осады, если не считать спеціальнаго описанія саперныхъ работъ генерала Тотлебена.

Севастопольскій отдѣлъ выставки также очень слабо выполнялъ эту задачу.

Заключая свои замѣтки о выставкѣ, мы должны были сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ нареканій, которыя слышали отъ нѣкоторыхъ, а именно о черезчуръ пристрастномъ отношеніи къ предмету. Въ «Journal des Débats» по поводу нашей первой статьи о выставкѣ было сдѣлано замѣчаніе, довольно вѣрное, — что нѣтъ народа болѣе склоннаго къ осужденію, ироніи и насмѣшкѣ, чѣмъ русскій, и въ особенности критика бываетъ сильна, когда какое-нибудь крупное явленіе, выходящее изъ ряду вонъ, привлекаетъ общее вниманіе. Едва ли только замѣчаніе это могли мы принять на свой счетъ. Мы указывали промахи, не желая принимать на себя роль панегириста, но неоднократно говорили и подтвердили вновь, что московская политехническая выставка была явленіемъ весьма замѣчательнымъ и отраднымъ. Одно только оставалось для насъ неяснымъ: почему для политехнической выставки выбрали пунктомъ Москву, городъ,

общественное мнѣніе котораго всего болѣе противно реализму и естествознанію. Если еще во времена Сумарокова можно было спрашивать: неужели Москва повѣритъ скорѣе подъячему, нежели господину Вольтеру? — то въ настоящее время никто, кажется, не сомнѣвается, что Москва Вольтеру никогда не повѣритъ.

ВЪ МОСКВѢ.

У ЗАХАРЬИНА.

Я очень люблю совѣтоваться съ врачами, особенно со знаменитыми. Однажды одинъ мой пріятель въ Парижѣ хотѣлъ мнѣ сдѣлать подарокъ къ именинамъ и спросилъ черезъ третье лицо, чего я желаю; я отвѣчалъ, что наиболѣе мнѣ можетъ доставить удовольствіе, если въ день именинъ ко мнѣ пригласятъ трехъ самыхъ знаменитыхъ врачей, которые бы опредѣлили, чѣмъ я боленъ. И, дѣйствительно, въ назначенный часъ Потэнъ, Дье-лафуа и Гюшаръ постукивали и переворачивали меня и въ заключеніе рѣшили que je n'ai rien. Это не помѣшало имъ прописать кое-что и на всякій случай посовѣтовать поѣхать на воды въ Evian les Bains, не заключающія, какъ извѣстно, ничего и сила коихъ наиболѣе чудодѣйственна для кармановъ докторовъ.

Какъ-то я жаловался на здоровье своему знакомому, почтеннѣйшему, прежде времени скончавшемуся И. П. Архипову. Онъ самъ страдалъ какими-то сердечными припадками и потому участливо отнесся ко мнѣ.—Я дамъ вамъ письмо къ Захарьину, моему бывшему товарищу по профессурѣ въ московскомъ университетѣ, сказалъ онъ; лучше его никто не опредѣлитъ вашу болѣзнь. Къ нему недавно ѣздилъ Трироговъ и остался доволенъ пріемомъ. Я попрошу также написать къ Захарьину Николая Алексѣевича Любимова, котораго въ Москвѣ все любятъ.

Я давно зналъ Захарьина по репутаціи, слышалъ сотни легендъ о его жадности и причудливости. Когда я сообщилъ петербургскимъ врачамъ о моей поѣздкѣ, они иронически ухмыльнулись, но я все-таки, воспользовавшись рождественскими праздниками, поѣхалъ.

Для основательнаго діагноза у Захарьина требовалась особая процедура; надобно было условиться заранее о днѣ и часѣ. Я поѣхалъ въ клинику, гдѣ въ это время Захарьинъ читалъ лекціи. Это была еще старая клиника. Я видѣлъ аудиторію, съ голыми бѣлеными стѣнами, биткомъ набитую студентами; часть ихъ, не находя мѣста, стояла въ грязномъ коридорѣ; дверь изъ аудиторіи была открыта настежь. Тогда еще Захарьинъ не дѣлалъ

своего пожертвованія въ пользу церковно-приходскихъ школъ и пользовался у молодежи популярностью. Онъ читалъ или, вѣрнѣе, бесѣдовалъ медленно, съ остановками, въ носъ. Видя, что лекція еще будетъ продолжительна, я послалъ со сторожемъ письма Архипова и Любимова и свою карточку. Захарьинъ выслалъ сказать, что вечеромъ пришлетъ ко мнѣ своего асистента г. Никулина.

Дѣйствительно, асистентъ явился ко мнѣ, осмотрѣлъ меня подробнѣйшимъ образомъ, взялъ разные разности для анализа и сказалъ, что къ утру приготовить свой рапортъ и утромъ же я получу извѣщеніе отъ Захарьина, когда онъ меня можетъ принять; при этомъ асистентъ предупреждалъ, что у Захарьина есть манія: онъ не любитъ, чтобы его спрашивали, а надобно только отвѣчать на заданные вопросы, и что онъ не любитъ также, чтобы махали руками и его перебивали.

Визитъ былъ назначенъ въ часъ, въ собственномъ двухэтажномъ домѣ, въ Первой Мѣщанской улицѣ, близъ Сухаревой башни. Хотя Захарьинъ имѣлъ нѣсколько другихъ домовъ въ Москвѣ и состояніе его оцѣнивалось тогда уже въ четыре милліона, но домъ его съ садомъ былъ замѣчательно скромный: входъ со двора, внутри полы крашеные, лѣстница деревянная, пріемная маленькая; единственнымъ украшеніемъ ея былъ портретъ графа

Д. А. Толстого, котораго Захарьинъ лечилъ не безъ успѣха нѣсколько лѣтъ подрядъ.

По этому поводу я слышалъ отъ лица, близкаго къ графу Дмитрію Андреевичу, слѣдующій анекдотъ. Захарьинъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ къ Толстому и никогда не хотѣлъ брать денегъ за визитъ, хотя, какъ извѣстно, графъ былъ человѣкъ богатый, а за подобную поѣздку Захарьинъ бралъ обыкновенно не менѣе пяти тысячъ рублей. Когда Захарьинъ пріѣхалъ въ послѣдній разъ, ему предложили деньги за визитъ. — Ну, что, онъ взялъ деньги? — спросилъ графъ, отличавшійся большой скупостью, — «Взялъ», — отвѣчали ему. — Ну, значитъ, я умру, нѣтъ болѣе надежды, — сказалъ пронизательный графъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

Хотя Захарьинъ получалъ иногда за визиты тысячами рублей, но состояніе онъ составилъ не визитами. Ему помогла дружба съ однимъ извѣстнымъ банкиромъ. Евреи очень любятъ лечиться; Захарьинъ внимательно слѣдилъ за здоровьемъ богача-банкира, а онъ съ успѣхомъ помѣщалъ его деньги въ разные свои банки, коммерческіе и земельные. Рассказываютъ, что одинъ разъ, когда Захарьинъ потребовалъ вдругъ обратно на два милліона своихъ бумагъ для какой-то операціи,

жена банкира—нѣжная супруга, какъ всѣ еврейскія супруги—едва не умерла со страху. Она увидѣла въ этомъ требованіи несомнѣнное доказательство близкой смерти своего мужа. Страхи, однако, были напрасны: еврейскій банкиръ здравствуетъ и понынѣ.

Пріемный кабинетъ, куда меня немедленно ввели, также отличался простотою, почти бѣдностью мебелировки. Захарьинъ былъ въ какомъ-то бархатномъ пиджакѣ, съ шарфомъ на шеѣ и въ простыхъ валенкахъ. Фигура его извѣстна по портретамъ: онъ былъ толстъ и лысъ, волосы имѣлъ черзчуръ черные для своихъ лѣтъ, глаза проницательные, на носу очки, сѣзжавшія на кончикъ носа. Въ лицѣ его сохранились слѣды семитическаго происхожденія, такъ какъ Захарьинъ, какъ и знаменитый Пироговъ, хотя русскіе по воспитанію и вѣрѣ, были семиты, не знаю съ какою примѣсью русской крови и въ какомъ поколѣніи ¹⁾).

Захарьинъ попросилъ меня сѣсть и затѣмъ сказалъ: «Прежде всего выслушаемъ докладъ доктора, а вы не перебивайте». Ассистентъ весьма обстоятельно доложилъ, что я ему сообщалъ и свои на-

¹⁾ Вышеозначенныя строки вызвали цѣлый рядъ писемъ и опроверженій: Захарьины, молъ, старый дворянскій родъ и пр., но Захарьинъ, оказывается, былъ полусемитомъ по женской линіи.

блюденія, а также химическій анализъ. Захарьинъ нѣсколько разъ задавалъ ему вопросы, но всякій разъ, когда я хотѣлъ поправить или дополнить ассистента, онъ останавливалъ меня знакомъ руки, прибавляя: «Погодите, васъ еще спросимъ потомъ».

По окончаніи доклада Захарьинъ попросилъ меня раздѣться. Я быстро сталъ бросать платье по разнымъ кресламъ.—«Нѣтъ, я васъ покорнѣйше прошу положить все на этомъ креслѣ, сказалъ онъ, а сѣсть вамъ на этомъ стулѣ».

Онъ очень долго и внимательно осматривалъ и постукивалъ меня, употребляя и стетоскопъ.—«Хотя я и такъ вижу, что у васъ, сказалъ онъ въ заключеніе, но такъ какъ я знаю, что это доставитъ вамъ большое удовольствіе, то послушаю вамъ и спину».

Приказавъ одѣться и снова сѣсть рядомъ, Захарьинъ сталъ задавать мнѣ вопросы, прося его не прерывать, ничего не добавлять, отвѣчать только въ порядкѣ на вопросы. Здѣсь онъ давалъ отвѣты и совѣты, причѣмъ иногда долго сидѣлъ молча, опершись лбомъ въ руку и какъ бы что-то размышляя и съ трудомъ отыскивая. Мнѣ казалось, что онъ въ это время думалъ о совсѣмъ постороннихъ предметахъ, а не обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что онъ въ это время купилъ домъ на Кузнец-

комъ мосту, за который переплатилъ, но прерывать продолжительныя его размышленія и вычисленія я не считалъ себя въ правѣ, хотя при такой медленности визитъ продолжался почти два съ половиною часа.

Захарьинъ говорилъ просто, не безъ юмора и нисколько не рисуясь. Двѣ трети разговора были не обо мнѣ и моей болѣзни, а о разныхъ предметахъ.

Нѣкоторые его совѣты насчетъ режима были оригинальны. Онъ былъ врагъ бань и совѣтовалъ лишь обтираться водою и то только ежедневно лѣтомъ, а въ остальное время года разъ въ недѣлю! Что бы сказали о такомъ совѣтѣ парижанки? Да и въ древности уже дамы «мылихуся во лохани». Чай и кофе онъ совѣтовалъ никогда не пить горячимъ, водки вовсе не пить. Я сообщилъ ему, что иногда пью вечеромъ чай съ ромомъ. Послѣ очень долгихъ размышленій, онъ сказалъ: «Ну, глотокъ рому продолжать можете».

За обѣдомъ, по его словамъ, лучше пить молоко и воду. Я ему замѣтилъ, что невская вода вредна, что это растворъ всѣхъ петербургскихъ кладбищъ и фабрикъ, что отъ нея слабить. «Да, слыхалъ, вашу воду не хвалятъ, сказалъ онъ. — Ну, да что-жъ, тѣмъ и лучше, не нужно будетъ вамъ принимать слабительныхъ, которыя вообще

вредны». На вопросъ о винѣ, онъ долго думалъ и рѣшилъ такъ:

— Вина лучше не пить, а въ крайности пол-стакана краснаго за обѣдомъ и за завтракомъ; только надобно условиться, что у васъ за стаканы, многіе вѣдь имѣютъ преогромные стаканы. Надобно вотъ половину этакого, прибавилъ онъ, привставъ и взявъ со шкафика стаканъ довольно мизерныхъ размѣровъ.

— Да какое вино вы пьете? — спросилъ онъ.

— Французское, отвѣчалъ я.

— Ну, это другое дѣло; пейте лафитъ, марго, а этихъ русскихъ винъ неизвѣстныхъ марокъ я не допускаю. Пить виши и другія минеральныя воды за обѣдомъ вообще вредно. Если понадобится, поѣзжайте на минеральныя воды и выдержите курсъ, а такъ щелочной воды не пейте.

— Столъ надобно домашній; никакихъ соусовъ; да выучитесь хорошенько жевать; нельзя ѣсть да болтать; надобно ѣсть и жевать медленно и основательно, вотъ такъ, — при этомъ Захарьинъ сдѣлалъ круговращательное движеніе ртомъ. — Старайтесь поэтому ѣсть дома одному, думайте о томъ, что ѣдите, да не кушайте ничего тяжелаго, или зелени, которая пучить: бобовъ, гороха, капусты.

При этихъ словахъ въ огромномъ животѣ профессора началось громкое урчаніе, точно десять ар-

тишковыхъ переворачивались тамъ. Захарьинъ сконфузился; я промолчалъ, помня запретъ прерывать, хотя евангельское изреченіе: «Врачу, исцѣлился самъ» невольно подсказывалось.

— За дамами ухаживать можете, отечески поучалъ далѣе Захарьинъ,—но только не осенью, когда наши дамы возвращаются изъ-за границы чортъ знаетъ въ какомъ настроеніи... Надобно также быть постояннымъ. Это важно для здоровья.

Театровъ и клубовъ Захарьинъ не одобрялъ: лучше кататься по вечерамъ въ экипажѣ.

— А днемъ, говорилъ онъ,—вы непременно должны ходить пѣшкомъ часа два, раздѣляя пополамъ свои занятія, и ходить не бѣгая, чтобъ утомить себя: утомленіе всегда вредно, а потихоньку, шагъ за шагомъ, причеъ ходить дуракомъ, ни о чемъ не думая и ничѣмъ не волнуясь.

Я пропускаю чисто медицинскіе совѣты, которые я въ тотъ же вечеръ получилъ, акуратно изложенные отъ его имени въ письмѣ асистента.

Дружески распроставшись и положивъ деньги въ конвертъ на столъ, я вышелъ отъ Захарьина въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе оригинала, пожалуй даже маньяка въ нѣкоторыхъ мелочахъ, но въ общемъ чрезвычайно умнаго, любезнаго, простого и здравомыслящаго человѣка. Обо всемъ онъ тол-

ковалъ весьма разсудительно, дѣлая мѣткія замѣчанія. Онъ и въ наукѣ, по отзыву специалистовъ, былъ такимъ же, не отставалъ отъ прогресса, но и не гонялся за модою и не отрицалъ всего въ старомъ. Такъ, онъ заступился въ печати за кровопусканіе, почти повсюду теперь осужденное. Москва, несомнѣнно, потеряла въ немъ одно изъ своихъ свѣтилъ. Заграницей, хотя онъ почти ничего не писалъ, имя его было извѣстно.

Я забылъ прибавить, что когда я вернулся и показалъ предписанія Захарьина, то петербургскіе доктора только воздѣли руки горѣ и сказали: «Стоило ѣздить такъ далеко,—мы бы вамъ прописали то же самое за полцѣны»...

ВЪ ПРИЕМНОЙ.

Смерть В. Г. Бока, милаго и симпатичнаго человека, напомнила одинъ случай въ жизни, прекрасно рисующій наши административные нравы. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, покойный графъ Валуевъ былъ сдѣланъ министромъ государственныхъ имуществъ и немедленно задумалъ преобразование своего вѣдомства, въ томъ числѣ и горнаго, находя, конечно, какъ всѣ казенные реформаторы, что съ Петра Великаго никто ничего по этой части не понималъ и что все велось наизусть того, какъ бы слѣдовало¹⁾.

Я занималъ должность секретаря горнаго ученаго комитета. Директоръ департамента, почтенный В. К. Рашетъ, авторитета котораго новый

¹⁾ Изъ всего, что я читалъ о Валуевѣ, самое вѣрное я нашелъ въ характеристикахъ, сдѣланныхъ кн. Менцерскимъ въ его «Воспоминаніяхъ» и въ романѣ «Одинъ изъ нашихъ Висмарковъ».

министръ, презиравшій специалистовъ и уважавшій только аристократическія имена, не признавалъ, передалъ мнѣ приказаніе явиться къ Валуеву на другой день. Я засталъ въ приемной трехъ юношей: князя Куракина, барона Корфа и покойнаго Бока. Валуевъ вышелъ къ намъ и послѣ нѣсколькихъ любезностей съ княземъ и барономъ обратился ко мнѣ, приблизительно, со слѣдующею рѣчью:

— У насъ на заводахъ все идетъ очень дурно. Я рѣшилъ сдѣлать коренныя преобразованія, но прежде нужно ознакомиться съ дѣломъ. Поэтому я посылаю этихъ господъ на заводы и раздѣляю между ними Уралъ. Но надобно ознакомить ихъ съ горнозаводскою техникою. Вотъ я и остановился на васъ, какъ на секретарѣ ученаго комитета. Покорнѣйше прошу ознакомить поближе этихъ господъ, которые уѣзжаютъ черезъ три дня, съ горнымъ искусствомъ и металлургіей и въ особенности прошу, чтобы они всѣ техническіе термины знали на трехъ языкахъ¹⁾.

¹⁾ Валуевъ имѣлъ слабость къ иностраннымъ языкамъ и любилъ говорить на нихъ при всякомъ случаѣ. Осматривая Луганскій литейный заводъ, при представленіи чиновниковъ, Валуевъ сталъ говорить съ инженеромъ, носившимъ нѣмецкую фамилію, по-нѣмецки; съ лѣсничимъ съ польской фамиліей — по-польски, а съ докторомъ — по-латыни. Каковъ же былъ конфузъ министра, когда эти обрусѣлые русскіе люди не поняли ни одного слова изъ обращаемыхъ къ нимъ вопросовъ.

Я было хотѣлъ отвѣтить, что горныхъ терминовъ на каждомъ языкѣ лексиконъ такъ страницъ, примѣрно, въ триста, и что я самъ, окончивъ курсъ уже болѣе десяти лѣтъ, термины эти знаю почти исключительно на томъ языкѣ, на которомъ «говорили всѣ святые», но счелъ за благо промолчать. Молчаніе было тѣмъ необходимѣе, что Валуевъ дулся на меня за то, что, по званію секретаря Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, я скрѣпилъ какое-то ходатайство Общества о боѣ китовъ на Мурманѣ, а въ этомъ невинномъ ходатайствѣ министръ увидѣлъ для себя личное оскорбленіе и два раза обошелъ меня наградою. Бѣдные киты и не подозреваютъ, сколько я перенесъ изъ-за нихъ страданій.

По окончаніи аудіенціи я переговорилъ съ порученной мнѣ молодежью. Они первые подтрунивали надъ даннымъ мнѣ замысловатымъ порученіемъ — сдѣлать въ три дня то, на что требуется minimum три года. Моя педагогическая дѣятельность ограничилась, впрочемъ, тѣмъ, что я свезъ трехъ будущихъ реформаторовъ русскаго горнаго дѣла на существовавшій тогда въ Петербургѣ рельсопрокатный заводъ Главнаго общества российскихъ желѣзныхъ дорогъ. Заводомъ управлялъ мой товарищъ по корпусу, горный инженеръ В. В. Бекъ-Гергардъ. Полюбовавшись полчаса, какъ

изъ пакетовъ, составленныхъ изъ старыхъ желѣзныхъ обрѣзковъ, катаютъ рельсы, мы отлично позавтракали у Дюссо.

Самое замѣчательное, однако, что Бокъ и его товарищи поѣхали на заводы и представили отчеты, и еще болѣе замѣчательно, что на основаніи отчетовъ такихъ специалистовъ, подкрѣпленныхъ прогулкою самого Валуева по заводамъ, въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ особыхъ порученій (одного поэта, другого віолончелиста — причемъ министръ говорилъ со служащими уже не на трехъ, а на шести языкахъ), Валуевъ приготовилъ проектъ полного преобразованія управленія Уральскихъ заводовъ.

Можно себѣ вообразить, что это былъ за проектъ! Онъ, однако, былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Но, на счастье, я рассказалъ покойному М. В. Веселовскому, бывшему тогда статсъ-секретаремъ департамента государственной экономіи, генезисъ проекта. Веселовскій устроилъ такъ, что проектъ былъ возвращенъ министру для дополненія какими-то обширными справками и теперь мирно покоится, на удивленіе потомству, въ архивѣ горнаго департамента.

Кстати прибавлю, не всё въ государственной канцеляріи были такъ свѣдуши, какъ Веселовскій. Въ началѣ 80-хъ годовъ изъ этой канцеляріи, когда я былъ вице-директоромъ горнаго департамента, пришелъ ко мнѣ объясниться по смѣтѣ департамента чиновникъ означенной канцеляріи.

— Къ чему вы имѣете заводъ въ Туринѣ, спросилъ онъ,—вѣроятно для опытовъ?

Я выпучилъ глаза и отвѣчалъ:

— Никакихъ у насъ заводовъ въ Туринѣ нѣтъ.

— А какъ же у васъ въ смѣтѣ показаны заводы Верхне-Туринскій и Нижне-Туринскій...

Къ удивленію сего юнаго продукта нашей бюрократіи я объяснилъ ему, что означенные заводы называются такъ по р. Турѣ, откуда и городъ Верхотурье въ Пермской губерніи.

Послѣ этого я убѣдился въ справедливости предположенія Щедрина, что многіе наши статскіе совѣтники не знаютъ даже, что «пища въ естественномъ своемъ видѣ въ водѣ плаваетъ и въ воздухѣ летаетъ».

ВИНДАВА.

Надняхъ ¹⁾ мнѣ пришлось въ обществѣ одного французскаго морскаго инженера и двухъ русскихъ техникувъ посѣтить Виндаву. Такъ какъ этому порту скоро предстоитъ блестящая будущность, то я позволяю себѣ подѣлиться дорожными впечатлѣніями, хотя описанія поѣздки въ уѣздный городъ напоминаютъ не столько «Reisebilder», Гейне, сколько тѣ сочиненія, которые задаютъ гимназистамъ на экзаменахъ.

Въ Ригу изъ Петербурга можно ѣхать и на Тапсъ и на Псковъ. Дороги по обоимъ направленіямъ принадлежать казнѣ; первое направленіе болѣе дальнее, но его почему-то и избрали для болѣе скорого проѣзда. Но такъ какъ вагоны (спальные) удобны, то публика не жалуется. Поѣздъ называется, впрочемъ, «скорымъ» лишь по сравне-

¹⁾ Дѣло происходило въ сентябрѣ 1898 года.

нію съ другими, движущимися черепашымъ шагомъ, и на скоромъ поѣздѣ везуть не торопясь. Въ pendant къ англійскому «время — деньги» у насъ вѣдь есть свое: «дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить».

Въ Ригѣ я былъ уже въ 1878 и 1895 годахъ. Каждый разъ я замѣчалъ огромные успѣхи. Городъ, сравнительно, имѣетъ большіе доходы и хорошее самоуправленіе, почему благоустроенъ, мостовыя исправны, много парковъ, скверовъ и аллей, а новыя постройки его, пожалуй, грандіознѣе петербургскихъ; жизнь кипитъ, и въ гостиницахъ съ трудомъ можно найти мѣсто. По наружности, несмотря на надписи и вывѣски, онъ все не смотритъ русскимъ городомъ. Надписи эти, впрочемъ, своимъ комическимъ русскимъ языкомъ въ состояніи развеселить человѣка, даже собирающагося повѣситься.

Сѣвъ въ вагонъ Риго-Тукумской желѣзной дороги, я сразу убѣдился, что нахожусь уже въ странѣ рыцарской культуры. Я лежалъ на диванѣ, какъ носильщикъ второпяхъ положилъ мнѣ сакъ-вояжъ на ноги.

— Какой чортъ тебя несетъ, — замѣтилъ я съ досадою.

— Я не шортъ, а шоловѣкъ, — съ достоинствомъ Марка Аврелія отвѣчалъ мнѣ носильщикъ.

Маркъ Аврелій поцѣловалъ, впрочемъ, мнѣ руку, когда я ему далъ рубль на водку.

Тукумская дорога хорошо знакома многимъ петербуржцамъ, такъ какъ она «обслуживаетъ» — завелось такое гнусное слово въ нашемъ официальномъ языкѣ — Штрандъ, т.-е. береговую полосу около Риги, служащую мѣстомъ купанья. Мѣсто это бойкое, потому что дома около станціи плотно примыкаютъ другъ къ другу, точно у насъ въ Новой Деревнѣ, и публики въ вагонѣ даже въ половинѣ сентября было не мало.

Въ Тукумѣ пришлось искать экипажъ и лошадей; до Виндавы рельсоваго пути еще нѣтъ¹⁾, а пароходъ по морю идетъ только разъ въ десять дней, да и ѣхать осенью по бурному Рижскому заливу на полугрузовомъ пароходѣ не очень вкусно, привлекать можетъ только дешевизна. Пароходное сообщеніе въ двадцать разъ дешевле гужевого.

Разстояніе отъ Тукума до Виндавы 126 верстъ и его дѣлаютъ на жидовскихъ лошадяхъ въ три перегона. Послѣдній перегонъ въ Виндавѣ равняется 77 верстамъ, и его приходится дѣлать въ одну упряжку. Это и не всякая итальянская балерина сдѣлаетъ даже на носкахъ. Здѣсь, впрочемъ, до сихъ поръ считаютъ на нѣмецкія мили

¹⁾ Теперь желѣзная дорога открыта.

и перегонъ составляетъ только 11 миль. Можетъ быть такой счетъ и обманываетъ лошадей, которыми по пути только даютъ перевести духъ и каждая двадцать верстъ поятъ грязною болотною водою. Лошади принимаютъ, вѣроятно, черную воду за кофе и, напившись, бѣгутъ затѣмъ весьма исправно. Шутки въ сторону: я только въ башкирской степи видѣлъ подобную неутомимость въ лошадяхъ, да и то лѣтомъ, а не осенью.

Дороги, правда, въ Курляндіи шоссированы, хотя и первобытнымъ способомъ; очень грязны онѣ только около корчемъ и вообще жилыхъ мѣстъ.

Своимъ пейзажемъ Курляндія напоминаетъ Восточную Пруссію, только немного живописнѣе, особенно въ сѣверной части, по которой мнѣ пришлось ѣхать; это даже въ первой половинѣ пути едва ли не самая возвышенная мѣстность губерніи, почему и называется «Курляндской Швейцаріей», хотя горы не превышаютъ высотой Пулкова или Дудергофа.

По климату же Курляндія мнѣ немедленно напомнила, что находишься въ той милой странѣ, о которой въ гимназіи въ «Hilfsbuch» Эртеля я читалъ исторію, какъ одинъ испанецъ зимою хотѣлъ бросить камень въ собаку и, найдя камень примерзшимъ, воскликнулъ: «О проклятая страна,

гдѣ камни привязываютъ, а собакъ пускаютъ бѣгать!»

Дѣйствительно, едва я сѣлъ въ Тукумѣ въ экипажъ, какъ температура быстро понизилась и посыпался градъ, скоро смѣнившійся дождемъ. Пошелъ онъ какъ изъ ведра и не переставалъ лить во всю дорогу до Виндавы и обратно. Кончилось тѣмъ, что, закутавшись въ непромокаемый плащъ, къ счастью захваченный, я повторялъ фразу изъ какого-то очерка Щедрина: «Лей, подлецъ, лей!», ожидая, не привяжутъ ли къ утру камни.

Дождь невпопадъ напомнилъ мнѣ, что въ Вятской губерніи, по словамъ деревенскаго попа, имѣется народное повѣрье, что дождь глухъ. «Богъ говоритъ ему: ступай, гдѣ *просятъ*, а Дождь ослышится и идетъ, гдѣ *косятъ*. Богъ говоритъ Дождю: иди гдѣ *ждутъ*, а онъ, по глухотѣ, идетъ, гдѣ *жнутъ*».

Къ ночи мы едва добрались до Тальсена, городка и мѣстечка, живописно расположеннаго на горѣ и о существованіи котораго я, признаться, не подозревалъ. Насъ подвезли къ гостиницѣ и объявили, что лошадей далѣе не дадутъ ранѣе 10 часовъ слѣдующаго дня, потому что у жидовъ-де великій праздникъ «Судный день».

— Да вѣдь ямщики христіане, а лошади жидовскихъ праздниковъ не празднуютъ,—замѣтилъ

я,—такъ отчего же мы должны сидѣть такъ долго? По такому расчету мы и въ три дня до Виндавы не дойдемъ.

Я бы долго спорилъ, но, видя, что два мѣстные барона, философски выслушавъ тѣ же объясненія, вышли изъ экипажа и немедленно завалились спать, пришлось капитулировать и принять на ночь тальсенское гостепріимство, тѣмъ болѣе, что жидовскія сердца при угрозѣ полиціей смягчились и лошади обѣщаны были къ 8 часамъ утра. Мало того, въ обратный путь обѣщана подстава, позволявшая миновать Тальсенъ, что сокращало путь на семь верстъ.

Замѣтивъ наше серьезное огорченіе, хозяинъ гостиницы повелъ насъ не въ свои номера, очень, впрочемъ, опрятные, а въ помѣщеніе клуба, занимающее весьма чистенькое помѣщеніе въ томъ же домѣ. Въ жизни я не видѣлъ такого аристократическаго собранія. Изъ повѣшеннаго на стѣнѣ списка видно было, что изъ 29 членовъ клуба 25 были бароны: Фирксы, фонъ-денъ-Бригены, Остенъ-Сакены и т. д.

Остзейскіе бароны, какъ извѣстно, различаются по губерніямъ своими качествами. Эстляндскіе болѣе грубы и любятъ военную службу, лифляндскіе отличаются образованіемъ и дѣловитостью: они лучшіе сельскіе хозяева въ краѣ; курляндскіе

бароны, происходящіе почти исключительно изъ Вестфалии, Помераніи и Саксоніи, славятся своими способностями; въ гражданской службѣ они любятъ дипломатическую карьеру, гдѣ многіе изъ нихъ приобрѣли извѣстность, напримѣръ: кн. Ливены, графы Палены, Медемы, Ламсдорфы и др. Къ курляндскому дворянству принадлежитъ и многочисленная семья бароновъ Корфовъ.

Послѣ «способностей» отличительною чертою курляндскаго дворянства считается, по мнѣнію даже нѣмцевъ, расчетливость, доходящая подчасъ до скупости, расчетливость, позволяющая съ небольшими даже средствами жить баронамъ отлично въ своихъ имѣніяхъ, гдѣ главное занятіе ихъ охота. Прежде право на послѣднюю составляло исключительную привилегію бароновъ, теперь эту страсть поддерживаютъ обширные маіоратные лѣса. Одинъ изъ такихъ маіоратовъ занимаетъ большую часть Виндавскаго уѣзда. Пребываніе въ своихъ усадьбахъ, столь полезное для мѣстнаго сельскаго хозяйства, поддерживало и то, что до послѣднихъ реформъ Александра III большая часть административныхъ и судебныхъ должностей въ губерніи назначалась по выбору дворянства. Четыреста съ чѣмъ-то помѣщиковъ имѣли въ своемъ распоряженіи 141 выборную должность. И теперь, впрочемъ, въ отличіе отъ коренныхъ русскихъ губерній, ба-

роны не стыдятся идти въ Прибалтійскомъ краѣ въ становые пристава, за что ихъ можно только похвалить.

Отъ скуки бароны ѣздятъ другъ къ другу въ гости, по крайней мѣрѣ я встрѣтилъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ колясочкахъ на парѣ крѣпкихъ лошадей, съ кучерами, одѣтыми по-нѣмецки. На головѣ у кучеровъ фуражки съ баронскими гербами вмѣсто кокарды.

Крестьяне въ Курляндіи, за полнымъ вымираніемъ вендовъ — славянъ и ливовъ, состоятъ изъ латышей, рѣзко различающихся по своему положенію: фермеры, вообще зажиточные, презираютъ батраковъ, положеніе которыхъ нашими публицистами принято оплакивать, хотя, сравнительно съ крестьянами, даже собственниками фантастическихъ надѣловъ, навязанныхъ во всей сѣверной и лѣсной Россіи, батраки эти (двѣ трети всего населенія) показались бы, по крайней мѣрѣ по наружности, не бѣдными. Все это народъ рослый, здоровый ¹⁾, одѣтый въ сапоги и въ полугевропейскомъ платьѣ; никакихъ сермягъ, дерюгъ и лаптей нѣтъ и въ поминѣ.

¹⁾ Этому не противорѣчитъ появленіе въ Курляндіи проказы; другой крупный очагъ проказы у насъ въ Кубанской области, гдѣ населеніе рослое, здоровое и очень зажиточное.

Наши ямщики-латыши, въ сущности работники у жида, у каждой корчмы останавливались и вливали въ себя нѣкоторое количество пива. Это «вонзаніе» не развязывало имъ языка: латышскіе ямщики пѣсенъ не поютъ—хотя латышскія пѣсни, музыка и пляски несомнѣнно существуютъ—и даже на лошадей не покрикиваютъ, почему съ ними, сравнительно съ русскими ямщиками, ѣхать скучно. Молчаливый и скрытный характеръ мало энергичныхъ латышей перешелъ даже къ ихъ собакамъ, которыя боязливы и лаютъ какъ-то неохотно. Но эта молчаливость не признакъ ограниченности. Латышская литература, хотя служитъ низшимъ классамъ—вышіе онѣмечивались, переходя въ Курляндіи въ такъ называемые эксемпты и литераты — довольно богата. Мой почтенный знакомый, нынѣ покойный, Вальдемаръ, извѣстный дѣятель по устройству мореходныхъ школъ въ Россіи, считается реформаторомъ латышской литературы; съ точки зрѣнія бароновъ этотъ смиреннѣйшій человекъ чуть не революціонеръ.

Сочинять латышскія книги, вѣроятно, не легко, потому что латышскій языкъ, хотя самъ отрасль литовскаго языка, имѣетъ 35 нарѣчій!

Крестьяне по-русски не говорятъ, а часто не понимаютъ здѣсь и по-нѣмецки; бароны, конечно, говорить по-русски не желаютъ, такимъ образомъ

евреи являются едва ли не главными распространителями русского языка и русской цивилизации. Благодаря всеобщей воинской повинности, русский язык все-таки нѣсколько распространяется. Одинъ ямщикъ со мною довольно хорошо заговорилъ по-русски. На вопросъ: гдѣ это онъ выучился, онъ отвѣчалъ:

— Я — николаевскій солдатъ, служилъ пятнадцать лѣтъ, былъ и въ Смоленскѣ, и въ Костромѣ, и во Владимірѣ... Ну, а теперь,—меланхолически прибавилъ онъ,—что за служба. Три раза въ казармѣ пообѣдалъ и пожалуйте въ отставку.

Я забылъ еще упомянуть объ одномъ способѣ популяризовать русский языкъ: всѣ каменные столбики на шоссе, означающіе, чей крестьянскій дворъ обязанъ исправлять участокъ шоссе, написаны уже по-русски. До освобожденія крестьянъ дорожная повинность лежала въ Курляндіи на баронахъ; при освобожденіи она была перенесена на крестьянъ, за собою же бароны оставили «строгое наблюденіе» за исполненіемъ дорожной повинности и, дѣйствительно, такъ внимательно слѣдили, что дороги—о чемъ я уже говорилъ—вездѣ сравнительно исправны, даже на болотахъ; къ счастью, песку и особенно булыжного камня здѣсь не занимать стать.

Скучное и однообразное шлепаніе по грязи среди

лѣсныхъ пространствъ, заросшихъ высокими со-снами и только мѣстами оживлявшихся озерами, располагало къ дремотѣ; мой спутникъ французъ «dla przependzenia czasu»,—какъ говорятъ поляки,—разсказывалъ мнѣ свои наблюденія въ странѣ Дагомеевъ, Конго и на Мадагаскарѣ. Мадагаскаръ оставилъ на него впечатлѣніе болѣе своими лихорадками; жители тамъ дрянъ страшная. Болѣе любопытны колоніи западнаго берега Африки. Съ одной стороны дикія поля покрыты азалиями, съ другой—комаровъ можно ловить горстями, дорогъ нѣтъ, а въ пирогахъ на рѣкахъ рискуешь быть схваченнымъ выпрыгивающими изъ воды крокодилами. Крокодиловъ множество, но негры ихъ не убиваютъ, считая священными, хотя это не мѣшаетъ имъ ѣсть вонючее крокодилье мясо, когда европейцы случайно убиваютъ крокодиловъ, на что нужно хорошее ружье. Труднѣе всего высаживаться съ моря: портовъ нѣтъ, страшный бурунъ подбрасываетъ кверху, но надобно быстро хвататься за концы шелковыхъ канатовъ, висящихъ на пристани и подыматься кверху, иначе новый подъемъ шлюпки можетъ расплюснуть васъ о желѣзную пристань. Если же канатъ во-время не схватишь, то рискуешь упасть въ море и быть съѣденнымъ жадными акулами, которыя такъ около и ждутъ. Дамъ поднимаютъ съ величайшимъ трудомъ въ корзи-

нахъ, съ черными же не стѣсняются и каждая высадка кончается тѣмъ, что два-три негра дѣлаются невольными жертвами акулъ. Вотъ чудное мѣсто высаживать своихъ тещъ или кредиторовъ!

Негры Дагомеи и Конго сильны и красивы собою, особенно въ Конго великолѣпны женщины; но негры неопрятны и если васъ посѣтилъ негръ, то скверный запахъ остается весь день въ квартирѣ. Въ отношеніи культуры негры стоятъ очень низко. Невольничество у нихъ въ крови. Если вы оставите двухъ негровъ на свободѣ въ пустынѣ, то сильнѣйшій немедленно обратитъ другого въ рабство. Когда Франціи понадобились носильщики для мадагаскарской экспедиціи, то имъ стоило дать приказъ начальникамъ и негровъ доставлено было сколько угодно связанныхъ по рукамъ и по ногамъ. Это называется у французовъ сохранять неграмъ ихъ самоуправленіе!

Французы въ колоніяхъ забываютъ легко свои «immortels principes»,—рабство уничтожено въ колоніяхъ для виду, въ дѣйствительности оно тщательно сохраняется, такъ какъ негры не работаютъ иначе, какъ изъ-подъ палки или за ромъ. Да и не всякая палка на нихъ дѣйствуетъ.

— У меня какъ-то передрались рабочіе между собою и стали увѣчить другъ друга, рассказывалъ мнѣ инженеръ, — я схватилъ огромную дубину и

началъ колотить ихъ по чемъ попало съ такою силою, что у европейцевъ навѣрное бы поломались руки и ноги, а негры только слегка почесывались. Когда нужно заставить негровъ что-нибудь сдѣлать, у нихъ отымаютъ на-время ихъ женъ. Негры сладострастны до глубокой старости.

Есть, впрочемъ, и между неграми порядочные люди—это сенегальскіе негры магометане, безумно храбрые, трезвые и преданные своимъ начальникамъ, даже европейскимъ. Они презираютъ другихъ негровъ, хотя бы и полуцивилизованныхъ. Поэтому французы и набираютъ изъ нихъ своихъ солдатъ для колоній. Дерутся они отлично и любятъ атаку. Къ сожалѣнію, ихъ нельзя вывозить изъ тропиковъ, они сейчасъ умираютъ отъ воспаления легкихъ.

Несмотря на уничтоженіе человѣческихъ жертвоприношеній и другія блага, племена Дагомеи до сихъ поръ жалѣютъ своего короля Бенгазина, въ особенности недовольны военное и духовное сословія. По мнѣнію моего француза, нужны вѣка, чтобы привить къ неграмъ европейскую цивилизацію, гуманность же для нихъ вреднѣе всего. Де-Брацца, губернаторъ Конго, своими поблажками и теоретическими взглядами на десятки лѣтъ лишилъ Францію возможности извлекать какую-либо пользу изъ этой колоніи. Гордонъ съ такими же неправ-

тичными взглядами былъ причиною потери Египтомъ Судана, только недавно вновь завоеваннаго.

Въ Курляндіи питейной монополіи еще не введено и сохранились корчмы. На каждаго десяти верстахъ имѣется по такой хорошо устроенной корчмѣ, гдѣ можно найти пріютъ и людямъ, и лошадамъ. Корчмы эти весьма полезны, потому что поселеній, въ родѣ деревень и сель, тутъ совсѣмъ нѣтъ, мызы стоятъ уединенно, обыкновенно на холмахъ стоятъ особнякомъ лютеранскія кирки, а подчасъ красивые дома волостныхъ правленій. Даже помѣщичьи замки съ ихъ парками и хозяйственными постройками никогда не окружены домами поселянъ.

Одна изъ подобныхъ корчемъ стоитъ на срединѣ громаднаго перегона изъ Тальсена въ Виндаву, въ наиболѣе пустынной мѣстности Виндавскаго уѣзда, вообще наименѣ населеннаго въ Курляндской губерніи, болотистаго и мѣстами покрытаго сыпучими песками; около Виндавы пески эти искусственно укрѣплены насаженною растительностью.

Въ этой корчмѣ мы вынуждены были обѣдать. Къ удивленію нашему, въ бѣдной обстановкѣ, хозяйкой, старой онѣмеченной латышкой, намъ былъ поданъ очень порядочный обѣдъ, состоявшій изъ закусокъ—жареной рыбы sole, великолѣпнаго кар-

тофеля и котлетъ, съ отличнымъ рижскимъ пивомъ. Попивая послѣ обѣда кофе, мы на одномъ изъ столовъ нашли переплетенную тетрадь, въ которую, какъ въ альбомъ, были вписаны многочисленныя пламенныя объясненія въ стихахъ и прозѣ на русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ. Нѣкто, проживъ въ этой корчмѣ восемь мѣсяцевъ, трогательно прощался, увѣряя, что это были лучшіе годы его жизни. Альбомъ обрывался стихами еще болѣе пламеннаго содержанія, гласившими о побѣдѣ и о томъ, что она моя! она моя!

Очевидно, что всѣ эти изъясненія, помѣченныя къ тому же нынѣшнимъ годомъ, не относились къ старушкѣ. Мы спрашивали ее о новой Дидонѣ, удерживавшей по восьми мѣсяцевъ путниковъ въ корчмѣ, но старушка очень неохотно и неясно отвѣчала на вопросы, изъ чего надобно было заключить, что побѣдный кличъ, записанный въ книгу, сопровождался дѣйствительнымъ успѣхомъ и, не зная Виргилія, Эней изъ путейцевъ увезъ съ собою Дидону. Вотъ какіе бываютъ романы въ латышскихъ корчмахъ!

На обратномъ пути старушка угостила насъ еще болѣе обильнымъ обѣдомъ, наварила и напекла всякихъ нѣмецкихъ снадобій, курьезное сочетаніе въ которыхъ сапоговъ всмятку съ смородиновымъ вареньемъ, способно въ русскомъ человѣкѣ вызвать

столбнякъ отъ удивленія. Но насчетъ альбома, къ которому пришлось обратиться отъ скуки, въ виду проливного дождя, мѣшавшаго высунуть носъ изъ корчмы, старушка опять осталась нѣма, какъ рыба sole, возбуждая любопытство моихъ молодыхъ спутниковъ; они ходили даже на сѣноваль посмотриѣть, не столько, кормятъ ли жидовскихъ лошадей, сколько не скрывается ли тамъ воспитанная доморощенными поэтами латышская красавица ¹⁾).

Нѣсколько разъ мы пересѣкали строящуюся желѣзную дорогу. Ее сооружаютъ русскіе рабочіе, плотники, конечно, великороссы. У одной корчмы знакомая сцена: подошло нѣсколько бородъ лопатами и заступомъ и просили: «не будетъ ли милости на чаекъ опохмелиться въ понедѣльничекъ».

Переѣхавъ наплавной мостъ, за проѣздъ по которому взимаются деньги, мы по булыжной мосто-

¹⁾ Кстати о латышкахъ вообще. Одинъ спеціальнѣйшій изслѣдователь ихъ быта говоритъ, что латышскія женщины имѣютъ склонность къ поэзии и сочиняютъ нѣсни всегда меланхолическаго содержанія. Нравственность ихъ удовлетворительна; женщины стыдливы, но беременность незамужнихъ женщинъ не считается особеннымъ стыдомъ, лишь бы виновникомъ ея не былъ нѣмецъ или русскій. Лицо у латышской женщины продолговатое, черты лица довольно крупны, носъ прямой, глаза открытые, зубы нѣсколько выдающіеся, подбородокъ широкій, шея длинная, голова нѣсколько скатая, грудь мало развитая.

вой, показавшейся намъ, послѣ грязи шоссе, идеально хорошей, въѣхали, наконецъ, въ Виндаву, когда солнце уже стало заходить.

Гостиница, съ виду очень скромная и безъ многихъ необходимыхъ принадлежностей, казалась чистою. На обычный вопросъ русскаго путешественника: есть ли клопы? хозяинъ съ гордостью отвѣчалъ по-нѣмецки:

— Я не знаю, о чемъ вы меня спрашиваете, я ихъ въ жизни не видалъ.

— Ну, а я ихъ достаточно въ жизни въ гостиницахъ видѣлъ и зато готовъ дать премію, если таковыхъ не окажется.

Пришлось выдать уѣзжая горничнымъ премію.

Въ Виндавѣ теперь всего два извозчика, мы ихъ, такъ сказать, конфисковали и на нихъ совершали поѣздки по городу и въ ближайшихъ окрестностяхъ. По рѣкѣ насъ возилъ любезно на своемъ пароходѣ строитель порта.

Какъ городъ, Виндава пока весьма незначительнъ; онъ состоитъ изъ узкихъ улицъ, обстроенныхъ по большей части маленькими, довольно ветхими деревянными домами, кирпичныхъ построекъ немного, магазины ничтожны; для осмотра предлагаютъ туристамъ старинное зданіе небольшого замка, построеннаго гермейстеромъ Бурхардомъ Дрейленовомъ еще въ половинѣ XIV столѣтія. За пять-

сотъ лѣтъ виндавцы не построили пока ничего болѣе интереснаго.

Но если городъ представляетъ мало любопытнаго, то нельзя сказать того же о рѣкѣ Виндавѣ. Рѣка эта, идущая изъ Ковенской губерніи, сначала порожиста, ее однако можно расчистить и соединить каналами съ р. Дубиссою и даже съ г. Либавою (помощью рѣкъ Бинце, Вартаге и Ананде); первый каналъ строился и брошенъ изъ-за польскаго возстанія 1831 г. Но верхнее теченіе мало важно по сравненію съ нижнимъ, здѣсь на протяженіи 18-ти, а по словамъ другихъ даже 20-ти верстъ отъ устья рѣка имѣетъ отъ 20 до 40 футовъ глубины, и ширину отъ 60 до 80 сажень, притомъ рѣка близъ устья не замерзаетъ. Такимъ образомъ это великолѣпный естественный портъ, почти единственный въ Россіи, въ родѣ тѣхъ, которые Англія имѣетъ на своихъ рѣкахъ, съ тою разницею, что здѣсь нѣтъ никакихъ приливовъ и отливовъ.

Главное неудобство виндавскаго порта—мелководный баръ. Для углубленія бара, сжатаго струею теченія, были выстроены въ 1737 г. дамбы еще при герцогѣ Эрнестѣ Биронѣ—такъ хорошо извѣстномъ намъ, русскимъ. Въ 1780 г. и съ 1817 по 1819 г. дамбы эти были исправляемы, но море ихъ разрушило и портъ былъ занесенъ чрезвы-

чайно пескомъ. Въ 1852 г. вновь приступили къ углубленію порта; было издержано 300,000 руб., но и отъ этихъ улучшеній ничего теперь не осталось.

Въ настоящее время начаты серьезныя работы по углубленію бара и сръзыванію и спрямленію береговъ для расширенія порта, подъ руководствомъ бывшаго профессора Института путей сообщенія императора Александра I г. Шостовскаго, ученика парижской *École des ponts et chaussées*. На этотъ годъ ассигновано на портъ виндавскій 800,000 р., но потребуется еще работа нѣсколькихъ лѣтъ и значительныя ассигнованія.

Г. Шостовскій просто влюбленъ въ свой портъ, предсказываетъ ему великую будущность, а также и то, что самый городъ Виндава перейдетъ на другую (сѣверную) сторону рѣки, гдѣ и теперь желѣзная дорога устраиваетъ элеваторъ и свои главныя постройки, пересѣкая рѣку желѣзнымъ мостомъ, для чего пришлось отвести каналомъ впадающую вблизи какую-то рѣчонку.

По новому проекту, виндавскій портъ будетъ дополненъ двумя молами, которые будутъ выведены въ море до глубины 25 футовъ. По моему мнѣнію, этой глубины недостаточно. Образующіяся морскимъ теченіемъ около моловъ отмели будутъ углубляться землечерпаніемъ. Одна такая машина-

сосцы работаетъ уже въ портѣ. При устройствѣ помощью молотъ аванпорта, самый портъ въ городѣ будетъ, конечно, замерзать долѣе нынѣшняго, но въ настоящее время сильные ледоколы даютъ возможность легко сообщаться съ моремъ, а особенно на такихъ незначительныхъ разстояніяхъ, какія будутъ въ виндавскомъ портѣ. Здѣсь господствуютъ также западные вѣтры, а при нихъ ледъ долго держаться не можетъ.

Подобныя великолѣпныя условія для порта, какъ въ Виндавѣ, не могли, конечно, остаться незамѣченными; на необходимость соединенія рельсовымъ путемъ, кромѣ постоянного ходатайства мѣстныхъ жителей, было обращено вниманіе печати лѣтъ тридцать. Но всѣ настоянія оставались напрасными изъ-за какихъ-то стратегическихъ соображеній. Необходимость, однако, имѣть лишній хорошій портъ на Балтійскомъ морѣ и желаніе по возможности обратить Либаву въ военный портъ заставили стратеговъ смириться и измѣнить свое мнѣніе, и теперь желѣзная дорога къ Виндавѣ признана очень полезною и сдана для постройки Рыбинской желѣзной дорогѣ, обратившейся въ Московско-Рыбинско-Виндавскую. Изъ этого можно заключить, что стратегія должна быть родная сестра метафизикѣ, о которой Вольтеръ сказалъ, что это «такая наука, когда тотъ, кому ее объясняютъ, ничего не

понимаетъ, а тотъ, который ее объясняетъ, понимаетъ еще менѣе».

Въ настоящее время Виндава отрѣзана совсѣмъ отъ Россіи. Изъ Риги даже нельзя доѣхать на лошадяхъ скорѣе 36 часовъ,—время, потребное на переѣздъ изъ Петербурга въ Берлинъ, да еще платить нужно по рублю за милю съ каждой лошади. Почта изъ Петербурга въ Виндаву приходитъ на четвертый день, т. е. медленнѣе, чѣмъ изъ нашей столицы до Лиссабона; телеграфъ послѣ 9-ти часовъ вечера не работаетъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ заграничная торговля Виндавы до сихъ поръ незначительна; въ 1896 г. она составляла всего по вывозу 1.428,800 руб., а по привозу 292,000 руб. Въ вывозѣ фигурировали на первомъ планѣ лѣсной товаръ: бревна, брусья, доски, столбы, затѣмъ небольшое количество ржи, ячменя, овса и спирта. Привозъ изъ-за границы состоялъ почти исключительно изъ каменнаго угля и сельдей.

Само собою, что съ устройствомъ порта, теперь имѣющаго чисто мѣстное значеніе для двухъ уѣздовъ, и особенно съ окончаніемъ желѣзной дороги къ Тукуму, которая свяжетъ Виндаву съ Ригею, Рыбинскомъ, Москвою, Смоленскомъ и др. мѣстами, надобно ожидать полного переворота въ портовой торговлѣ.

Виндава сдѣлается также центромъ обширнаго судостроенія, для чего ея незамерзающій портъ, плоскіе берега и мягкій грунтъ представляютъ всѣ удобства, которыя будутъ постепенно еще усиливаться по сравненію съ Либавой, гдѣ неизбѣжное расширеніе военнаго порта, замѣняющаго замерзающій полгода Кронштадтъ, сдѣлаетъ мало-помалу нестерпимымъ пребываніе для коммерческаго порта.

Конкуренція военнаго порта помѣшаетъ развиваться въ Либавѣ и судостроенію; въ Ревелѣ и Балтійскомъ портѣ она невозможна по недостатку мѣста среди скалистыхъ береговъ, въ Ригѣ же отъ продолжительной замерзаемости рѣки и дороговизны береговой земли. Остается Виндава, гдѣ свободнаго пространства еще очень много, и пунктъ этотъ пріобрѣтетъ особое значеніе, когда правительство пожелаетъ поощрить торговое судостроеніе. Прекрасныя большія площади подъ самымъ городомъ остаются теперь совсѣмъ пустыми или заняты небольшими лѣсными складами; отъ военнаго адмиралтейства герцоговъ курляндскихъ не осталось даже развалинъ.

Виндава со своимъ округомъ при польскихъ короляхъ имѣла республиканское устройство, остатки котораго официально изгладились лишь въ 1819 г. Никакихъ слѣдовъ этой «республики» теперь что-

то незамѣтно, развѣ въ томъ, что виндавцы почему-то имѣютъ репутацію людей негостепріимныхъ.

Этихъ негостепріимныхъ людей по календарю Суворина теперь около семи тысячъ пятисотъ, въ томъ числѣ добрая треть жидовъ, такъ какъ Курляндія, какъ часть бывшаго польскаго государства, входитъ въ счастливую черту еврейской осѣдлости. Но виндавцы гордятся, что жидовъ у нихъ пропорціонально менѣе, чѣмъ въ другихъ курляндскихъ городахъ, вѣроятно, вслѣдствіе того же негостепріимства. Число жителей, навѣрное, очень скоро удвоится, а число жидовъ удесатерится. Если же возникнутъ предполагаемые въ Виндавѣ заводы и фабрики, то приростъ ея населенія, какъ, напр., приростъ населенія Екатеринослава и другихъ подобныхъ городовъ, надобно будетъ считать десятками тысячъ ежегодно.

Да не закружится отъ этихъ цифръ у виндавцевъ голова. Они, впрочемъ, и теперь начинаютъ сознавать будущее значеніе своего городка и уже въ настоящее время земля въ городѣ поднялась до 40 рублей за квадратную сажень, а подъ дачи на берегу моря сдаютъ землю по 2 руб. за квадратную сажень. На бѣду, почти вся земля вокругъ города казенная, а извѣстно, какія испытанія ожи-

даютъ каждого, кто пожелалъ бы имѣть дѣло съ казеннымъ управленіемъ.

Какъ-то я шелъ въ министерство и на углу великолѣпнаго зданія встрѣтилъ француза графа Монвиеля, тщательно смотрѣвшаго на крышу.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ я его.

— А вотъ думаю снять фотографію съ этого зданія, испортившаго мнѣ столько крови. Я пріѣхалъ сюда на два мѣсяца, а сижу въ Петербургѣ уже два года, а дѣло мое все не рѣшается, и замѣтите, что мнѣ содѣйствуютъ всѣ, отъ столоничальника до министра, и находятъ, что дѣло мое не мудреное. Что же было бы, если бы оно было сложное?

Но это еще ничего: директоръ одного американскаго страхового общества пріѣхалъ въ Петербургъ на четыре дня, чтобы подписать какія-то казенныя условія. По-американски онъ думалъ уѣхать черезъ четыре дня и просидѣлъ... четыре года!

ВЪ БАКУ.

Въ первый разъ я попалъ въ Баку въ 1874 году, отчасти по службѣ, отчасти по просьбѣ Кокорева, желавшаго, чтобы я написалъ брошюру, которая содѣйствовала бы распространенію освѣщенія Россіи сырою нефтью въ чиракахъ (ночникахъ). Я нашелъ эту идею дикой, и такъ какъ въ то время Баку походилъ на татарскую деревню, а нефть добывалась изъ колодцевъ мѣхами изъ козьихъ шкуръ и перегонялась примитивными способами, то я счелъ болѣе полезнымъ, при помощи извѣстнаго химика профессора Лисенко, написать книгу о томъ, какъ раціонально добывать и очищать нефть. Эту техническую книгу Кокоревъ далъ для оцѣнки покойному Лѣскову. Романистъ, котораго Кокоревъ цѣнилъ не за романы, а какъ откупного повѣреннаго, рукопись забраковалъ¹⁾. О

¹⁾ Судьба наказала за это Лѣскова. Если вѣрить г. Фаресову (воспоминанія, напечатанныя въ еженедѣльныхъ приложе-

моемъ пребываніи въ Баку слѣдъ остался только въ фельетонахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издававшихся Коршемъ. Эти фельетоны произвели впечатлѣніе и, если вѣрить одной тифлисской газетѣ, бакинскія дамы собрались и рѣшили при второмъ появленіи моемъ на горизонтѣ Баку утопить меня въ Каспійскомъ морѣ.

Эти энергическія дамы, вѣроятно, умерли, потому что когда я пріѣхалъ въ Баку въ 1889 г. предсѣдательствовать на нефтяномъ съѣздѣ, если меня и хотѣли утопить, то развѣ въ шампанскомъ. Вышеозначенный съѣздъ имѣлъ для нефтяного дѣла большое значеніе, такъ какъ на немъ введеніемъ ценза (чему сопротивлялось огромное большинство промышленниковъ) былъ организованъ совѣтъ нефтепромышленниковъ и всѣ связанныя съ послѣднимъ полезнѣйшія учрежденія. Кавказское гостепріимство пріобрѣтаетъ, какъ извѣстно, гомерическіе размѣры, почему въ заключеніе съѣзда всѣ—и друзья, и враги, послѣ грандіознаго обѣда, гдѣ фонтаны словъ лились обильнѣе нефтяныхъ фонтановъ (тогда почти неизвѣстныхъ), провожали меня въ поѣздѣ до станціи Баладжары. Шампан-

ніяхъ къ «Недѣлѣ»), Лѣскова мучило, что мои книги расходились, когда его лежали на полкахъ книжныхъ магазиновъ, и онъ нѣсколько разъ въ разговорахъ плакался по этому поводу.

скаго, взятаго съ собою, могло бы хватить и до Батума, и среди общаго веселія два почтеннѣйшіе старые армянскіе коммерсанта отхватили лезгинку. Отъ души растроганный, я далъ клятву, что пріѣду еще разъ въ Баку на открытіе бакинскаго нефтепровода.

Зная наши муниципальные порядки, я, признаться, думалъ, что ничѣмъ не рискую этою клятвою и, дѣйствительно, нефтепровода за десять лѣтъ въ Баку не построили, но мнѣ все-таки пришлось побывать въ Баку, на этотъ разъ уже не съ официальной миссіей, а въ скромной роли частнаго человѣка.

Такъ какъ за десять лѣтъ, не говоря уже о времени съ 1874 г., когда нефтяное дѣло только что возрождалось, Баку сдѣлалъ невѣроятные успѣхи, то я считаю не лишнимъ подѣлиться своими впечатлѣніями. Развился, впрочемъ, не одинъ Баку, но и весь Кавказъ, который я въ первый разъ увидѣлъ въ 1869 году. Въ особенности Сѣверный Кавказъ поражаетъ своими переѣздами: гдѣ была безконечная голая степь, виднѣются огромные поселки, все распаханно, скирды хлѣба окружаютъ бѣлыя хаты, а мѣстами вырастаютъ уже промышленныя зданія.

О довольствѣ можно судить даже по станціоннымъ буфетамъ Владикавказской дороги. Продукты

прекрасные и послѣ столицъ кажутся очень дешевыми. За четвертакъ мнѣ наваливали на тарелку десятки громадныхъ раковъ, изъ которыхъ одинъ стоитъ въ Парижѣ шесть гривенъ.

Видъ на Петровскъ съ берега (станція у порта) за тридцать лѣтъ какъ будто мало измѣнился, но городъ разросся и портъ, который тогда только строился Фалькенгагеномъ, у котораго я гостилъ, теперь приведенъ въ порядокъ и углубленъ. Движеніе въ портѣ было оживленнѣе обыкновеннаго, такъ какъ дурной урожай въ Закавказьѣ вызвалъ большую перевозку хлѣба съ Волги и Сѣвернаго Кавказа въ Баку.

Петровскъ памятенъ мнѣ и лихорадкою, которую я перенесъ здѣсь когда-то; въ этомъ отношеніи онъ мало измѣнился. Къ несчастью, весь западный берегъ Каспійскаго моря страшно лихорадоченъ, и служащіе на новой линіи желѣзной дороги мучаются немало. Случалось, что 70% служащихъ и рабочихъ страдало перемежающейся лихорадкой, а на бѣду еще значительная часть года заѣдаютъ комары, для спасенія отъ которыхъ приходится спать на вышкахъ, сооруженныхъ изъ бревенъ около жилыхъ домовъ. Кровавый поносъ также уноситъ немало жертвъ. Надѣются, впрочемъ, что съ распашкою земель лихорадки умень-

шатся,—такъ было, по крайней мѣрѣ, на Петровской линіи изъ Беслана.

Богатый край этотъ не дешево вообще обошелся Россіи; достаточно напомнить, что мы завоевывали его три раза; даже Дербентъ, этотъ ключъ къ Каспійскому побережью, мы легкомысленнѣйшимъ образомъ бросали два раза въ 1735 и 1796 гг. Въ Дербентѣ сохраняется какое-то подземеелье, гдѣ будто бы жилъ Петръ Великій; не понимаю только, для чего ему было жить въ берлогѣ, когда Дербентъ былъ тогда большимъ городомъ съ тысячею домовъ? Сомнительна и легенда, что одно и то же лицо подносило серебряные ключи города и Петру, и спустя 73 года графу Валеріану Зубову. Сомнѣваясь въ справедливости этого, еще современникъ фонъ-Гельбигъ философски замѣтилъ: «Если этотъ анекдотъ справедливъ, то 120-лѣтній старикъ могъ пожаловаться на жестокость судьбы, прибегшей его послѣ столькихъ лѣтъ для несравненно большаго униженія, чѣмъ первое. Тогда онъ отдавалъ ключи великому, всѣми почитаемому и коронованному побѣдителю, теперь — юному, невѣжественному и злодѣйскому выскочкѣ».

Со временъ Зубова крѣпостныя стѣны только обваливаются, да и Дербентъ мало мѣняется: тѣ же широкія песчаныя улицы, жиденько обстроен-

ныя одноэтажными домами, но мѣстность около города быстро подымается въ цѣнѣ. Здѣсь появилось уже буреніе на нефть, болѣе на счетъ «коварныхъ» иностранцевъ, и развивается винодѣліе. Дербентскій виноградъ превосходенъ; онъ и теперь вывозится въ Россію, а въ скоромъ времени займетъ почетное мѣсто въ столицахъ, уничтоживъ вовсе необходимость выписывать столовый виноградъ изъ Испаніи и Алжира. Такъ будетъ, вѣроятно, и съ другими фруктами, къ радости нашихъ финансистовъ, кое-какъ поддерживающихъ курсъ рубля. Дербентъ, какъ портъ, отвратителенъ, но желѣзная дорога для цѣнныхъ грузовъ, каковы фрукты, и для пассажировъ устранить необходимость въ коренномъ улучшеніи порта, требующемъ миллионовъ.

Желѣзная дорога отъ Дербента до Баку еще не открыта; но, соединяя такой важный пунктъ, какъ Баку, и прорѣзывая богатѣйшій въ почвенномъ отношеніи Кубинскій уѣздъ, знаменитый также своими разбойниками, дорога и въ эмбріональномъ состояніи вызвала большое движеніе. Ежедневно къ Дербентской станціи поѣзда подвозятъ массу пассажировъ, которые чуть не силою требуютъ отъ незнающаго куда скрыться станціоннаго начальства дальнѣйшаго препровожденія.

Благодаря любезности правленія Владикавказской желѣзной дороги, мнѣ удалось проѣхать по неоткрытой еще дорогѣ, что было сопряжено, однако, съ немаловажными затрудненіями. Путь на значительномъ протяженіи не баластированъ еще и при дождяхъ полотно дороги обращается въ кисель; мосты также не готовы—ихъ объѣзжаютъ по временнымъ путямъ, которые легко сносятся на горныхъ рѣчкахъ. Особенно страшенъ Самуръ: въ сухое время его въ бродъ перейдетъ курица, а при дождяхъ рѣка несетъ, какъ щепки, камни въ сотни пудовъ. Фермы для моста черезъ Самуръ были заказаны фантастическому Истинскому заводу и, конечно, опоздали. Мнѣ пришлось обойти мостъ *per pedes apostolorum*.

Да и далѣе не обошлось безъ препятствій. На одномъ перегонѣ машинистъ недостаточно взялъ воды для паровоза, пришлось посылать кондуктора за 11 верстъ пѣшкомъ за новымъ паровозомъ; на станціи Баладжары мы маневрировали часами, чтобы перейти на путь Закавказской дороги, причемъ насъ прицѣпляли даже къ вагону съ динамитомъ. На станціи въ Баку — новые часовые маневры, чтобы попасть на пассажирскую станцію. На обратномъ пути мнѣ пришлось провести ночь въ вагонѣ, гдѣ не было другой мебели, кромѣ плетеныхъ стульевъ. Но все это пріятнѣе, чѣмъ бол-

таться осенью по негостепріимному Каспійскому морю или ѣхать подъ дождемъ на почтовыхъ.

Но вотъ я и въ Баку, гдѣ, какъ выражаются мѣстные кондукторы, «поѣздъ стоитъ на совѣмъ»! Сразу вездѣ видны огромныя переѣмы. Въ 1874 году Баку, какъ выше сказано, былъ еще почти татарскою деревнею, мостовыхъ не было, но песокъ по улицамъ для уменьшенія пыли началъ уже поливаться мазутомъ. Десять лѣтъ назадъ, число мостовыхъ увеличилось, появился асфальтъ и конно-желѣзная дорога; теперь городъ вымощенъ, хотя довольно скверно, камнемъ, привозимымъ изъ Красноводска, тротуары асфальтовые. Нефтяного дыма не существуетъ. Число красивыхъ зданій увеличилось. Вообще новые дома въ Баку изъ мѣстнаго сѣраго камня довольно красивы и комнаты отличаются большими размѣрами, необходимыми въ жаркомъ климатѣ. Но красота домовъ только снаружи—внутри еще замѣтно отсутствіе комфорта, а иногда и самыхъ элементарныхъ удобствъ; это особенно касается татарскихъ домовъ, гдѣ окна, кажется, никогда не отпираютъ ни въ какую погоду.

Въ настоящую минуту домостроительная горячка временно прекратилась изъ-за дороговизны земли, а то Богъ знаетъ до чего бы дошли цѣны; и теперь земля въ Баку дороже, чѣмъ въ централь-

ныхъ частяхъ Петербурга. Особенно дорога она на набережной моря. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ губернаторъ Колюбакинъ чуть не Христарди упротсилъ Кокорева купить за 300 р. кусокъ земли на набережной. Десять лѣтъ назадъ половина этой земли была продана за 350,000 рублей, а теперь этой половинѣ цѣна минимумъ два милліона рублей!

Понятно, что при такой дороговизнѣ земли вся мѣстность до Баилова мыса быстро обстроилась и стала коммерческимъ портомъ, и начинаютъ уже засыпать часть моря, чтобы расширить набережную. Надъ городомъ возвышается великолѣпный православный соборъ и идетъ рѣчь о постройкѣ столь же великолѣпнаго армянскаго храма. Имѣется и пассажъ, и много хорошихъ магазиновъ, множество также конторъ; открытыя до поздней ночи гостиницы сносны, но могли бы быть лучше, если бы домовладѣльцы согласились дѣлать контракты долѣе четырехъ лѣтъ.

Остроумный Д. В. Григоровичъ, разговаривая какъ-то въ гостяхъ у покойнаго Плещеева на балконѣ «Hôtel Mirabeau» въ Парижѣ и видя оживленіе у чудныхъ магазиновъ rue de la Paix, сказалъ: «Вотъ улица—если ее продать, можно купить десять русскихъ губерній». Баку тоже съ его маленькой территоріей вокругъ стоитъ теперь, навѣр-

ное, дороже большой русской губернии. Не говоря уже о нефтяной землѣ, доходившей до 500,000 руб. за десятину, пустопорожниа земли около города продаются по 15—17 тыс. руб. за десятину ¹⁾, и въ четырехъ верстахъ отъ города по дорогѣ въ Шемаху выросъ новый городъ.

Замѣчательно, что, благодаря нефтяной промышленности, здѣсь сосредоточились такіа механическіа и химическіа силы, которыа можно найти развѣ только въ столицахъ. Это имѣетъ огромное стратегическое значеніе для правительства въ случаѣ войны на Кавказѣ, въ Средней Азии и противъ Индіи. Здѣсь мгновенно можно будетъ учредить гигантскій арсеналь. Сила и размѣры техники видны даже на улицахъ по огромному количеству всякихъ формъ и значковъ, отличающихъ нашихъ техниковъ. Тутъ для нихъ рай въ смыслѣ окладовъ и наживы, да и не для однихъ техниковъ: буровые мастера, которые по развитію тѣ же кузнецы, получаютъ въ Баку по 150 и 200 руб. въ мѣсяць; само собой, что и заработная плата простымъ рабочимъ соотвѣтственно также высока.

¹⁾ Эта дороговизна, а частью полное отсутствіе земли и замедляютъ постройку домовъ для рабочихъ, прикрѣпить которыхъ къ промысламъ — интересъ самихъ нефтепромышленниковъ.

Едва ли кто у насъ и подозрѣваетъ, что Баку по числу отходящихъ судовъ сталъ теперь первымъ портомъ въ Россіи и, что всего замѣчательнѣе, что всѣ эти суда — русскія, т.-е. плавающія подъ русскимъ флагомъ, а недавно еще Россія считалась совершенно неспособною имѣть свой собственный торговый флотъ. Флотъ нашъ на Каспійскомъ морѣ за 12 лѣтъ увеличился по грузовой вмѣстимости въ шесть разъ и матросы-персы, которые прежде преобладали, встрѣчаются только въ видѣ исключенія у капитановъ-рутинеровъ. Наши волжскіе судорабочіе очень скоро привыкаютъ къ морю и обращаются въ хорошихъ моряковъ.

Въ Баку уже тысячъ двѣсти жителей, но число это растетъ ежедневно. Что же будетъ, когда съ открытіемъ Дербентско-Бакинскаго участка Владикавказской дороги Баку свяжется непрерывнымъ сообщеніемъ съ Москвою въ три дня и Петербургомъ въ три съ половиною дня?

Несмотря однако на всѣ эти чудеса техники и легко наживаемые миллионы, Баку всегда будетъ городомъ неспособнымъ для жизни, вслѣдствіе сквернаго климата и отсутствія воды и, какъ послѣдствіе этого обстоятельства, отсутствія растительности. Жара въ Баку лѣтомъ совершенно невыносимая, по цѣлымъ недѣлямъ выше сорока градусовъ, деревья же нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ чахлахъ

деревцовъ въ двухъ-трехъ скверахъ. Даже съ поливкою деревья растутъ дурно отъ иссушающихъ вѣтровъ. Не видя нигдѣ воды, прилетающія въ Баку утки принимаютъ мазутныя озера и лужи за воду, садятся и погибаютъ, обмочивъ свои перья въ нефть! Для людей ужасенъ вѣтеръ нордъ, несущій тучи песку и мелкихъ камней съ Апшеронскаго полуострова. При мнѣ нордъ принесъ такой ливень, что по улицамъ текли буквально рѣки и плавали бревна; когда же вода стекла, то на мостовой осталось на полъ-аршина ила, въ родѣ того, что оставляютъ по себѣ разливы Нила. Хотя сейчасъ сѣй рисъ и хлопчатникъ. Грязь свозилась съ улицъ десятками кубическихъ сажень.

Но подобные ливни, только портище и безъ того ужасную мостовую, рѣдкость. Обыкновенно дождей не бываетъ по годамъ и воды нѣтъ; ее изъ скудныхъ источниковъ продаютъ по 5 коп. за ведро и за нее часто дерутся болѣе бѣдные жители. Устроены заводы для перегонки морской воды, но вода эта невкусная, потому что вода Каспійскаго моря, особенно у береговъ, содержитъ массу органическихъ веществъ, которыя, несмотря на фильтрованіе, перегоняются въ кубахъ и, разлагаясь, придаютъ водѣ скверный вкусъ; но за недостаткомъ воды пьютъ и эту мерзость, часто еще горячую. Давно уже существуетъ проектъ устроить

водопроводъ; онъ будетъ стоить 7 мил. руб., сумма не очень большая, такъ какъ Баку богатъ, имѣя кромѣ городскихъ доходовъ болѣе 6,000 десятинъ собственной земли. Дѣло задерживается однако потому, что дума спорить съ предпринимателями. Они требуютъ $\frac{1}{8}$ к. за ведро воды, а дума даетъ только $\frac{1}{10}$. Люди опытные увѣряютъ однако, что съ водопроводомъ дѣло не очень легко устроится. Если взять воду изъ Куры—воды будетъ довольно, но вода попрежнему будетъ скверная и грязная; если же взять ее изъ Самура, отстоящаго болѣе чѣмъ на двѣсти верстъ, то вопросъ еще — хватитъ ли ей тамъ для Баку, такъ какъ Самуръ разбирается лѣтомъ для ирригаціи мѣстными жителями, которые, пожалуй, и не допустятъ устройства водопровода, жители же эти—лезгины, отчаянные головорѣзы.

Люди со средствами недостатокъ воды менѣе чувствуютъ, потому что мѣстное вино недорого и хорошаго качества, а вино матрасинское, полежавшее нѣсколько лѣтъ въ погребѣ, положительно не хуже лучшихъ бургонскихъ марокъ.

Несмотря на недостатокъ воды, въ Баку устроили отличныя бани и жители, повидимому, пользуются ими очень охотно, даже слишкомъ охотно, потому что въ тарифѣ номеровъ установлена плата за одинъ часъ, за два часа и даже за три часа,

причемъ дѣлается уступка! Какъ вездѣ на Востокахъ, парильщики въ Баку удивительные. Какой-то гигантскаго роста азіяты положили меня ничкомъ и буквально протанцовали на моей спинѣ англійскій джигъ, а въ заключеніе стали на одной ногѣ, въ позѣ Меркурія, работы Джіанъ-ди-Болонія, отчего позвоночникъ у меня хрустнулъ. Я закричалъ, и банщикъ, для успокоенія, ударилъ меня съ улыбкою раза три кулакомъ въ спину, хотя легко, но такъ, что звуки раздались какъ отъ пистолетнаго выстрѣла. Привыкнувъ во время моихъ путешествій по Востоку къ этимъ любезностямъ, я не обращалъ на нихъ вниманія.

Извозчики въ Баку тоже оригинальны не менѣе банщиковъ и служатъ пиццею для остроумія мѣстной прессы. Почти все они татары. Они довольно грязны, но носятся вскачь по узкимъ улицамъ города, задѣвая направо и налево тротуары, встрѣчные экипажи, конки, а иногда и людей. Одному моему знакомому, пріѣхавшему изъ Сибири и привыкшему къ тамошней пустотѣ, на Невскомъ, зѣвавшему при переходѣ улицы, дышломъ вышибло два зуба, чему онъ очень удивился. Въ Баку ему навѣрное извозчики снесли бы голову. Къ сожалѣнію, экипажами можно пользоваться здѣсь только для дѣловыхъ разъѣздовъ или визитовъ, такъ какъ никакихъ мѣстъ, собственно, для про-

гулокъ, бульваровъ или загородныхъ гуляній не существуетъ. Шоссе соединяютъ только перегонные заводы и буровыя вышки, прогулка среди которыхъ никакого интереса не представляетъ.

Я говорю, конечно, о прогулкѣ для препровожденія времени и удовольствія; наоборотъ, эта мѣстность, Черный городъ—центръ заводовъ, Балаханы, Сабунчи, Биби-Эйбатъ—промышленныя центры кипятъ народомъ. Станція Сабунчи всегда биткомъ набита пассажирами и поѣзда переполнены, такъ что приходится стоять. Да и въ самомъ Баку на желѣзнодорожной станціи толчется болѣе народа, чѣмъ на петербургскихъ вокзалахъ. Все это передвигается ради нефти и думаетъ только о нефти.

Поэтому человѣкъ посторонній и пріѣзжій долженъ въ Баку просто одурѣть. Здѣсь съ утра и до вечера буквально ни о чемъ не говорятъ, какъ только о нефти, ея добычѣ, цѣнахъ. Прослушавъ въ день часовъ двѣнадцать подобные разговоры, не удивительно, что мнѣ даже во снѣ приснилось, что меня купаютъ въ мазутѣ и что я погибаю, какъ бѣдныя утки.

Такой городъ, конечно, не для развлеченій; мизерный театръ и клубъ, гдѣ идетъ весьма оживленная игра въ карты, вотъ и все. Винтъ и здѣсь объединяетъ все національности, вѣроисповѣданія и

политическія убѣжденія; ему помогаетъ преферансъ, въ Петербургѣ почти забытый. Азартная игра распространена въ Баку менѣе, чѣмъ бы можно ждать; должно быть, игра на цѣнѣ нефти и мазута вполне ее замѣняетъ.

Женщинъ въ Баку, городѣ полутатарскомъ, относительно мало, особенно въ обществѣ; это не то, что въ Тифлисѣ, поставляющемъ невѣстъ на весь край.

Въ клубѣ играетъ ежедневно оркестръ нѣмецкой музыки, а по понедѣльникамъ поетъ восточный хоръ. «Поетъ», конечно, относительно; когда я, сидя вечеромъ въ клубѣ, услышалъ въ первый разъ какое-то дикое завыванье, то безъ малѣйшей malice спросилъ: «А у васъ тутъ есть дикіе звѣри? Это что же, зоологическій садъ, что ли?». Оказалось, что это началъ пѣть восточный хоръ! Имѣются однако любители, по часамъ слушающіе подобное пѣніе и даже проливающіе слезы отъ трогательнаго содержанія распѣваемого.

Если эстетикой клубъ не блещетъ, то по части кулинарнаго искусства онъ не ударитъ лицомъ въ грязь. Каспійское море щедро снабжаетъ своими дарами Баку. Икра всегда превосходная, а севрюга, особенно когда зажарена на вертелѣ, могла бы удовлетворить самого Брилья-Саварена. Жарить же грузинскіе повара мастера, а ихъ на Кавказѣ

сколько угодно и они нипочемъ, потому что идеаль каждаго грузина не-дворянина сдѣлаться поваромъ. Грузины охотно идутъ въ услуженіе, особенно имеретины, въ этомъ они отличаются отъ армянъ, а такъ какъ дѣти послѣднихъ, обращаясь среди грузинской прислуги, привыкаютъ съ дѣтства говорить по-грузински, то потомъ съ трудомъ усваиваютъ свой мудреный языкъ, а часто и на всю жизнь оставляютъ его.

Если грузины хорошо служатъ, то зато вороваты. Одинъ тифлисскій миллионеръ рассказывалъ мнѣ, что, желая имѣть настоящихъ сторожей, онъ выписалъ себѣ армянъ изъ Эрзерума; это народъ колоссальной силы и безусловной честности, но бѣда въ томъ, что они никакого языка, кромѣ своего нарѣчія, не понимаютъ. Дѣло началось съ того, что эти сторожа пришедшаго ночью съ денешами телеграфиста приняли за грабителя и чуть не убили!

По составу своего населенія Баку всегда былъ самымъ пестрымъ городомъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ я видѣлъ тамъ даже огнепоклонника изъ Индіи; теперь въ Баку поклоняются болѣе золотому тельцу. Статистика совѣта съѣзда нефтепромышленности, собирающаго свѣдѣнія о всѣхъ служащихъ и рабочихъ по нефтянымъ промысламъ и заводамъ, довольно точно опредѣляетъ взаимныя отношенія разныхъ національностей. Кромѣ мел-

кихъ по числу народностей, треть принадлежитъ русскимъ, треть—армянамъ, треть—татарамъ. Число иностранцевъ весьма незначительно, вопреки ходячему мнѣнію и тому обстоятельству, что иностранные капиталисты владѣютъ нѣсколькими крупными предпріятіями. Изъ иностранцевъ болѣе всего шведовъ, которые едва ли когда могутъ завоевать Кавказъ—хотя вещь замѣчательная, что, несмотря на рѣзкую разницу въ климатѣ, шведы и здѣсь такіе же дюжіе и краснощекіе ребята, какъ на своемъ Скандинавскомъ полуостровѣ, совершенные драбанты Карла XII. Впрочемъ, и ранѣе норманы одинаково хорошо акклиматизировались и въ сѣверной Франціи, и въ Сициліи, и въ Кіевѣ, и въ Царьградѣ. Надо отдать также справедливость фирмѣ Нобель, привлекающей сюда шведовъ. Она обставляетъ превосходно своихъ служащихъ, заботясь не только объ ихъ помѣщеніяхъ, но и объ ихъ развлеченіяхъ.

Русскіе и въ промышленности не занимаютъ здѣсь второго мѣста; ихъ много между мастерами; само собою, что всѣ плотники и столяры—русскіе. Изъ восточныхъ національностей на первомъ планѣ фигурируютъ армяне и татары. Армяне представляютъ, такъ сказать, элементъ прогрессивный. Я помню еще, какъ армяне въ гимназіяхъ не шли далѣе 4-го класса,—голова затѣмъ лопалась отъ нау-

ки; теперь не то, всѣ богатые армяне воспитываютъ своихъ дочерей за границею, а сыновей—въ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Идеаль для армянъ—устройство университета въ Тифлисѣ. «Если когда-нибудь разрѣшать этотъ университетъ,—говорилъ мнѣ одинъ армянскій миллионеръ,—я обязуюсь построить зданіе на свой счетъ». А въ ожиданіи этого университета онъ спитъ ночью въ шелковой кацавейкѣ на доскахъ, покрытыхъ ковромъ, безъ простынь и кладя подъ голову вмѣсто подушки набитый шерстью валежъ; прислуга ходитъ босая. Изъ закавказскихъ армянъ болѣе живой и дѣятельный элементъ представляютъ шушинскіе армяне. Они и подъ персидскимъ правительствомъ держали себя съ достоинствомъ. На счетъ бакинскихъ армянъ поддерживается такъ называемый «армянскій вопросъ» въ Турціи.

Татары въ противоположность армянамъ представляютъ элементъ вполне консервативный. Благодаря тому, что имъ принадлежитъ по наслѣдству большая часть земельной собственности въ Баку и около Баку, они наживаютъ денегъ не менѣе армянъ, но зато ничего и не тратятъ, живутъ скупо, даже скредно и менѣе всего заботятся объ образованіи. За хорошую конюшню татаринъ отдастъ всѣ университеты въ мірѣ.

Впрочемъ, и среди татаръ есть исключенія. Хаджи Тагіевъ, напимѣръ, нажившій очень быстро огромное состояніе на нефтяныхъ дѣлахъ, остался жить въ Баку и дѣлаетъ изъ своего состоянія по возможности полезное употребленіе для родины. Къ сожалѣнію, этому стремленію разные слишкомъ усердные администраторы кладутъ предѣлы. Одна изъ такихъ исторій едва не вынудила г. Тагіева переселиться въ Бухару! Его увѣрили, что тамъ будто бы русская промышленность можетъ развиваться безъ всякихъ стѣсненій.

Тагіевская исторія, о которой было не мало писано въ газетахъ, очень несложна, но поучительна. Желая дать употребленіе своимъ милліонамъ, этотъ чрезвычайно умный, хотя и не получившій никакого образованія и не выѣзжавшій изъ Баку татаринъ задумалъ построить большую бумагопрядильню для обработки средне-азіатскаго и персидскаго хлопка. Сказано—сдѣлано. На землѣ, заарендованной у поселянъ, возведены были милліонныя постройки, куплено и доставлено на мѣсто на милліонъ разныхъ машинъ. На Кавказѣ, какъ извѣстно, земельныя права не разобраны и пройдутъ еще десятки лѣтъ, пока ихъ разберутъ. Оказалось, что крестьяне заключили съ Тагіевымъ договоръ на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ имѣли право. Такъ какъ на Апшеронскомъ полуостровѣ крестьяне

только пользователи своей земли (что, впрочемъ, разъяснилось не очень давно и то по настоянію горнаго вѣдомства), то проще всего было передѣлать контрактъ, т.-е. обратить его въ пользу казны, вознаградивъ крестьянъ. Вышло иначе; заподозрѣли, что бумагопрядильня строится въ видахъ мусульманской пропаганды, хотя естественнѣе было бы строить для этого школы и мечети. Полиція остановила постройки и постановку машинъ. Почти годъ продолжалось это нелѣпое положеніе, пока, благодаря комисіи прошеній, не вмѣшались въ дѣло министерство финансовъ и земледѣлія. Гг. Ермоловъ и Ковалевскій и новый губернаторъ просто руками развели, когда воочію увидѣли разрушенныя стѣны фабрики и заржавленные машины, и это не какъ плодъ какого-нибудь лезгинскаго набѣга, а только черезчуръ усерднаго исполненія закона.

Дѣло еще не кончилось, но г. Тагіеву не для чего будетъ переносить свою фабрику въ Бухару, куда его звалъ эмиръ. Ему предполагается отдать 80 десятинъ земли съ платою въ казну по 8 тысячъ въ годъ, а остальные заарендованныя имъ сто десятинъ останутся въ рукахъ казны, но пойдутъ, вѣроятно, для надобностей фабрики же подъ устройство рабочей колоніи и пр. Въ Баку при мнѣ всѣ радовались такому благополучному окончанію

этого дѣла, искусственно раздутая изъ ничтожнаго судебного казуса чуть не въ государственный вопросъ. Винавать, говорятъ, администраторъ, за свою горячность прозванный «Самоваръ-папой». Но главными виновниками едва ли не были корреспонденты газетъ, этотъ ядовитый отпрыскъ періодической литературы, содержащей, къ сожалѣнію, столько вредныхъ для общества элементовъ.

Баку напоминаетъ Америку тѣмъ, что здѣсь каждый *fils de ses oeuvres*, и очень неосторожно иногда спрашивать, кто и откуда происходитъ? Мало кого тутъ нянчили герцогини на своихъ колѣняхъ; чаще встрѣчаются люди, вышедшіе изъ ничего. Нынѣшніе миллионеры были каменщиками, кузнецами, маркерами. Бываетъ и хуже. Недавно кончилъ свои дни миллионеръ, бѣжавшій, говорятъ, ранѣе изъ каторжныхъ работъ. Замѣчательно, что, приѣхавъ въ Баку, онъ узналъ въ лицѣ одного нефтепромышленника, занимавшаго передъ тѣмъ довольно видное мѣсто на желѣзной дорогѣ, тоже каторжника. Лицо это, переводя свое имущество на чужое имя, немедленно скрылось за границу, но когда прослышало, что узнавшій его заключенъ въ тюрьму, прислало депешу съ поздравленіемъ и напоминаніемъ римской поговорки: «сегодня мнѣ, завтра—тебѣ».

Подобные случаи на Кавказѣ не впервые. Въ

1869 году въ Москвѣ судился одинъ бѣглый каторжникъ (дѣло было описано тогда во всѣхъ газетахъ), который спокойно, пока его не узнали, занималъ въ Кутаисской губерніи должность мирового судьи по новымъ учрежденіямъ и занималъ съ большимъ достоинствомъ.

Существуетъ, правда, мнѣніе, что только американцы дѣлаютъ на своей землѣ чудеса; но Баку, обогнавшій любые американскіе города, доказываетъ воочію, что дѣло не въ американцахъ. Разъ условія будутъ американскія, то не только мы, русскіе, но и наши инородцы, по виду столь неподвижные, сумѣютъ распорядиться совсѣмъ какъ янки. Бакинская промышленность представляетъ этому блестящее доказательство.

Еще въ 1871 году, благодаря нелѣпому нефтяному откупу, усердно отстаивавшемуся кавказскою администраціею, когда уже въ Соединенныхъ Штатахъ нефтяное дѣло получило огромное развитіе, въ Баку, можно сказать, ничего еще не было. Сырая нефть продавалась по 1 руб. 50 коп. за пудъ, а единственный почти заводъ Кокорева приготавлиалъ плохой керосинъ, продававшійся свыше 7 руб. за пудъ. Измѣненіе горнаго законодательства съ 1872 г. и продажа съ торговъ бывшихъ въ откупъ промысловъ дали первый толчокъ дѣлу. Явились изъ Россіи новые капиталы; Бурмейстеръ и

де-Буръ начали первыя буренія, Ленцъ усовершенствовалъ примѣненія нефти какъ топлива, Артемьевъ сдѣлалъ первый опытъ перевозки нефтяныхъ продуктовъ наливомъ, Рагозинъ произвелъ многочисленныя опыты надъ перегонкою нефти. Но всѣ эти попытки не принесли бы должныхъ результатовъ, если бы не явился Нобель.

Въ Кіевѣ поставленъ памятникъ графу Бобринскому, какъ создателю современной свеклосахарной промышленности въ Россіи; столь же справедливо было бы воздвигнуть въ Баку монументъ покойному Людвигу Нобелю. Онъ первый широко повелъ нефтяное дѣло въ Россіи, улучшивъ технику, организовавъ дешевый транспортъ, склады по всей Россіи, розничную торговлю и устроивъ вывозъ въ Европу.

Дѣло еще болѣе развилось, когда гг. Палашковскій и Бунге построили желѣзную дорогу, открывшую вывозъ на Батумъ. Правда, дѣло едва не затормозилось нелѣпымъ проектомъ транскавказскаго нефтепровода, имѣвшаго цѣлью перенести всю перегонку нефти изъ Баку въ Батумъ и нашедшаго, какъ всякая нелѣпость, горячихъ сторонниковъ¹⁾; но затѣмъ оно быстро пошло впередъ. Пере-

¹⁾ Къ подобному же разряду теоретическихъ и вредныхъ проектовъ надобно отнести проектъ профессора Менделѣева перенести обработку нефти на Волгу и два раза возникавшія

дачею своихъ промысловъ братьямъ Ротшильдъ Палашковскій привлекъ въ кавказское нефтяное дѣло французскіе капиталы. Ротшильды не только значительно удешевили оборотныя средства въ Баку, но и организовали вывозъ керосина на Дальній Востокъ и истратили крупныя суммы на развѣдки на Кубани и около Грознаго¹⁾.

Въ послѣднее время въ вывозѣ нефти за границу, рядомъ съ Нобелемъ и Ротшильдами, важное мѣсто заняла предприимчивая фирма Манташева, скупившая бывшіе промыслы Цатурова и Зубалова. Наконецъ, послѣдній крупный переворотъ въ бакинское дѣло внесъ г. Ленъ, привлекшій значительныя англійскіе капиталы. Онъ уже и ранѣе на средства Ротшильдовъ организовалъ въ Англіи большой сбытъ русскаго керосина, несмотря на сильное противодѣйствіе американскаго синдиката. Рядомъ съ этимъ въ 1892 г. были изданы горнымъ вѣдомствомъ новыя нефтяныя правила, за-

предположенія обложить акцизомъ не продукты перегонки, а сырую нефть.

¹⁾ Газеты неоднократно описывали коварные планы Ротшильдовъ о захватѣ бакинскаго нефтяного дѣла и т. д. Все это враки: парижскій домъ бр. Ротшильдъ, въ компаніи съ бр. Дейчъ, явился въ Баку совершенно случайно. Обанкротившійся домъ Фнлейzenовъ навязалъ Ротшильдамъ вмѣсто денегъ векселя г. Палашковскаго, а послѣдній въ уплату отдалъ акціи своего Каспійско-Черноморскаго Общества.

мѣнившія правила 1872 г. и открывшія для нефтяного дѣла новыя площади нефтеносныхъ земель. Особенно важное значеніе имѣло открытіе для эксплуатаціи Биби-Эйбатской площади, ранѣе взятой морскимъ вѣдомствомъ подъ матросскую слободку.

Такова краткая исторія бакинскаго дѣла. Оно неуклонно шло впередъ, совершенствуя свою технику, но, конечно, въ смыслѣ доходности претерпѣвало за 28 лѣтъ многочисленныя пертурбаціи. Во всякомъ случаѣ, цѣны нефти и керосина, которыя еще въ половинѣ 80-хъ годовъ показались бы разорительными, кажутся теперь блестящими. Выиграла также казна. Давая потребителямъ освѣщеніе не дороже того, почему они имѣли его до акциза, казна получаетъ теперь отъ послѣдняго ежегодно 22 мил. дохода, да отъ сырой нефти до 3 мил. руб.

Въ началѣ 90-хъ годовъ бакинское дѣло перенесло послѣдній кризисъ; открытіе нефтяныхъ фонтановъ понизило цѣну нефти и остатковъ до 2 к. и даже дешевле, а конкуренція могущественнаго американскаго синдиката «Standart Oil Company» уронила соотвѣтственно и цѣну керосина, особенно за границу. Наши нефтепромышленники образовали для борьбы въ 1894 г. свой синдикатъ, думали даже идти на соглашеніе съ американцами; но это оказалось излишнимъ, — огромный спросъ

на нефтяное топливо внутри Россіи при пониженіи цѣнъ провоза исправилъ положеніе вещей, а теперь къ этому присоединилось и поднятіе цѣнъ и на керосинъ.

Поднятіе цѣнъ на нефтяные остатки, вызвавшее поднятіе цѣнъ на сырую нефть до 15 коп., тогда какъ добыча нефти стоитъ не дороже 5 коп. за пудъ, отозвалось колоссальнымъ поднятіемъ цѣнъ на нефтяныя земли и арендныхъ платъ.

Вслѣдствіе этого произошла переоцѣнка всѣхъ земель, промысловъ, нефтяныхъ акцій, и многіе счастливы, особенно у кого на землѣ были нефтяные фонтаны, буквально, какъ въ сказкахъ, проснулись миллионерами. Дѣло, перепроданное новымъ акціонерамъ за 2 мил., стоило 5 лѣтъ спустя 16 мил.; дѣло, которое не хотѣли купить за 300 тыс., продано англичанамъ за 5 мил., пущено на лондонскую биржу за 9 мил., а стоитъ теперь 12 мил. руб.; дѣло, начатое съ 100,000 руб., восемь лѣтъ спустя оцѣнено и безъ всякихъ преувеличеній въ 27 мил. Банкротство г. Дервиза было отсрочено на годъ тѣмъ, что онъ купилъ случайно акціи Каспійскаго товарищества и нажилъ сразу болѣе двухъ миллионовъ. Есть лица, вложившія въ дѣло десятокъ тысячъ и пользующіяся теперь шестью или семьюстами тысячъ годового дохода. Рядомъ съ нефтепромышленниками разбогатѣли механиче-

скіе заводы, торговцы желѣзомъ, транспортныя предпріятія, всякаго рода маклера и посредники и, конечно, прежде всего ростовщики. Случалось, что состояніе наживали въ 3 или 4 мѣсяца.

Не всѣ однако въ Баку наживаются одинаково быстро; на одного наживающаго миллионы—десятки прогораютъ, но энергія оттого не уменьшается; поэтому-то, несмотря на большую наживу, деньги въ Баку дороги, а теперь, какъ и вездѣ въ Россіи, тамъ свирѣпствуетъ настоящій денежный кризисъ: денегъ дешевле 12 процентовъ въ годъ достать нельзя.

О современномъ положеніи нефтяной промышленности свѣдѣнія имѣть очень легко. Если бакинскую думу, особенно по поводу водопровода, винять въ бездѣйствіи, то нельзя того же сказать о совѣтѣ съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ. Наши горнопромышленные съезды дѣйствуютъ вообще отлично, труды ихъ обратили на себя вниманіе иностранцевъ, ибо подобныя учрежденія за границею устроены гораздо слабѣе. Но бакинскій съездъ нефтепромышленниковъ дѣйствуетъ особенно удачно; совѣтъ его, подъ опытнымъ предсѣдательствомъ г. Гукасова, насчетъ особаго сбора съ нефтепромышленниковъ содержитъ отличныя шоссе, больницу, школу, техническій противопожарный обозъ, осушаетъ большое соляное озеро, издаетъ журналъ

«Нефтяное Дѣло» и подробную статистику; послѣднюю съ такою откровенностью, которая не существуетъ ни для какихъ другихъ нашихъ отраслей промышленности. По свѣдѣніямъ съѣзда, вы можете контролировать каждыя двѣ недѣли положеніе каждой отдѣльной фирмы, и смѣшно читать послѣ того въ газетахъ о какихъ-то заговорахъ нефтепромышленниковъ противъ публики.

Госпиталь съѣзда предполагается еще расширить, такъ какъ потребность въ медицинской помощи огромная, и замѣчательно, что туземцы лѣчатся очень охотно у европейскихъ врачей.

Изъ всѣхъ изданій съѣзда видно, что положеніе бакинской промышленности въ настоящее время чрезвычайно выгодное. Быстрое развитіе промышленности въ Россіи, особенно металлургической, и движенія по желѣзнымъ дорогамъ могутъ только усилить спросъ на нефтяные остатки, тѣмъ болѣе, что дрова и каменный уголь сильно поднялись въ цѣнѣ. Послѣдній дорожаетъ даже во всемъ свѣтѣ. А рядомъ съ этимъ цѣна и на керосинъ начинаетъ быстро расти. Недавно еще цѣна въ 20 коп. за пудъ керосина (безъ акциза) въ Баку казалась очень высокою. Она опускалась до 12, 13 и даже до 6½ коп. за пудъ, а теперь цѣна 33 коп. и пойдетъ, вѣроятно, выше, потому что въ Соединенныхъ Штатахъ источники нефти

истощаются въ штатѣ Пенсильваніа, начинаютъ истощаться и въ штатѣ Огайо ¹⁾).

Но вопросъ, долго ли продлится такое благополучіе? Добыча нефти увеличивается въ Баку на шестьдесятъ милліоновъ пудовъ въ годъ, можетъ увеличиться въ ближайшемъ будущемъ на сто милліоновъ и дойдетъ до милліарда въ годъ. Но соотвѣтственно верхніе горизонты нефти замѣтно истощаются, и теперь уже добыча идетъ съ горизонта отъ 200 до 300 сажень. На этой глубинѣ скважина стоитъ 50 и 60,000 руб., а такъ какъ въ среднемъ скважина даетъ нефть не болѣе 5 лѣтъ, то надобна довольно большая добыча нефти, чтобы окупить одни расходы буренія. Богатыхъ же нефтяныхъ земель очень мало.

Правда, у насъ выходы нефти въ Россіи встрѣчаются на огромныхъ пространствахъ: и на Кубани, и въ Крыму, и на Волгѣ, и на Печорѣ, и на восточномъ берегу Каспійскаго моря, и въ Ферганской области, и на Сахалинѣ, но дѣйствительно стоящіе разработки источники найдены только около Баку и въ маломъ количествѣ около Грознаго. Они, впрочемъ, давно были тамъ извѣстны, въ Баку еще во времена Александра Македонскаго.

¹⁾ Цѣна въ 1899 г. доходила до 53 коп., но затѣмъ понижалась до 16 коп., зато цѣна сырой нефти и остатковъ еще повысилась и держится крѣпко.

Нетронутыхъ богатыхъ нефтяныхъ земель въ рукахъ казны остается въ Бакинскомъ районѣ не много болѣе тысячи десятинъ, да сомнительныхъ земель тысячи три, четыре. Вотъ и весь видимый запасъ. Предполагая, что добыча будетъ идти прогрессивно, дешевой нефти, т. - е. такой, которая даетъ не только освѣтительный продуктъ, но и топливо, едва ли хватитъ еще болѣе, чѣмъ на двадцать или тридцать лѣтъ.

Конечно, пророчества въ такихъ темныхъ вопросахъ не всегда въ точности оправдываются; но, зная исторію нефтяного дѣла въ Америкѣ, скорѣе нужно быть пессимистомъ, нежели оптимистомъ насчетъ будущаго. Но «довлѣетъ дневи злоба его»; пока же бакинская нефть крупный козырь русской промышленности и торговли и заслуживаетъ самаго заботливаго вниманія правительства и общества. Я же, видѣвшій зарожденіе этой промышленности, не хотѣлъ бы присутствовать на ея похоронахъ.

МОДНЫЙ ПАРИЖЪ.

Какъ парижане проводятъ время?

Чтобы отвѣчать на это, нужно условиться, конечно, что понимать подъ именемъ парижанъ? Есть парижане шьющіе, кующіе, учащіеся, пишущіе и вообще всячески работающіе, но это не настоящіе парижане; это только жители Парижа — «троглодиты», интересующіе развѣ полицію, податныхъ инспекторовъ, статистиковъ и т. п. Настоящіе парижане это представители того tout Paris, для котораго, повидимому, и созданъ Парижъ съ его «лѣсами», бульварами, театрами, магазинами и ресторанами. «Oh comme c'est famille!» — восклицаетъ презрительно кокотка, входящая въ модный ресторанъ, отдѣланный заново къ выставкѣ, непременно въ стилѣ Людовика XVI, и видя головы почтенныхъ буржуа, мирно уписывающихъ со своими женами и знакомыми potage bisque или gigot près-

salé. «C'est très parisien aujourd'hui» — говоритъ та же дама, отличая опытнымъ глазомъ, что въ залѣ никого нѣтъ, кромѣ кокотокъ, знатныхъ иностранцевъ, шулеровъ и разныхъ gigolos.

Настоящіе «парижане», во-первыхъ, должны рѣже всего жить въ Парижѣ. Это прилично какимъ-нибудь чиновникамъ или лавочникамъ. Впрочемъ, теперь даже провинціальныя нотариусы — эта нѣкогда твердыня буржуазизма — ведутъ кочевую жизнь настоящихъ парижанъ. Послѣдніе 3 мѣсяца вплоть до карнавала обязательно должно оставаться въ Монте-Карло, Ниццѣ и вообще гдѣ-нибудь на Côte d'Azur. Снобизмъ или, какъ теперь говорятъ, «смартизмъ» требуетъ распускать слухъ, что ѣдешь-де на зиму въ Египетъ съ англійскими лордами. Послѣ Монте-Карло совершается легкая поездка въ Италію, чаще всего въ Римъ, а затѣмъ начинается съ марта до половины іюня, т.-е. до Grand prix de Paris, парижскій сезонъ, когда и парижанамъ не стыдно быть въ Парижѣ. Сезонъ кончился; волей-неволей, но вообще не позже перваго іюля, надобно уѣзжать хотя до половины сентября. Недавно преимущественно уѣзжали: гуляки въ Эксъ-ле-Бенъ, больные или псевдобольные въ Виши; теперь мода ѣхать на три недѣли въ Карлсбадъ, Мариенбадъ, а затѣмъ въ Остенде; большинство ѣдетъ на море въ Трувиль на двѣ недѣ-

ли скачекъ; желающіе еще долѣе оставаться внѣ Парижа ѣдутъ въ сентябрѣ въ Біаррицъ. Пиреней совсѣмъ не въ модѣ. Зато вспомнили о забытомъ со времени Имперіи Баденъ-Баденѣ. На водахъ воды пить не слѣдуетъ, а тѣмъ болѣе купаться; все время отдается баккара и пари на скачкахъ, слегка прогулкамъ, но не пѣшкомъ.

Осенью лучше не показываться въ Парижѣ; это время охоты и каждый даже лавочникъ обращается въ Немврода. Просто смѣшно, сидя гдѣ-нибудь въ клубѣ, слышать, какъ какіе-нибудь биржевые жида, боящіеся дотронуться до заряженнаго ружья, рассказываютъ, сколько наканунѣ въ своихъ паркахъ или арендованныхъ для охоты лѣсахъ убили они сотенъ фазановъ и тысячъ куропатокъ ¹⁾. Истребленіе дичи, нарочно разводимой, идетъ дѣйствительно страшное, и дичь въ это время очень дешеветъ въ Парижѣ. А знакомые заваливаютъ васъ корзинами убитой дичи, съ которою не знаютъ куда дѣваться, особенно тѣ, у которыхъ нѣтъ бѣдныхъ родственниковъ. Дамы, не имѣющія своихъ замковъ, пользуются свободнымъ временемъ, чтобы сдѣлать

¹⁾ Въ парижскихъ фешенебельныхъ клубахъ вообще не принято за столомъ говорить ни о политикѣ, ни о литературѣ, ни о женщинахъ, ибо это даетъ поводъ къ спорамъ и пререканіямъ. Кромѣ охоты, разрѣшается говорить о приготовленіи кушаній, поэтому скука за столомъ царитъ порядочная.

заказы платьевъ на зимній сезонъ и посмотрѣть театральныя новинки. Онѣ пользуются также отсутствіемъ мужей и «друзей», чтобы заводить новыя интриги. Кокотки объѣзжаютъ въ это время разные гарнизоны.

Какъ проводится время внѣ Парижа, требуетъ особаго описанія, ибо каждая мѣстность Франціи имѣетъ свой характеръ, свои нравы, поэтому скажу только нѣсколько словъ о времяпрепровожденіи «парижанъ» въ Парижѣ, гдѣ, повторяю, они остаются максимумъ четыре-пять мѣсяцевъ въ году и все куда-то собираются, поспѣшно заказывая платья, выбирая шляпки и справляясь съ указателемъ желѣзныхъ дорогъ, разбирать который выучилась каждая горничная.

Парижъ не похожъ на Петербургъ, гдѣ дворники въ 9 часовъ позвывая метутъ тротуары, а дамы и дѣвицы валяются въ кроватяхъ до 2-хъ часовъ. Въ Парижѣ въ 8 часовъ утра всѣ магазины, за исключеніемъ самыхъ шикарныхъ, уже открыты, а съ 10 часовъ Булонскій лѣсъ наполняется гуляющими. Около 11 часовъ—разгаръ гулянія настоящихъ парижанъ. Если о комъ говорить: «il ne marche pas», то это не значитъ, что сей господинъ никогда не гуляетъ; напротивъ, онъ можетъ таскаться цѣлый день, но значитъ, что онъ не желаетъ тратить деньги на женщинъ. То

же означаетъ, если о комъ говорятъ: «il a les pieds nickelés» или «les pieds en dentelles». По наружности судить о публикѣ Булонскаго лѣса трудно. Встрѣчаешь великолѣпное ландо, кучеръ и лакей въ глубокомъ траурѣ,—подумаешь, что это какая-нибудь duchesse douairière, а это—хозяйка увеселительнаго вертепа. Велосипеды болѣе не въ модѣ, ими пользуются разсылные и приказчики, собирающіе по счетамъ; зато число автомобилей быстро увеличивается и шикъ, управляя автомобилемъ, имѣть фуражку въ родѣ нашего стараго бутаря, а пальто изъ вывороченнаго кверху мѣха въ родѣ малицы самоѣда.

Къ 12 часамъ «лѣсъ» пустѣетъ, весь Парижъ завтракаетъ, а послѣ завтрака куаферы причесываютъ «парижанокъ». Тѣ изъ послѣднихъ, которымъ не нужно ѣхать примѣрять платья или выбирать шляпки, въ 2 часа отправляются, не взирая на погоду, на скачки. Скачки въ Парижѣ каждый день, кромѣ декабря, января и первой половины августа. Въ четвергъ и воскресенье для настоящаго парижанина быть на скачкахъ обязательно. Никто однако на бѣгущихъ лошадей не смотритъ. Это дѣло разныхъ voyous и репортеровъ. Шикарная публика толчется около тотализатора и интересуется исключительно игрою. Для дамъ же рѣлоуе служитъ для выставки новыхъ

платьевъ и шляпокъ, а зимою мѣховъ. Дорогіе мѣха носятъ впрочемъ и лѣтомъ.

Говорятъ, что парижанки некрасивы, дурно сложены и пр. Но это дѣло вкуса. Красота парижанокъ специальная, вся въ кокетливой граціи, легкости, нервности и жизни. И туалеты ихъ, пышные и сложные, подходятъ къ характеру этой красоты. Все эти шоу и flou и создано быть измятымъ грубыми руками мужчины. Вкусъ къ туалету развитъ даже въ самыхъ низшихъ слояхъ парижскаго общества, почему дочери консіержей такъ легко на сценѣ становятся похожими на настоящихъ герцогинь. Ирачки обуты и причесаны здѣсь тщательно, чѣмъ у насъ свѣтскія дамы.

Спеціалисты увѣряютъ впрочемъ, что красныя руки и кисти чаще всего встрѣчаются въ сенъ-жерменскомъ предмѣстіи. Буржуазія, особенно мелкая, въ Парижѣ гораздо красивѣе, что замѣтилъ еще Бальзакъ; въ народѣ также много красивыхъ лицъ и любопытно, что разные кварталы Парижа создали разные типы. Даже крестьяне изъ окрестностей Парижа отличаются большимъ изяществомъ, чѣмъ крестьяне другихъ департаментовъ Франціи.

Жительницы Монмартра выдаются красивымъ сложеніемъ, часто не гармонирующимъ съ ихъ фizioноміями. Кварталы Гренеля и Монпарнаса да-

ють балаганамъ и театрамъ массу дюжихъ женщинъ съ роскошными формами. Онѣ большею частью брюнетки.

Послѣ скачекъ парижане отправляются черезъ Булонскій лѣсъ prendre quelque chose, обыкновенно чай или сандвичи; лѣтомъ въ Madride или Armenonville, зимою, если нѣтъ спѣшной примѣрки, то въ Palais de Glace, гдѣ часа два толкуются въ толпѣ, держась преимущественно около буфета, гдѣ заранѣе всѣ столы заняты для парицъ полусвѣта и ревниво охраняются ихъ amis.

Теперь новая мода: вмѣсто Palais de Glace въ 5 часовъ по улицѣ de la Paix on fait le footing, причемъ, проголодавшись (а у настоящихъ парижанокъ аппетитъ, какъ извѣстно, волчій), заходятъ или въ винный погребъ Кювилъе, помѣщающійся на той же улицѣ, гдѣ открытъ маленькій баръ для шикарной публики, или идутъ пѣшкомъ въ Café de Paris, гдѣ устроены five o'clock—спеціально для полусвѣта и для всѣхъ, у кого ноги не кружевные и не никелированные.

Примѣрка платьевъ и шляпокъ во всякомъ случаѣ занимаетъ въ теченіе дня много времени. Въ салонахъ модныхъ couturiers, гдѣ стѣны зеркальные, стоитъ дама на возвышеніи, какъ архіерей во время богослуженія, а вокругъ нея толпа примѣрщицъ и моделей со ртами, полными булавокъ,

что не мѣшаетъ симъ жрицамъ модъ усиленно навязывать и рекомендовать новыя платья подороже и изъ матерій, рассыпающихся при одномъ прикосновеніи. Кассиры едва успѣваютъ записывать заказы и приписывать къ счетамъ.

Шляпки попрежнему съ большими полями, умѣщающими кучу дорогихъ цвѣтовъ и перьевъ. Въ модѣ магазины для шляпокъ утреннихъ — Lewys, для вечернихъ — Esther Meyer. Для платьевъ изъ первоклассныхъ couturiers попрежнему на первомъ планѣ Raquin, преобразовавшійся въ англійское акціонерное общество.

— У меня оборотъ въ два съ половиною милліона въ годъ,—говорилъ мнѣ г. Пакенъ,—но если бы я дѣлалъ этимъ дамамъ кредитъ, то оборотъ былъ бы въ десять милліоновъ¹⁾.

Утреннія платья изъ плотныхъ матерій для прогулокъ, такъ называемыя платья tailleurs шьютъ

¹⁾ Объ Изидорѣ Жакобѣ Пакенѣ возникла цѣлая литература по случаю награжденія его орденомъ Почетнаго Легіона, по представленію министра торговли Мильерана, женѣ котораго Пакенъ шьетъ платья. Былъ даже запросъ въ палатѣ, причемъ выяснилось, что Пакенъ еврей, а Мильеранъ полужиды, и что Пакенъ былъ приговоренъ 103 раза къ штрафу за нарушеніе закона о нормировкѣ рабочаго времени. Пакенъ, впрочемъ, какъ бывший банковый дѣлатель, занимается только хозяйственной стороной своего дѣла. Артистическою частью заведываетъ его жена.

другіе портные. Недавно первое мѣсто занималъ Неуме, а теперь какой-то Vobornik, по имени какъ будто братъ-славянинъ, но навѣрное изъ «насихъ» какъ и всѣ знаменитости модъ въ Парижѣ. Для утреннихъ платьевъ самый модный bleu-celeste.

Почему лучшие couturiers — мужчины, сказать трудно. Объясняютъ это тѣмъ, что такъ какъ женщины одѣваются для мужчинъ, то послѣдніе лучше могутъ судить о впечатлѣніи, производимомъ извѣстнымъ платьемъ.

Такое объясненіе едва ли справедливо, потому что женщины разодѣваются вовсе не для мужчинъ, а для женщинъ, чтобы превзойти ихъ элегантностью и заставить страдать отъ зависти. Мужчины, конечно, могутъ оцѣнить достоинство туалета въ общихъ чертахъ и вкусъ носящей его, но однѣ женщины съ состояніи разобрать туалетъ по косточкамъ и опредѣлить значеніе каждаго бантика.

Мода, которая кажется съ перваго раза нелѣпостью, въ сущности одно изъ проявленій великаго научнаго закона «полового подбора». Поэтому всѣ протесты противъ моды кажутся жалкими словами.

Удивительны не столько варьяціи модъ, сколько слѣпое послушаніе, съ которымъ тысячи людей слѣдуютъ за этими измѣненіями. Анатоль Франсъ вѣрно замѣтилъ, что можно, никого не шокируя, имѣть въ Парижѣ старыя политическія убѣжденія, древнія

вѣрованія, но рѣшительно немислимо надѣть на голову вышедшую изъ моды шляпу. Мода диктуетъ даже, какого рода женщины должны нравиться, и влюбленные, полагаящіе, что ихъ «предметы» суть высшія представительницы женской красоты, въ сущности увлекаются тѣми женщинами, которыя ближе всего напоминаютъ модныя картинки или гравюры въ иллюстрированныхъ журналахъ.

Кто выдумываетъ моды? Прежде на нихъ вліялъ дворъ, капризы королевъ или фаворитокъ. Теперь моды создаютъ парижскія кокетки «первой марки», почему такую роль играютъ такъ называемыя dessous. Роскошь ихъ въ настоящее время поразительна, а еще во времена Людовика XV, по словамъ его любовницы маркизы Куэзленъ, придворныя дамы имѣли только по двѣ рубашки.

Спеціалисты увѣряютъ, однако, что трата на туалетъ собственно парижанокъ не увеличивается, по ста тысячъ франковъ въ годъ на наряды тратятъ одна или двѣ актрисы и пять или шесть кокетокъ; аристократія сдѣлалась очень экономною, частью отъ разоренія землевладѣнія, частью отъ вліянія демократическихъ вкусовъ. Платья для визитовъ исчезли и замѣнились robes de voyage и costumes tailleurs, не дорогими, но красивыми, потому что они обрисовываютъ формы женщины. Вліяетъ также на сокращеніе расходовъ поддѣлка украшеній—imi-

tations, рѣдко кто носить теперь настоящія кружева и т. п.

Пока дамы балуются примѣркою, парижане сидятъ по клубамъ и играютъ въ покеръ или баккара. Парижъ и по этой части отличается отъ Петербурга; у насъ играютъ исключительно вечеромъ, а въ Парижѣ преимущественно днемъ. Такъ какъ здѣсь тьма-тьмуца рапъеровъ и биржевыхъ игроковъ, которымъ рѣшительно нечего дѣлать днемъ, то клубы и наполняются между завтракомъ и обѣдомъ. Доходы клубовъ отъ игры огромны и о роскоши ихъ помѣщеній можетъ дать понятіе новѣйшій Автомобиль-клубъ на Place de la Concorde, построившій собственный театръ и разведшій садъ на крышѣ своего дома.

Парижане, конечно, предпочитаютъ обѣдать въ ресторанахъ. Въ модѣ для сего попрежнему Café de Paris и Пальяръ, хотя много другихъ ресторановъ не хуже, если не лучше этихъ излюбленныхъ мѣстъ.

Театры теперь посѣщаются менѣе прежняго и авторовъ выдающихся мало и актеровъ талантливыхъ становится все менѣе. Зато число кафе-шантановъ и chansonniers à vitriol растетъ ежедневно. Сара Бернаръ часто уѣзжаетъ, Режанъ тоже путешествуетъ; разѣзжаетъ и Мунэ-Сюлли. На 37 театровъ, изъ которыхъ 20 порядочныхъ,

въ Парижѣ считается 761 кафе-концертовъ, да въ предмѣстьяхъ 76; 120 изъ этихъ заведеній въ Парижѣ даютъ ежедневныя представленія. Настоящіе парижане предпочитаютъ кафе-шантаны, потому что и репертуаръ ихъ не даетъ никакой работы мозгамъ, да и гораздо неприличнѣе репертуара театровъ. А можетъ ли онъ быть приличенъ, когда театральной цензуры de facto почти не существуетъ. Правда, имѣются четыре театральныя цензора, но они, получая грошовое жалованье, обязаны прочесть ежегодно 900 пьесъ, 8,000 шансонетокъ и присутствовать слишкомъ на пятистахъ пятидесяти генеральныхъ репетиціяхъ и первыхъ представленіяхъ! Неудивительно, что при такомъ слабомъ надзорѣ теперь на театрахъ каждыя части тѣла и всѣ отправленія челоувѣческаго организма называются собственными именами и далѣе въ порнографіи идти ужъ подлинно некуда.

Кафе-шантаны украшаютъ главнымъ образомъ гору Монмартръ, этотъ пупъ земли, по мнѣнію писателей - декадентовъ. Бывшая царица шансонетки Иветъ Гильберъ подверглась наднихъ ¹⁾ операціи—вырѣзанію одной почки; мода на эту «звѣзду», впрочемъ, прошла. «Treteau de Tabarin», такъ лю-

¹⁾ Это писано осенью 1899 года.

ТАМЪ И СЯМЪ.

бимый парижанами, переживаетъ кризисъ отъ внезапнаго ухода остроумнаго куплетиста г. Фурси. Репертуаръ «*bouis-bouis*» въ настоящую минуту состоитъ главнымъ образомъ въ осмѣяніи президента Лубэ, королевы Викторіи и исторіи съ «фортомъ Шаброль». Кафе-шантаны удобны болѣе всего тѣмъ, что, по отрывочности ихъ программы, вы можете прѣхать и уѣхать когда угодно. Изъ театровъ охотнѣе всего посѣщается «*Les Mathurins*» по неприличію своего репертуара, особенно комедіи «*Qui trop embrasse*», невѣроятно скабрёзной. Онъ имѣетъ, впрочемъ, хорошихъ артистовъ—Тарида и г-жу Деваль.

Послѣ спектакля парижане рѣдко ужинаютъ, но зато они неизмѣнно возвращаются: мужчины—въ клубы играть въ баккара, а дамы съ состоящими при нихъ «временно обязанными» кавалерами—въ Café de Paris, рестораны *Lague* или *Maxim's* пить прохладительные напитки, ѣсть фрукты или устрицы. Здѣсь сидятъ онѣ, какъ на выставкѣ, полчаса или часъ. Настоящіе гуляки остаются, впрочемъ, и долѣе и около двухъ часовъ ночи, особенно у *Maxim's* организуются танцы. Дамы танцуютъ съ дамами. Издали тогда ресторанъ можно принять совсѣмъ за дѣвичій пансіонъ — «безъ древнихъ языковъ».

ОТЪ НИЦЦЫ ДО СИРАКУЗЪ.

(Путевыя впечатлѣнія).

I.

Ницца.

Герценъ еще въ 1847 г. находилъ, что Ницца напоминаетъ по наружности провинціальный французскій городъ. Со времени присоединенія къ Франціи хотя политически Ницца стала центромъ французскаго департамента Морскихъ Альповъ и партія сепаратистовъ, поднявшая голову въ 1870 г., сильно поубавилась,—вслѣдствіе огромныхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя городъ этотъ, какъ и все побережье, чудное «*Côte d'Azur*», получили отъ присоединенія—но по складу жизни Ницца все еще остается въ значительной степени итальянскимъ городомъ. Недаромъ здѣсь родился Гарибальди, имя котораго воплощаетъ въ себѣ современную Италію.

Департаментъ Морскихъ Альповъ въ этомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ Савойей. Населеніе Савойи было французское и говорить даже едва ли не самымъ чистымъ французскимъ языкомъ изъ всѣхъ французскихъ провинцій, тогда какъ коренные жители Ниццы и по языку итальянцы. Это видно не только на крестьянскомъ населеніи департамента, но и на жителяхъ Старой Ниццы, ютящихся въ узкихъ и грязныхъ переулкахъ. Французы увѣряютъ впрочемъ, что это нарѣчіе—не итальянскаго, а провансальскаго языка.

Итальянская кровь населенія сказывается въ его любви къ маскарадамъ и въ умѣньи устраивать таковые, и ниццскій карнавалъ пользуется всесвѣтною извѣстностью. Его развлечения привлекаютъ ежегодно немалую часть тѣхъ «бездѣльниковъ», которыми кишитъ въ сезонъ весь «Лазурный берегъ», а особенно Монако, названіе котораго (μόνοεκος) напоминаетъ скорѣе объ уединеніи.

Ниццскій карнавалъ—это цѣлый мѣсяцъ праздниковъ и разныхъ торжествъ. Въ этомъ (1900) году, напримѣръ, 16-го февраля, происходилъ вечеромъ торжественный въѣздъ Карнавала въ городъ; 18-го днемъ — корсо: большое дефиле колесницъ и масокъ, а вечеромъ корсо съ факелами и иллюминація; 22-го днемъ — bataille de fleurs, вечеромъ

большой балъ veglione въ Оперѣ, послѣ котораго ужинаютъ до утра, — при этомъ кокотки обыкновенно въ концѣ концовъ ссорятся и дерутся между собою; 25-го днемъ—большое карнавальное корсо, а вечеромъ балъ въ Casino municipal. На этомъ балу раздаются въ награду штандарты за лучшія платья, но всѣ обязаны быть въ платьяхъ одного и того же цвѣта, даже мужчины должны имѣть костюмы или домино установленнаго цвѣта. Цвѣтъ мѣняется ежегодно: комитетъ, состоящій изъ столповъ cercle de la Méditerranée—притона главнаго игорнаго дома въ Ниццѣ — по мѣсяцамъ ломаетъ голову надъ изобрѣтеніемъ цвѣта. Въ этомъ году напр. былъ избранъ цвѣтъ небесно-голубой съ золотой и серебряной отдѣлкой. 20-го февраля днемъ происходила вторая bataille de fleurs; 27-го — второе карнавальное корсо и бросаніе настоящихъ confetti изъ гипса. На главной трибунѣ около префектуры раздавались штандарты лучшимъ колесницамъ и маскамъ. Вечеромъ была общая иллюминація главныхъ улицъ, фейерверкъ, сожиганіе чучела Карнавала и церемоніальное шествіе съ факелами. Вечеромъ второе veglione въ Оперѣ и кокотки опять, вѣроятно, подрались между собою, о чемъ, при помощи телеграфа, «Gil Blas» и «Vie Parisienne» оповѣстили Европу съ подробнымъ описаніемъ побоищъ.

Но карнавалъ еще не кончается: въ половинѣ поста праздники возобновляются. Это—праздники «весны». Въ этомъ году они происходили въ такомъ порядкѣ: 22-е марта утромъ *bataille de fleurs* съ раздачею штандартовъ, вечеромъ большой раутъ въ *Casino municipal*, всѣ дамы тамъ были одѣты въ бѣлыхъ платьяхъ; наградами за лучшіе по изяществу наряды служили бѣлые же штандарты. 16-го и 17-го марта въ публичныхъ садахъ происходили большіе дѣтскіе праздники: дѣтская *bataille de fleurs*, забавы и игры. Затѣмъ шли международныя скачки, состязанія рысистыхъ лошадей, большое корсо автомобилей, украшенныхъ флагами, и наконецъ уже 2-го — 16-го апрѣля международныя морскія регаты. Итого, словомъ, чего хочешь, сколько угодно развлеченій для всякихъ возрастовъ, половъ и состояній.

Въ этомъ году карнавалъ былъ менѣе оживленъ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Я присутствовалъ на двухъ важнѣйшихъ его торжествахъ: въѣздѣ Карнавала и на *Grand défilé des mascarades*. *Batailles de fleurs et veglione*, которыя я видѣлъ въ прежніе годы, въ Ниццѣ уступаютъ таковымъ же торжествамъ въ Парижѣ, но вышеупомянутыя такъ называемыя *corso* дѣйствительно пріятныя и оригинальныя зрѣлища.

Для перваго я присоединился къ обществу, ко-

торое обѣдало въ *Taverne Anglaise*, на площади Масены, для второго—къ компаніи, завтракавшей въ *Restaurant Français* на *Avenue de la Gare*, на углу той же площади, составляющей центръ и форумъ Ниццы. Оба эти ресторана поставляютъ кормы превосходные, даже свѣжая икра здѣсь не хуже, чѣмъ въ Астрахани, но зато и цѣны такія, что нейтрализуютъ въ значительной степени прелесть карнавала.

Тутъ впрочемъ некогда думать объ экономіи; публика веселою толпою садится въ поѣздъ въ Монте-Карло непременно въ *wagons de luxe*, гдѣ очень удобно, но взимается за двадцать минутъ проѣзда порядочная добавочная плата. Не успѣлъ поѣздъ тронуться, какъ уже гуляютъ гарсоны и предлагают *prendre quelque chose*; жажда является, конечно, сама собою, а съ нею и текущій счетъ; на станціи толпа, а извозчиковъ и въ поминѣ нѣтъ; они дерутъ что хотятъ: ихъ праздникъ! Къ счастью, что разсуждать некогда, парижанки садятся чуть не другъ на друга въ первый попавшійся фіакръ и, торопясь доѣхать, по дорогѣ васъ не приглашаютъ зайти на минуту въ магазины, гдѣ всегда имѣется *une petite note en souffrance*. И то экономія!

Всѣ рестораны полны публикою; густыя шумныя и нетерпѣливыя толпы ея стѣною занимаютъ

Avenue de la Gare; только на площади Massena войска и жандармы кое-какъ удерживаютъ пустое пространство. Полиція и тутъ просить разойтись «честью», т. - е. лупить нещадно направо и налево публику. Чтобы хорошо видѣть, надобно запастись мѣстомъ на балконѣ, откуда можно спокойно господствовать надъ *vulgum pecus*:

Въѣздъ Карнавала менѣе торжественъ, чѣмъ корсо масокъ. Какъ ночное зрѣлище при заревѣ бенгальскаго огня, онъ эффектенъ и фантастиченъ, но дневное корсо веселѣе; здѣсь особенно царить тотъ *esprit carnavalesque*, безумный угаръ, который и даетъ соль всему торжеству.

Въ 8^{1/2} час. вечера его величество Карнаваль XXVIII двинулся при звонѣ колоколовъ и пущенныхъ выстрѣлахъ и громѣ многочисленныхъ оркестровъ по ярко освѣщенной венеціанскими фонарями Avenue de la Gare и вступилъ на также великолѣпно освѣщенную площадь Масены, которую и обошелъ два раза. Громадная кукла Карнавала, искусно сдѣланная, на этотъ разъ изображала франта съ моноклемъ въ глазу, сигарою въ зубахъ и платочкомъ въ рукѣ, которымъ она помахивала. У ногъ его стояли куклы Шонара, Колэна, Родольфа, Мюзеты, Мими и др. героевъ «*Vie de Bohème*» Мюрже, снова пущеннаго въ моду

итальянскими композиторами. Тяжелую куклу несли любители.

Кортежъ очень длиненъ: тутъ и гусары 1796 г., и драконы, и шелковичные черви, и валкиріи, и турниръ времянь Генриха II, и испанскіе трубачи, рыцари и амазонки, всѣ верхомъ. За Карнаваломъ ѣхали колесницы съ чортомъ, съ кафе Мотис (изъ той же «*Vie de Bohème*»), съ графофономъ. Солдаты и пожарные сопровождали кортежъ.

На другой день на корсо ѣхала та же процессія, но удлиненная въ нѣсколько разъ новыми элементами. Иллюминація замѣнялась флагами, коврами и декораціями; лучшимъ же украшеніемъ служило безчисленное множество женскихъ головокъ всѣхъ націй, ибо нѣтъ на свѣтѣ болѣе международнаго мѣста какъ Ницца, съ тѣхъ поръ какъ чума, которою она славилась до половины прошлаго столѣтія, замѣнилась рулеткою въ сосѣднемъ Монте-Карло. Новыми колесницами были: Медовый мѣсяцъ (Пьеро и Коломбина), Паяцы въ пустынѣ, Карнаваль 1830 г., Маленькая свинья... которую каждый носитъ въ сердцѣ, Русскія ледяныя горы, Путешествіе на луну и т. д.; затѣмъ шли комическія группы такъ называемыхъ *asîna-des* и безчисленное множество отдѣльных масокъ, болѣе или менѣе остроумныхъ. Вся эта толпа шу-

мѣла, галдѣла, бѣгала, скакала, кувыркалась и дурчилась. Казалось, вся улица танцевала или кружилась въ вихрь какого-то бѣшената танца.

Въ свою очередь, зрители въ окнахъ, на балконахъ и тротуарахъ не оставались праздными; змѣи серпантинъ летали тысячами, а конфетти сыпались безъ конца. Подъ конецъ ихъ валили на головы цѣлыми мѣшками и я почти двѣ недѣли находилъ ихъ еще въ своемъ платьѣ. Кокетливыя барыни, зная свойство конфетти цѣпляться, надѣваютъ въ этотъ день на голову тюль, а въ день, когда конфетти гипсовыя,—маски.

Смотрѣть на все это шумное веселье, конечно, пріятнѣе, чѣмъ засѣдать на какой-либо дипломатической конференціи или въ комисіи по пересмотру разныхъ обложеній, но—увы!—грозный счетъ невидимо растетъ. Хотя мы пользовались, яко бы даромъ, балкономъ, но гостепріимный хозяинъ Фабръ подалъ намъ за свой *petit déjeuner*, правда прекрасно сдѣланный, счетъ франковъ по сту съ персоны! Около же этой цифры обошлось и любезное гостепріимство наканунѣ въ *Taverne Anglaise*. Слава Богу, что это случилось при Третьей республикѣ, а не при Первой, когда якобинецъ Кутонъ предложилъ относить къ числу *suspects*, т.-е. достойныхъ гильотины, лицъ, платящихъ въ ресторанахъ по 100 франковъ съ человѣка!

Сто франковъ, правда, дорогонько, но одинъ англійскій мыслитель справедливо сказалъ, что «лучшій способъ изучить какую-либо вещь—это ее продѣлать». По крайней мѣрѣ я теперь знаю, что такое ниццскій карнаваль.

Глядя на веселящуюся отъ души тысячную толпу, я вспомнилъ, что и у насъ когда-то дневные маскарады были въ ходу. Ихъ очень любилъ устраивать Петръ Великій, принимавшій въ нихъ со своими приближенными и личное участіе.

Когда въ 1872 г. праздновалось въ С.-Петербурѣ двухсотлѣтіе рожденія Преобразователя, то особой комисіи было поручено выработать программу торжества. Комисія находила недостаточно обычныхъ молебновъ и парадовъ и предложила сверхъ того объявить на Сенатской площади всенародно у подножія монумента Фальконета о введеніи въ Россіи всеобщаго обученія и сдѣлать дневной маскарадъ на Невскомъ проспектѣ. Оба предложенія были отвергнуты: первое по весьма основательному соображенію, что нѣтъ еще въ Россіи достаточно школъ и учителей, а второе—по узко-полицейской справкѣ, что данный въ 30-хъ или 40-хъ годахъ въ Павловскѣ дневной маскарадъ сопровождался мордобитіемъ. Безъ нѣкотораго «рукоприкладства» у насъ не обходится, какъ извѣстно, ни одно торжество. И во Франціи

также оно, т.-е. рукоприкладство — терминологія генерала Драгомирова — какъ я выше описалъ, весьма практикуется. Непонятно однако, почему то, что было возможно въ началѣ XVIII столѣтія, кажется столь опаснымъ въ концѣ XIX. Истинно народныхъ развлеченій у насъ совсѣмъ нѣтъ.

II.

Монте-Карло.

На Далматинскомъ побережьѣ Адриатики есть курьезный городъ Спалатро, по-славянски Сплеть, который весь помѣстился въ развалинахъ дворца императора Діоклетіана. На Лазурномъ побережьѣ пріютилось государство, которое столь же удивительнымъ образомъ цѣликомъ воплощено въ игорномъ домѣ. Начиная съ князя, носящаго въ публикѣ титулъ Prince de Monaco et de Passe-Imraire et Manque, и кончая послѣднимъ чистильщикомъ улицъ, все живетъ и благоденствуетъ тамъ на счетъ азартной игры.

Два года назадъ я присутствовалъ на оригинальномъ торжествѣ. Монако расцвѣтился флагами, пушки палили съ батарей, огромная толпа высыпала навстрѣчу Альберту I. Князь, одѣтый въ синнюю жакетку и сѣрые клѣтчатыя панталоны, черную шляпу melon и съ тросточкою, вышелъ

изъ вагона и, поцѣловавшись съ принцессой Алисой, эксъ-герцогиней Ришелье, эксъ-m-lle Гейне изъ извѣстнаго еврейскаго семейства Гейне, среди громкихъ виватовъ толпы и трубныхъ звуковъ принялъ депутаціи. Графъ Кастальди, голова Монако, произнесъ пышную рѣчь, гдѣ говорилъ, что, хотя жители города всегда рады видѣть у себя своего обожаемаго владѣтеля, но въ этомъ году «они дрожатъ отъ необычайной радости» по случаю «счастливаго событія, плода глубокой мудрости и настойчивыхъ цѣлей вашего высочества, который укрѣпляетъ и увеличиваетъ созданіе вашего августѣйшаго родителя и отмѣчаетъ новую эру прогресса и благоденствія для княжества!»

Этотъ «плодъ мудрости» и «новая эра», оказывается, были возобновленіемъ на 25 лѣтъ контракта на содержаніе игорнаго дома, подписаннаго въ началѣ 70-хъ годовъ «августѣйшимъ отцомъ» съ бывшимъ держателемъ рулетки въ Баденъ-Баденѣ, Бланомъ, тѣмъ самымъ, который о себѣ весьма остроумно замѣтилъ: «C'est le rouge ou le noir qui perd, mais blanc gagne toujours». Этотъ gagne породнилъ Блана даже съ царствующими домами.

Бланъ, устроивъ новый игорный домъ именно въ Монако, выказалъ дѣйствительно большую сообразительность. Хотя успѣху Монте-Карло содѣйствовало закрытіе знаменитыхъ игорныхъ домовъ въ

Германіи по Рейну, въ Баденъ-Баденѣ, Висбаденѣ, Эмсѣ и Гомбургѣ, но очень много помогъ и удачный выборъ мѣста среди чудной природы и въ превосходномъ климатѣ; повліяла и ширина, съ которой были сдѣланы первоначальныя затраты для привлеченія публики и доставленія ей наибольшихъ удобствъ. Въ Бельгіи въ каждомъ городѣ имѣется теперь рулетка, да и повсюду шикарныхъ игорныхъ домовъ не мало, во Франціи таковыя заполонили всѣ минеральныя воды и морскія купанія, но ни одинъ изъ нихъ не сравняется съ Монте-Карло. Только казино въ Остенде нѣсколько приближается къ послѣднему; тамъ однако входъ для публики болѣе ограниченъ и сезонъ гораздо болѣе коротокъ.

Блестящія дѣла общества монакскаго клуба, какъ иносказательно называется игорный домъ, и рѣзкій подъемъ акцій, т.-е. «эра прогресса и благоденствія княжества Монако», подвергаются однако колебаніямъ. Есть своего рода и неурожай. Вотъ уже два года въ Монте-Карло сезоны не особенно блестящіе. Въ прошломъ году Гордонъ Бенеттъ разсердился за то, что ему не позволили играть послѣ сакраментальныхъ *trois dernières*, т.-е. послѣ 11^{1/2} часовъ (ранѣе они кончались въ 11 часовъ) и напечаталъ въ своемъ «New-York Herald», что въ Монте-Карло и Ниццѣ свирѣпствуетъ оспа

и инфлуенца. Такъ какъ для американцевъ «New-York Herald» оракулъ, какъ былъ нѣкогда оракуломъ для петербургскихъ чиновниковъ «Голосъ», то они, т.-е. американцы, и не поѣхали на Côte d'Azur и сезонъ пострадалъ. Дивиденды по акціямъ въ 1898 г. былъ выданъ по 200 фр. вмѣсто 275 фр.

Въ 1899 году еще хуже. Оспа и инфлуенца, послушавшись «New-York Herald», дѣйствительно появились на Лазурномъ побережьѣ и напугали публику. Но это еще ничто сравнительно съ полнымъ отсутствіемъ англичанъ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ богатые англичане стали ѣздить зимою не въ Ниццу, а въ Египетъ, въ Каиръ.

И въ сезонъ 1900 г. подъ вліяніемъ злосчастной трансваальской войны, отчасти по финансовымъ вліяніямъ, отчасти по нежеланію видѣть злорадные лица французовъ, нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, гордые британцы опять не поѣхали въ Монте-Карло. Между тѣмъ, кажется, нѣтъ мѣста на свѣтѣ, гдѣ такъ бы мало интересовались политикою, какъ здѣсь. Даже процессъ Дрейфуса мало возбуждалъ вниманія игроковъ, и я помню, какъ слухъ, что выставлена депеша о рѣшеніи суда надъ Дрейфусомъ, заставилъ покинуть игорные столы только двухъ-трехъ человѣкъ изъ тысячи. Тогда какъ стоитъ сказать, что черная или крас-

ная вышли десять разъ подъ-рядъ или что какой-нибудь берлинскій банкиръ или венгерскій магнатъ поставили три раза максимумъ, чтобы огромная толпа бросилась смотрѣть на такое зрѣлище.

Поэтому не могу не вспомнить словъ покойнаго поэта Апухтина, страстнаго игрока, объяснявшаго мнѣ, почему страсть къ игрѣ сильнѣе другихъ. По его словамъ, это зависитъ отъ продолжительности впечатлѣнія; во всякой другой страсти—ѣдѣ, любви, пьянствѣ,—утомленіе и пресыщеніе являются очень быстро, играть же можно трое сутокъ подъ-рядъ почти безъ пищи и сна.

По новому договору арендаторы игорнаго дома не только уплачиваютъ князю въ два пріема 25 мил. франк. и будутъ содержать всю его администрацію, армію карабинеровъ (96 человѣкъ) и даже епископа, но построятъ въ Монако большой торговый портъ. Хотя казино, сооруженное Шарлемъ Гарнье, строителемъ Парижской Оперы, распisanное Буланже, Клереномъ, Дейенъ-Перреномъ и окруженное тропическимъ садомъ, разбитымъ устроителемъ знаменитаго парка «Buttes Chaumonts», не нуждалось, кажется, въ улучшеніяхъ, но арендаторы обѣщали выстроить театръ въ особомъ зданіи, отведя существующее помѣщеніе театра, очень роскошное, для игры.

Имѣя даромъ администрацію, отличныя дороги

и всякія удобства, не платя никакихъ налоговъ и не неся военной повинности, монегаски несомнѣнно могли бы считаться счастливейшимъ населеніемъ въ свѣтѣ, но ихъ, къ сожалѣнію, всего нѣсколько тысячъ и конвенція съ Франціей воспрещаетъ натурализацію въ Монако. Иначе всѣ бѣдники Италіи, Франціи и Швейцаріи стали бы подданными дома Гримальди, забывъ свои конституціи, и подчинились бы охотно неограниченному правленію послѣдняго. Увеличеніе числа монегасковъ можетъ происходить только естественнымъ приростомъ. Понятно, что, съ увеличеніемъ благосостоянія, Гримальди, ненавидимые до 70-хъ годовъ, стали популярными, хотя князь вѣчно въ отсутствіи, то проживая въ Парижѣ, то путешествуя по морямъ.

Династія Гримальди—изъ генуэзской аристократіи, водворилась въ Монако въ концѣ XIII вѣка, во время борьбы гвельфовъ (Гримальди были этой партіи) съ гибелинами. Кромѣ короткой эпохи съ 1793 по 1814 гг., Монако, бывшее еще чуть не съ мифическихъ временъ (по преданію, его основалъ Геркулесъ) гнѣздомъ пиратовъ, но занимавшее важное стратегическое положеніе на морскомъ и сухомъ пути между Провансомъ и Генуей, сумѣло отстоять свою независимость. Эта независимость впрочемъ была болѣе номинальной, такъ

какъ политически Монако всегда находилось подѣ фактическимъ протекторатомъ какой-либо сильной державы: Генуэзской республики, Испаніи, Франціи, Сардиніи.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи владѣтели Монако жили обыкновенно въ Парижѣ, а намѣстники ихъ грабили страну, что и было причиною отпаденія Ментоны и Рокебрюна. Борьба за обладаніе послѣдними составляетъ всю исторію Монако въ XIX столѣтіи до открытія игорнаго дома, когда вся политика Монако (M. Moncharville. Monaco, son histoire diplomatique) свелась къ защитѣ этого драгоценнаго учрежденія противъ попытокъ завистливыхъ сосѣдей, Ниццы и Генуи, уничтожить игорный домъ, вопросъ о чемъ неоднократно, хотя и безуспѣшно подымался въ парламентахъ французскомъ и итальянскомъ.

Вопросъ о Монако до сихъ поръ впрочемъ спорный въ международномъ правѣ. Бонфисъ, Функъ-Брентано, Сорель, Пьедельевръ считаютъ его независимымъ государствомъ, Траверсъ-Твисъ, Мартенсъ—вассальнымъ. Есть писатели, и на ихъ сторонѣ «Almanach de Gotha», которые утверждаютъ, что Монако до сихъ поръ состоитъ подѣ протекторатомъ Сардиніи, хотя такового государства не существуетъ. «Almanach de Gotha», впрочемъ, и послѣ февральскаго указа 1899 г. продолжаетъ

печатать, что Финляндія находится въ личной уніи съ Россіей!

Мишель Шевалье доказывалъ, что маленькія государства должны уважать себя и вести пристойно, если же они этого не дѣлаютъ, то ихъ слѣдуетъ экспроприровать. Защитники Монако и рулетки ссылаются на Эмануила Канта, который въ своемъ трактатѣ о вѣчномъ мирѣ писалъ, что «дурной примѣръ, подаваемый свободнымъ существомъ другимъ, не даетъ послѣднимъ права ограничивать его».

Въ жалобахъ сосѣдей есть не мало и лицемѣрія. На самомъ дѣлѣ и Ницца, и другіе города очень наживаются отъ сосѣдства съ Монте-Карло и очень пострадали бы отъ закрытія игорнаго дома и уменьшенія числа путешественниковъ.

Нынѣшняя монашеская династія происходитъ впрочемъ отъ Гримальди только по женской линіи. Князь женатъ на дочери банкира Гейне. Эта семитская связь и заставила князя выступить такъ неловко въ дрейфусовскомъ вопросѣ, за что и читали его парижскія газеты.

Нажившись на перепродажѣ своихъ имѣній и домовъ—земля въ Монте-Карло поднялась съ 10 до 1,000 франк. за метръ—монегаски ровно ничего не дѣлаютъ; полиція и карабинеры князя по преимуществу итальянцы, чиновники французы,

даже среди крупье казино нѣтъ ни одного мѣстнаго уроженца, болѣе нѣмцы и швейцарцы, попался даже одинъ нашъ бывший предводитель дворянства. Крупье—цѣлая армія, они хорошо оплачиваются и образуютъ своего рода синдикатъ. По крайней мѣрѣ, когда у одного изъ нихъ нашли за воротникомъ три луи, будто бы опущенныя туда какимъ-то великодушнымъ игрокомъ, то, чтобы спасти проигравшагося товарища, крупье угрожали стачкою, а безъ нихъ игорному дому была бы бѣда, потому что ремесло крупье требуетъ извѣстнаго навыка и быстроты въ расчетахъ. Хорошіе крупье въ Парижѣ получаютъ въ клубахъ огромныя деньги.

Между крупье установлена своего рода іерархія; на каждый столъ сверхъ четырехъ крупье полагается два—chefs de partie, а за послѣдними наблюдаютъ инспектора. Во главѣ администраціи стоитъ совѣтъ, куда не пренебрегаютъ вступать и бывшіе министры, потому что члены совѣта получаютъ чуть ли не двѣсти тысячъ франковъ въ годъ, т. е. болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ канцлеры.

Но этихъ эксъ-министровъ не видно никогда въ Монако; здѣсь послѣ губернатора, нѣкоторымъ образомъ перваго министра, наиболѣе вліятельныя лица: своего рода палатный мэръ княжества Изидоръ де-Лара, красивый мужчина, посредственный оперный композиторъ, авторъ «Monina», «Messa-

lina» и пр., бывший музыкантомъ въ Парижѣ ¹⁾, и нашъ Рауль де-Гинсбургъ, теперь уже баронъ и обладатель замка въ Бургундіи. Несравненный Рауль все тотъ же: жизнерадостенъ, какъ солнце Лазурнаго побережья, такъ же милъ и обязателенъ, съ восторгомъ говоритъ о Петербургѣ, гдѣ потерялъ столько денегъ, и выписываетъ оттуда нашихъ танцовщицъ и танцовщиковъ. Благодаря щедрости игорнаго дома, Рауль даетъ посѣтителямъ Монте-Карло представленія оперныя и драматическія, балеты, симфоническіе концерты и лекціи парижскихъ знаменитостей. Въ этомъ году пѣли Таманьо, Мельба, игралъ Пуньо, танцевали госпожа Леняни и Преображенская и т. д.

Но на этомъ не кончаются благодѣянія общества г. Блана: оно выдаетъ пособія и даже пожизненныя пенсіи проигравшимся игрокамъ, сообразно количеству проигрыша; мінимумъ единовременнаго пособія на отъѣздъ 3,000 франк., но для полученія пособія просителя водятъ по столамъ и опрашиваютъ крупье: видѣли ли они, что проигравшійся дѣйствительно велъ крупную игру? Получающимъ пособія и пенсіи входъ въ казино разъ навсегда воспрещается; туда же воспрещенъ входъ поддан-

¹⁾ На дверяхъ одной очень вліятельной въ Монте-Карло дамы шутникъ написалъ: Ici dort (Isidore) Lara.

нымъ Альберта I, а затѣмъ всеѣмъ офицерамъ французскихъ арміи и флота; послѣднее, конечно, не соблюдается строго.

Еще болѣе крупны расходы на publicit , т. е. покупку молчанія печати, въ особенности парижской: расходъ тѣмъ болѣе несносный, что чѣмъ болѣе общество платитъ, тѣмъ болѣе возникаетъ разныхъ мелкихъ листковъ для обличенія ужасовъ рулетки. Если вѣрить этимъ листкамъ, то самоубійства въ Монте-Карло ежедневны. Когда въ прошломъ году H tel de Paris соединился съ казино подземнымъ ходомъ для избѣжанія перехода черезъ площадь подъ дождемъ, немедленно были пущены слухъ, что проходъ устроенъ для удобнѣйшаго вытаскиванія труповъ самоубійцъ изъ казино!

Монте-Карло — рай не для однихъ подданныхъ дома Гримальди и газетныхъ шантажистовъ. Это рай и для кокотокъ, которыя собираются сюда со всеѣхъ концовъ Европы и Америки на сезонъ, т. е. на январь, февраль и частью мартъ мѣсяцъ. Тѣ, которыя остаются долѣе, дѣлаютъ это уже не по своей охотѣ, а по невозможности найти кого-либо для уплаты счета въ гостиницѣ. Парижанки, конечно, на первомъ планѣ.

Въ Парижѣ ремесло кокотки — иронически говоритъ авторъ замѣчательнаго памфлета «Le drame supr me», — признается совершенно такимъ же,

какъ и всякое другое, и тѣ, кто имъ занимается, пользуются почетомъ, смотря по степени заработка. Элегантная проститутка занимаетъ лучшую квартиру въ своемъ кварталѣ; судьи и генералы живутъ надъ нею, повыше. Консьержи ее обожаютъ, горничныя наперерывъ бросаютъ буржуазные дома изъ-за выгоды или чести служить ей. Мужчины сопровождаютъ ее на прогулкахъ, ѣдутъ съ ней на скачки, въ спектакли, а лѣтомъ на воды. Разбогатѣвшая проститутка составляетъ гордость родной деревни. Свѣтскія дамы и дѣвицы изучаютъ ее, завидуютъ и подражаютъ ей. Сыграетъ ли она какую-нибудь крошечную роль, она провозглашается великою артисткою. Ее прославляютъ въ прозѣ и стихахъ. «Не будь ея и ея подражательницъ, не нашлось бы пьесъ для театра, не писалось бы романовъ; десятки газетъ исчезли бы, а остальные потеряли бы половину статей и три четверти читателей; французская литература зачахла бы, всѣ перестали бы ѣздить въ Парижъ, не было бы больше Парижа, и если правда, что Парижъ — это Франція, то не было бы больше Франціи!»

Я не знаю, существовалъ ли бы Парижъ и Франція безъ кокотокъ, но Монте-Карло безъ нихъ немислимъ. Здѣсь онѣ въ своемъ элементѣ, какъ рыба въ водѣ; всѣ гостиницы и виллы, а имъ въ

Монте-Карло нѣтъ числа, переполнены ими, въ казино онѣ прогуливаются, какъ у себя въ будуарѣ. Въ атриумѣ казино, которое носить характерное названіе l'usine, т.-е. фабрики, только и слышишь оживленные разговоры на томъ новомъ французскомъ языкѣ, за которымъ никакіе академическіе лексиконы угоняться не могутъ:

— Tu sais, ma chère, je l'allumais toute la semaine, mais cette rosse de Léonie qui n'est qu'un veau, qui tape tout le monde et charge trois fois dans la journée le leva à ma barbe. J'ai une rogne, mais j'espère qu'il ne casquera pas. Surement elle va gueuler и т. д.

Allumer означаетъ завлекать, charger (son lit), lever — поддѣпить кого-либо, un veau — молоденькая неопытная женщина, casquer — давать деньги, gueuler — кричать и т. д.

Слушая подобныя исторіи, подружки выражаютъ свои ужасы и негодованія, но сейчасъ же спрашиваютъ, кто этотъ несчастный и богатъ ли онъ, чтобы немедленно въ залѣ поскорѣе завязать знакомство. Способы добывать деньги различны; самый эффектный это отравлять себя отъ любви къ архимилліонерамъ, затѣмъ можно вести для галереи крупную игру, морфинизироваться, танцовать вечеромъ подъ звуки цыганъ, переодѣвать въ день по три платья и по три шляпки. Большинство

предпочитаетъ простѣйшій способъ—выпрашивать у игроковъ, особенно выигрывающихъ. Легко полученные деньги тутъ же проигрываются, особенно много проигрывается на № 17, почитаемомъ почему-то наиболѣе счастливымъ. Затѣмъ многіе вѣрятъ въ *les voisins du tapis* или *du cylindre*, т. е. въ номера сосѣдніе съ только что вышедшимъ, и обставляютъ ихъ столбиками золота. Если кокотка выиграла нѣсколько тысячъ франковъ, она непременно покупаетъ коробку мандариновъ и посылаетъ родителямъ...

Жизнь въ Монте-Карло размѣрена по часамъ, все идетъ по порядку, какъ въ благоустроенной казармѣ. Утромъ гуляютъ передъ казино, пишутъ депеши о высылкѣ денегъ или посѣщаютъ ростовщиковъ. Около 11^{1/2} часовъ толпа уже нетерпѣливо ждетъ открытія дверей въ салоны. Но это больше шушера, перепродающая потомъ занятія мѣста. До завтрака игра рѣдко бываетъ оживлена.

Публика и въ салонахъ группируется какъ бы по сословіямъ: 15 игорныхъ столовъ поставлены въ четырехъ залахъ казино (пятый оставленъ для разговоровъ), и публика тѣмъ шикарнѣе, чѣмъ идешь далѣе. Поэтому залъ у входа называется *la Petite Villette* (бѣднѣйшій кварталъ въ Парижѣ); большой залъ для рулетки называется *Faubourg Monmartre*; залы, гдѣ играютъ въ *trente et*

quarante и гдѣ лучшая публика и лучшіе туалеты, *le Faubourg St. Germain*.

— *Il n'y a là que des decavés comme dans ce dernier faubourg*,—объяснялъ мнѣ одинъ злой язычокъ.

Зрѣлище разношерстной толпы въ казино весьма любопытное: кого тутъ нѣтъ? хотя выдача билетовъ подвержена извѣстному контролю. Какія-то сомнительныя фигуры, напоминающія бѣглыхъ каторжниковъ, и представители первѣйшихъ аристократическихъ фамилій, и грязныя ростовщицы съ ридикюлями для пріема закладовъ, и покрытыя силошъ брилліантами англійскія герцогини перемѣшаны въ общей толпѣ.

Разныя націи проявляютъ себя различнымъ способомъ вести себя. Англичане и американцы хладнокровно ставятъ максимумы, карманы ихъ какъ будто заключаютъ рудники тысячефранковыхъ билетовъ; нѣмцы спорятъ о каждомъ пятифранковикѣ; итальянцы играютъ все по разнымъ системамъ¹⁾; ру-

¹⁾ «Системы» эти вычисляются по большей части математически на основаніи вышедшихъ въ рулетку и *trente et quarante* нумеровъ. Списокъ вышедшихъ нумеровъ по всѣмъ столамъ ежедневно печатается и за годъ составляетъ порядочную кипу бумаги. Поэтому не могу не вспомнить курьезнаго случая съ однимъ моимъ знакомымъ, покойнымъ г. С—имъ. Онъ устроилъ большія дѣла и считался богатымъ, но послѣ него осталось очень немного. Дочь покойнаго увѣряла, что въ

мыны стараются признать у женщин; поляки легко проигрываются и чаще всѣхъ стрѣляются; наши соотечественники также легко проигрываютъ и все ищутъ, у кого бы перехватить.

Завтракаютъ лучше и дороже всего въ ресторанѣ Ciro's на террасѣ съ чуднымъ видомъ на море; подешевле можно завтракать у Рэ, славящагося устрицами, и въ Café de Paris, гдѣ рыбу и котлеты жарятъ на камфоркахъ передъ вашими глазами.

Послѣ завтрака играютъ только записные игроки, высиживающіе по часамъ на мѣстѣ. Я зналъ миллионеровъ, у которыхъ отъ такого сидѣнія дѣлались судороги въ поясницѣ. И это называется развлекаться! Les gens chics прогуливаются послѣ завтрака въ экипажахъ и автомобиляхъ, les gens qui ne sont pas chics на велосипедахъ и пѣшкомъ. Прогулокъ сколько угодно и шоссе вездѣ прекрасныя, а въ предѣлахъ княжества прямо идеальныя; погода даже въ январѣ очень хорошая и до 4-хъ часовъ дня всегда теплая. Чаще всего

Наряжѣ «у папы всѣ шкапы набиты процентными бумагами» Оказалось дѣйствительно, что всѣ комнаты квартиры были обставлены шкапами, сплошь набитыми бумагами. Но это были списки вышедшихъ въ рулетку номеровъ! Покойный собиралъ ихъ тщательно годами, тщетно добиваясь отыскать «систему» выигрыша.

ѣздить въ Résèrve de Beaulieu, ресторанъ на берегу моря съ хорошимъ рестораномъ и цыганскимъ оркестромъ. Съ этого года по дорогѣ открылся новый ресторанъ съ еще болѣе прекраснымъ видомъ на море. На этомъ пути грабили когда-то сарадины, замки которыхъ Эзъ и другіе сохранились еще въ руинахъ; теперь васъ до поѣзда ограбятъ въ казино лучше всякихъ сарадиновъ. Рядомъ съ Болье находится Вильфраншъ, гдѣ стоитъ обыкновенно французская эскадра, а иногда и русскія суда. Моряки гостепріимно принимаютъ посѣтителей, особенно когда между ними случаются хорошенькія дамы.

По другую сторону Монте-Карло катаются въ Ментону, излюбленный городъ чахоточныхъ—климатическій перлъ побережья, но такъ какъ въ Ментонѣ главное развлечение для лицъ, не желающихъ гулять по магазинамъ, кладбище, гдѣ не мало могилъ и съ русскими именами, то предпочитаютъ останавливаться на пути въ Капъ-Мартэнъ. Этотъ мысъ, покрытый морскою сосною, обращенъ въ дачное мѣсто. Здѣсь часто живетъ императрица Евгенія и поставленъ монументъ жившей здѣсь несчастной императрицѣ австрійской Елисаветѣ.

Кто не желаетъ ѣхать ни направо, ни налево, то и тотъ найдетъ себѣ развлечение. Надъ городомъ общество wagons-lits построило роскошную

гостиницу «Riviera Palace», меблированную Меплемъ изъ Лондона; съ террасы превосходный видъ на море и городъ. Взявъ фуникулярную дорогу, можно видѣть еще лучший видъ въ Turbie, гдѣ построена также роскошная гостиница въ мавританскомъ вкусѣ. Тутъ находятся неподалеку укрѣпленія, осматривать которыя не дозволяется.

Отъ Тюрби въ экипажахъ или на ослахъ ѣздятъ въ монастырь Notre-Dame de Laguet, знаменитый во всей сѣверной Италіи по чудотворной иконѣ, помогающей отъ несчастныхъ случаевъ. Всѣ стѣны монастыря покрыты наивными рисунками, изображающими различные случаи чудеснаго спасенія на водѣ и сушѣ. Толстый, веселый монахъ продаетъ разныя бездѣлушки на память и ведетъ весьма скромные разговоры съ посѣтителницами. Большинство держится тихо и нерѣдко можно видѣть un tableau très édifiant—грѣшницу въ платьѣ отъ Пакена, молящуюся усердно на колѣняхъ передъ алтаремъ.

Къ 5 часамъ всѣ возвращаются съ прогулокъ и салоны казино въ это время очень оживляются; игра идетъ большая и происходитъ значительный приливъ публики изъ Ниццы и окрестныхъ мѣстъ—той публики, которая якобы ѣдетъ на Лазурное побережье исключительно для леченія.

Къ 7 часамъ игорные залы снова пустѣютъ,

дамы идутъ переодѣваться и къ 8 съ половиною часамъ разошлись, какъ царь Соломонъ во всей славѣ своей, наполняютъ ярко освѣщенные залы ресторановъ «Hôtel de Paris», «Ermitage», «Grand Hôtel». «Ermitage» отличается особою дороговизною, остальные какъ будто чуть-чуть дешевле. Имѣется много и болѣе дешевыхъ мѣстъ трапезы, но наиболѣе шикарнымъ считается ресторанъ въ «Hôtel de Paris».

Публику здѣсь раздѣляютъ какъ на Страшномъ Судѣ: овецъ отдѣльно отъ козлищъ. Ближе ко входу сидятъ англійскія аристократки, далѣе къ концу кокотки. Въ этомъ году за недостаткомъ настоящихъ герцогинь возсѣдали «романистка» Ліанъ де-Пужи, пѣвица Кавальери и т. п. знаменитости.

Въ десять часовъ залы казино опять полны; это кульминаціонный пунктъ. Въ особенности страсти разгораются передъ половиною 12-го часа, когда залы закрываются. Въ это время идетъ самая горячая игра: въ теченіе трехъ послѣднихъ партій, о которыхъ публика предупреждается, проигравшіеся съ особымъ ожесточеніемъ стараются отбить потерянное. Залы медленно очищаются, а въ атриумѣ происходитъ родъ похищенія сабинянокъ, или вѣрнѣе, похищеніе мужчинъ сабинянками. Счастливыцы несутъ торжественно дорогія на-

кидки и боа изъ чернобурыхъ лисицъ и бобровъ. Но такъ какъ у французенокъ аппетитъ жестокій, то несмотря на то, что обѣдъ окончился только полтора часа назадъ, онѣ влекутъ своихъ кавалеровъ prendre quelque chose въ рестораны. Богатые направляются къ Сирозу, менѣе щедрые въ Café de Paris. И тамъ, и тутъ играютъ цыганскіе оркестры, но въ Café de Paris послѣ часа часть публики не расходится и начинаются танцы. Какая-нибудь «старая гвардія» танцуетъ, а за нею пускаются въ плясъ и болѣе молодые. Впрочемъ большинство публики въ Монте-Карло въ часъ расходится по гостиницамъ и вилламъ, чтобы на другой день продѣлать ту же программу, что и наканунѣ.

Бѣдныя кокетки теперь въ отчаяніи, потому что для увеличенія своихъ доходовъ общество въ прошломъ году перенесло читальню изъ казино въ сосѣднюю гостиницу, а верхній этажъ, занимавшійся читальнею, обратило въ Cercle privé, куда дамъ не пускаютъ и гдѣ игра разрѣшена всю ночь до 4 часовъ. Поэтому игроки по окончаніи игры въ залахъ, не обращая никакого вниманія на дамъ, бѣгутъ поскорѣе въ Cercle privé. Въ этомъ году послѣдній открывался даже съ 2 часовъ дня и особый безконечный ремень подымалъ туда игроковъ безъ всякаго усилія, по

безъ возможности одуматься и вернуться съ полдороги.

Такимъ образомъ лучшія силы потеряны для ужиновъ и вечернихъ размышленій о суетѣ мірской и доходы упали. Сбылись какъ будто слова Іезекиіля: «Ты умножила блудодѣянія своя къ огорченію моему, и вотъ я простру руку мою на тебя и уменьшу назначенное тебѣ». Понятно, всѣ эти дамы протестовали и клялись, что въ Монте-Карло не пріѣдутъ. Рѣшились, словомъ, какъ выразился какой-то острякъ, boycotter заведеніе г. Блана. Но въ этомъ году «дщерей филистимскихъ» понаѣхало болѣе обыкновеннаго, изъ чего нужно заключить, что если въ Монте-Карло на рынкѣ любви дѣла идутъ плохо, то въ Парижѣ они шли еще хуже. Конечно, не отъ подъема нравственности въ Европѣ, а отъ финансоваго кризиса и англо-бурской войны.

III.

Генуя.

Въ Геную я попалъ не прямо изъ Монте-Карло, а заѣхавъ предварительно въ Парижъ. Сѣвъ на поѣздъ на Gare de Lyon, я проснулся уже въ Шамбери, городъ, хорошо мнѣ знакомъ по сосѣдству съ Эксъ-ле-Беномъ, гдѣ я провелъ четыре лѣта подрядъ. Шамбери я чту за то, что въ немъ родился Жозефъ де-Местръ, одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка. Записка Местра, котораго, кстати сказать, кн. Мещерскій считаетъ писателемъ 40-хъ годовъ, по народному образованію, написанная для руководства нашему первому министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, есть самое умное, что объ этомъ предметѣ было написано.

Милѣйшій Вас. И. Немировичъ-Данченко, при вѣздѣ какъ-то въ Италію въ февралѣ, видѣлъ сборъ винограда, но я, не столь удачливый, на-

шелъ въ Моданѣ пейзажъ, который вполне напомнилъ мнѣ русскій ¹⁾. Сосновыя деревья и избы были покрыты толстымъ слоемъ снѣга; на станціи былъ собачій холодъ. Этотъ холодъ преслѣдовалъ меня во всю поѣздку по Италіи, гдѣ въ этомъ году, какъ и во всей Западной Европѣ, весна запоздала почти на мѣсяцъ.

Вопреки обыкновенію, англичанъ въ поѣздѣ не было и было поэтому свободно. Бѣжала какая-то французенка и горько жаловалась другой таковой же, что не въ силахъ доѣхать до Генуи безъ горничной.

— Вы знаете, какая я экономная и не требовательная,—говорила она,—чтобы прокатиться по Италіи три недѣли *avec mon ami*, я заказала Пакену всего четыре новыхъ платья, идея (?) пятого пришла мнѣ въ голову, но оно никогда бы не поспѣло къ отъѣзду изъ Монте-Карло, но чѣмъ я виновата, что платья нынче такъ дѣлаютъ, что ихъ безъ посторонней помощи ни надѣть, ни снять нельзя. Сегодня я просила кондуктора помочь мнѣ, такъ какъ *mon ami a les doigts en coton*, но кон-

¹⁾ По прочтеніи сего въ печати Василій Ивановичъ упрекалъ меня, что я придираюсь къ опискамъ. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы заявить, что книги г. Немировича-Данченко объ Италіи, а равно объ Испаніи принадлежатъ къ лучшимъ и обстоятельнѣйшимъ описаніямъ этихъ странъ.

дукторъ возился безъ конца; я просто внѣ себя; хорошо еще, если я найду въ гостиницѣ нѣмокъ или швейцарокъ, — итальянскія горничныя ничего не умѣютъ сдѣлать...

Я пожалѣлъ бѣднаго *ami*. Извольте съ такимъ сокровищемъ путешествовать, особенно, если оно возить съ собою пять-шесть сундуковъ, набитыхъ платьями!

Мой уважаемый сотоварищъ по «Новому Времени» г. В. С. К. нашелъ недавно удивительное сходство Генуи съ Дербентомъ. Чтобы уловить это сходство, потребно богатое воображеніе, потому что Дербентъ расположенъ на песчаномъ скатѣ безъ рѣки, а вмѣсто порта имѣетъ открытый рейдъ; а Генуя построена на утесахъ, прорѣзана рѣкой и портъ ея имѣетъ видъ вогнутаго колѣна, откуда и названіе города — *geni*.

Эти утесы, мѣшающіе расширенію города для прокладки новыхъ улицъ, по возможности теперь срываются, причемъ уничтожаются укрѣпленія, не восходящія далѣе XVII столѣтія, но имѣющія свою славную исторію.

Скрыть, однако, всего нельзя, и Генуя представляетъ удивительный въ своемъ родѣ городъ, гдѣ есть дома въ семь-восемь этажей и къ верхнимъ этажамъ которыхъ слѣдуетъ подъѣзжать съ сосѣдней улицы. Неудивительно поэтому, что въ Ита-

ліи можно въ одномъ и томъ же домѣ имѣть владѣльцевъ разныхъ этажей, тогда какъ у насъ законъ не допускаетъ даже собственности домовъ, отдѣльной отъ собственности земли, на которой они построены.

Дома въ Генуѣ раскрашены въ яркіе цвѣта, а ставни оконъ въ свою очередь очень яркаго цвѣта. Эта пестрота, приспособленная къ южному солнцу, ослабляющему рѣзкость цвѣтовыхъ пятенъ, лѣтомъ не бьетъ въ глаза, но въ мрачную погоду, въ какую я пріѣхалъ въ Геную, производитъ несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Впечатлѣніе нарушается и отъ итальянскаго обыкновенія вѣшать вдоль домовъ и поперекъ улицъ, за неимѣніемъ чердаковъ, бѣлье для просушки. Только на нѣкоторыхъ большихъ улицахъ запрещена теперь эта выставка семейнаго хлама.

Генуя городъ по преимуществу декоративный. По главнымъ улицамъ все великолѣпные и оригинальные дворцы съ чудными дворами и открытыми лѣстницами, ведущими въ верхніе этажи. Эти дворцы и дали городу кличку *la Superba*. Но сзади дворцовъ скрываются узкіе и грязные переулки, и нигдѣ различіе между богатствомъ и бѣдностью не бросается такъ рѣзко въ глаза, какъ въ Генуѣ. Улицы впрочемъ, какъ въ старыхъ городахъ, вообще очень узки и даже на *via Balbi*, гдѣ нахо-

дятся королевскій дворецъ, университетъ и роскошнѣйшая церковь въ Генуѣ St. Annunziata, тротуары такой ширины, что проходящіе вагоны электрической конки захватываютъ часть тротуара. Не зная этого, я едва не былъ убитъ въ день моего приѣзда, не обративъ вниманія на свистки кучера вагона.

За via Balbi тянутся via Cairoli и затѣмъ via Garibaldi. Это и есть главная артерія Генуи, сплошь состоящая изъ старинныхъ дворцовъ; одинъ изъ нихъ обращенъ въ городскую думу, гдѣ хранятся рядомъ бронзовая доска, гдѣ за два вѣка до Рождества Христова вырѣзано рѣшеніе какихъ-то римскихъ комиссаровъ въ пользу Генуи (тогда уже знаменитаго торговаго порта), и скрипка генуэзскаго уроженца Паганини.

Славныхъ именъ Генуѣ не занимать стать. Рядомъ съ моей гостиницей на площади Акваверде, среди сквера изъ пальмъ, еще въ 1862 г. поставленъ довольно неважный памятникъ Христофору Колумбу изъ бѣлаго мрамора. Послѣ провѣрки всѣхъ данныхъ моимъ пріятелемъ, американскимъ ученымъ Гаррисомъ, написавшимъ десятокъ изслѣдованій о Колумбѣ ¹⁾, и полемики, длившейся мно-

¹⁾ Гаррисъ издалъ недавно капитальный трудъ о другомъ знаменитомъ итальянскомъ мореплавателѣ Джіованно Габотто или Каботѣ, открывшемъ берега Сѣверной Америки. Это такъ

гіе годы, теперь уже можно считать окончательно установленнымъ, что Колумбъ родился въ Генуѣ, а не въ Савонѣ, въ Коголето или на островѣ Корсикѣ. Родился онъ въ домѣ въ переулкѣ Dritto Ponticello. Дома не существуетъ, но городомъ купленъ домъ (предлагали купить его и американцы), гдѣ Колумбъ жилъ до 12-ти или 13-лѣтняго возраста и помогалъ отцу. Въ верхнихъ этажахъ домъ даже мало измѣнился съ тѣхъ поръ, хотя подвергся бомбардировкѣ французскаго флота въ XVII столѣтіи.

Гаррисъ говорилъ мнѣ, что всѣ извѣстные портреты Колумба поддѣльны; по наиболѣе достовѣрнымъ описаніямъ современниковъ, Колумбъ былъ свѣтлымъ рыжеватымъ блондиномъ, имѣлъ свѣтлосѣрые глаза и лицо, покрытое веснушками. Онъ умеръ, какъ извѣстно, не достигнувъ шестидесятилѣтняго возраста. Прахъ его трижды переносился съ мѣста на мѣсто; въ послѣдній разъ испанцы привезли его въ прошломъ году изъ Гаванны въ Севилью, не желая оставлять американцамъ, которые, однако, въ научномъ отношеніи всегда интересовались великимъ мореплавателемъ болѣе, чѣмъ его пріемное отечество.

же генуэзскій уроженецъ, хотя его долго считали венеціанцемъ и даже англичаниномъ.

Для насъ, русскихъ, въ Генуѣ должно быть интересно всѣхъ зданіе близъ площади Caricamento, бывшаго банка св. Георгія, недавно еще занятое таможеню, а теперь хранящее архивъ и статуи знаменитыхъ генуэзцевъ. Этотъ банкъ съ XVI столѣтія, во время упадка республики, сдѣлался совершеннымъ государствомъ въ государствѣ. Окончательное паденіе банка, имѣвшаго несторожность давать въ долгъ государямъ для войны, и было окончательнымъ паденіемъ Генуэзской республики.

Банку Джорджіо принадлежала не только Корсика, но и огромныя владѣнія по Азовскому морю, въ Крыму и на Кавказѣ, между прочимъ Кафа, нынѣшняя Феодосія. Исторія этихъ владѣній довольно скучно изложена по итальянскимъ источникамъ моимъ бывшимъ директоромъ гимназіи, покойнымъ профессоромъ Рипелъевского лицея Мурзакевичемъ, а съ большимъ блескомъ и обычнымъ пафосомъ пересказана въ «Очеркахъ Крыма» г. Евг. Марковымъ.

Опасенія за свои черноморскія владѣнія и были причиной, что очень многіе генуэзцы, подъ предводительствомъ Джустиніани и Катанео, дѣятельно помогали византійцамъ въ защитѣ Константинополя въ послѣднюю осаду, когда часть перотскихъ генуэзцевъ, подъ предводительствомъ Драперіо, дружила съ турками, надѣясь такимъ двусмысленнымъ

поведеніемъ сыскать благоволеніе послѣднихъ и соблюсти свои торговые интересы.

Генуя представляетъ изъ себя рѣдкій примѣръ воскресенія, не въ толстовскомъ конечно смыслѣ, а именно въ смыслѣ означенныхъ всегда дорогихъ ей торговыхъ интересовъ. Совершенно упавшій въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія, городъ этотъ быстро въ послѣднее время поднялся и занялъ первое мѣсто въ итальянской торговлѣ. Сдѣйствовало этому не столько итальянское единство, сколько сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, которыя уничтожили главное препятствіе для развитія генуэзской торговли въ старину — отсутствіе свободнаго сообщенія черезъ Альпы. Немаловажную роль сыгралъ характеръ генуэзцевъ.

«Море безъ рыбы, горы безъ лѣсу, мужчины безъ чести, женщины безъ стыда—вотъ Генуя»,—говоритъ старинная итальянская пословица. Эти «мужчины безъ чести», наглые и вѣроломные, жадные къ деньгамъ и власти, имѣютъ однако удивительныя способности къ торговлѣ и мореплаванію. Замѣчательно еще, что хотя въ Генуѣ нѣтъ деревьевъ и даже травы, Генуя снабжаетъ всю Италію садовниками. Виноградъ появился и въ Крыму во времена генуэзскаго владычества.

Рабочій классъ отличается здѣсь трудолюбіемъ и бережливостью, и социализмъ съ трудомъ при-

вился къ нему; правда, рабочее сословіе крѣпко организовано въ тридцать шесть рабочихъ союзовъ, во главѣ которыхъ стоитъ совѣтъ изъ представителей, по два отъ каждаго союза. Генуэзцы также очень охотно эмигрируютъ куда угодно и заводятъ торговые связи, эмигрируютъ не только рабочіе, но и буржуазія. Одесская хлѣбная торговля въ началѣ нынѣшняго столѣтія была, какъ извѣстно, основана генуэзскими выходцами, которымъ только въ 20-хъ годахъ явились на помощь греки.

Для развитія торговли Генуѣ, съ успѣхомъ конкурирующей даже съ Марселемъ, имѣвшей въ прошломъ столѣтіи монополію въ Левантской торговлѣ, нуженъ былъ хорошій портъ, а портъ республики, устроенный еще въ XII столѣтіи, совершенно не соотвѣтствовалъ новымъ требованіямъ. У итальянскаго правительства, конечно, никогда не нашлось бы денегъ, необходимыхъ на устройство большого порта, но на счастье Генуи отыскался въ Парижѣ одинъ изъ ея уроженцевъ, герцогъ Галліера, накопившій едва ли не ростовщичествомъ колоссальное состояніе. Это состояніе, за исключеніемъ части жены, оставившей затѣмъ огромныя суммы городу Парижу на извѣстный музей ея имени, герцогъ завѣщалъ Генуѣ. 63 съ чѣмъ-то милліона лиръ и пошли на устройство новаго порта съ аванпортомъ, имѣющихъ площадь 240 десятинъ и 8 вер.

набережныхъ. Портъ посѣщаютъ ежегодно болѣе 7 тысячъ однихъ пароходовъ.

За этотъ по-истинѣ царскій подарокъ Генуя поставила Галліерѣ прекрасный монументъ около морской академіи, между таможенной съ одной стороны и знаменитымъ дворцомъ Доріа — съ другой.

Въ Генуѣ находится единственное въ Италіи русское кредитное учрежденіе: отдѣленіе Русскаго для внѣшней торговли банка. Оно помѣщается на Piazza Campeto, въ старинномъ Palazzo Imperiali, половина котораго занята монументальною мраморною лѣстницею. Помѣщеніе, за которое платится сравнительно недорого, расписано фресками и украшено статуями и бюстами. Размѣры зданія таковы, что для того, чтобы подняться два этажа, надобно сдѣлать порядочное усиліе.

— Нужно очень нуждаться въ деньгахъ, чтобы совершать подобное восхожденіе, — замѣтилъ я.

— Да здѣсь всѣ дома въ центрѣ города въ такомъ родѣ; къ этому привыкли и обходятся безъ подъемныхъ машинъ.

Начало русскаго банкаго отдѣленія было трудное. Два года подрядъ отдѣленіе несло огромныя убытки на ссудахъ подъ хлѣбъ: генуэзцы, какъ сказано, народъ продувной, недаромъ въ Генуѣ, говорятъ, очень мало жидовъ, — конкуренція для нихъ невозможна. Съ переменною управленія, подъ руко-

водством г. Бруцоне, знающаго близко мѣстные условія, дѣла отдѣленія пошли удачно. Генуя — пунктъ очень живой и торговля его идетъ хорошо. Кромѣ большой хлѣбной торговли, Генуя ведетъ огромную торговлю каменнымъ углемъ и хлопкомъ не только съ Сѣверной Италіей, но и съ Швейцаріей и Южной Италіей. Вообще разсказы объ обнищаніи Италіи — вздоръ, торговля Италіи развивается какъ отъ улучшенія торговыхъ отношеній съ Франціей, такъ и отъ превосходнаго въ прошломъ году урожая винограда; вино даже дошло въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи до баснословной дешевизны. Чернымъ пятномъ является болѣзнь оливковыхъ деревьевъ; это отражается и на окрестностяхъ Генуи, которыя представляютъ одинъ изъ «масляныхъ бассейновъ» Италіи.

Улучшеніе экономическаго положенія Италіи подтверждается слѣдующими цифрами. Въ 1895 г. общій итогъ итальянской внѣшней торговли составлялъ 2.253.591,307 лиръ, а въ 1899 г. онъ увеличился до 2.959.353,666 лиръ. Особенно интересно сильное увеличеніе вывоза бумажныхъ и шелковыхъ тканей. Акціонерныхъ обществъ устроилось въ Италіи въ 1896 г. 25, съ капиталомъ въ 18.420,000 лиръ, а въ 1899 г. — 114, съ капиталомъ въ 225.756,575 лиръ. Въ этомъ числѣ иностранный капиталъ составлялъ только 20%.

Едва ли многимъ извѣстно, что торговля съ Италіей представляетъ для Россіи наиболѣе выгодный балансъ. Италія нуждается въ огромномъ количествѣ русскихъ товаровъ, особенно въ хлѣбѣ и керосинѣ, мы же покупаемъ у Италіи очень мало, да и то, что могли бы покупать: вина, лимоны, апельсины, фрукты, — не идетъ вслѣдствіе нашего таможеннаго тарифа, нелѣпаго по отдѣлу фискальныхъ пошлинъ. Замѣчательно, что, несмотря на выгодность торговли, мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одной прямой русской пароходной линіи въ Италію и только по недавно учрежденной линіи Одесса — Марсель, пароходы будутъ заходить въ Геную, Мессину и Катанью. Нельзя не припомнить также, что, благодаря неудачному воспрещенію вывоза хлѣба въ 1891 г., мы потеряли монопольное положеніе, которое имѣли до того по вывозу хлѣба въ Италію, и открыли туда дорогу Америкѣ и Индіи.

Въ Генуѣ пять большихъ театровъ, одинъ изъ нихъ лѣтній, два драматическихъ и два оперныхъ. Аристократія посѣщаетъ драму въ театрѣ Руганини, изящно отдѣланномъ. Сколько разъ я ни былъ въ Генуѣ, но оперный театръ Карло-Феличе постоянно былъ запертъ. На этотъ разъ онъ былъ открытъ и я посѣтилъ утренній спектакль. Театръ очень большой и, хотя его перестроили не такъ давно,

не отличается роскошью; занавѣсъ—римскій триумфъ и декораціи неважны. Какъ во всѣхъ итальянскихъ театрахъ, сидѣть и ходить въ немъ удобно, что особенно пріятно послѣ парижскихъ курятниковъ или голубятень, гдѣ ни сидѣть, ни ходить нельзя и рискуешь каждую минуту сгорѣть живьемъ.

Давали извѣстный балетъ Манцотти «Pietro Mika» съ довольно плохой музыкой. Танцевала знакомая Петербургу Цецилія Черри съ большой силою, но безъ граціи. Остальные исполнители и кордебалетъ были неважны. Такъ какъ я попалъ въ день *mi-sage*, то видѣлъ забавную сцену: изъ боковыхъ ложъ во время танцевъ дѣтей сыпали горы конфетъ. Дѣти поспѣшно съ шумомъ подбирали; не брезгали класть въ карманы сласти и болѣе взрослые танцовщики; танцовщицы это дѣлать не могли, ибо въ трико кармановъ не полагается.

Карло - Феличе работаетъ, говорятъ, неважно, въ модѣ театръ Politeama, гдѣ весьма недурная опера. Вообще же театральное дѣло, находящееся въ значительной степени въ зависимости отъ городскихъ самоуправленій, идетъ въ Италіи плоховато, хотя здѣсь не призвали еще на помощь акцизное вѣдомство.

Въ Италіи есть превосходные артисты, болѣе

или менѣ знакомые въ Россіи: Сальвини, Новелли, Маджи, Эрмете Цаконни, Андо, Лейгебъ, Эмануэль, Монти, Либеро Пилотто, г-жи Дузе, Тинади-Лоренцо, Вирджинія Рейтеръ, Маріани, Ирма Граматика, Пеццана и ни одной настоящей труппы! Артисты кочуютъ изъ города въ городъ, а лучшіе играютъ болѣе за границею, какъ Дузе и Новелли, или отдыхаютъ, какъ Сальвини. Вѣчная кочевка труппъ и служитъ причиною, что итальянскіе артисты женятся обыкновенно между собою.

Въ Генуѣ я вспомнилъ покойную С. В. Ковалевскую. Я помню ее красивою и симпатичною молодою брюнеткою, сотрудницею «Новаго Времени», въ редакціи котораго принималъ одно время близкое, хотя и неудачное участіе ея «фигурный» мужъ. Тогда подобные браки были, съ легкой руки «Что дѣлать», въ модѣ. Въ Генуѣ наша знаменитая женщина-математикъ и получила начало своей смертельной болѣзни. Ухаживавшій за нею русскій профессоръ повелъ ее въ видѣ развлеченія въ ночь подъ Новый 1891 годъ гулять по кладбищу! Она была въ тяжеломъ настроеніи и пророчески сказала: «Одинъ изъ насъ не переживетъ этого года: мы провели Новый годъ на кладбищѣ»...

Недалеко отъ Карло-Феличе находится пассажъ Маццини, въ честь знаменитаго революціонера,

уроженца Генуи, и *via Roma*, одна изъ лучшихъ улицъ города. Пассажъ Маддини роскошенъ, хотя хуже таковаго же пассажа Виктора-Эмануила въ Миланѣ. На *via Roma* происходила, по случаю карнавала, *bataille de fleurs*, показавшаяся мнѣ послѣ ниццской весьма мизерною.

IV.

Р и м ъ.

Въ Римѣ надобно останавливаться въ «Grand Hôtel», хотя онъ находится въ новомъ кварталѣ на краю города. Такъ требуетъ *chic*. Отчасти подобное требованіе объясняется тѣмъ, что въ этомъ отелѣ лучшая въ Римѣ кухня, и табль-д'отъ гостиницы, какъ табль-д'оты *Savoû* или *Cecile*—отелей въ Лондонѣ, привлекаетъ въ сезонъ аристократическую публику, имена которой и печатаются въ «*Figaro*». Въ виду такой кліентуры съ менѣе важными особами въ «Grand Hôtel» не стѣсняются.

Я заранѣе телеграфировалъ объ удержаніи номера; получаю въ отвѣтъ: постараемся сдѣлать все для васъ пріятное. Разсчитывая на номеръ, ѣду со станціи въ гостиницу—замѣтите, поѣздъ приходитъ въ Римъ въ 7 часовъ утра. Мнѣ любезно заявляютъ, что ни одной свободной комнаты нѣтъ.

— Но недѣлю назадъ вы телеграфировали, что постараетесь?—говорю я.

— Мы и старались, но комнатъ свободныхъ нѣтъ.

— Какая же польза тогда телеграфировать вамъ заранее; само собою, что гостиница должна стараться помѣстить прїѣзжающихъ, иначе что же это была бы за гостиница?

По справкѣ въ телефонъ оказалось, что имѣются свободныя комнаты въ «Hôtel de Rome», старой хорошей гостиницѣ въ центрѣ города на Корсо, близъ нашего посольства, куда я и направился.

Несмотря на огромный ежегодный приливъ туристовъ, въ Римѣ нѣтъ даже первоклассныхъ ресторановъ: «Café de Rome» и др., считающіеся лучшими, очень скромны, и кухня въ нихъ итальянская.

Я очень люблю итальянскую кухню. На югѣ Россіи, гдѣ я провелъ дѣтство, она въ большомъ ходу, но къ ней особенно примѣняются слова Гельвеція: «Manger est bien, boire est mieux, digérer est tout», а для переварки макаронъ, которыя ѣдятъ здѣсь каждый день, разнообразныхъ ризото, равіоли, ньоки и другихъ итальянскихъ прелестей — надо имѣть специально приспособленный желудокъ. Къ счастью, въ Италіи устрицы, уродливыя по формѣ, вкусны, а рыба отлично зажарена. Хотя итальянцы выучили насъ дѣлать водку, а слѣдовательно и пить ее, но сами не пьютъ, а пьютъ вино, кото-

рое здѣсь дешево. Всѣ неаполитанскія и сицилійскія вина очень крѣпки, крѣпко и наиболѣе употребительное въ Римѣ вино орвіето; лучше всего пить поэтому тосканское кіанти, имѣющее свойство не дѣйствовать на голову. Его подаютъ въ извѣстныхъ всѣмъ обернутыхъ камышемъ бутылкахъ, съ слоемъ прованскаго масла, вмѣсто пробки. Въ fiascone 4—6 бутылокъ, пей сколько влѣзетъ.

Недалеко отъ ресторана на Piazza Colonna, гдѣ я обыкновенно завтракалъ, находится дворецъ Монтечиторіо, гдѣ помѣщается палата депутатовъ, сильно упавшая въ глазахъ итальянцевъ. «Палата,—говоритъ Маротти,—это труппа 500 комедіантовъ, играющихъ за плату по 200 франковъ въ часъ (средняя цѣнность рѣчи депутата), въ то время когда разбойники грабятъ вашъ домъ для себя и для своихъ сообщниковъ-комедіантовъ». Снаружи зданія — полумертвая тишина и пустота, но внутри происходила самая ожесточенная борьба изъ-за декрета-закона 22-го іюня 1899 г., вооружавшаго администрацію особыми правами для обезпеченія порядка и спокойствія въ важныхъ случаяхъ. Изданіе такихъ противуконституціонныхъ декретовъ сдѣлалось теперь почти необходимостью, какъ противовѣсь парламентскому безначалію изъ-за борьбы партій. Это нѣчто въ родѣ диктатуры въ древней римской республикѣ.

Главнымъ препятствіемъ хода парламентскаго механизма является и въ Италіи обструкція, изобрѣтенная ирландскими депутатами. Соціалисты, предводимые Пантано, и радикалы вмѣсто обсужденія законопроекта по цѣлымъ часамъ ругали президента палаты Коломбо самыми площадными словами и не давали никому говорить. Камбре Диньи внесъ предложеніе измѣнить регламентъ, но это только подлило масла въ огонь. Въ концѣ-концовъ партія благоразумія одолѣла, хотя тоже почти силою, и рѣшеніе палаты привело въ изступленіе оппозицію, особенно соціалистовъ, вліятельнѣйшій органъ которыхъ теперь «П Темпо» играетъ роль прежняго «Рлебе».

Весьма двулично себя держалъ въ этой борьбѣ ди-Рудини, бывшій первый министръ, предводитель правой, а заодно съ соціалистами вотировали бывшіе министры Цанарделли, Джіолитти и Кичи-Орлу. Извѣстный экономистъ Панталеоне также на сторонѣ соціалистовъ. Курьезно, что сынъ ди-Рудини, богатѣйшаго помѣщика Сициліи, обладающаго состояніемъ въ 26 миліоновъ, находится въ числѣ соціалистскихъ депутатовъ. Онъ впрочемъ рѣдко бываетъ въ палатѣ, а путешествуетъ въ сопровожденіи собственнаго куафера (это соціалистъ-то!) по всѣмъ игорнымъ домамъ Европы. Лишенный за свои проигрыши пенсіи отъ отца, онъ и присталъ къ

враждебной родителю партіи. Но милліонеры-соціалисты рѣдки. Большинство депутатовъ соціалистовъ очень бѣдны, а есть такіе бѣдняки, что, не имѣя квартиры, катаются круглый годъ въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ по даровымъ депутатскимъ билетамъ.

Извѣстно, что создателемъ итальянскаго соціализма былъ нашъ Бакунинъ. Своею фигурою, энергіею, краснорѣчіемъ и діалектикою онъ увлекъ часть демократической молодежи въ Италіи и вырвалъ ее изъ-подъ вліянія Маццини, врага соціализма. Ученикъ Бакунина Фанелли занесъ соціализмъ изъ Италіи въ Испанію.

Къ соціалистамъ перебѣжалъ въ послѣднее время и д'Анунціо. Итальянцы видятъ въ этомъ перебѣчикѣ воскресителя своей литературы, предвозвѣстника возрожденія, освободителя отъ вліянія сѣверныхъ литературъ! Его славословятъ столько же, сколько славословили Масканьо за его «Cavaleria Rusticana». Враги д'Анунціо и парижскіе критики, не отрицая искусства д'Анунціо въ описаніи любовныхъ сценъ, находятъ въ его сочиненіяхъ невообразимую окрошку не подражаній, а прямо буквальныхъ выписокъ изъ Флобера, Гюи де-Мопасана, Достоевскаго, Бурже, Теннисона, Ренана, Шопенгауэра и Ницше. Ларуме уличилъ торжественно итальянскаго воскресителя литературы въ плагиатъ,

на что друзья д'Анунціо отвѣчали, что воровства не было, но что въ душѣ д'Анунціо, какъ въ «фокусѣ», отразились всѣ разнородныя вѣянія модныхъ философовъ и писателей.

Другіе лучшіе итальянскіе писатели,—Фогаццаро, Матильда Серао, Верга,—обходятся безъ этихъ «фокусовъ», зато и слава ихъ менѣе. Впрочемъ Италія страна провинціализма; здѣсь репутація писателя, какъ и публициста, рѣдко выходитъ за предѣлы своей провинціи и читатели Милана и Турина знают не хотятъ авторовъ, печатающихся въ Неаполѣ или Палермо. Поэтому четыре, пять изданій считается уже рѣдкимъ успѣхомъ для книги въ Италіи и большинство писателей, даже знаменитыхъ, живутъ и умираютъ въ бѣдности.

Отсутствіе централизаціи губитъ и драматургію. Ни одинъ городъ не признаетъ оцѣнки другого; особенно суровъ Миланъ. Наиболѣе строги къ своимъ, и всѣ новыя чисто итальянскія пьесы проваливаются; ихъ въпрочемъ и немного. Лучшіе труппы и театры пробавляются, какъ я сказалъ, передѣлками и переводами, преимущественно съ французскаго; эти переводы идутъ даже на театрахъ съ мѣстными діалектами—интересныхъ, но мало доступныхъ иностранцамъ. Репертуаръ приходится часто мѣнять, такъ какъ ни одна пьеса не дѣлаетъ сборовъ.

Англійскій юмористъ Дугласъ Джерольдъ говорилъ знаменитому актеру Матьясу: «Я убѣжденъ, что не умру, пока не увижу васъ съ зонтикомъ подъ мышкою, несущимъ свои сбереженія въ банкъ». Много лѣтъ спустя Матьясъ припомнилъ объ этомъ предсказаніи и заявилъ на театральномъ конгрессѣ въ Лондонѣ: «Первая половина предсказанія Джерольда сбылась: я уже купилъ себѣ зонтикъ». Итальянскіе литераторы и драматурги пока не вышли еще изъ періода покупки зонтика.

Еще бѣднѣе въ Италіи журналисты; газетъ чрезвычайно много, еще болѣе публицистовъ. Каждый городъ довольствуется своими газетами. Лучшія «Secolo» въ Миланѣ, «Gazetta di Sicilia» въ Палермо, «Mattio» въ Неаполѣ, «Tribuna» въ Римѣ и др. представляютъ небольшой листъ бумаги, гдѣ много коротенькихъ статей и замѣтокъ, каждая подъ особымъ заглавіемъ и заголовкомъ. Если выкинуть всѣ эти заголовки и заставки, то останется очень мало для чтенія. Пресса находится, очевидно, въ американскомъ репортерскомъ періодѣ, то есть рассчитываетъ на полуграмотную массу, которая утомляется мало-мальски серьезнымъ чтеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ ли умноженія газетъ или по другимъ причинамъ, но со времени объединенія итальянская литература въ упадкѣ. Послѣдній талантливый поэтъ ея Кардучи испи-

сался. Мыслителей, въ родѣ Беккаріа, Верри, Романьози, Филланджіери, новая Италія не произвела. Я ужъ не говорю о такихъ колосахъ, какъ Макиавели. Самымъ оригинальнымъ мыслителемъ новѣйшей Италіи остается туринскій еврей Ломброзо, съ которымъ когда-то, какъ съ писанной торбой, носились наши нигилисты, пока въ 1879 году Ломброзо не взялъ да не написалъ «Sull'incremento del delitto in Italia», гдѣ рѣзко высказался за смертную казнь и противъ присяжныхъ, почти за пытку, и противъ толпы и собраній, противъ улучшенія тюремъ, неприкосновенности жилища и *habeas corpus*. Ломброзо рѣшительно также, на примѣрѣ Италіи, отрицаетъ вліяніе бѣдности на увеличеніе числа преступленій. «Истинно нормальный человѣкъ,—говоритъ Ломброзо,—не ученъ, не образованъ, онъ долженъ работать и ѣсть, *fruges consumere natus*». Я думаю, что въ такихъ «нормальныхъ людяхъ» нигдѣ недостатка нѣтъ.

Хотя и столица великой державы, и духовная столица сотенъ милліоновъ, Римъ всетаки выглядит провинціальнымъ скучнымъ городомъ. Я не могу понять восторга Гоголя, находившаго, что Римъ близокъ къ небу и наполняетъ пустоты нашего сердца! Знатоки увѣряютъ, впрочемъ, что для того, чтобы оцѣнить прелесть Рима, надобно прожить въ немъ подольше; мнѣ же этого никогда

не удавалось. Жителей въ Римѣ менѣе чѣмъ въ Миланѣ и Неаполѣ, роскоши нигдѣ не видно. Кому охота селиться въ городѣ, гдѣ полгода рискуешь помереть отъ лихорадки.

Строительная горячка поуменилась и цѣлые кварталы вновь построенныхъ домовъ или стоятъ пустыми, или заняты вовсе несоотвѣтствующими жильцами. Казенныя постройки идутъ еще медленнѣе изъ-за недостатка денегъ; совсѣмъ не подвигается, на примѣръ, гигантское зданіе судебныхъ учрежденій, занимающее цѣлый кварталъ набережной *Tevere Prati*.

Зато манія ставить монументы не уменьшилась; при мнѣ открыли монументъ—конную статую, довольно ординарную, сардинскому королю Карлу-Альберту, человѣку, никакого отношенія къ Риму не имѣвшему. Король почтенъ какъ творецъ конституціи, съ нѣкоторыми измѣненіями и понынѣ дѣйствующей въ Италіи. Хотя Карлъ-Альбертъ опубликовалъ Статутъ, но былъ ли онъ его духовнымъ отцомъ—сомнительно; король этотъ представляется вообще личностью довольно загадочною, одною изъ *problematische Natur* исторіи.

Между римскими монументами нельзя не одобрить поставленнаго въ 1895 г. на верху холма «Janicule» монумента Гарибальди. Знаменитый воляка сидитъ верхомъ и указываетъ на Римъ, а

у пьедестала его двѣ прекрасныя бронзовыя группы воиновъ: одна защитниковъ римской республики въ 1849 г. противъ французовъ, другая — сцена сраженія подъ Каталафими въ 1860 г. Очень удачна поза лошади и ее, очевидно, скопировалъ кн. П. П. Трубецкой для своего проекта памятника Императору Александру III, предполагаемаго для постановки въ С.-Петербургѣ¹⁾. Монументъ Гарибальди работы Галлори и виденъ со всѣхъ концовъ Рима.

Холмъ Януса и аллея около него *Passeggiata Margherita* считаются однимъ изъ гуляній Рима, но они вѣчно пусты. Пустуетъ и огромное гулянье

¹⁾ Графъ Х. Б. въ «Новомъ Времени» по поводу этого напечаталъ письмо, гдѣ между прочимъ говоритъ: «Русскимъ читателямъ пріятно будетъ узнать, что идею памятника итальянецъ-скульпторъ заимствовалъ у русскаго художника, а не наоборотъ. Недавно и о томъ имѣлъ случай говорить съ самимъ княземъ П. П. Трубецкимъ, и онъ мнѣ документально доказалъ, что уже въ 1892 году, то-есть за три года до постановки римскаго памятника, имъ, княземъ Трубецкимъ, были составлены модели памятниковъ тому же Гарибальди (предполагавшагося въ Неаполѣ) и принцу Амедею Савойскому для Турина и въ обоихъ проектахъ та же самая спокойная и величественная поза лошади. Князь Трубецкой говоритъ, что въ Италіи это общеизвѣстный фактъ, что онъ первымъ предложилъ подобную позу лошади. Все это можетъ быть доказано фотографіями проектовъ и итальянскими газетами 1892 года».

виллы Боргезе, куда допускаются только собственные экипажи. Если встрѣчаются люди, то это посетители превосходнаго музея, помѣщающагося на виллѣ и сохраненнаго, какъ и другія художественныя сокровища, только воспрещеніемъ вывоза изъ Италіи произведеній до XIX столѣтія. Оживляется вила только въ дни скачекъ. Публика гуляетъ на Корсо, гдѣ около 5 часовъ много экипажей и густая толпа на тротуарахъ, и на Пинчіо, гдѣ любили гулять еще древніе римляне и откуда открывается видъ на пустынные окрестности Рима. Гулянье это почему-то особенно нравилось нашей талантливой соотечественницѣ покойной Башкирцевой, прозванной *Madone du Sleeping*. Она написала въ своемъ «Journal»: «Если бы я любила кого-либо, то желала бы ѣхать съ нимъ, чтобы сказать ему объ этомъ на Пинчіо при лучахъ заходящаго солнца».

На гуляньи въ Пинчіо я каждый день встрѣчалъ короля Умберта, котораго въ послѣдній разъ видѣлъ на всемірномъ состязаніи фехтованія во время выставки въ Туринѣ. Король сильно съ тѣхъ поръ постарѣлъ, голова и большіе усы его стали совершенно бѣлыми. Король катался въ викторіи съ адъютантомъ, въ штатскомъ платьѣ, и очень вѣжливо отвѣчалъ всѣмъ на поклоны. Во время его прогулки Пинчіо и Корсо изобилуютъ карабинера-

ми — предосторожность нелишняя послѣ столькихъ покушеній, особенно когда присяжные оправдываютъ еще сообщниковъ покушенія ¹⁾).

Гуляющая публика не особенно элегантна и выѣзды неважны. Римъ городъ по преимуществу чиновничій; за отсутствіемъ торговли и фабрикъ, буржуа здѣсь небогаты, аристократы, преданные папѣ, поразорились и держатся въ сторонѣ. Изъ экипажей едва ли не лучший у бывшаго нашего портного Тедески. Въ числѣ пѣшей публики немало офицеровъ, потерявшихъ свой воинственный видъ послѣ африканскаго пораженія и менѣе напوماженныхъ, и огромныя толпы семинаристовъ, отличающихся разнообразными костюмами, смотря по національностямъ. Галиційскіе малороссы кунтуши носятъ синіе съ краснымъ кушакомъ, чехи — черные съ желтымъ кушакомъ, англичане и французы — черные съ чернымъ кушакомъ, армяне —

¹⁾ Эта поблажка принесла свои плоды: король Умберто палъ отъ руки злодѣи-анархиста, все наказаніе котораго, въ виду отмѣны въ Италіи смертной казни, будетъ заключаться въ содержаніи въ ожиданіи амнистіи на казенный счетъ, на вѣрное болѣе роскошное, чѣмъ жизнь милліоновъ калабрійскихъ и сицилійскихъ рабочихъ. Полицейскимъ судамъ чуть не ежедневно приходилось приговаривать десятки лицъ за публичное выраженіе сочувствія преступленію Бресчи, а министерство Саракко находить еще слишкомъ консервативнымъ!

черные съ краснымъ кушакомъ и т. д.; нѣмцы и мадьяры носятъ красные костюмы, почему ихъ зовутъ «раками», какъ нѣкогда у насъ гимназистовъ за ихъ красные воротники дразнили «красной говядиной».

Семинаріи здѣсь полны, какъ потому, что въ Римѣ всего легче получить основательное богословское образованіе, такъ и потому, что это образованіе открываетъ путь къ почестямъ и богатству даже представителямъ низшихъ классовъ. А въ Римѣ даже низшіе классы населенія отличаются гордостью; они легко увлекаются и склонны къ героизму. Нравственность ихъ сильно поднялась въ послѣднее время и уменьшилось грубое суевѣріе; уменьшилась также процвѣтавшая прежде ненависть между различными частями города, кварталами и даже улицами, доходившая еще на памяти стариковъ до кровавыхъ схватокъ. Осталась только вражда между приверженцами папы и защитниками единства.

И въ Парижѣ музеи не служатъ для цѣлей искусства, а въ нихъ отогрѣвается зимою толпа оборванцевъ; въ Италіи музеи и для этого служить не могутъ: во-первыхъ, вездѣ въ нихъ назначена входная плата; во-вторыхъ, вездѣ господствуетъ адскій холодъ не только отъ отсутствія

отопленія, но и отъ размѣровъ зданій, и отъ каменныхъ половъ.

Страдая отъ холода, я пересмотрѣлъ вновь эти музеи и храмы, а равно раскопки Форума, но, конечно, избавлю читателей отъ передачи своихъ впечатлѣній. Картина Матейко «Освобожденіе Вѣны Яномъ Собѣскимъ» удостоилась чести попасть въ Ватиканскій музей по протекціи поляковъ, вліятельныхъ при римскомъ дворѣ. Отмѣчу также, что съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ соборъ св. Петра мнѣ все менѣе нравится, и я начинаю присоединяться къ непочтительному мнѣнію Зола, что это скорѣе громадный танцевальный залъ, нежели христіанскій храмъ. А давно ли онъ считался первымъ чудомъ новѣйшаго искусства?

Театры въ Римѣ далеко не соотвѣтствуютъ столицѣ народа, до сихъ поръ еще занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ искусствѣ. Игралъ, правда, Маджи со своею труппою, но на остальныхъ театрахъ пробавлялись переводами съ французскаго и плохую опереткою.

Театръ «Constanzi» былъ открытъ, а по размѣрамъ зала—это едва ли не первый театръ въ Европѣ. Архитекторъ Сфодрини построилъ его за семьсотъ тысячъ,—у насъ бы онъ обошелся, конечно, вчетверо дороже. Въ «Constanzi» даются оперныя представленія. Въ Римѣ сверхъ того еще два опер-

ныхъ театра—«Argentina» и «Polliteamo». Политеамами итальянцы называютъ театры, гдѣ часть ложъ замѣняется галереями.

Спектакли начинаются теперь въ Италіи въ 9 ч. вечера или, по новому итальянскому счету времени, въ 21-мъ часу. Въ «Constanzi», какъ и въ другихъ итальянскихъ театрахъ, сохранился еще партеръ, т. е. мѣсто, гдѣ публика можетъ слушать стоя. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ партеръ занималъ весь низъ театра; теперь онъ постепенно отгѣсненъ въ задній уголъ.

Я видѣлъ въ «Constanzi» «Аиду» и «Фауста»; публики, особенно на послѣдней оперѣ, менѣе, повидимому, заигранной въ Римѣ, было довольно, но исполненіе оставляло желать многого. Въ «Аидѣ» Аида была безъ голоса, а Амонасро—ужасенъ. Но что-либо комичнѣе по наружности состава исполнителей оперы Гуно трудно было себѣ представить. Фаустъ былъ крошечный, точно мальчикъ-съ-пальчикъ, Маргарита—толстѣйшая баба на короткихъ ногахъ съ невѣроятнымъ бюстомъ и ко-сою какъ сплетенный въ грязь конскій хвостъ, Мефистофель—длинный-предлинный и худой, какъ щепка, Зибель—тоже съ какимъ-то изъясномъ. Зато оркестръ превосходенъ и дирижеръ его Маскерони считается первымъ въ Италіи. Онъ только машетъ черезчуръ ужъ усердно палкою, и подчасъ

можно было думать, что имъ овладѣваетъ пляска св. Вита.

Кромѣ театровъ въ Римѣ мало развлеченій, а въ эту весну, по случаю юбилейнаго года, не было даже баловъ и приемовъ, но, конечно, юбилей только предлогъ для экономіи для разорившейся аристократіи.

V.

Палермо.

Давно я не ѣлъ такой мерзости, какой накормили меня въ желѣзнодорожномъ буфетѣ въ Неаполѣ, гдѣ пришлось просидѣть три четверти часа, дожидаясь отхода скорого поѣзда, идущаго въ Реджіо. Въ Палермо можно попасть въ 12 часовъ, сдѣлавъ переходъ ночью на прекрасномъ пароходѣ; но, избѣгая качки и для лучшаго ознакомленія съ мѣстностью, лучше ѣхать на Реджіо и Мессину по желѣзной дорогѣ. Спальные вагоны довозятъ васъ до Палермо въ 22 часа.

По Калабріи поѣздъ идетъ впрочемъ болѣе ночью, о чемъ особенно жалѣть не приходится, такъ какъ это бѣднѣйшая часть Италіи, гдѣ народъ не знаетъ полотнянаго бѣлья, никогда не видалъ бѣлаго хлѣба и гдѣ нерѣдко умираютъ съ голода, а иногда и отъ холода по недостатку одежды. «Женщина бѣлаго хлѣба» значитъ здѣсь женщина бур-

жуазіи. Среднее потребленіе мяса въ годъ на жителя около 5 килогр., когда въ Римѣ 23. На кроватяхъ тутъ спятъ только люди женатые, остальные и дѣти валяются на соломѣ, а то и на голѣмъ полу.

Я проснулся уже около Сциллы, водоворотъ котораго Гомеръ описалъ въ «Одиссеѣ». Но никакого водоворота не оказывается, да и Харибда лежить не насупротивъ, а верстъ двѣнадцать подалѣе. Путешественники врать, вѣроятно, были здоровы еще и въ древнія времена.

Обыкновенно Мессинскій проливъ переѣзжаютъ отъ Реджіо, красиво расположеннаго на берегу моря города, съ видомъ на Сицилію; французская армія любовалась этимъ видомъ семнадцать лѣтъ, не смѣя переправиться изъ-за англійскаго флота. Въ Мессину можно попасть и скорѣе, высадившись въ С.-Джіованно и тамъ сѣвъ на маленькій пароходъ. Такъ и сдѣлалъ мой почти единственный спутникъ, нѣмецкій купецъ, для котораго время—деньги. Я же терпѣливо дождался сложныхъ маневровъ поѣзда.

Окрестности Реджіо по климату и почвѣ не уступаютъ Сициліи. Отсюда бы можно снабжать фруктами, апельсинами и деревяннымъ масломъ всю Европу, но у итальянцевъ нѣтъ для этого капиталовъ и Калабрія до сихъ поръ остается въ полу-

дикомъ состояніи. Даже разбойники не перевелись; въ мѣстной газетѣ я прочелъ объявленіе о наградѣ въ 10,000 лиръ тому, кто укажетъ мѣстопробываніе какого-то артиста, уже убившаго пять чловѣкъ. Преступленія впрочемъ бываютъ болѣе изъ мести и ревности, чѣмъ по корыстнымъ видамъ.

Переѣздъ изъ Реджіо въ Мессину требуетъ всего 35 минутъ плаванія на огромномъ пароходѣ-паромѣ, на которомъ устанавливаются почтовый и багажные вагоны, а вскорѣ будутъ устанавливаться и спальные вагоны. Проливъ имѣетъ всего три версты ширины и въ древности былъ вдвое уже; расширился онъ, вѣроятно, отъ вулканическихъ вліяній. Реклю предсказывалъ въ 1870 году, что въ концѣ XIX столѣтія черезъ проливъ перекинутъ мостъ, но это предсказаніе не сбылось и едва ли скоро осуществится: средняя глубина пролива 36 сажень, а мѣстами онъ имѣетъ до 116 сажень.

Мессина большой и красивый, хотя грязноватый городъ, но, несмотря на свое положеніе на пути всѣхъ судовъ, пересекающихъ Средиземное море, онъ скорѣе падаетъ. Мессина перестала быть мѣстомъ, куда свозились продукты Сициліи на парусныхъ каботажныхъ судахъ; теперь каждый портъ имѣетъ прямое пароходное сообщеніе. Затѣмъ знаменитые мессинскіе апельсины утратили свое значеніе, и Сицилія потеряла свою монополию въ этомъ

продуктъ. Съ нею успѣшно конкурируютъ Испанія, особенно Валенсія, Калифорнія и Флорида. Но пока эта конкуренція еще не очень опасна, потому что вся дорога изъ Мессины до Палермо идетъ по сплошнымъ плантаціямъ лимоновъ и апельсиновъ, огороженнымъ заборомъ изъ гигантскихъ агавъ. Если вспомнить, что у насъ апельсины стоятъ 20 коп. штука, видъ этого лѣса на сѣверянина долженъ производить сильное впечатлѣніе, особенно въ моментъ, когда плоды поспѣли и деревья сплошь покрыты ими.

Это очень живописное и пріятное путешествіе. Поѣздъ все время идетъ по берегу моря, открывая все новые и новые виды; вдали рисуются Липарскіе острова и на каждомъ шагу встрѣчаются города. Селеній, какъ извѣстно, въ Сициліи нѣтъ. Но это населеніе, только ночующее въ городахъ, не имѣетъ ничего общаго съ собственно городскимъ населеніемъ, грязнымъ, лѣнивымъ и проводящимъ дни въ поискахъ паразитовъ.

Сельское населеніе трудолюбиво, но пребываетъ въ первобытномъ состояніи. Въ Сициліи до сихъ поръ пахутъ тѣми же инструментами, что и во времена кароагенскаго и римскаго владычества; удобренія не полагается; въ соху запрягаютъ по два осла, почему-то не рядомъ, а одинъ сзади другого,—такъ же запрягаютъ и экипажи,—и вмѣсто

паханья только царапаютъ землю. А, если вѣрить мифологіи, Сицилія была любимой страной Цереры,—добрая богиня и научила здѣсь людей земледѣлію. Но теперь такъ дурно не научать и въ Петровской академіи.

И въ Палермо меня встрѣтила холодная погода, а здѣсь климатъ такой, что лѣтомъ жители, задыхаясь во время сирокко отъ жары, сидятъ ночью голые на плоскихъ крышахъ, обернутые въ простыни. Конечно, я не жалѣлъ дровъ для каминовъ, но дрова въ Сициліи такіе же скрытные, какъ и ея жители. Дрова не горятъ пламенемъ, а какъ-то тлѣютъ снизу, оставляя массу золы, вѣроятно оттого, что деревья растутъ на скалахъ и поглощаютъ много неорганическихъ веществъ. Около такого камина, хоть влѣзай въ него — не согрѣешься.

По этому поводу я вспоминаю, что на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ С.-Петербурѣ въ 1872 г. итальянское правительство командировало делегатомъ Стерлига; онъ былъ значительнымъ чиновникомъ министерства юстиціи, что не мѣшало ему быть веселымъ малымъ и показывать фокусы для развлечения дамъ. Жалуясь, что въ Италіи дрова очень дороги, Стерлигъ увѣрялъ, что тамъ приходится согрѣваться изнутри, причемъ бралъ со стола горящую свѣчку и гло-

талъ огонь, который продолжалъ горѣть у него во рту. Какъ-то со Стерлигомъ сдѣлалось дурно, мы бросились его разстегивать; оказалось, что у него не было рубашки.

«Hôtel de Palmes», гдѣ я мерзъ, не только лучшая гостиница въ Палермо, но и вездѣ могла бы считаться первоклассною. Вся прислуга нѣмецкая и порядокъ образцовый. Ъдять здѣсь лучше чѣмъ гдѣ-нибудь въ Италіи, хотя хозяинъ жаловался мнѣ, что въ Палермо до сихъ поръ нѣтъ центрального рынка, нѣтъ даже порядочной баранины, потому что въ прошломъ году отъ сильной жары бараны передохли. Но эта-то жара и увеличила сборъ винограда и вина, а равно количество апельсиновъ и лимоновъ и послужила причиною, почему положеніе населенія улучшилось. Сицилія производитъ четвертую часть всего итальянскаго вина.

При арабскомъ владычествѣ Палермо былъ первымъ городомъ Италіи; теперь онъ по населенію занимаетъ пятое мѣсто, а по торговлѣ третье. Онъ носитъ титулъ «счастливаго» по отличному климату и дивному мѣстоположенію среди безконечнаго плодоваго сада, знаменитой «Золотой Раковины», окруженной со всѣхъ сторонъ величественными обнаженными отъ лѣса горами. Предмѣстья Палермо довольно жалки, но въ центрѣ немало великолѣпныхъ зданій. На улицахъ видны еще мно-

гіе остатки испанскаго владычества, длившагося два съ половиною столѣтія. Вѣроятно, вслѣдствіе вліянія хорошаго климата, палермитяне мало лечатся, по крайней мѣрѣ я съ трудомъ разыскалъ аптеку. Но если «нѣмецкая кухня» не въ авантажѣ, то и другая также. Рестораны плохи, кафе почти нѣтъ; ихъ замѣняютъ парикмахерскія. Публика въ Южной Италіи такъ бѣдна, что для нея заплатить за что-либо, даже за стаканъ воды, стоящій въ кафе 10 чентезимовъ, расчетъ, парикмахерскія же открыты цѣлый день и весь вечеръ, и сюда собирается узнать на даровщину городскія сплетни и политическія новости масса желающихъ.

Въ хорошую погоду лучшее общество проводить время на Foro Italico, красивой набережной, украшенной съ одной стороны блестящимъ моремъ, съ другой — дворцами нѣкоторыхъ мѣстныхъ аристократовъ и зеленью кактусовъ, агавъ и пальмъ. Набережная упирается въ два сада: Villa Giulia и Ботаническій. Первый представляетъ прекрасное гулянье, одно изъ лучшихъ въ Италіи. Между многочисленными статуями замѣчателенъ по экспрессіи мраморный памятникъ, изображающій двухъ морскихъ разбойниковъ. Это монументъ въ честь героевъ греческаго возстанія, братьевъ Канарисъ, изъ которыхъ одинъ въ чинѣ адмирала умеръ недавно греческимъ первымъ министромъ. Памятникъ

поставленъ, вѣроятно, какимъ-нибудь богатымъ грекомъ-патріотомъ.

Въ холодное время года гулянья происходятъ по узкой улицѣ Макведа, палермскому Невскому проспекту, пересѣкающемуся другой столь же оживленной улицей, Corso Vittorio Emanuele, на которомъ находятся королевскій дворецъ и соборъ. Дворецъ напоминаетъ скорѣе цитадель; стили ея, начиная съ норманской башни, самые разнообразные; во дворцѣ Палатинская капелла XII столѣтія считается чудомъ готическаго искусства: византійскія мозаики ея послужили матеріаломъ для реставраціи собора св. Софіи въ Новгородѣ. Соборъ также въ прекрасномъ готическомъ стилѣ, слегка испорченъ поставленнымъ ни къ селу, ни къ городу посерединѣ куполомъ, скопированнымъ съ Петра въ Римѣ. Улица пересѣкаетъ еще старинную площадь Болоньи, на которой во времена инквизиціи поджаривали еретиковъ и поставлена уродливѣйшая статуя императора Карла V. Продолженіе Макведа называется улицею Ruggiero и затѣмъ образуетъ улицу Свободы, центръ новаго квартала. Via de la Liberta обстроена прекрасными палаццо, принадлежащими мѣстнымъ богачамъ и иностранцамъ, держащимъ въ рукахъ торговлю Палермо. Шоссе тянется на пять верстъ до Фавориты, королевскаго дворца и гулянья, разбитаго у подножія величе-

ственной Monte Pelegriano, господствующей надъ Палермо и придающей вмѣстѣ съ горою Кательфано такую красоту его порту. Здѣсь три года стоялъ лагерь Амилькара Барка и даже сѣялъ пшеницу на этихъ издали кажущихся бесплодными горахъ для прокормленія своихъ кароагенцевъ.

Какъ въ каждомъ итальянскомъ городѣ, въ Палермо нѣсколько театровъ. Важнѣйшій изъ нихъ Vittorio Emanuele; онъ обошелся городу въ 6 мил. лиръ; по устройству, говорятъ, первый въ Европѣ: изъ всѣхъ мѣстъ въ театрѣ одинаково хорошо видно. Одна бѣда: со времени постройки на этомъ театрѣ не было ни одного представленія, потому что Палермо не довольно богатъ, чтобы оплачивать такой большой театр!

И драматическіе театры работаютъ съ грѣхомъ пополамъ. Въ прошломъ году поставлена была впрочемъ новая драма «Джіоконда» д'Анунціо. Несмотря на участіе Дузе, драма эта, навѣянная философіей Ницше, успѣха никакого не имѣла. Мрачная философія не къ лицу «счастливаго города». Въ драмѣ нѣтъ вовсе дѣйствія и послѣдній актъ лишній.

Я видѣлъ въ Палермо болѣе интересное зрѣлище. Въ залѣ Sporte-Club'a палермская аристократія устроила спектакль любителей въ пользу пещевыхъ столовыхъ для народа при участіи всѣхъ

красавицъ Палермо. Жестокій гриппъ и лихорадка не помѣшали мнѣ оцѣнить по достоинству прелестное зрѣлище палермскихъ Иродіадъ. Спектакль состоялъ изъ перваго акта французской пантомимы Марио Коста «Histoire d'un Pierrot», гдѣ главную роль, созданную въ Парижѣ Фелисія Маллэ, отлично мимировала хорошенькая американка миссъ Роосвельтъ, и ряда живыхъ картинъ, поставленныхъ съ большимъ вкусомъ гг. Марио, Пьетратальяно и Аутеро, вызванныхъ многократно и единодушно, особенно первый. Картины изображали: «Каикъ на Босфорѣ», «Продавцы цвѣтовъ», «Пѣсни старыхъ временъ», «Въ паркѣ», «Трудный выборъ», «Наргилэ», «Геркуланумъ» и «Чудо съ розами». Каждая картина была интересна по постановкѣ, вѣрнымъ и богатымъ историческимъ и національнымъ костюмамъ, и особенно по изобилію хорошихъ и свѣженькихъ лицъ. «Чудо розъ» изображало извѣстную легенду о св. Елисаветѣ, королевѣ венгерской, у которой, при встрѣчѣ на улицѣ съ ревнивымъ мужемъ, когда она несла бѣднымъ пищу, послѣдняя превратилась въ розы ¹⁾. Святую изображала первая красавица Палермо г-жа

¹⁾ Это легенда германская, дѣйствіе ея въ Тюрингіи. Букавально такія же или сходныя легенды имѣются о святыхъ: Елисаветѣ Португальской, Зитѣ, Казильдѣ, Розелинѣ, Розѣ Виттербекой и Матин (Cahier. Caractéristiques des Saints).

Франко Флоріо, она же жена перваго богача Сициліи, главнаго владѣльца общества Navigazione Generale. Немногимъ уступали послѣдней по красотѣ маркизы Ганзаріо и д'Авола, графини Сампьерри и де-ла-Черда, баронеса Мартинесъ Балестеросъ, Коттанца Вануччи и Пьетральета. Мужчины тоже, конечно, были на подборъ молодцы и красавцы.

Публика аплодировала безъ конца и каждая картина повторялась по пяти разъ, такъ что спектакль затянулся далеко за полночь. Сициліанцы кричатъ не «браво», а по-испански: «olle! olle!»

Этотъ спектакль показалъ, что комиссаръ морской службы Жевакинъ былъ правъ, утверждая, что въ Сициліи все «розанчики», хотя вообще сициліанки въ народѣ некрасивы, а около Кальтасинеты женщины такъ смуглы, что кажутся черными. Изъ кокетства онѣ и носятъ постоянно черныя платья и черныя покрывала на головѣ. Около Палермо женскіе типы также некрасивы; наиболѣе красивыхъ сициліанокъ въ простонародьи надобно искать въ Трапани, описанномъ еще въ «Энеидѣ» и извѣстномъ по ловлѣ коралловъ.

Мѣстъ для прогулокъ въ Палермо немало, но ихъ всѣхъ затмѣваетъ поѣздка въ Монреале, обязательная для каждаго туриста. Можно поѣхать туда и въ конкѣ, но еще лучше въ открытомъ

экипажѣ, по шоссе, идущему прямо въ гору. Видѣ все время на городѣ, его бухту и всю Золотую Раковину великолѣпнѣе и чѣмъ выше, тѣмъ, конечно, лучше. Это одинъ изъ лучшихъ видовъ не только въ Европѣ, но и въ цѣломъ мірѣ.

Дорога оживлена движеніемъ окрестнаго сельскаго населенія. Замѣчательно, что, несмотря на отдаленность Европы, національный костюмъ и въ Сициліи почти совсѣмъ утраченъ. Изъ остатковъ старины сохранились одноколки, весьма примитивной формы деревянныя коробки на двухъ колесахъ. Одноколка всегда раскрашена, обыкновенно сценами изъ средневѣковой жизни. Я видѣлъ впрочемъ и нарисованныхъ танцовщицъ въ тюникахъ. Нерѣдко одноколки запряжены муломъ или осликомъ, и удивляешься, какъ иногда крошечный осликъ во всю прыть везетъ шесть или восемь человѣкъ.

Населеніе вокругъ Палермо, какъ я сказалъ, некрасиво; здѣсь сохранилась сильнѣе другихъ примѣсь сарацинъ; она повліяла и на нравы: палермитяне очень ревнивы и прячутъ своихъ женъ. Въ Сициліи, впрочемъ, самъ чортъ не разберется въ подлинности дѣйствительнаго происхожденія населенія и его языка въ разныхъ частяхъ острова. Достаточно сказать, что еще въ XII вѣкѣ норманны писали здѣсь по-арабски!

Въ древнемъ соборѣ Монреалья византійскія мозаики, великолѣпно сохранившіяся съ XII вѣка, соперничаютъ съ таковыми же въ Палатинской капеллѣ и въ Равеннѣ. Палермо для русскихъ имѣетъ интересъ еще потому, что въ 1845 г. здѣсь провелъ зиму императоръ Николай I ради здоровья императрицы Александы Ѳеодоровны.

VI.

Сиракузы.

Холодная погода заставила меня отказаться от поѣздки въ Джирдженти, и я поѣхалъ прямо въ Сиракузы черезъ Термини, городъ, знаменитый красотою мѣстоположенія и макаронами, Рокопалумбе и Кастроджіованни. Поѣздъ отходитъ изъ Палермо въ семь часовъ утра, но зато приходитъ въ Сиракузы около пяти часовъ и даетъ возможность видѣть все, такъ сказать, нутро Сициліи. Во времена римлянъ это былъ край, покрытый лѣсами и роскошною растительностью; озера и ручьи встрѣчались на каждомъ шагу, дичь изобиловала. Теперь видны только голыя горы, вмѣсто рѣкъ рытвины, полныя галекъ, и лишь дымъ изъ калькаронъ на сѣрныхъ заводахъ нѣсколько оживляетъ пустынную мѣстность.

Для Сициліи сѣра одна изъ важнѣйшихъ продуктовъ. Хотя со времени удешевленія полученія

сѣры изъ колчедановъ Сицилія потеряла свою монополию въ снабженіи этимъ продуктомъ Европы, но добыча сѣры все-таки постоянно увеличивается. Въ 1894 г. было вывезено 2.990,896 квинталовъ на 21.534,451 лиру, а въ 1898 — 4.058,234 квинт. на 41.799,810 лиръ, по другимъ исчисленіямъ даже на 44¹/₂ мил. лиръ.

Сицилія — классическая страна соціального и аграрнаго вопроса; уже въ римскую эпоху здѣсь-то и происходило знаменитое возстаніе рабовъ и здѣсь Спартакъ произнесъ знаменитыя слова, столько разъ повторявшіяся повстанцами разныхъ временъ: «Если вамъ куютъ цѣпи, разбивайте ихъ и кусками цѣпей убивайте вашихъ мучителей!» И до настоящаго времени нѣтъ страны, гдѣ было бы такое раздѣленіе классовъ, какъ въ Сициліи. Когда французы во второй половинѣ XVII столѣтія владѣли временно Сициліею, то ихъ поражали враждебныя отношенія низшихъ классовъ населенія къ высшимъ. Эта вражда продолжалась и ею объясняются такія явленія, какъ разбойничество и мафія. Еще въ 1876 г. покойный Кюльманъ, извѣстный владѣлецъ химическихъ заводовъ въ Лиллѣ и владѣлецъ большихъ сѣрныхъ копей въ Сициліи, рассказывалъ мнѣ, что вынужденъ уставщиками брать разбойниковъ, и когда ему приходится ѣхать на свои копи, то онъ предварительно спи-

сывается съ агентами и получаетъ охранные листы.

Мафія и мафіозы, возникшіе при норманскомъ владычествѣ, существуютъ и по сей день; при мнѣ продолжался новый грандіозный процессъ противъ нихъ, который, какъ и многіе предыдущіе, ничѣмъ не кончился. Въ числѣ подсудимыхъ былъ депутатъ Палиццоло, обвиняемый въ убійствѣ. Возстанія въ разныхъ городахъ, сопровождавшіяся убійствомъ и сожженіемъ документовъ и архивовъ въ 1894 г., вызвали учрежденіе для Сициліи особаго министра, который сосредоточиваетъ все управленіе островомъ въ однѣхъ рукахъ. Никакая мѣра не можетъ быть впредь принята безъ заключенія этого министра. Но такая уступка въ централизованной системѣ итальянскаго управленія также, вѣроятно, не дастъ никакихъ результатовъ.

Защитники сициліанцевъ увѣряютъ, вопреки отзывамъ сѣверныхъ итальянцевъ, что это народъ серьезный, скорѣе трудолюбивый; семейные нравы ихъ чисты, убійства бываютъ болѣе въ запальчивости, но всѣхъ бѣдъ причина—дурная организація земельной собственности.

Большая часть земли находится подъ пашнями и лугами и раздѣлена на крупныя помѣстья отъ 300 до 1,000 десятинъ, не мало имѣній отъ 7 до 9 тыс. десятинъ. Помѣщики живутъ въ городахъ

и никогда не видятъ своихъ имѣній, даже крестьяне по старой привычкѣ живутъ въ городахъ и городкахъ (куда, впрочемъ, показываются разъ въ 15—20 дней, проводя дни и ночи подъ открытымъ небомъ). Круглый годъ внѣ городовъ остаются только пастухи, а прежде жили разбойники. Земли сдаются арендаторамъ или посессорамъ, отъявленнымъ плутамъ, которые передаютъ ихъ для обработки батракамъ, взимая съ послѣднихъ безчисленные поборы, подъ названіемъ: terragio, terraginolo, sfrida, succia, galletto, messa и т. п. Все это напоминаетъ сборы и поборы дореволюціонной Франціи, хотя населеніе юридически въ Сициліи совершенно свободно.

Особенно разорительна для крестьянъ система задатковъ *sossorsi*; безъ нихъ крестьянину не на что распахать и посеять, а ростовщичьи проценты задатковъ поѣдаютъ весь доходъ, оставляя, за уплатою налоговъ и поземельной аренды, земледѣльцу гроши.

Та же система господствуетъ и при разработкѣ сѣрныхъ копей. Владѣльцы передаютъ ихъ арендаторамъ *partinente* или *gabelotti*, уплачивающимъ опредѣленную аренду *gabelle*; *gabelotti* передаютъ затѣмъ разработку горнорабочимъ *carusi*, а тѣ въ свою очередь эксплуатируютъ женскій и дѣтскій

трудъ. Князь Абамелекъ-Лазаревъ подробно описалъ въ «Горномъ Журналѣ» эту эксплуататорскую систему горныхъ разработокъ.

Сицилійскіе горнорабочіе охотно эмигрируютъ, и ихъ немало въ Трансваалѣ. Крестьяне же предпочитаютъ жечь контракты, связывающіе ихъ съ арендаторами и землевладѣльцами, что, конечно, ни къ чему не приводитъ. Требуется коренная реформа землевладѣнія, но ея трудно достигнуть не разоривъ помѣщиковъ и косвенно городовъ, гдѣ они проживаютъ.

Въ вагонѣ я познакомился съ адвокатомъ изъ Катаньи, ѣхавшимъ на родину. Рѣдко я видѣлъ такого горячаго патріота. Онъ восхищался всѣмъ сициліанскимъ, уговаривая меня пожить подолѣе, рекомендовалъ осмотрѣть и то, и другое, а о своей Катаньѣ и ея прогрессѣ говорилъ, просто захлебываясь отъ восторга:

— Она вывозитъ 20 миллионовъ гектолитровъ одного вина, а тутъ еще деревянное масло, лимоны, апельсины, овощи, сѣра, фрукты, хлѣбъ, сыръ, лимонный сокъ, фисташки и т. д., и т. д.

Двадцать разъ онъ повторилъ «двадцать миллионовъ», стараясь какъ бы вбить мнѣ эту цифру въ голову. По его мнѣнію, все было лучше въ Катаньѣ: и море, и климатъ. Онъ увѣрялъ даже, что въ самыя сильныя жары въ Катаньѣ не жарко. Объ

Этнѣ и говорить нечего. Когда я упомянулъ, что взбирался на Везувій, онъ закричалъ:

— Да развѣ Везувій огнедышащая гора; это просто игрушка, которую стыдно и сравнивать съ Этною.

Даже вкусъ плодовъ агавъ онъ находилъ прелестнымъ и жалѣлъ, что была не осень, когда ими питается сельское населеніе. Рекомендуя посѣтить Сиракузы, онъ съ пафосомъ описывалъ устроенное, по его инициативѣ, празднество въ древнемъ греческомъ театрѣ. 500 мѣстныхъ дѣвицъ участвовали въ хорѣ, устроенномъ на древній ладъ, а десять тысячъ человѣкъ, т.-е. половина всего населенія Сиракузъ, составляли зрителей. Журналисты собрались со всѣхъ концовъ Италіи, были даже изъ-за границы.

— Всѣ были въ неописуемомъ восторгѣ, — кричалъ мой адвокатъ во все горло, хотя насъ въ купѣ было всего трое, и каждый журналистъ получилъ по пакету фисташекъ!

— Ну, въ Парижѣ вы бы такъ дешево не отдѣлялись! — замѣтилъ я ему.

Въ Бикоккѣ надобно пересѣсть въ поѣздъ, ѣдущій въ Сиракузы. Дорога идетъ по берегу моря, по странѣ, которую еще Цицеронъ (бывшій губернаторомъ въ Сициліи) считалъ богатѣйшею частью острова; она отчасти и понынѣ такова. Помимо

красоты, вся эта мѣстность полна воспоминаній: тутъ родился знаменитый софистъ Горгіасъ, предшественникъ нашихъ «прелюбодѣвъ мысли», тамъ французскій адмиралъ Дюкенъ разбилъ знаменитаго голландскаго адмирала Рюйтера, который и умеръ отъ ранъ въ Сиракузахъ. Давненько французскіе адмиралы никого не разбивали! Я уже не говорю о мпѳологическихъ воспоминаніяхъ. Въ Сициліи они на каждомъ шагѣ: около одной желѣзнодорожной станціи Плутонъ унесъ въ адъ Прозерпину; около другой, если вѣрить Діодору, также сицилійскому уроженцу, прогуливался Геркулесъ.

Трудно найти въ мірѣ страну съ болѣе занимательной исторіею. Одна моя знакомая дама прочла въ вагонѣ гидъ Бедекера, касающійся Сициліи, и стала вдругъ болѣе ученою, чѣмъ многіе профессора брюссельскаго вольнаго университета.

Вся эта часть Сициліи населена потомками древнихъ грековъ; конечно, есть примѣсь и семитской (кареагенской и арабской) крови, но во всякомъ случаѣ греческая раса здѣсь сохранилась гораздо лучше, чѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ или въ Греческомъ королевствѣ, гдѣ греки представляютъ скорѣе огречившихся славянъ. По типу и нравамъ западныхъ сицилійцевъ можно возстановить себѣ древнихъ грековъ; населеніе тутъ отличается лю-

безностью, гостепріимствомъ; оно умнѣйшее и образованнѣйшее на всемъ островѣ.

Перерѣзавъ нѣсколько соляныхъ промысловъ, разрабатываемыхъ такъ-называемымъ бассейновымъ способомъ, хорошо извѣстнымъ у насъ на Югѣ Россіи, поѣздъ останавливается у довольно плохенькаго вокзала Сиракузъ, города, который считался величайшимъ греческимъ городомъ въ древности, имѣлъ 32 версты въ окружности и полмилліона жителей.

По недоразумѣнію, я попалъ въ очень плохую гостиницу «Victoria», а слѣдовало остановиться въ бывшей «Victoria» («Grand Hôtel»). Гидъ отеля, плутоватый потомокъ древнихъ грековъ, увѣрилъ меня на станціи, что послѣдняя закрыта. «Victoria» помѣщается на набережной Аретузы и имѣетъ чудный видъ на портъ, одинъ изъ лучшихъ и величайшихъ въ мірѣ — ему недостаетъ только кораблей, — но въ остальномъ гостиница составляла какое-то курьезное сочетаніе разныхъ зданій: на полдорогѣ надобно было выходить на открытую лѣстницу, чтобы попасть въ третій или главный этажъ. Прислуга состояла изъ самого хозяина, консьержа, ветхаго какъ Віи, толстой горничной-крестьянки, носившей несоотвѣтственное имя Граціи, и лакея маленькаго роста, точно герой Гофмановской сказки, въ широкомъ и длинномъ фракѣ. Ночью кровать

моя провалилась; къ счастію, въ комнатѣ стояла другая, болѣе прочная. Но и на ней я не нашелъ успокоенія, что-то меня страшно кусало въ лобъ. Я думалъ, не «рубинчики» ли это, какъ иносказательно называлъ молодыхъ клоповъ одинъ гостепріимный хозяинъ, принимавшій меня у себя въ Донецкомъ бассейнѣ. Оказались комары. Если они такъ злы въ февралѣ, то воображаю, какое отъ нихъ тутъ удовольствіе лѣтомъ!

Кормили въ гостиницѣ сносно. За табль-д'отомъ возсѣдала неизбѣжная англичанка; но такъ какъ послѣ нея обѣдала ея красивая горничная, то за-всегдатаи табль-д'ота предпочитали ѣсть за второй перемѣной.

Сиракузы теперь маленькій городокъ, но вывозная торговля ихъ развивается. Это также пунктъ интересный по сношенію съ Мальтою, куда ходятъ почтовые пароходы. Нынѣшній городъ, бывший островокъ Ортигія, занимаетъ клочокъ прежняго города. Часть древнихъ зданій перестроена въ новыя. Такъ, соборъ явственно сохраняетъ въ стѣнахъ колонны храма Минервы. Нищихъ не видно. Муниципалитетъ сдѣлалъ очень много для благоустройства города, а *Passeggiata Aretusa* съ мостовою изъ лавы даже роскошна. На набережной и находится знаменитый источникъ Аретузы. По легендѣ, Діана обратила послѣднюю въ ручей, чтобы спасти отъ

преслѣдованія Алфея. Источникъ оригинальнымъ образомъ является на островкѣ, на берегу моря, проходя подъ морскимъ проливомъ. Въ водоемѣ растетъ папирусъ, изъ котораго древніе дѣлали бумагу. Чтобы видѣть настоящія заросли папируса, нужно ѣхать въ Письма, древній Ціанэ, гдѣ Плутонъ и утащилъ въ адъ Прозерпину. Папирусы достигаютъ тамъ 3 сажень вышины и мѣстность напоминаетъ внутреннюю Африку. Древніе греки думали, что источникъ Аретузы шель изъ Эллады подъ Ионическимъ моремъ.

На набережной *Aretusa* вечеромъ гуляли счетомъ три человѣка и каталась одна старая маркиза, какъ можно было судить по гербамъ на каретѣ и ливреѣ лакея. Въ сезонъ, который здѣсь въ апрѣлѣ и ноябрѣ, народу, конечно, болѣе. Въ портѣ, который могъ бы свободно вмѣстить весь флотъ Италіи, стоялъ одинъ пароходъ извѣстной компаніи «*Navigazione Generale*» (Флоріо-Рубитино) и одно парусное судно.

Гидъ гостиницы оказался очень бойкимъ малымъ; онъ зналъ цѣлый свѣтъ, фамиллярно говорилъ о великихъ міра сего, начиная съ императрицы Евгеніи, и съ особымъ восторгомъ вспоминалъ о Гюи де-Мопассанѣ, который прожилъ въ Сиракузахъ пять дней.

— Я его и познакомилъ здѣсь, — говорилъ гидъ, — съ той русской дамой, которая его погубила.

Особой ненавистью гида пользовалась одна постоянно попадавшаяся намъ навстрѣчу англичанка.

— О! для этой никакихъ гидовъ не нужно, — презрительно говорилъ онъ. — Она покупаетъ въ день четыре апельсина, питается ими и цѣлый день бродитъ по развалинамъ стараго города.

Здѣсь дѣйствительно нужны не гидъ и не русскія дамы, а сочиненія Оукидида и Полибія; перечитать ихъ въ Сициліи, сохранившей столько греческаго, наслажденіе. О Пелопонесской войнѣ въ Сиракузахъ говорятъ съ такимъ жаромъ, какъ будто бы это была война буровъ съ англичанами и происходила на-дняхъ:

— Вотъ, говорилъ гидъ, лагерь аѳинянъ подъ командою Никія и Ламаха, а вотъ сюда пришелъ къ намъ (?) на помощь спартанецъ Гилиппъ. Демосѳенъ думалъ занять эти высоты, но не удалось, а когда мы послѣ неудачнаго штурма Эпиполеса окончательно разбили аѳинскій флотъ, аѳиняне думали обойти насъ съ сухого пути; но не тутъ-то было: далѣе ущелья Акрайонъ-Лепасъ — это въ двѣнадцати километрахъ отсюда — они не дошли и вернулись; часть ихъ перерѣзали, генераламъ отру-

били головы, а остальныхъ заперли въ каменоломни, гдѣ они и перемерли.

Гидъ говорилъ съ жаромъ, забывая прибавить, что все это происходило за 413 лѣтъ до Рождества Христова и на мѣстѣ, гдѣ ему виднѣлся лагерь Никія, не было ничего кромѣ голой равнины. Съ видимымъ прискорбіемъ описывалъ онъ и взятіе Сиракузъ римлянами, и убійство Архимеда.

Остатки греческаго владычества здѣсь не пересмотришь въ нѣсколько дней; я ограничился болѣе важными. Осмотрѣлъ порядочно сохранившіяся развалины древняго театра на 24,000 человѣкъ, которые могли одновременно любоваться и зрѣлищемъ и чудною панорамой моря, города и порта. Лѣстница, высѣченная въ скалѣ, ведущая къ амфитеатру, по которой ходили Архимедъ и др., до сихъ поръ прекрасно сохранилась. Здѣсь-то въ маѣ 1899 г. двукратно происходили представленія, о которыхъ говорилъ мнѣ катанскій адвокатъ. Изъ театра я поѣхалъ въ Райскія латоміи — гигантскія каменоломни въ 20 сажень глубиною, гдѣ и находится знаменитое ухо Діонисія, галерея въ 37^{1/2} сажень вышины, оканчивающаяся заостреннымъ сводомъ съ удивительнымъ эхомъ. Слова, сказанныя шопотомъ, очень отчетливо повторяются на дальнемъ разстояніи. Подобныхъ каменоломентъ,

изъ которыхъ и выстроенъ древній городъ, нѣсколько; онѣ служили и тюрьмами.

Аѳинскіе плѣнные въ числѣ шести тысячъ были посажены въ латомію, называемую теперь по со-сѣднему закрытому монастырю, Капуцинскою; часть аѳинянь умерла съ голоду, остальныхъ продали въ рабство, оставивъ тѣхъ, которые хорошо деклами-ровали стихи въ трагедіяхъ. За актерами и тогда уже ухаживали! Дно каменоломни заросло огром-ными деревьями. Надъ нею построена гостиница, пріютъ чахоточныхъ; для нихъ воспоминанія о бѣдныхъ плѣнныхъ аѳинянахъ едва ли служатъ достаточнымъ утѣшеніемъ.

Каменоломни высѣчены рабами; гигантскія ка-такомбы, гдѣ погребены тысячи людей, болѣе но-ваго происхожденія: только часть этихъ подземныхъ работъ, первыхъ по величинѣ въ свѣтѣ, очищена. Подъ землею имѣются и остатки древнѣйшаго хри-стіанскаго храма. На возвратномъ пути я посѣ-тилъ открытые сравнительно недавно остатки рим-скаго ристалища *Ginnasio Romano*. *Timoleon* — гимназіумъ, гдѣ былъ похороненъ Тимoleonъ, раз-рушенъ.

Тимoleonъ до сихъ поръ популяренъ въ этомъ краѣ, гдѣ греческія преданія такъ живы. Тимoleonа прославляли не только древніе, Корнелій

Непотъ и др., но въ концѣ прошлаго столѣтія въ революціонное движеніе Альфіери, Шенъе, Лагарпъ прославляли этого республиканца какъ образчикъ величія души и мудрости. Онъ казнилъ родного брата, закрывъ только лицо плащомъ. Это лице-мѣріе совсѣмъ во вкусѣ якобинцевъ прошлаго сто-лѣтія.

VII.

Катанья и Таормина.

Несмотря на депеши, я и мои спутники нашли лучшую въ Катаньѣ гостиницу—«Grande Bretagne»—переполненною нѣмцами. Намъ предложили небольшія, но очень чистыя комнаты, гдѣ-то на седьмомъ небѣ, въ сущности комнаты для горничныхъ. Пришлось покориться, но черезъ нѣсколько минутъ начался бунтъ. Приѣхавшая парижанка не могла съ своей шляпкой съ широкими полями войти въ открытую дверь; когда же открыли обѣ половинки двери, то выскочилъ какой-то засовъ и дверь ужъ не запералась; пришлось посылать за слесаремъ. Когда я вернулся ночью домой, то нашелъ огромнаго чернаго таракана на моей кровати, а четыре такихъ же уписывали преспокойно мое мыло въ мыльницѣ. Но à la guerre comme à la guerre! и я не безъ удовольствія провелъ сутки въ Катаньѣ.

Это городъ живой и богатый, торговля его бы-

стро развивается, хотя портъ на половину залитъ лавою и дома разваливаются отъ частыхъ землетрясеній, производимыхъ Этною. Но Этна съ ея вулканическими продуктами и составляетъ богатство края. Вся мѣстность вокругъ вулкана принадлежитъ къ наиболѣе плотно населеннымъ въ Европѣ.

Торговля Катаньи не превосходитъ торговли Таганрога или Николаева и далеко уступаетъ торговлѣ Новороссійска; но какая разница въ городскихъ постройкахъ и жизни. Что значить культура! Городъ обстроенъ огромными монументальными домами, вездѣ электричество и трамваи, мостовыя прекрасныя. Просто надобно удивляться, что можетъ сдѣлать умное городское управленіе.

Университетъ Катаньи, основанный еще въ XV столѣтіи, изъ лучшихъ въ Италіи. Это одинъ изъ его профессоровъ написалъ книгу, чтобы популяризовать въ Италіи философію моего почтеннаго друга г. де-Роберти, о чемъ я писалъ въ своей книгѣ «Въ Парижѣ». Сицилія имѣла не мало и своихъ собственныхъ философовъ, не считая тѣхъ знаменитыхъ, которые, собравшись на ученомъ конгрессѣ по приглашенію одного сиракузскаго тирана, рѣшили, что самыя красивыя вещи на свѣтѣ женщины и розы, а самыя вкусныя: женщины и дыни.

Катанья родина Паччини и Беллини. Последнимъ особенно гордится его родной городъ. Въ честь Беллини поставленъ великолѣпный памятникъ работы Монтеверде, по бокамъ котораго изъ мрамора сдѣланы Пуританинъ, Пиратъ, Норма и Сонамбула. На двухэтажномъ красивомъ домѣ, гдѣ родился знаменитый композиторъ, прибита доска. Великолѣпный паркъ въ центрѣ города съ чуднымъ видомъ на Этну также названъ именемъ Беллини. Это любимое гуляніе жителей, нѣчто въ родѣ Саксонскаго сада въ Варшавѣ. Могила Беллини находится въ соборѣ и надъ нею написана строка изъ оперы «Сонамбула».

Катанскій соборъ—великолѣпное зданіе—хранить мощи покровительницы города св. Агаты; монументъ ея стоитъ противъ собора на площади Мученицы. Святая Агата или по-русски Агафья, уроженка города, была дѣвственницею, которую въ III-мъ вѣкѣ, въ царствованіе Деція, губернаторъ Квинтіанусъ, не удовлетворенный въ своемъ сластолюбіи, приказалъ замучить, какъ христіанку, самымъ звѣрскимъ образомъ: ей отрѣзали груди, затѣмъ сѣкли, жгли, строгали. Мощи ея въ Катанѣ обрѣтены въ 1561 г., но ранѣе онѣ были извѣстны въ разныхъ мѣстахъ. Груды ея сохраняются не только въ Катанѣ, но и въ Римѣ, Капуѣ, Апонто, даже въ Парижѣ въ церкви Saint-Merry,

куда ихъ привезли изъ Мюнхена; кромѣ того, въ двадцати городахъ сохраняются руки этой повсюду чтимой святой, перенесшей истязанія съ рѣдкимъ героизмомъ. Въ Катанѣ показываютъ также въ церкви S.-Cassero отпечатокъ ногъ святой въ расплавленной лавѣ.

По мѣстному катанцевъ, она спасла городъ отъ уничтоженія въ 1669 году, когда цѣлое озеро огненной лавы, длиною въ двадцать двѣ версты и шириною въ восемь, залило часть города. Въ отчаяніи, какъ послѣднее средство, архіепископъ поставилъ противъ потока лавы нагрудникъ св. Агаты, и лава повернула на западъ въ море и испортила портъ, образовавъ мысъ въ версту длиною; но остальной городъ былъ спасенъ. На мѣстѣ, гдѣ лава свернула къ морю, поставлена церковь. Каждый годъ въ февралѣ мощи святой носятъ по городу, и тогда всѣ женщины закрываютъ лица, оставляя одни глаза; на улицахъ всѣ интересуются узнать тогда своихъ знакомыхъ по глазамъ, что не легко, потому что у всѣхъ здѣсь глазки черные и бойкіе.

Театръ Беллини въ Катанѣ великолѣпенъ, залъ огромный, изъ ложъ и креселъ прекрасно видно, оркестръ многочисленъ и даже труппа недурна. Къ сожалѣнію, театръ не топятъ и холодный сквоз-

ной вѣтеръ надувалъ занавѣсъ, какъ парусъ на кораблѣ.

Пѣвица, похожая лицомъ на Брианцу въ молодости, пѣла недурно и я съ удовольствіемъ прослушалъ «La Forza del Destino» Верди, которую не слыхалъ съ начала 60-хъ годовъ, когда эта опера въ первый разъ давалась въ Петербургѣ подъ руководствомъ самого композитора и возбудила почему-то страшный расколъ среди театраловъ. А о печати и говорить нечего. Статья «Искры» противъ дирекціи, особенно противъ покойныхъ Сабурова и Оедорова, была изъ ряду вонъ по остроумію, весьма нецензурному.

Многія улицы Катаньи проложены прямо по потокамъ застывшей лавы. По лавѣ идетъ и полотно желѣзной дороги на Таормину и Мессину вдоль моря. Лаву не только ломаютъ на куски для мостовой и выдѣлки разныхъ издѣлій, но ее толкутъ и обращаютъ въ удобрение подъ сады и виноградники. Содержа очень много калиевыхъ и натровыхъ солей, лава даетъ отличное удобрение. Подъ вліяніемъ палящаго солнца и влаги, доставляемой морскими вѣтрами, вся эта мѣстность обратилась въ сплошную садъ. Но главную красоту пейзажу придаетъ море.

Вся эта мѣстность полна историческихъ воспоминаній войнъ греческихъ, карфагенскихъ, рим-

скихъ и средневѣковыхъ. Но особую прелесть придаютъ ей мнѳологическія воспоминанія. Тамъ, гдѣ теперь гуляютъ скверныя «куки», въ древности прогуливались боги. Вотъ Циклоповы острова — скалы, которыя слѣпой Полифемъ бросилъ въ Улисса. Съ особымъ удовольствіемъ я переѣхалъ черезъ рѣку Ачи, около станціи Ачиреале. Здѣсь мѣсто дѣйствія воспѣтаго Теокритомъ и Овидіемъ мнѳа о нимфѣ Галатеѣ и ея возлюбленномъ Ацисѣ, котораго убилъ изъ ревности, бросивъ скалу, Полифемъ. Скала — цѣлый островъ. Недавно еще на эту тему былъ данъ въ Петербургѣ балетъ «Ацисъ и Галатея», называемый нашими танцовщицами Акисомъ, гдѣ была такъ прелестна г-жа Кшесинская. Ачиреале принадлежитъ г. Бутурлину.

Надъ всѣмъ царить Этна, въ это время года сплошь еще покрытая снѣгомъ. Объ Этнѣ сициліанцы говорятъ и теперь съ почтеніемъ, а греки и арабы, даже ученые географы, считали ее высочайшею горою въ свѣтѣ, пупомъ земли или столпомъ неба.

Лучшій видъ на Этну изъ Таормины, откуда сразу видны берега Сициліи отъ Катаньи до Мессины и противоположный берегъ Италіи. Кромѣ чуднаго вида, въ Таормину ѣздятъ смотрѣть развалины древняго греческаго театра, сохранившагося лучше другихъ зданій этого рода.

У развалинъ театра и находится гостиница «Тімео», которая особенно рекомендуется какъ по чистотѣ, такъ и по террасѣ, откуда удобно любоваться несравненными видами. Отъ станціи желѣзной дороги до Таормины дорога идетъ въ гору зигзагами на протяженіи пяти верстъ, но пѣшкомъ можно подняться въ двадцать минутъ.

Въ Таорминѣ согрѣлся я въ первый разъ со въѣзда въ Италію. Гостиница, хотя содержащая итальянцемъ, но для переполняющихъ ее нѣмцевъ имѣла исправныя печи. Грѣясь у камина, я развернулъ лежавшій на столѣ гидъ «A travers les Alpes», изданный въ Цюрихѣ, и прочелъ слѣдующее удивительное мѣсто: «Надпись Suworow Victor, вырѣзанная на скалѣ на верху ущелья Трентоло, намъ еще теперь напоминаетъ, какъ ненавистныя человѣческія страсти людскихъ вырожденіи оскверняли въ прежнее время эти священные пустыни»... ¹⁾ Вотъ какъ до сихъ поръ оцѣниваютъ за границею нашего знаменитаго полководца, столѣтній юбилей котораго мы недавно отпраздновали!

¹⁾ Г. Прокофьевъ въ письмѣ въ «Новое Время» увѣряетъ, что швейцарскій гидъ ошибается. Надпись гласитъ по-латыни: «Суворова побѣдамъ» и поставлена въ 1803 г., когда Суворовъ уже умеръ.

VIII.

Неаполь.

Чтобы имѣть мѣсто въ спальномъ вагонѣ, я по ошибкѣ телеграфировалъ въ Реджіо, а слѣдовало въ Мессину. Чтобы заработать лиру, какой-то добровольецъ переѣхалъ проливъ, встрѣтивъ меня въ Мессинѣ, и по физіономіи угадалъ, что податель депеши именно я.

Этотъ великій физіономистъ помогъ мнѣ, потому что пароходъ я нашелъ переполненнымъ публикою и агентъ спальныхъ вагоновъ съ трудомъ размѣстилъ всѣхъ желающихъ попасть въ поѣздъ. О раздѣленіи половъ въ вагонѣ Пульмана и думать было нечего. Налѣво отъ меня помѣстилась какая-то итальянская баронесса, напротивъ—англичанка. По сосѣдству я былъ свидѣтелемъ курьезной сцены. Одна изъ пассажирокъ оказалась русскою дамою. Боясь какихъ-либо несчастій въ дорогѣ, она зая-

вила, что не желаетъ раздѣваться и ложиться, а будетъ сидѣть и читать всю ночь. Противъ этого, конечно, протестовали тѣ, кто долженъ былъ спать въ койкѣ надъ нею и напротивъ. Особенно воевала французенка. Наоборотъ, покладистою оказалась молодая американка, которая должна была спать надъ нашею соотечественницею. Такъ какъ послѣдняя не соглашалась опускать занавѣски, отдѣляющія койки Пульмана отъ прохода, то и американка не могла раздѣться. На заявленіе объ этомъ она только сказала: «All right!» и затѣмъ одѣтая кувыркнулась, какъ клоунъ въ циркѣ, и оказалась уже лежащею на верхней койкѣ!

Только къ полуночи удалось опытному кондуктору размѣстить всѣхъ, а къ Салерно все это пестрое общество уже проснулось. Въ Неаполь лилъ попрежнему дождь, и козы, разгуливавшія стадами по улицамъ и забиравшіяся по лѣстницамъ на балконы, указывали, что царство козьяго молока не кончилось. Это одна изъ язвъ южной Италіи: масло, сыръ, молоко — все отзывается здѣсь козьимъ запахомъ.

Неаполь, какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Европы, хотя по-гречески имя его означаетъ Новъ-городъ. Neapolis — Новый городъ — былъ отпрыскомъ Пароенопе, стараго города, основанаго едва ли не за десять вѣковъ до Рождества

Христова эолианами съ острова Евбеи. Курьезно, что Neapolis синонимъ съ Наполеономъ. Хотя послѣдній не былъ, какъ увѣрялъ Дизраели и допускалъ Мишле, изъ жидовъ, но настоящее имя его было Николай и только когда Наполеонъ захотѣлъ короноваться, папа приказалъ отыскать житіе святого Наполеона. При самыхъ тщательныхъ поискахъ ученыхъ монаховъ таковаго святого нигдѣ не оказалось и за неимѣніемъ Наполеона остановились на Неаполисѣ, мало извѣстномъ мученикѣ временъ Діоклитіана.

Со временъ послѣдней холеры Неаполь дѣйствительно пожелалъ стать «новымъ городомъ»: среди безконечныхъ длинныхъ узкихъ улицъ, гдѣ изъ окна можно безъ труда пожать руку въ окнѣ своему визави, ломаютъ широчайшія улицы въ новоказарменномъ стилѣ, образчикомъ которой можетъ служить Corso Umberto, идущій отъ дебаркадера желѣзной дороги. Даже знаменитая Санта-Лучія теперь уже не набережная, море около нея засыпано и строится цѣлая площадь домовъ.

Неаполь не только очищается и прорѣзывается новыми улицами, но и расширяется во всѣ стороны, хотя число жителей въ общемъ не увеличивается, вѣроятно только число лацарони замѣняется соответствующимъ числомъ болѣе богатыхъ нѣмцевъ и сѣверо-американцевъ. Эти двѣ націи осо-

бенно излюбили Италію въ послѣднее время и вытѣснили англійскихъ туристовъ.

Скалы мѣшаютъ Неаполю, какъ и Генуѣ, застраиваться сплошь, поэтому новыя постройки располагаются вдоль моря и по долинамъ. Много хорошихъ домовъ построены по дорогѣ къ Позелипо. Прогулка въ послѣдній съ возвратомъ отъ дачи Тальберга вдоль залива составляетъ одну изъ лучшихъ прогулокъ въ свѣтѣ. Тутъ чудные виды на Пуццолі, любимѣйшее дачное пребываніе древнихъ римлянъ, Мизенскій мысъ, Байю, островъ Искію, на Неаполь и Везувій; они уступаютъ только одному виду Босфора. Мѣстные жители впрочемъ, по видимому, не теряютъ времени на разсматриваніе видовъ, имъ съ дѣтства знакомыхъ, и занимаются контрабандой, о чемъ можно заключить по огромному числу часовыхъ пограничной стражи, разставленныхъ по всему пути.

Доктора увѣряютъ, что перестройка и разломка Неаполя убиваютъ микробовъ, но на это нѣтъ пока никакихъ доказательствъ; несомнѣнно напротивъ, что спѣшныя постройки увеличиваютъ болѣе опасный микробъ — воровства.

Если въ Парижѣ, по словамъ Жюль Леметра, ни одинъ камень мостовой не перевертывается безъ того, чтобы не была дана кому-либо взятка, то можно себя представить, какое воровство идетъ въ

Италіи при всѣхъ этихъ ломаньяхъ и передѣлкахъ.

Здѣсь впрочемъ надобно было сдѣлать что-либо. Въ Неаполѣ, по словамъ итальянскихъ экономистовъ, по крайней мѣрѣ 200,000 человѣкъ живетъ изо дня въ день почти на улицѣ или въ подземельяхъ, не зная, что будетъ съ ними завтра. Заработная плата чрезвычайно низка. Наборщикъ газеты, получающій въ Миланѣ и Римѣ 3—4 лиры въ день, въ Неаполѣ довольствуется лирою; многіе рабочіе получаютъ полъ-лиры, т. е. менѣе 20 к. въ день.

Перестройка какъ будто бы повліяла и на характеръ жителей,—даже въ театрѣ публика ведетъ себя смирно, мало нищихъ и никто не пристаётъ на улицахъ, не пристають болѣе и извозчики. Я убѣдился въ этомъ, проходя въ день св. Іосифа въ церковь св. Іосифа посмотреть на толпу. Известно, что въ этотъ день именинниковъ во всѣхъ католическихъ странахъ нѣтъ числа. Толпа держала себя весьма прилично, даже безчисленные продавцы дѣтскихъ игрушекъ вели себя скромно.

Выходитъ, что не правъ былъ извѣстный дипломатъ Тувенель, въ 1847 г. сомнѣвавшійся въ возрожденіи при помощи конституціи «этого сборища обезьянъ, сатировъ и полишинелей, который наполняетъ улицы и набережныя Неаполя. Дешевыя макароны—вотъ единственная необходимая ему хартія,

единственная, которую оно желаетъ», заключалъ Тувенель.

Нѣкоторая холодность публики зависѣла можетъ быть и отъ погоды. Она была холодная и сырая, а въ одну изъ ночей разыгралась такая буря, какой я давно не видѣлъ. Морскія волны размыли даже часть набережной на Ривьера ди-Кііа и вывернули огромныя плиты лавы. Всю ночь вѣтеръ дулъ съ страшною силою, окна и жалюзи въ ихъ комнатахъ въ «Hôtel Royal des Etrangers» три раза раскрывались и я былъ вынужденъ вставать и звать прислугу, чтобы затворить ихъ. Холодъ былъ тѣмъ непріятнѣе, что даже въ первоклассныхъ гостиницахъ въ Неаполѣ окна и двери, въ виду жаркаго климата, пригнаны кое-какъ и огромныя щели свободно пропускаютъ воздухъ.

На означенной набережной строились зданія для гигиенической выставки. Въ связи съ нею будетъ засѣдать цѣлый рядъ конгрессовъ: санитарный, гигиеническій, противотуберкулезный, физическаго воспитанія, по горловымъ и ушнымъ болѣзнямъ. Изъ всѣхъ этихъ съѣздовъ особенно важенъ конгрессъ противъ туберкулеза, который королева Маргарита приняла подъ свое покровительство. Чахотка, какъ извѣстно, убиваетъ въ одной Европѣ ежегодно три милліона человѣкъ, т. е. столько, сколько войны въ полстолѣтія.

И Неаполь не избѣгъ, конечно, страсти итальянцевъ къ монументамъ. Признательный народъ эти итальянцы! Можетъ быть, монументовъ много потому, что мраморъ дешевъ, каменотесы ни почемъ, а скульпторовъ, умирающихъ съ голоду, сколько угодно. Неаполь поставилъ монументы и согражданамъ, бунтовавшимъ четверократно противъ своего правительства—на площади dei Martiri, и пיאнисту Тальбергу, и Поэріо, извѣстному противнику Бурбоновъ, и даже другу Кавура Бонги, осмѣянному почему-то Добролюбовымъ въ «Современникѣ».

Изъ новыхъ для меня построекъ Неаполя я обратилъ вниманіе на пассажъ Умберта I, противъ театра Санъ-Карло. Затѣмъ, конечно, не мало времени занялъ музей, картины котораго очень плохи, но зато остатки древности, особенно бронзы и живопись, замѣчательны. Раскопки Помпей постоянно обогащаютъ этотъ музей. Въ другомъ старомъ знакомомъ, Акваріумѣ, я не нашелъ почти никакихъ перемѣнъ. Наше правительство принимаетъ участіе въ содержаніи этого учрежденія.

Не перемѣнился обычай неаполитанцевъ проводить дни въ парикмахерскихъ. Описывая Палермо, я уже далъ объясненіе этому явленію. Вѣроятно, благодаря огромной практикѣ и наслѣдственности (предки нынѣшнихъ куаферовъ брили еще римскихъ патриціевъ), неаполитанцы пріобрѣли не-

обыкновенную ловкость и считаются первыми брадобреями въ мірѣ.

Одинъ специалистъ объяснилъ мнѣ, что это врожденное качество, которымъ обладаютъ именно итальянцы и испанцы. Русскіе хотя неопытны, но также имѣютъ легкую руку, наоборотъ, англичане и нѣмцы скребутъ кожу на лицѣ, какъ сапожную подошву.

Театръ Санъ-Карло одинъ изъ наибольшихъ и лучшихъ театровъ въ Европѣ. Къ сожалѣнію, онъ теперь очень грязно содержится и при конкуренціи другихъ театровъ не можетъ имѣть хорошую труппу, хотя мѣста недешевы (ложи 45 и 55 лиръ, кресла 10 лиръ, не считая платы за входъ по 2 лиры съ человѣка). Я видѣлъ на этомъ театрѣ «Фаворитку», очень плохо исполненную г-жей Берти Чеккини и гг. Казини и Дженарри, и балетъ «I due Soccii», оказавшійся «Робертомъ и Бертрамомъ», пользовавшимся у насъ такою долготѣною популярностью. Этотъ балетъ взятъ изъ знаменитой мелодрамы Антье «L'Auberge des Adrets», написанной для Фредерика Леметра еще въ 1836 году.

Публика въ Неаполѣ извѣстна жестокостью нравовъ; особенно строга она къ дебютантамъ: она не шикаетъ и не свищетъ, а какъ-то воетъ. Но на этотъ разъ я былъ, какъ уже сказано выше, пораженъ ея снисходительностью. Правда, театръ

былъ наполовину пустъ. Вниманіе мое обратилъ одинъ господинъ, который, сидя въ первомъ ряду, рукою продирижировалъ всю оперу, очевидно, зналъ наизусть каждую ноту. Это типъ вымирающихъ и въ Италіи фанатиковъ-театраловъ.

Балерина Витторина Чима была ниже всякой критики. Немного лучше танцевала Норина Даниели, благодаря своимъ атлетическимъ мускуламъ замѣнявшая, за отсутствіемъ классическаго танцовщика, въ *pas de deux* кавалера. Кордебалетъ очень многочисленъ, но очень плохъ—только одна кордебалетная танцовщица, поставленная впереди, казалась очень красивою.

Балетъ въ Италіи въ замѣтномъ упадкѣ, а онъ по преимуществу итальянское искусство. Мимика врождена итальянцамъ; достаточно посмотрѣть на двухъ итальянцевъ, разговаривающихъ на улицѣ между собою, чтобы видѣть, какъ жесты необходимы для выразительности ихъ рѣчи. Смерть Виктора-Эмануила, любившаго балетъ, и социалистская дума въ Миланѣ, разстроившая театръ Le Scala съ его знаменитымъ училищемъ, повредили хореографическому искусству, хотя значеніе его и двадцать лѣтъ назадъ было ничто сравнительно съ ролью, которую оно играло въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Даже знаменитый песимистическій поэтъ Леопарди увлекался имъ. Къ числу поклонниковъ балета

надобно отнести и знаменитаго австрійскаго драматурга Грильпарцера. Онъ не только восхищался балетомъ, но въ балетной музыкѣ этотъ другъ Бетховена видѣлъ верхъ музыкальнаго искусства. «Въ знаменитыхъ танцовщицахъ, говоритъ онъ, поэтъ долженъ уважать существа, одаренныя рѣдкими качествами, которымъ человѣчество обязано многими высочайшими эстетическими наслажденіями».

Книга Барбіери «Figure e Figurine del secolo che muore», составленная на основаніи секретныхъ архивовъ, содержитъ прекуръезныя показанія насчетъ того, какую роль игралъ прежде балетъ въ общественной жизни. Меттернихъ, напримѣръ, каждый разъ, когда хотѣлъ усмирить недовольныхъ миланцевъ, посылалъ къ нимъ Фанни Эльслеръ. Когда послѣднюю освистали, наконецъ, въ «Фаустѣ», потому что она не хотѣла надѣть на шею медаль съ изображеніемъ Пія IX, тогда либерала, Меттернихъ понялъ, что Ломбардія для Австріи потеряна ¹⁾.

¹⁾ Грильпарцеръ, хотя землякъ и пріятель сестеръ Эльслеръ, обвѣнчалъ танцы Фанни въ жеманствѣ. «Имъ недоставало воздушности и эфирности, что именно правится въ танцахъ. Танцовало страстное тѣло, а не душа и увлеченіе. Ноги ея имѣли болѣе силы, чѣмъ гибкости, зато руки и кисти рукъ были необыкновенно граціозны. Корпусъ ея также мало гибокъ и общій ансамбль склоненъ къ рѣзкимъ эффектамъ».

Но удивительнѣе всѣхъ была карьера совсѣмъ забытой теперь миланской танцовщицы Катерины Каравальо. Стоило ей появиться въ какомъ-либо городѣ, чтобы свести публику съ ума; дуэлей изъ-за нея было безъ числа, столько же самоубійствъ; многихъ лицъ изъ высшаго общества также заперли отъ любви въ домъ сумасшедшихъ; два царствующихъ дома едва не перессорились изъ-за нея. Фатальная женщина эта кончила плохо; она вышла замужъ за милліонера, но потеряла состояніе, стала пить и умерла нищею въ госпиталѣ.

Къ счастью, національные танцы не падаютъ въ Италіи. Въ моемъ отелѣ по вечерамъ во время и послѣ обѣда пѣла неаполитанскія остроумныя шансонетки и танцевала тарантеллу великолѣпная труппа. Извѣстенъ анекдотъ объ ассирійскомъ царѣ, который приказалъ похоронить себя со всѣми своими «сокровищами». Когда же сто лѣтъ спустя его жадный преемникъ хотѣлъ воспользоваться этими сокровищами и разрылъ могилу, то нашелъ только надпись: «Спи, пей, ѣшь и пляши — все остальное пустяки». Эти слова надолго еще останутся девизомъ неаполитанцевъ.

IX.

Флоренція.

Моя комната въ гостиницѣ «Grande Bretagne» даетъ понятіе объ итальянскихъ отеляхъ. За двѣнадцать лиръ въ день мнѣ отвели какой-то залъ въ два свѣта, длиною въ 5 сажень, шириною $4\frac{1}{2}$ сажени, огромной высоты. Посреди зала стояла монументальная колонна съ орломъ на верху, который въ клювъ держалъ балдахинъ надъ кроватями въ стилѣ empire, такой высоты, что надобно влѣзть при помощи табурета. Въ комнатѣ пять дивановъ и соотвѣтственное число столовъ. Полъ хотя покрытъ ковромъ, но каменный, а печь на эту громаду поставлена гдѣ-то въ углу и величиною съ большой сундукъ; нѣтъ даже камина. Огромная колоколья, присосѣдившаяся къ гостиницѣ, звонила цѣлыя сутки, а съ другой стороны слышался шумъ машины, двигавшей электричество въ гостиницѣ.

Метръ д'отель гостиницы Пьетро оказался въ своемъ родѣ замѣчательнымъ лицомъ. Онъ служилъ три года у Альфонса Додэ и былъ свидѣтелемъ его смерти. Словоохотливый старикъ, — котораго Додэ пригласилъ къ себѣ въ Венецію, замѣтивъ, что онъ тихо и участливо ухаживаетъ за нимъ, — безъ конца описывалъ своего барина. Додэ началъ свою карьеру въ большой бѣдности и рассказывалъ Пьетро, что, когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Парижъ изъ Нима, который поставилъ ему теперь монументъ, то городовые подозрительно посматривали на его оборванные внизу панталоны. Подъ конецъ жизни Додэ имѣлъ хорошее состояніе, отель въ Парижѣ, великолѣпную дачу подъ Парижемъ и большое имѣніе на югѣ Франціи. Додэ отличался очень веселымъ характеромъ и тщательно скрывалъ отъ чужихъ страданія отъ своей ужасной болѣзни — сухотки спинного мозга; начавъ кричать отъ боли, онъ оканчивалъ руладами изъ оперы. Жена его, какъ всѣ жены, къ мужу была довольно равнодушна и ни въ какія хозяйственныя дѣла не входила, занимаясь туалетами. Додэ умеръ 57 лѣтъ, за обѣдомъ, который онъ давалъ своей тещѣ. Пьетро перечиталъ всѣ романы Додэ и увѣрялъ меня, что онъ даже описанъ въ одномъ изъ нихъ.

Флоренція, подобно всѣмъ итальянскимъ городамъ, перестраивается. Здѣсь дѣйствуетъ коммисія

по благоустройству, т. е. по уничтоженію остатковъ старины города, который пропорціонально произвелъ на свѣтъ наибольшее число великихъ людей и создалъ итальянскій языкъ. Она уничтожила Старый рынокъ, находившійся рядомъ съ старинною церковью св. Андрея, и собирается разрушить старый оригинальный дворецъ dell'Arte della Lana, но въ утѣшеніе обѣщаетъ построить его копію въ другомъ мѣстѣ.

Эта разрушительная дѣятельность вызвала уже протесты не только со стороны флорентійцевъ, но и иностранцевъ. Образовалась даже лига per la difesa di Firenze antica, поставившая себѣ задачей охрану древностей. Она доказываетъ, что для иностранцевъ можетъ быть дорога только старая Флоренція, а вовсе не ея новыя постройки, которыя не отличаются отъ другихъ европейскихъ городовъ, а безъ иностранцевъ Флоренція существовать не можетъ.

Разрушеніе старины оказалось даже вреднымъ. Такъ, срыли стѣны, окружавшія городъ, въ постройки которыхъ принималъ участіе Микель Анджело; онѣ были очень тонки, по нимъ ходить было нельзя, поэтому казалось, что и въ свое-то время онѣ не имѣли никакого военнаго значенія. Но теперь убѣдились, что стѣны защищали Флоренцію не отъ непріятеля, а отъ вѣтра. Зимой, когда за-

дуетъ муньяно, теперь по улицамъ Флоренціи ходить нельзя. Если съ васъ сорветъ шляпу, то приходится бѣжать за нею чуть не на край города. Къ счастью, можно взять извозчика, которые во Флоренціи ѣздятъ не иначе, какъ вскачь.

Городское управленіе въ свою защиту говоритъ, что оно не помышляетъ трогать такихъ произведеній, какъ Palazzo Vecchio или Palazzo Pitti. Останется неприкосновеннымъ и Старый Мостъ, хотя онъ крайне неудобенъ. Затѣмъ, что есть дѣйствительно цѣннаго въ разрушаемыхъ древностяхъ, будетъ храниться въ музеяхъ, а для интересующихся древностями гораздо-де удобнѣе видѣть ихъ собранными вмѣстѣ, нежели разтѣзжать по городу.

Нельзя также отрицать необходимости для городского населенія пользоваться благами цивилизаціи, напримѣръ трамваями, а ихъ нельзя провести, не проломавъ болѣе широкихъ улицъ.

Я думаю, что главнымъ мотивомъ къ сломкѣ многихъ домовъ была еще рѣшительная невозможность для хозяевъ содержать ихъ. Я описывалъ размѣръ комнатъ своей гостиницы. Дома, состоящіе изъ такихъ комнатъ, даютъ ничтожный доходъ, притомъ итальянцы неакуратные плательщики за квартиру, а фискъ неумолимъ. Во Флоренціи налоги съ недвижности доходятъ до 54% съ предполагаемаго, а не съ дѣйствительнаго дохода; та-

кимъ образомъ вашъ домъ можетъ оставаться пустымъ, а платить налогъ съ него пужно. Неудивительно, что хозяева предпочитаютъ ломать старыя хоромы и строить маленькіе дома *villino* на окраинахъ среди деревьевъ и цвѣтовъ. Одно время по дешевизнѣ квартиръ Флоренція была едва ли не первымъ городомъ въ Западной Европѣ.

И означенный размѣръ налога вовсе не исключеніе въ Италіи. Одинъ нашъ соотечественникъ имѣетъ тамъ цѣлый дворецъ въ Кальтанисетто въ Сициліи; домъ приноситъ только 13 тысячъ лиръ дохода, а налоговъ приходится платить ежегодно болѣе 9 тысячъ. Продать же домъ и думать нечего.

Дешевизна квартиръ и жизни, помимо прекраснаго климата, привлекаетъ во Флоренцію много иностранцевъ на постоянное житіе. До сихъ поръ даже колонія русскихъ, постоянно живущихъ во Флоренціи, довольно значительна. Въ ней фигурируютъ между прочимъ имена Зубова, Хитрово, Елагина, барона Врангеля, Бенардаки и друг. Нѣкоторые наши соотечественники живутъ въ Италіи такъ долго, что забываютъ родной языкъ.

Недавно адъютантъ наслѣдника престола, принца Неаполитанскаго, постоянно живущаго въ Неаполѣ, женился на русской. Узнавъ объ этомъ, принцесса—черногорка, но русская по воспитанію, чрезвычайно

обрадовалась, полагая, что ей будетъ съ кѣмъ разговаривать по-русски, чтобы не забыть нашъ языкъ. Къ великому ея огорченію оказалось, что русская барышня не знала ни слова по-русски. Это только, кажется, съ нашими соотечественниками и случается. Съ англичанками это было бы невозможно.

Знаменитые музеи Флоренціи содержатся въ прежнемъ порядкѣ. Въ палаццо Питти построено новое *entrée* для публики, а галерея, соединяющая этотъ дворецъ съ Уфиціями, почищена и украшена портретами. Не знаю, куда дѣвалась интересная современная картина, изображавшая представленіе московскаго посольства въ XVIII столѣтіи. Въ отличномъ видѣ находится теперь и Национальный музей въ Барджело, во дворѣ котораго совершались въ старину казни.

Я не большой почитатель музеевъ и признаю пользу, приносимую ими искусству и промышленности незначительною, почему съ большимъ удовольствіемъ прочелъ мнѣніе объ этихъ тюрьмахъ искусства и «музейной эстетикѣ» Робера дела-Сизерана, прекрасно изложенное въ «Новомъ Времени» г. Булгаковымъ. Произведеніе искусства, несомнѣнно, сохранится на болѣе долгій срокъ въ музеяхъ, но будетъ ли оно въ такихъ случаяхъ отвѣчать своимъ истиннымъ цѣлямъ, большой вопросъ.

Надобно однако сказать, что флорентійскіе музеи изъ немногихъ, осмотръ которыхъ всегда поучителенъ и пріятенъ, не взирая на безконечные коридоры съ холоднымъ каменнымъ поломъ и однообразнымъ неполнымъ освѣщеніемъ.

Что музеи сами по себѣ мало помогаютъ искусству—подтверждаетъ примѣръ той же Италіи; она имѣетъ лучшіе музеи, а искусство ея въ настоящее время—не только по сравненію съ колоссальнымъ искусствомъ XV—XVI вѣковъ, но даже съ эпохою относительнаго упадка въ XVII и XVIII столѣтіяхъ—кажется совершенно ничтожнымъ. Это отлично видно изъ музея въ Академіи изящныхъ искусствъ, гдѣ образчики новаго искусства поставлены рядомъ со старинными. Новыя картины кажутся совершенными мазилками.

Вопросъ, отчего искусство процвѣтаетъ въ данной странѣ именно въ извѣстную эпоху, совершенно пока загадоченъ. Трудно объяснить, почему, напр., англо-саксонская раса, когда ее было всего три милліона и когда она занимала клочокъ земли, создала для театра Шекспира, а когда она увеличилась въ сорокъ разъ и завоевала полміра, не даетъ для театра ничего кромѣ клоуновъ и балетныхъ танцовщицъ. Точно также необъяснимы развитіе и упадокъ испанскаго театра, испанской, итальянской и голландской живописи и т. п.

На музеяхъ отражается и мода въ искусствахъ. Во флорентійскихъ музеяхъ толпа теперь стоитъ преимущественно у картинъ Сандро Боттичелли. У нихъ же сидятъ группы копіистовъ, предлагающіе иностранцамъ за дешевыя цѣны копіи, всегда очень плохія. Теперь и дамы причесываются à la Боттичелли, а недавно еще великій мастеръ конца XV столѣтія, бывшій въ молодости кожевеннымъ подмастерьемъ (лучшее доказательство малой роли всякихъ художественныхъ училищъ и академій)¹⁾, былъ въ такомъ презрѣніи, что полотна его свертывались и складывались на чердакахъ, вмѣстѣ съ другими прерафаэлистами. Недавно еще во Флоренціи среди разнаго хлама отыскивались неизвѣстныя прекрасныя картины Боттичелли: «Паллада» и «Поклоненіе волхвовъ», за которыя, конечно, каждый богатый любитель далъ бы 100—200 тысячъ лиръ.

Главный театръ Флоренціи, весьма древній Reggola, былъ, по обыкновенію всѣхъ большихъ городскихъ театровъ, закрытъ; обычныя въ карнавальнѣй сезонъ оперныя представленія давались въ Teatro Pagliano. Я видѣлъ «Manon». Театръ

¹⁾ Надняхъ явился въ Европѣ испанскій музыкантъ Repito Airolo трехъ съ половиною лѣтъ. Специалисты по музыкѣ изъ членовъ музыкальнаго конгресса въ Парижѣ хвалили композиціи Repito. По словамъ «Temps», онѣ ничуть не хуже сочиненій большинства ученыхъ композиторовъ.

весьма скромнѣ по отдѣлкѣ, но публика элегантная и многочисленная.

Въ книжныхъ магазинахъ и въ витринахъ вездѣ выставлены итальянскіе переводы «Воскресенія» Толстого. Послѣдній и здѣсь популяренъ. При мнѣ во Флоренціи собралась много народа публичная лекція, прочитанная Федерико Рати объ отношеніяхъ къ искусству Жанъ-Жака Руссо и Льва Толстого. Лекторъ имѣлъ большой успѣхъ. Онъ доказывалъ, что Руссо былъ пессимистъ, а Толстой въ искусствѣ видитъ орудіе для распространенія добродѣтели и улучшенія человѣчества.

Нельзя не отмѣтить также большого успѣха въ Италіи Сенкевича. Переводы его романовъ расходятся въ нѣсколькихъ изданіяхъ и печатаются также въ фельетонахъ газетъ. Изъ нихъ передѣлываютъ и пьесы для театра. Наще искусство также не остается неизвѣстнымъ въ Италіи. Въ Миланѣ недавно шелъ, впрочемъ безъ особаго успѣха, «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго. «Нахлѣбникъ» Тургенева, съ легкой руки Новелли, сдѣлался репертуарною вещью. Братья-славяне также пробрались въ Италію и оркестры, говорятъ, и здѣсь переполнены чехами—этимъ «нарочито музыкальнымъ народомъ».

Во Флоренціи живетъ извѣстный драматургъ и ориенталистъ Анжело де-Губернатисъ, своимъ жур-

наломъ «Revista Europea» и словаремъ современныхъ писателей много способствовавшій ознакомленію итальянцевъ съ русскою литературой. Губернатисъ, бывшій долго сотрудникомъ «Вѣстника Европы», женатъ на Безобразовой, двоюродной сестрѣ Бакунина.

Знаменитый агитаторъ проживалъ въ Италіи съ 1863 по 1867 гг., послѣ того какъ разочаровался въ своихъ мечтахъ о возможности революціи въ Россіи. Онъ жилъ сначала во Флоренціи, потомъ въ Неаполѣ. Здѣсь анархическія и атеистическія идеи его получили извѣстную связь и образовали своего рода доктрину; здѣсь же онъ велъ знаменитую полемику съ Карломъ Марксомъ и Маццини. Полемика съ первымъ до сихъ поръ переживается въ войнѣ нашихъ народниковъ съ марксистами. Маццини былъ мистикомъ и не только врагомъ социализма, но и федерализма. Идеаломъ его было государство бюрократическое и частью военное — республика 1793 г. на подкладкѣ теологій Данте и воспоминаній величія древняго Рима.

Х.

П и з а.

Чтобы попасть на скорый поѣздъ, идущій разъ въ недѣлю изъ Рима въ Калэ и доставляющій изъ Пизы въ Парижъ въ 24 часа, мнѣ пришлось прождать въ Пизѣ два съ половиною часа. Этого времени вполне достаточно, чтобы освѣжить въ памяти все, что есть замѣчательнаго въ этомъ любопытнѣйшемъ городѣ.

Конечно, я осмотрѣлъ вновь и необыкновенной красоты соборъ, люстра котораго дала Галилею идею маятника, и Падающую башню, и Санро Santo, гдѣ между католическими знаменитостями похоронена гр. Шувалова, рожденная кн. Щербатова, и Крестильню, гдѣ мраморное мѣсто для проповѣди—chef d'oeuvre Николо Пизанскаго, гениальнаго артиста XIII столѣтія. Этому предтечѣ Возрожденія нашъ московскій ученый г. Гиацинтовъ

посвятилъ недавно цѣлую книгу. Это не первый русскій трудъ о старинномъ итальянскомъ искусствѣ: книга Вышеславцева о Джіотто и джіоттистахъ пользуется заслуженною извѣстностью. Въ Крестильнѣ я, конечно, прослушалъ эхо. Затѣмъ проѣхался по набережнымъ Арно, видѣлъ домъ, гдѣ жилъ лордъ Байронъ, и домъ, гдѣ родился Галилей, великій ученый, которому человѣчество обязано микроскопомъ, термометромъ и др. изобрѣтеніями. Домъ напоминаетъ харчевню, но содержится въ большомъ порядкѣ, какъ и всѣ остатки старины въ Пизѣ, прекрасно реставрированные.

Пиза—это итальянскій Брюгге или, если угодно, Брюгге—фламандская Пиза. Точно также оба кажутся совершенно вымершими и точно также море ушло отъ этихъ городовъ, игравшихъ такую роль въ средневѣковой торговлѣ. Море теперь отъ Пизы въ десяти верстахъ, а цѣла еще башня, сторожившая входъ въ портъ.

Для насъ, русскихъ, Пиза вдвойнѣ поучительна, потому что, осматривая ея постройки, особенно остатки укрѣпленій, видишь что то, что называется московско-русскимъ стилемъ: башни Кремля и дальнѣйшія варіаціи—въ сущности копія итальянскаго стиля XIV столѣтія, переходъ отъ готики къ Ренесансу и возстановлять съ неразумнымъ усер-

діемъ этотъ стиль—значить возвращаться къ Европѣ пятьсотъ лѣтъ назадъ.

Проѣзжая по улицѣ св. Фердинанда, я видѣлъ скромное снаружи, но довольно большое внутри зданіе пизанскаго университета—La Sapienza. Это одинъ изъ старѣйшихъ, но и худшихъ въ Италіи. Благодаря легкости полученія дипломовъ, его особенно прежде любили румыны. Гр. Лорисъ-Меликовъ увѣрялъ меня, что всѣ доктора въ турецкой арміи обыкновенно оказывались воспитанниками пизанскаго университета.

— Шельмы, — прибавилъ онъ, — знали меньше нашихъ фельдшеровъ, просто цирюльники!

Итальянское правительство полагало сократить число университетовъ, чтобы вмѣсто многихъ плохихъ имѣть нѣсколько хорошихъ, но реформа не осуществилась. Города упорно отстаивали свои университеты, жаль было также нарушить историческія преданія; въ Пизѣ, наприм., былъ профессоромъ Галилей. Въ современной Италіи безчисленное множество адвокатовъ безъ дѣлъ и докторовъ безъ больныхъ, интеллигентный пролетаріатъ быстро растетъ, но предразсудокъ о чудодѣйственности диплома силенъ; онъ укрѣпляется и у насъ, гдѣ считаютъ, что нельзя безъ него быть даже кассиромъ. Гербертъ Спенсеръ — этотъ колоссъ мысли и знанія, нигдѣ кромѣ низшей школы не

учившійся, не былъ бы у насъ допущенъ даже въ дантисты¹⁾.

Вся дорога отъ Пизы до Спецціи идетъ по очень живописной мѣстности, гористой, плотно населенной и испещренной на каждомъ шагу старинными замками и закрытыми монастырями. Самое полотно проложено по равнинѣ, которая еще въ прошломъ столѣтіи представлялась непроходимымъ болотомъ—«Проклятое мѣсто» итальянскихъ поэтовъ. Но искусствомъ гидрологовъ-инженеровъ оно осушено и превращено въ плодородную и здоровую мѣстность. Для этого потребовалось только найти средство не смѣшивать прѣсныхъ водъ, отводимыхъ безчисленными сточными канавами, съ морскою водою, что достиглось шлюзами. Смѣшеніе же вызывало гибель водныхъ организмовъ и растений; разложеніе послѣднихъ и заражало мѣстность лихорадкою.

Въ двадцати верстахъ отъ Пизы—Віареджіо, мѣсто купаній, извѣстное своимъ огромнымъ сосновымъ лѣсомъ, выращеннымъ на песчаныхъ дюнахъ

¹⁾ Во Франціи въ послѣднія десять лѣтъ число студентовъ-медииковъ удвоилось и хотя не превосходитъ 9,000, но въ результатѣ получилось уже то, что изъ двадцати пяти желающихъ получить мѣсто въ госпиталѣхъ получаетъ одинъ. На мѣсто докторовъ съ жалованьемъ съ 600 франковъ (225 руб.) являются сотни кандидатовъ, между тѣмъ самая плохая горничная въ Парижѣ получаетъ не менѣе 650 франковъ въ годъ и квартиру.

и принадлежавшимъ покойной женѣ Донъ-Карлоса. Въ городѣ поставленъ монументъ Шеллею, который утонулъ однако не здѣсь, а около Пизы въ Гомбо. Въ Віареджіо г. Фигнеръ имѣетъ прекрасную дачу, гдѣ лѣтомъ принимаетъ соотечественниковъ.

На слѣдующихъ станціяхъ вездѣ огромные склады мрамора; въ 5 верстахъ отъ дороги находятся знаменитыя ломки каррарскаго мрамора. Разработокъ болѣе тысячи и запасы камня, говорятъ, неисчислимы. Либихъ довольно вѣрно замѣтилъ, что если бы не было пробки, то не было бы и современной химіи; точно также можно сказать, что если бы не было каменоленъ Каррары, то не было бы и современной скульптуры. Нѣтъ въ мірѣ другого пункта, гдѣ мраморъ былъ бы такъ плотенъ и чистъ; знаменитый у грековъ паросскій мраморъ желтоватъ и имѣетъ гораздо болѣе грубое сложеніе. Всѣ открытія у насъ бѣлаго мрамора ни къ чему не привели. Каррарскій мраморъ знали еще римляне, но онъ въ ходъ пошелъ только въ XIV вѣкѣ. Замѣчательно, что рабочіе на этомъ истинномъ богатствѣ Италіи чуть не умираютъ съ голоду: горнорабочій получаетъ отъ 25 до 50 к. въ день.

Въ Спецціи можно любоваться нѣсколькими образчиками стоящаго на якорѣ итальянскаго броненоснаго флота. Судовъ было немного, потому

что большая часть ихъ находилась въ составѣ эскадры, собранной въ Отранто подѣ командою Оомы Савойскаго. Поѣздъ идетъ однако такъ скоро, что великолѣпная гавань Спецціи только мелькаетъ, а со станціи видны лишь большія постройки складовъ и казармъ морского вѣдомства.

За Сестри дорога пошла прямо по откосу горъ, падающихъ въ море. Это такъ-называемая *Riviera di Levante*. Она гораздо диче, чѣмъ Западная *Corniche*, идущая отъ Генуи до Ниццы. Мѣстами дорогу пришлось вести виадуками у самого моря, волны котораго лижутъ и разрушаютъ устои. Картина величественная и поражающая особенно потому, что количество туннелей, и довольно длинныхъ, безчисленно, а видами моря любуешься по выходѣ изъ мрака. Несмотря на дикость мѣстности, она довольно населена и отсюда-то берутся тѣ бравые моряки, которые издревле составляютъ славу генуэзскаго флота.

Геную я проѣхалъ на этотъ разъ поздно вечеромъ, а затѣмъ оставалось проспать до Шамбери. Устроиться на ночлегъ не такъ-то было легко. По ошибкѣ мнѣ дали билетъ въ *wagon-lit* въ купѣ съ тремя дамами; имѣлось маленькое купѣ, гдѣ сидѣла англичанка, но, конечно, ей не хотѣлось переходить въ купѣ, гдѣ уже сидѣли трое женщинъ, въ томъ числѣ ея собственная горничная. Потребовались

трехчасовые переговоры, вся змѣнная мудрость и все краснорѣчіе кондукторовъ, чтобы уговорить дочь Британіи перемѣнить хорошее мѣсто на скверное.

Къ счастью, кондукторы спальныхъ вагоновъ отлично говорятъ по-англійски. Они вообще хорошо говорятъ на всѣхъ языкахъ, почему и сложилась легенда, что ихъ будто бы выбираютъ изъ польскихъ графовъ, проигравшихся въ клубахъ въ баккара потому, что прикупали къ пятеркѣ — *tirer à cinq*.

Но на этомъ не окончились мои злоключенія. Въ Парижѣ ждало новое разочарованіе. Хотя во Флоренціи подѣ моимъ наблюденіемъ на сундуки наклеивались красные билеты съ надписью: «*Express Rome—Calais*», но на *Gare du Nord* моего багажа не оказалось.

— Онъ найдется, — утѣшалъ меня агентъ дороги, — надобно только послать депеши туда, гдѣ онъ можетъ находиться, а онъ или остался во Флоренціи, или въ Пизѣ, или его задержали въ таможнѣ въ Моданѣ. Онъ также можетъ быть завезенъ на *Gare de Lyon*, но хуже всего, если его забыли выгрузить и онъ ушелъ въ Калэ, откуда его могутъ еще переправить въ Лондонъ...

Слушая это, первый разъ въ теченіе двухмѣсячной поѣздки мнѣ стало жарко.

НА РЕЙНѢ.

I.

Когда я заявилъ, что собираюсь, по дорогѣ въ Парижъ, проѣхать по Рейну, то одинъ почтенный химикъ замѣтилъ мнѣ:

— Навѣрно вы опять напишете что-нибудь съ дороги? И откуда это у васъ все берется? Я вотъ тридцать лѣтъ ѣздилъ по Германіи, но сдѣлалъ лишь одно наблюденіе, что горничныя въ гостиницахъ въ Сѣверной Германіи носятъ панталоны, а въ Южной — нѣтъ.

Гдѣ идетъ граница этого «Сѣвера» и «Юга», мнѣ почтенный ученый не сообщилъ — вопросъ остается открытымъ для будущихъ русскихъ ученыхъ. У меня же были для поѣздки другія цѣли. Въ гости къ «добрымъ пруссакамъ» я часто ѣзжу; заѣзжалъ я и въ Силезію, въ Дрезденъ, въ Гейдельбергъ (который и описалъ); былъ въ 1893 году въ

Аахенѣ посмотрѣть рѣдкое зрѣлище, повторяющееся только разъ въ семь лѣтъ и собирающее тысячъ полтораста богомольцевъ: показываніе рубашки Богородицы, сохраняемой со множествомъ другихъ рѣдкихъ святынь въ знаменитомъ соборѣ. Но по Рейну и вдоль Рейна мнѣ не пришлось проѣхать ни разу за тридцать лѣтъ, послѣ того какъ я совершилъ почти невольно эту поѣздку въ памятный 1870 г., по случаю Франко-Прусской войны, разразившейся совершенно неожиданно.

Я сидѣлъ въ Швальбахѣ, тогда не имѣвшемъ желѣзной дороги, какъ вдругъ послѣ краткихъ денешъ о переговорахъ въ Эмсѣ пришло извѣстіе о мобилизаціи, о томъ, что война объявлена, что мостъ у Страсбурга взорванъ и не сегодня-завтра пожелаютъ въ Швальбахъ французы.

Многіе и дѣйствительно вообразили, что французы уже подходятъ, и платили по сто и по полтораста гульденовъ за экипажъ, чтобы добраться до Франкфурта. Переполохъ былъ страшный, и въ два дня Швальбахъ опустѣлъ. Волненіе было не совсѣмъ безпричинное. Война 1866 г. также застала врасплохъ туристовъ на водахъ. Одинъ мой знакомый донской генералъ въ Киссингенѣ вышелъ изъ номера въ коридоръ спросить содовой воды. Видитъ, по коридору бѣгутъ баварскіе солдаты, а за ними пруссаки. Раздается залпъ, и

мой генералъ окривѣлъ на всю жизнь на одинъ глазъ. Вотъ ужъ подлинно въ чужомъ пиру похмелье! Я дождался нѣкотораго успокоенія водяной публики и хотя благополучно доѣхалъ до Франкфурта, но оттуда добраться до Парижа было не такъ-то просто—потребовалось три дня! Германія, Бельгія и Франція сразу мобилизовали свои арміи. Почтовый поѣздъ то и дѣло задерживался изъ-за встрѣчныхъ воинскихъ поѣздовъ, полныхъ пьяными солдатами, которые ревѣли во всю глотку: «Direkt nach Paris!» и пѣли «Wacht am Rhein!» Видя это одушевленіе, особенно сравнивъ его съ чисто напускнымъ, казеннымъ жаромъ французской публики, я еще до Верта и Спикерена сложилъ себѣ убѣжденіе въ побѣдѣ нѣмцевъ.

Кельнъ. Новый желѣзнодорожный вокзалъ въ Кельнѣ всѣмъ петербуржцамъ хорошо знакомъ. Это грандіозное сооруженіе на кирпичныхъ сводахъ обошлось въ 24½ мил. марокъ. На полезное нѣмцы денегъ не жалѣютъ. Стоитъ посмотрѣть, что за дворцы построили они повсемѣстно для своихъ почтамтовъ. Почтовые конторы теперь лучшія зданія въ ихъ городахъ, тогда какъ у насъ—остроги. Наоборотъ, казенныя палаты и разныя канцеляріи помѣщаются въ Германіи въ скромнѣйшихъ зданіяхъ.

Площадь вокругъ вокзала занята, по новѣйшей

нѣмецкой системѣ, сплошь гостиницами. Это очень удобно для путешественниковъ какъ по перевозкѣ багажа, такъ и по присканію помѣщеній. Въ настоящее время, съ увеличеніемъ желѣзнодорожнаго движенія, гостиницы вездѣ переполнены, и никакія телеграммы, предупреждающія о прибытіи, не помогаютъ.

При этомъ я опять вспоминаю 1870 годъ, когда я вынужденъ былъ искать въ Кельнѣ ночью пристанища. Поѣздъ нашъ остановили и заявили, что онъ далѣе ранѣе слѣдующаго утра не пойдетъ. Я со своимъ братомъ и еще нѣсколькими знакомыми бродили поздно ночью цѣлые часы изъ одного конца Кельна въ другой, ища пристанища въ гостиницѣ. Съ величайшимъ трудомъ насъ приютили наконецъ въ маленькой комнатѣ въ верхнемъ этажѣ какой-то пивной лавки, переполненной пьяными солдатами, которые не только шумѣли и пѣли, но врывались всю ночь въ нашу комнату съ огромными кружками пива, предлагая выпить за будущую побѣду нѣмцевъ. Не видя ключа, не имѣя въ комнатѣ комода или чего-нибудь тяжелаго, чтобы загородить дверь, мы положили на полъ спать покойнаго Н. Н. Аксакова, чело-вѣка рослаго и тучнаго. Своимъ вѣсомъ онъ довольно удовлетворительно припиралъ дверь.

Тогда Кельнъ еще только возрождался, превра-

щаясь изъ гнѣзда іезуитовъ въ торгово-промышленный городъ; но настоящая перестройка города началась съ 1881 г. Теперь выстроился цѣлый новый городъ, и на мѣстѣ старыхъ скрытыхъ укрѣпленій возникли такъ называемые Ринги, великолѣпныя улицы съ домами преимущественно готическаго стиля, которыя могли бы украсить какую угодно столицу.

Соборъ, стоявшій четыреста лѣтъ не оконченнымъ и разрушеннымъ настолько, что французы во время своего владычества обратили его въ интендантскій складъ, уже двадцать лѣтъ какъ вполне оконченъ съ затратою болѣе 9 мил. рублей, а теперь окончена почти застройкою и очищена отъ скверныхъ зданій площадь собора.

Обогащеніе нѣмцевъ въ послѣднія 30 лѣтъ какъ будто бы подтверждаютъ слова Макіавелли, котораго такъ хорошо изучили Фридрихъ II и кн. Бисмаркъ: «Золота недостаточно, чтобы имѣть хорошихъ солдатъ, тогда какъ хорошіе солдаты легко добудутъ золото». Англія въ ея Трансваальской войнѣ лучшее доказательство перваго положенія, тогда какъ Германія въ войнахъ 1866 и 1870—71 гг., заработавъ около 7 миллиардовъ франковъ «чистыхъ», какъ говоритъ одинъ мой пріятель грекъ, подтверждаетъ послѣднее. Но ненадобно однако думать, что эти миллиарды и составили ис-

ключительно благополучіе Германіи. Они, конечно, нѣсколько «освѣжили» нѣмцевъ, давъ имъ возможность возобновить свой военный матеріалъ и перевооружить армію и крѣпости, не прибѣгая къ новымъ налогамъ и не взявъ ни копѣйки изъ текущаго бюджета, но богатство Германіи создано не столько войною, сколько покровительственною системою, начало которой положилъ Фридрихъ Великій, а прочно установилъ тотъ же Бисмаркъ, одинаково блестящій на финансовомъ поприщѣ, какъ и на дипломатическомъ.

Фабрики, заводы выросли въ Германіи какъ грибы, увеличилась вывозная торговля, желѣзнодорожное движеніе, заработная плата, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали быстро обстраиваться и города. Я просто пораженъ прогрессомъ за тридцать лѣтъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было въ этотъ промежутокъ времени. Но сотни милліоновъ, истраченные въ короткій срокъ нѣмцами по части архитектуры, принесли немного плодовъ въ эстетическомъ отношеніи. Здѣсь, какъ во Франціи, архитектура не создала никакого новаго стиля, существуя, такъ сказать, археологически, т.-е. рабски возстановляя и копируя старые стили.

Эта копировка одно изъ заблужденій новѣйшаго времени. «До 1800 года,—говоритъ одинъ художественный критикъ,—не замѣчалось ничего подоб-

наго, и архитектора не жили въ вѣчномъ маскарадѣ, строя въ современныхъ городахъ виллы въ помпейскомъ вкусѣ, замки въ родѣ королевскаго въ Блуа и гостиницы въ жанрѣ Помпадуръ».

Копировка неудовлетворительна и вслѣдствіе измѣненія условій жизни. Какъ командиру парусника трудно начальствовать надъ броненосцемъ, обратившимъ корабль въ громадную машину, такъ и домъ теперь непохожъ на прежнюю кучу сложенныхъ правильно камней. Онъ результатъ сложной архитектуры; кромѣ постройки сводовъ и фундаментовъ, надобно уметь проводить воду, газъ, электричество, устраивать искусственное отопленіе, телефоны, подъемныя машины, пользоваться сжатымъ воздухомъ, сплавлять нечистоты и т. д. Тутъ требуется знаніе множества прикладныхъ наукъ. «Скоро и для управленія домомъ,—пишетъ извѣстный профессоръ архитектуры Гюадъ,—нельзя будетъ ограничиваться нынѣшними консьержами,—потребуются ученики политехнической школы!»

Такимъ образомъ намъ нечего бояться за будущность тѣхъ многочисленныхъ политехниковъ, которыми уснащается теперь русская земля. Кончившіе курсъ найдутъ себѣ помѣщеніе въ должностяхъ старшихъ дворниковъ и швейцаровъ въ будущихъ усовершенствованныхъ домахъ.

Если копировка стилей въ наружности домовъ

кажется странною и неподходящею къ условіямъ современности, то что сказать о копировкѣ внутренней обстановки въ соотвѣтствіи со стилемъ? Подчасъ она бываетъ совсѣмъ неумѣстна. Ибо если уже въ XVII столѣтіи условія жизни дѣлали, напримѣръ, неудобными тяжелые стулья или кровати Ренесанса и мебель, посуда и т. п. замѣнялись болѣе подходящими предметами, то, конечно, въ XX столѣтіи вышеозначенные тяжелые предметы Ренесанса, хотя бы и вполне стильные, окажутся еще болѣе неподходящими и непрактическими.

Кобленцъ. Если быстрое развитіе Кельна легко объяснить его чрезвычайно выгоднымъ для торговли мѣстоположеніемъ, то чѣмъ объяснить столь же быстрое развитіе Кобленца, въ которомъ населенія въ десять разъ менѣе, только сорокъ тысячъ вмѣстѣ съ гарнизономъ, и который важенъ главнымъ образомъ какъ административный и военный центръ? Здѣсь находится управленіе Прирейнской Пруссіи и живетъ оберъ-президентъ, т. е. генералъ-губернаторъ, д. тайн. сов. Нассе.

Городъ однако расширяется и обстраивается съ поразительною быстротою. Тогда какъ у насъ за десять лѣтъ на Каменноостровскомъ проспектѣ выстроилось четыре или пять порядочныхъ домовъ и эта улица, которая могла бы стать лучшею

въ столицѣ, представляетъ рядъ огородовъ и пустырей и снабжена гнуснѣйшими тротуарами, въ маленькомъ Кобленцѣ новыя улицы—Гогенцоллернъ, Мольтке, Майнцская и др.—застроились превосходными вилами и домами, тротуары широки, вездѣ деревья и цвѣтники.

Въ Кобленцѣ не видно ни фабрикъ, ни заводовъ; но это не мѣшаетъ ему быть въ извѣстной степени центромъ для окружающей богатой мѣстности, гдѣ промышленность значительно развита, какъ и вездѣ на Рейнѣ. Въ Кобленцѣ находится мѣсто-пробываніе одного изъ крупныхъ синдикатовъ, между которыми распределяется теперь нѣмецкая горно-заводская промышленность, именно синдиката сталелитейной промышленности въ Лотарингіи, отдѣлившася отъ Halbzeug Verband, главнаго синдиката по части стали, центръ котораго въ Дюссельдорфѣ. Остальные синдикаты: Roheisen-Syndikat, Traeger-Syndikat, Walzdraht Syndikat, Grobblech-Syndikat и Draht-Fabrikanten Verband находятся въ Дюссельдорфѣ, Гагенѣ, Эссенѣ и Гаммѣ въ Вестфалии. Только этими союзами и можетъ существовать германская промышленность, защищающаяся не столько отъ заграничной конкуренціи, сколько отъ собственного перепроизводства. Для предупрежденія кризиса существуетъ кромѣ того синдикатъ банковъ, который скупаетъ акціи предприятий, когда онѣ пада-

ютъ ниже ихъ дѣйствительной, точно вычисленной стоимости. Банки съ своею очередь находятъ кредитъ въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Германія пользуется до сихъ поръ хорошимъ кредитомъ, и недавно она помѣстила по 99% въ Нью-Йоркѣ на 40 мил. 4-процентныхъ билетовъ государственнаго казначейства.

Кобленцъ стоитъ, какъ извѣстно, на сліяніи Рейна съ Мозелемъ. Весь образуемый такимъ образомъ мысокъ обращенъ въ гигантскій памятникъ въ честь Вильгельма I. Это одинъ изъ самыхъ величественныхъ монументовъ въ свѣтѣ; гранитный пьедесталъ вышиною 11 сажень, кромѣ того вокругъ него идетъ рядъ колоннадъ въ 9 сажень. Самъ монументъ изъ бронзы, изображающій императора въ порфирѣ верхомъ, котораго ведетъ геній—7 сажень. Онъ красивѣе съ верховья рѣки. Отъ Кобленца линіи сливаются и статуя представляется какою-то гигантскою птицею. Отсюда и вообще съ набережной открывается чудный, одинъ изъ лучшихъ въ Средней Европѣ, видъ на противоположный крутой берегъ Рейна, оживленный множествомъ построекъ; рѣка также полна движенія.

Набережная вдоль Рейна вполне благоустроена и служитъ для прогулки, особенно та часть, которая идетъ вдоль парка королевскаго дворца, гдѣ жилъ, будучи принцемъ, императоръ Виль-

гельмъ. Во дворцѣ этомъ до самой смерти большую часть года проживала императрица Августа: на набережной поставленъ бюстъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она любила сидѣть по вечерамъ, любуясь видами Рейна. Императрица извѣстна у насъ только по знаменитымъ стихамъ во время войны:

Милая моя Августа,
Вокругъ меня все пусто и т. д.

Между тѣмъ это была замѣчательная въ своемъ родѣ женщина, которой боялся самъ Бисмаркъ и ничего съ ней подѣлать не могъ. Чуть не треть записокъ Бисмарка посвящена описанію интригъ, введенныхъ противъ него Августой съ ея клерикальнымъ антуражемъ. Объ императорѣ Вильгельмѣ и говорить нечего: онъ и не думалъ спорить съ неувариною супругою. Бисмаркъ пишетъ, что если императоръ составлялъ лично о чемъ-либо мнѣніе, то его можно было разубѣдить. Если же мнѣніе диктовала императрица Августа, то никакія чловѣческія силы не разубѣждали Вильгельма; онъ оставался непреклоннымъ и на всѣ доводы откровенно заявлялъ, что не желаетъ домашнихъ ссоръ.

Въ Кобленцѣ есть еще нѣсколько памятниковъ, въ томъ числѣ одинъ очень курьезный особенно для нѣмецкаго города. Недалеко отъ набережной, противъ старинной церкви св. Кастора, стоитъ довольно высокій фонтанъ изъ сѣраго гранита. Воды

онъ не даетъ и слегка запущенъ, но надписи хорошо сохранились. Сверху написано, что фонтанъ воздвигнулъ префектъ Жюль Доазанъ въ честь кампаніи французовъ противъ русскихъ въ 1812 г. Внизу ироническая надпись: «Читано и одобрено нами, русскимъ комендантомъ города Кобленца, 1-го января 1814 г.». Надпись эту приказалъ высѣчь графъ Сень-При, состоявшій тогда въ русской службѣ.

По справедливости въ Кобленцѣ слѣдовало бы поставить памятникъ и Меттерниху, родившемуся здѣсь. Тридцать четыре года вся Европа ругала этого человѣка, считая его пустымъ и легкомысленнымъ фаворитомъ слабыхъ и слабоумныхъ государей, между тѣмъ едва ли не его ловкости и уму Европа обязана была тѣмъ, что миръ такъ долго не нарушался и общее богатство возрасло въ такой степени, что 40-е годы были, можно сказать, апогеемъ буржуазнаго благополучія и до сихъ поръ многими вспоминаются со вздохомъ. Впрочемъ война и борьба, какъ вѣрно замѣтили Шопенгауэръ и Прудонъ, не зная еще о теоріяхъ Дарвина, нормальное положеніе человѣчества. Лейбницъ вѣрно опредѣлилъ, что «вѣчный миръ возможенъ только въ могилѣ». Поэтому справедливъ былъ ораторъ, назвавшій Гаагскую конференцію пластыремъ, поставленнымъ на деревянную ногу.

Остроумный Вовенаргъ очень тонко замѣтилъ, что миръ дѣлаетъ народы болѣе счастливыми, но людей болѣе слабыми. Сознавъ это, императоръ Вильгельмъ и желаетъ, вѣроятно, поупражнять своихъ солдатъ на китайцахъ, чему большинство нѣмцевъ, вкусившихъ блага продолжительнаго мира, не очень-то сочувствуютъ, особенно здѣсь на Рейнѣ.

Эмс. Одно изъ удобствъ жизни въ Кобленцѣ это то, что подъ руками находится знаменитый курортъ Эмсъ. Такъ какъ разстояніе всего 16 верстъ, то лучше ѣхать въ экипажѣ. Въ обоихъ случаяхъ придется проѣхать черезъ Эренбретштейнъ, обратившійся изъ крѣпостного форштадта въ красивое предмѣстье Кобленца. Отсюда ѣдутъ обыкновенно въ Эмсъ черезъ Аренбергъ, по пересѣченной, но очень населенной мѣстности, а возвращаются по долиנѣ Лана по шоссе, идущему параллельно съ желѣзной дорогой. Кто ѣдетъ на болѣе продолжительное время съ багажемъ, долженъ, конечно, ѣхать по рельсамъ.

Въ Эмсѣ я былъ въ первый разъ. Онъ мнѣ показался красивымъ и пріятнымъ для жизни городкомъ. Онъ вытянутъ по довольно узкому ущелью Лана, покрытому на крутыхъ склонахъ лѣсомъ. На набережной послѣдняго находятся соединенные крытой галереей кургаузъ и курзалъ, довольно скромный, хотя въ послѣднемъ когда-то процвѣ-

тала рулетка. Двѣ аллеи образуютъ кургартенъ; по нимъ прогуливается публика и здѣсь играетъ музыка. Цѣлебность эмскихъ источниковъ, число которыхъ прибавилось въ послѣднее время, причиною того, что, несмотря на уничтоженіе рулетки, воды не пали и число больныхъ ежегодно увеличивается.

Такъ какъ воды помогаютъ отъ застарѣлыхъ бронхитовъ и др. болѣзней дыхательныхъ органовъ, то Эмсъ посѣщается большимъ числомъ государственныхъ людей и генераловъ почтеннаго возраста. Русская церковь на другомъ берегу Лана напоминаетъ о пребываніи здѣсь императора Александра II, но особенно много воспоминаній въ Эмсѣ оставилъ императоръ Вильгельмъ I, пріѣзжавшій сюда почти каждый годъ. Мраморный монументъ этого друга Россіи, мало у насъ оцѣненнаго при жизни, въ штатскомъ платьѣ, которое онъ носилъ на водахъ, украшаетъ главную аллею кургартена, знаменитую тѣмъ, что здѣсь бѣдный Бенедетти, получавшій приказы изъ Парижа, силлся чуть не нахрапомъ имѣть аудіенціи у императора. Дешеша объ этомъ Бисмарку, искусно передѣланная послѣднимъ для печати, и послужила предлогомъ для Франціи объявить несчастную войну.

Осмотръ Эмскаго курорта былъ для меня вдвойнѣ

любопытенъ, потому что вопросомъ о благоустройствѣ минеральныхъ водъ я не мало занимался. Спасибо за это мнѣ, конечно, никто не сказалъ. Только покойный Башкировъ назвалъ въ мою честь новое ванное зданіе въ Кисловодскѣ, да г. Плещеевъ поставилъ мнѣ въ одной замѣткѣ какъ-то въ заслугу улучшение Марціальныхъ водъ. Я очень благодаренъ за это воспоминаніе, но мои заботы клонились исключительно къ тому, чтобы сохранить отъ разрушенія этотъ памятникъ кипучей дѣятельности Петра Великаго.хлопотать же о Марціальныхъ водахъ съ цѣлью обращенія въ благоустроенный курортъ рѣшительно не было и нѣтъ основанія. Въ терапевтическомъ отношеніи Марціальныя воды, какъ содержація сѣрнистое желѣзо, скорѣе вредны, чѣмъ полезны для здоровья, и нужно удивляться, какъ Петръ Великій пилъ ихъ, да еще зимою, въ февралѣ, въ Олонецкой губерніи! Неудивительно, что при такой системѣ леченія Петръ прожилъ всего 51 годъ.

По отношенію къ отечественнымъ минеральнымъ водамъ я оказалъ болѣе услугъ, чѣмъ починкою строеній у Марціальныхъ водъ. Если наши воды будутъ спасены для будущихъ поколѣній, то въ значительной степени благодаря сочиненному и проведенному мною закону объ охранѣ источниковъ минеральныхъ водъ. Опасность, которой под-

вергались важныя для Царства Польскаго Бусскія минеральныя воды, навела меня на мысль о настоятельной необходимости изданія этого закона, однимъ изъ послѣдствій коего явилось тщательное изученіе геологическаго строенія водъ, необходимое для опредѣленія округовъ охраны водъ. Дѣло не обошлось безъ затрудненій. Проектъ мой, заимствованный преимущественно изъ французскаго закона, былъ весьма кисло встрѣченъ въ Государственномъ Совѣтѣ, особенно юристами, видѣвшими въ немъ ограниченіе правъ частной собственности, и только благодаря личнымъ дружественнымъ отношеніямъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ Островскаго съ покойнымъ Абазою, тогда предсѣдателемъ департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, удалось обратить проектъ въ законъ, пожертвовавъ нѣкоторыми подробностями.

Руководя затѣмъ установленіемъ охраны нашихъ водъ, а затѣмъ и прямо завѣдуя значительною частью русскихъ водъ, подчиненныхъ горному департаменту, я имѣлъ возможность близко ознакомиться съ ихъ положеніемъ. Большинство нашихъ источниковъ я осмотрѣлъ лично, посѣтилъ также важнѣйшіе курорты за границею. Такъ какъ вопросъ о минеральныхъ водахъ обсуждается въ печати нерѣдко и въ довольно рѣзкой формѣ, то

считаю небезполезнымъ высказать нѣсколько соображеній о дѣйствительномъ положеніи и будущности нашихъ водъ.

Россія и очень богата, и очень бѣдна минеральными водами. Она богата ими на окраинахъ, въ Терской области, Черноморской губерніи и особенно въ Забайкальской области, гдѣ трудно или вовсе невозможно пользоваться водами. Она бѣдна водами въ центрѣ Россіи, гдѣ населеніе болѣе плотно, да и тѣ, что тамъ существуютъ, не имѣютъ большого значенія въ медицинскомъ отношеніи. Холодный и сырой климатъ мѣшаетъ цѣлебному вліянію многихъ русскихъ водъ.

Думать, что стоитъ правительству захотѣть—и Кисловодскъ или Славянскъ станутъ походить на Баденъ или Экслебенъ, такъ же нелѣпо, какъ удивляться, почему Бердичевъ не походитъ на Парижъ, а Архангельскъ на Ливерпуль.

Наши воды, напримѣръ Кавказскія, открыты только въ концѣ прошлаго столѣтія, а лучшія заграничныя извѣстны съ древности. Эмса, подѣ именемъ Embasis, былъ извѣстенъ уже римлянамъ, ихъ пила Агриппина и вліянію Эмса приписывали, что она родила Калигулу. Затѣмъ лучшія заграничныя воды находятся въ самомъ центрѣ богатаго населенія, въ двухъ часахъ отъ большихъ городовъ, среди сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Многія заграничныя воды, особенно прирейнскія и французскія, устроились и расширились на счет публичной азарной игры. Кромѣ всякихъ рекламъ, этого рода заведенія для привлеченія публики прибѣгаютъ и къ такимъ средствамъ, какъ субсидіи знаменитымъ кокоткамъ, и къ коммисіямъ, особымъ *gabatteurs'*амъ-загонщикамъ, привлекающимъ изъ клубовъ крупныхъ игроковъ, и т. д.

Великое зло на нашихъ водахъ—доктора, хотя такое положеніе покажется парадоксальнымъ. Въ Виши на шестьдесятъ тысячъ больныхъ много-много двадцать или тридцать практикующихъ врачей,—на Кавказскихъ водахъ ихъ на семь тысячъ больныхъ болѣе ста! Практику имѣетъ изъ нихъ десятокъ; остальнымъ, какъ медвѣдямъ зимою, приходится сосать собственную лапу и отъ скуки обличать другъ друга и администрацію. Одинъ профессоръ принялся обличать горное управленіе за новую обсадку сгнившаго деревяннаго колодца Нарзана, а оказалось, что профессору, нынѣ чуть ли гдѣ-то не декану, не были извѣстны элементарные законы гидростатики, обязательные для познанія каждому гимназисту, въ чемъ профессоръ и былъ изобличенъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

У насъ воды помѣщаются въ захолустныхъ уѣздныхъ городахъ, деревняхъ или казачьихъ станицахъ, жители которыхъ понятія не имѣютъ не только

о гигиенѣ, но о какой-либо культурѣ. Да и самые посѣтителы водъ что за народъ! Большинство ихъ бѣдняки, пріѣзжающіе со своими самоварами и перинами и стѣсняющіеся платить болѣе 25 или 30 к. въ день за обѣдъ и ужинъ. Какъ же тутъ устраивать хорошія гостиницы съ полнымъ комфортомъ?

Затѣмъ какіе нравы. Въ Виши на 66,000 пріѣзжающихъ четыре городскихъ, въ Экс-ле-Бенѣ на 26,000 трое городскихъ и только когда пріѣзжаетъ король греческій, прибавляютъ четвертаго. Никакихъ дракъ тамъ не бываетъ, а если случается воровство, то это какой-либо итальянскій забулдыга, перебравшійся черезъ границу. У насъ въ Пятигорскѣ на 3,500 пріѣзжихъ начальникъ полиціи—казачій генералъ; у него кромѣ разныхъ офицеровъ цѣлая сотня казаковъ. И что же? Исторіи и скандалы ежедневны. То какой-либо офицеръ въѣхалъ верхомъ въ курзалъ, то другой господинъ избилъ смотрителя, то инженеръ укралъ собаку, то подрались за картами и т. д.

За границею вездѣ свирѣпствуетъ игра, но роль инспектора игры, называемаго *Père la Pudeur*, почти синекура. Въ Эмсѣ ее занимаетъ отставной актеръ. Онъ скорѣе разрѣшаетъ замысловатые случаи, бывающіе въ карточной игрѣ, чѣмъ слѣдитъ за порядкомъ. Въ сельскомъ клубѣ въ Петербургѣ за такими спеціальными вопросами обращались

обыкновенно къ Некрасову, а послѣ его смерти къ Апухтину. О полицейскомъ воздѣйствіи никто за границей на водахъ и не думаетъ. У насъ же, несмотря на изобиліе полиціи, часто приходится самому чинить судъ и расправу, иногда оригинальнымъ образомъ.

Вотъ для образчика сцена. Одинъ изъ кавказскихъ помѣщиковъ, извѣстный своею наслѣдственною храбростью и физическою силою, играетъ въ Кисловодскѣ въ карты съ двумя господами. Остановившись посреди игры, онъ спокойно спрашиваетъ партнеровъ:

— Господа, одинъ изъ васъ передергиваетъ. Кто—не знаю. Разберитесь между собою и завтра мнѣ доложите.

Затѣмъ складываетъ карты и уходитъ. На другой день онъ встрѣчаетъ своихъ партнеровъ на прогулкѣ въ паркѣ.

— Ну что, разобрались?—спокойно спрашиваетъ онъ.

— Помилуйте, что вы? Да за кого вы насъ принимаете.

— А, значитъ оба шулера.

Трахъ, трахъ обоихъ по мордѣ и дѣлу конецъ. Гуляющая публика взираетъ на этотъ Соломоновъ судъ сочувственно, какъ на нѣчто вполне нормальное...

По Рейну. Вернувшись изъ Эмса въ Кобленцъ, я отправился на пароходѣ освѣжить въ памяти прелестные берега Рейна. Я не могу повторить, какъ Карамзинъ, слова котораго долбилъ въ гимназіи: «Любезные друзья, какъ радостно билось мое сердце! Рейнъ, Рейнъ, наконецъ вижу тебя, вижу и благословляю царя водъ германскихъ въ гордомъ его теченіи», но все-таки проѣхался не безъ удовольствія.

Пассажирскіе пароходы, послѣ нашихъ волжскихъ и американскихъ, ничего особеннаго не представляютъ. Самый дорогой стоитъ 500,000 марокъ и отдѣланъ скромно, но цѣна для путешествія, длившагося нѣсколько часовъ, вполне удовлетворительна. Главная забота—накормить обѣдомъ всю массу пассажировъ, что не легко и требуетъ искусной и расторопной прислуги. Сидѣвшій около капитана господинъ, очевидно крупный фабрикантъ или помѣщикъ, выпивъ по бутылкѣ дорогого рейнвейна и французскаго шампанскаго, сосѣду предложилъ только маленькую рюмочку и то въ концѣ обѣда. Акуратный народъ!

Обѣдъ имѣетъ для туристовъ и неудобную сторону: его подаютъ какъ разъ, когда послѣ Санъ-Готара берега рѣки дѣлаются особенно живописными и рыцарскіе замки, частью возобновленные для вилежіатуры банкировъ, мелькаютъ на каждомъ

шагу. Проѣзжая мимо Лорелея, нѣмки навѣрное прослезились бы, вспомнивъ:

Ich weiss nicht
Was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig bin.

Но въ это время какъ разъ подавали сосиски съ капустою и тертымъ картофелемъ, а противъ этого блюда никакая нѣмецкая сантиментальность не устоитъ.

Благодаря улучшенію фарватера Рейна и его притоковъ, рѣка эта сдѣлалась чрезвычайно важною торговою артеріею. Одною вестфальскаго угля перевозится по ней болѣе 420 мил. пудовъ, тогда какъ по Волгѣ, которая въ три раза длиннѣе Рейна, все грузовое движеніе равняется 743 мил. пудовъ. Водяной перевозкѣ не мѣшаютъ двѣ желѣзнодорожныя линіи вдоль Рейна, причемъ любопытно, что дорога по лѣвую сторону работаетъ гораздо выгоднѣе дороги по правую сторону рѣки. Углубленіе русла и переустройство пароходовъ и баржъ сдѣлали то, что перевозка обходится 0,004 пфенига съ километра, т.-е. такъ дешево, что никакія желѣзныя дороги никогда не будутъ въ состояніи съ нею конкурировать. На рѣкѣ устроены три большихъ внутреннихъ порта—въ Дюссбургѣ (важнѣйшемъ пунктѣ нагрузки угля изъ Рурскаго бассейна), Кельнѣ, Мангеймѣ и устраиваются въ Страс-

бургѣ. Морскія суда не очень большой осадки поднимаются уже до Кельна.

Отъ этого движенія особенно выигрываетъ голландскій Роттердамъ, ставшій третьимъ торговымъ портомъ въ Европѣ (послѣ Гамбурга и Антверпена) Грузовое движеніе въ 1899 г. равнялось 6.323,000 тоннъ, и Роттердамъ далеко обогналъ движеніе Амстердама съ его 1.800,000 тоннъ: въ двадцать лѣтъ торговля Роттердама увеличилась въ шесть разъ.

Гигантское движеніе по Рейну еще разовьется въ будущемъ, главнымъ образомъ отъ дальнѣйшаго развитія каменноугольной промышленности въ Вестфалии. Любопытно, что Наполеонъ III, бывшій причиною объединенія Германіи, былъ и невольною причиною блестящаго развитія германской промышленности и горнаго дѣла. Толчокъ имъ, какъ извѣстно, далъ торговый трактатъ 1861 г., заключенный Франціей съ Пруссіей, одновременно съ трактатомъ съ Англіей.

Вестфальскій угольный бассейнъ даетъ половину всего нѣмецкаго угля (болѣе трехъ миллиардовъ пудовъ) и эксплуатируется лучше силезскаго. Онъ занимаетъ всего $\frac{1}{30}$ площади Германіи, а кормитъ $\frac{1}{22}$ населенія и даетъ $\frac{1}{4}$ всѣхъ грузовъ желѣзныхъ дорогъ. Вотъ что значитъ горная промышленность, которую у насъ презирали всѣ государственные люди. Вестфальскія желѣзныя дороги те-

перь вывозятъ по 18,000 вагоновъ угля въ день и болѣе вывозить не могутъ: мѣста для новыхъ рельсовыхъ путей нѣтъ, а старые часто заняты цѣлкомъ маневрами вагоновъ. Остается одно—соединить каналомъ Рейнъ съ Эльбой, разстояніе между которыми 466 километровъ; новыхъ каналовъ потребуется только 325 километровъ. Плоская мѣстность вполне позволяетъ это сдѣлать.

Но противъ канала возстали крупные интересы. Аграріи заявили, что не желаютъ платить проценты по займамъ, которые пойдутъ на еще большее развитіе промышленной и социалистической Западной Германіи, открывая водяной путь заграничному хлѣбу и удорожая рабочія руки. Противъ канала высказались силезскіе и саксонскіе углепромышленники, опасаящіеся потерять берлинскій рынокъ. Католическая партія центра въ прусской палатѣ депутатовъ воспользовалась этимъ расколомъ, начала съ правительствомъ торговаться и, не получивъ удовлетворенія, перешла въ значительномъ числѣ на сторону оппозиціи.

Но наиболѣе помогло парламентской оппозиціи то обстоятельство, что, присутствуя при открытіи канала отъ Дортмунда до р. Эмса, германскій императоръ сказалъ, что онъ и его правительство рѣшили твердо и безповоротно построить не только этотъ каналъ, но весь каналъ до Эльбы.

Вильгельмъ II, какъ извѣстно, любитъ произносить эффектные рѣчи, не обращая вниманія на то впечатлѣніе, которое онѣ производятъ. Выяснено, что за десять лѣтъ своего царствованія онъ произнесъ уже семьсотъ рѣчей. Онъ говоритъ очень быстро (отъ 270 до 300 слоговъ въ минуту), и для записыванія его рѣчей имѣется особый специалистъ-стенографъ Энгель.

Послѣ рѣчи палаты отвергли каналъ, сначала незначительнымъ числомъ голосовъ, а при второмъ чтеніи 141 голосомъ! Согласительное предложеніе, внесенное національ-либералами, потерпѣло такое же фіаско. Прусское правительство не считаетъ себя побѣжденнымъ и собирается внести новый проектъ, который потребуетъ 15 лѣтъ для своего осуществленія и 450 мил. марокъ вмѣсто 268, ранѣе просимыхъ. Дѣло настолько важно, что палаты, вѣроятно, уступятъ.

Пароходъ останавливается сначала у Бингена и затѣмъ, перерѣзавъ рѣку поперекъ, у Рюдесгейма, гдѣ большинство пассажировъ высаживается, такъ какъ отсюда кратчайшая дорога до Франкфурта, Висбадена и Майнца.

Изъ Рюдесгейма въ 10 минутъ поднимаются по особой желѣзной дорогѣ въ Нидервальде, гдѣ съ 1883 г. красуется величественный памятникъ въ честь возстановленія Германской имперіи. Цоколь

монумента 12¹/₂ сажень высотой и украшенъ разнообразными барельефами и статуями историческими и аллегорическими. Главная статуя Германіи съ императорскою короною и съ мечомъ имѣетъ болѣе 5 сажень. Ее видно издалека. Съ террасы открывается великолѣпная перспектива береговъ Рейна.

Но и для нежелающихъ любоваться нѣмецкимъ монументомъ найдется въ Рюдесгеймѣ пріятное занятіе. Это центръ Rheingau, лучшей части рейнскихъ виноградниковъ, которыми нѣмцы обязаны латинской цивилизаціи. Польза отъ рейнвейна парализовала вредъ отъ римскаго права. Въ древности Средняя Европа пила пиво или брагу. Римляне и особенно католическіе монастыри*) распространили винодѣліе въ Германіи, Франціи и Австро-Венгріи. Съ нынѣшняго столѣтія, благодаря филлоксерѣ, пиво опять начало сокращать районъ винодѣлія и заставляетъ винодѣловъ вливать въ бочки больше «рейну», чѣмъ «вейну». Вредитъ также высокій акцизъ на спиртъ.

Рюдесгеймъ производитъ двѣ давно знаменитыя марки: Berg и Hinterhaus. А въ двухъ шагахъ еще болѣе цѣнимые Иоганнесбергъ, Штейнбергъ, Маркобруннеръ и равныя по достоинству Эмде-

*) Теперь католическіе монастыри производили лучшихъ въ мірѣ ликеровъ.

ханей-Гохгеймеръ, Рауэнталь, Графенбергъ и Глейзенгеймъ - Ротебергъ. Это первоклассныя бѣлыя рейнскія вина. Лучшее красное вино Ассмангаузенъ растетъ также неподалеку.

Цѣнятся вина, конечно, по возрасту и годамъ. Старше сорока лѣтъ вина не попадаютъ. Лучшие годы тѣ, когда въ Германіи стояли сильныя жары: 1858, 1859, 1861, 1862, 1865, 1868, 1874, 1893 и 1895. Имѣется много хорошихъ винъ и ниже по Рейну, а также въ Гессенѣ, на Мозелѣ и Саарѣ, въ Баденѣ, въ Эльзасѣ, но всѣ они хуже и дешевле названныхъ. Мозельское вино Doctor Berncasteler, котораго въ Петербургѣ многіе считаютъ лучшимъ изъ докторовъ, на мѣстѣ считается невысокимъ. Впрочемъ и въ Rheingau не мало винъ второго и третьяго сорта. Нѣмцы, конечно, считаютъ рейнскія вина первыми въ мірѣ. «Вина другихъ странъ, говоритъ одинъ изъ ихъ ученыхъ, славятся только вкусомъ, рейнвейнъ заставляеть мыслить!»

Въ ожиданіи поѣзда мы расположились въ гостиницѣ Юнга, одного изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ виноторговцевъ, и производили надлежащую экспертизу, причемъ пришли къ грустному заключенію, что бутылка для рейнскаго вина почему-то объемомъ меньше, чѣмъ соотвѣтствующія бутылки сосѣднихъ бѣлыхъ бургонскихъ винъ. Подобную

же экспертизу 109 лѣтъ назадъ дѣлалъ Карамзинъ, попивая Гохгеймеръ, лучшее, по его словамъ, вино изъ всѣхъ рейнскихъ. «Мысль, что я пью рейнвейнъ на берегахъ Рейна,—пишетъ нашъ великій исторіографъ, —веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, пѣнилъ, любовался свѣтлостью вина и былъ доволенъ какъ царь. Скоро бутылка опорожнилась».

Малость бутылки нагнала на Карамзина філософію. На «почтенномъ виноградномъ Рейнѣ» онъ видѣлъ «благословенные плоды, веселящіе сердца людей въ странахъ отдаленныхъ и не столь облагодѣтельствованныхъ природою» и съ грустью вспомнилъ, что на Сѣверѣ онъ привыкъ «видѣть печальныя сосны и пѣтомъ орошаемые сады, гдѣ аргусы съ дубинами стоятъ на караулѣ»!

Достоинство винъ собственно для вкуса зависитъ отъ ихъ букета, обусловленнаго сложными эфиромы, составъ которыхъ мало извѣстенъ. По этому поводу я вспоминаю, что когда на лекціяхъ органической химіи моего профессора, извѣстнаго химика Н. Н. Соколова, спросили: «Отчего же не изучать поближе этихъ эфировъ?»—онъ отвѣчалъ:

— Во-первыхъ, это обошлось бы очень дорого, а затѣмъ и химики такія вина предпочитаютъ скорѣе пить, нежели изслѣдовать.

Изъ Рюдесгейма большинство туристовъ уѣз-

жаютъ, потому что дальнѣйшій путь по Рейну менѣе удобенъ и живописенъ. Для нашихъ адвокатовъ развѣ интересно было бы взглянуть на замокъ на островкѣ противъ Эльтваля, принадлежавшій г. Серебряному, прославившемуся въ процессѣ Горвица, Когана и Грегера. Объ этомъ процессѣ много было рѣчи въ войну за освобожденіе Болгаріи; онъ обошелся нашей казнѣ 12 милліоновъ рублей, значительная часть которыхъ ушла на время въ карманы юрисконсультовъ.

II.

Франкфуртъ-на-Майнѣ. Вокзалъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ еще великолѣпнѣе Кельнскаго. Онъ стоилъ 35 милліоновъ марокъ, имѣетъ 18 рельсовыхъ путей и три дебаркадера въ 82 сажени длины и 71 сажень ширины! Съ такой же роскошью построены почтамтъ, куда вошелъ историческій дворецъ Турнъ и Таксисовъ, нѣкогда монополистовъ германской почты, биржа, опера и зданіе городского архива и музея. Франкфуртъ за тридцать лѣтъ, что я въ немъ не былъ, до такой степени измѣнился, что я совершенно не могъ сначала оріентироваться и сообразить, гдѣ именно жилъ ранѣе. Я думаю, самъ Шопенгауеръ, скончавшійся здѣсь сорокъ лѣтъ назадъ, поставленъ былъ бы въ тупикъ, если бы его воскресили. Геніальный философъ провелъ послѣднія двадцать лѣтъ жизни въ роли *major de la table d'hôte* во Франкфуртѣ; здѣсь онъ написалъ свою безсмертную *«Parerga und Paralipomena»*.

Жизнь Шопенгауера была поразительно однообразна: каждый день онъ вставалъ въ 8 часовъ утра, обмывался по-англійски большой губкой, варилъ себѣ кофе и садился за рабочій столъ, затѣмъ игралъ на флейтѣ, тщательно одѣвался, непременно съ бѣлымъ галстукомъ, затѣмъ обѣдалъ за табель д'отомъ. Послѣ обѣда отдыхалъ, гулялъ, читалъ *«Times»* или классиковъ, шелъ въ театръ, ужиналъ и прекрасно спалъ. Большой наслѣдственный капиталъ свой онъ такимъ образомъ къ концу жизни удвоилъ, завѣщавъ часть состоянія своей собакѣ. Онъ и ранѣе писалъ, что «собака единственный другъ человѣка» и что «если бы не было собакъ, то онъ не желалъ бы и жить на свѣтѣ».

Это былъ человѣкъ чрезвычайно мнительный; онъ не любилъ получать писемъ, опасаясь непріятныхъ извѣстій; ночью онъ клалъ около себя пистолеты, жилъ въ нижнемъ этажѣ, боясь пожара, никогда не брился чужими бритвами и пилъ всегда изъ собственнаго стакана, чтобы не получить проказы. Деньги онъ пряталъ по разнымъ угламъ квартиры, а свои замѣтки, дабы ими не воспользовались другіе, дѣлалъ по-латыни или по-гречески. Болѣе всего мучила его, какъ потомъ мучила Ницше, мысль, что его не цѣнятъ и не читаютъ, хотя самъ онъ писалъ, что боится не того, что «черви съѣдятъ его тѣло, а того, что профессора философіи

начнутъ копаться въ его сочиненіяхъ». Что его читали, доказываетъ изданная еще въ 1880 г. Лабаномъ «Schopenhauer Literatur» — цѣлый томъ списка книгъ и статей, написанныхъ о Шопенгауерѣ: онѣ составили бы библіотеку. Послѣ Гете и Канта ни о комъ столько нѣмцы не написали, какъ объ этомъ философѣ, у насъ долгое время совершенно не оцѣненномъ. «Современникъ» въ 60-хъ годахъ потѣшался надъ Лавровымъ за ссылки на Шопенгауера. «Новому Времени» принадлежитъ честь популяризаціи его въ Россіи.

Наружность Франкфурта измѣнилась особенно отъ постройки цѣлаго новаго города, для чего снесли прежній дебаркадеръ желѣзной дороги. Земля подъ бывшей станціей и составляетъ теперь лучшую часть города. Эта станція осталась мнѣ въ памяти по поводу той же войны 1870 г. Когда я пріѣхалъ съ братомъ изъ Швальбаха, чтобы направиться въ Парижъ, оказалось, что можно было взять съ собою только часть багажа. Остальную намъ предложили отправить въ Петербургъ. Мы согласились, но оказалось, что багажа накопилось на станціи буквально горы и его преспокойно валили на площади въ общую кучу. Сданный въ іюнѣ багажъ пришелъ въ цѣлости, но въ декабрѣ!

По мнѣнію многихъ, у нѣмцевъ нѣтъ чувства красоты; особенно имъ недостаетъ того, что на-

зывается вкусомъ, элегантною. Это сказывается и въ нѣмецкихъ артистахъ, и въ архитектурѣ. Новый Франкфуртъ, пожалуй, выгодно отличается въ этомъ отношеніи. Новыя улицы его, какъ Kaiserstrasse, широки и изящны. Въ зданіяхъ употребляется много желѣза и стекла, что позволяетъ климатъ. Улицы замѣчательны не только чистотою и домами красивой, легкой постройки, но и отлично устроенною сѣтью конныхъ желѣзныхъ дорогъ, дѣлающей почти излишними для массы публики услуги извозчиковъ. Видна разумная рука городскихъ эдировъ. Франкфуртъ всегда имѣлъ образцовый муниципалитетъ. Извѣстенъ фактъ, что когда въ 1866 г. пруссаки, наложивъ по мелкой злобѣ Бисмарка на Франкфуртъ военную контрибуцію въ 10 мил. талеровъ, затѣмъ хотѣли взять еще 40 мил. талеровъ, то одинъ изъ членовъ муниципалитета съ отчаянія повѣсился, что заставило пруссаковъ отмѣнить свое распоряженіе. Не гг. Леляновъ или Бочаговъ поступили бы такимъ образомъ, защищая интересы нашей столицы.

Старыя зданія, конечно, безъ церемоніи разрушаются, но нѣкоторыя сохраняются, напримѣръ домъ отца Гете, гдѣ величайшій нѣмецкій поэтъ, родившійся во Франкфуртѣ, жилъ нѣкоторое время. Главною же святынею современные франкфуртцы считаютъ домъ на улицѣ Берне, бывшей Juden-

gasse, родоначальника знаменитой династии «королей банкировъ и банкировъ королей». Домикъ реставрированъ, онъ невеликъ, но въ нѣсколько этажей и затѣливой архитектуры. Съ такимъ же кокетствомъ контора банкирскаго дома Ротшильда во Франкфуртѣ продолжаетъ дѣйствовать въ небольшомъ сравнительно старинномъ зданіи безъ всякаго стиля; между тѣмъ учрежденіе это, судя по размѣру подоходнаго налога, второе по богатству предпріятіе въ Германіи, послѣ Эссенскаго завода Круппа.

Вмѣстѣ съ числомъ большихъ домовъ прибавилось и число монументовъ. Въ красивомъ городскомъ паркѣ поставленъ памятникъ Людвигу Берне; на одномъ изъ Anlagen поставленъ монументъ городскому садовнику, умершему въ 1861 г. Французы поставили надгробья въ Дижонѣ памятники автору шансонетки: «Rien n'est sacré pour un sapeur»! Только у насъ не собрались до сихъ поръ поставить монументъ даже Іоанну III, освободителю Россіи отъ монголовъ, создателю единства русской земли и строителю Кремля, картонную копию съ котораго мы впрочемъ выставили на Парижской выставкѣ 1900 года.

Но если по наружности во Франкфуртѣ царствуетъ роскошь, то въ образѣ жизни господствуетъ прежняя буржуазная скромность. Для убѣжденія

стоитъ взглянуть на рестораны. Лучшій на Schiller Platz, около бывшей гауптвахты, представляетъ, несмотря на роскошную отдѣлку, плафоны, расписанные лучшими живописцами, и проч., пивную: каждыя 10 или 15 минутъ откупоривается новый боченокъ пива съ торжествомъ, точно рѣчь идетъ о священнодѣйствіи. Пиво свѣже откупоренное, какъ извѣстно, имѣетъ другой вкусъ, чѣмъ изъ бочки, стоявшей открытой. Въ Германіи этотъ напитокъ пьютъ въ ресторанахъ и женщины, и дѣти. Нерѣдко можно видѣть четырехлѣтняго ребенка, для котораго подается кельнеромъ соотвѣтственный его росту Seidel и маленькій кусочекъ колбасы!

Въ еще болѣе роскошномъ, по мнѣнію франкфуртцевъ, ресторанѣ Бюроза, который считается первокласснымъ, мнѣ подали антрекотъ съ редиской! Впрочемъ это можетъ быть и очень хорошо, такъ какъ кулинарное искусство дѣло привычки и воспитанія. У насъ арбузы и гречневая крупа считаются, напримѣръ, деликатесами, а во Франціи ими кормятъ коровъ и только бѣдняки рѣшаются ихъ ѣсть. Намъ противны лягушки, а всѣ французы ихъ ѣдятъ охотно. Итальянцамъ противна вареная рыба, а жареную они готовы ѣсть хотя бы на маслѣ, идущемъ на смазку паровозовъ. Скверную кухню нѣмцевъ Ницше приписываетъ вліянію женщинъ, такъ какъ у нѣмцевъ вездѣ кухарки,

а не повара. Надобно замѣтить однако, что хорошая кухня у французовъ дѣло новое. Только съ царствованія Людовика XV стали они ѣсть порядочно.

Нисколько не лучше ни кухня, ни публика въ хваленомъ Palmengarten, гдѣ великолѣпна оранжерея изъ колоссальныхъ для теплицы пальмъ и хорошій оркестръ, играющій два раза въ день для услажденія потребителей пива. Пищу и здѣсь можно бы назвать арестантскою, если бы въ наше курьезное время всѣ понятія не перепутались и арестантовъ не стали кормить лучше, чѣмъ людей свободныхъ. По крайней мѣрѣ во французскихъ газетахъ было перепечатано на-дняхъ объявленіе о торгахъ на поставку съѣстныхъ припасовъ для новой тюрьмы Fresnes около Парижа. Кромѣ красного вина, filets de boeuf, gigots de mouton, требуются для тюрьмы десятки пудовъ грушеваго и яблочнаго мармелада, мелкихъ карамелей, конфектъ и др. сладостей, а также окороковъ, макаронъ, сыра бри и швейцарскаго, винныхъ ягодъ и пр.

«Лукуллъ, — замѣтилъ «Figaro», — можетъ быть нашелъ бы эту пищу скромною, но она позволитъ заключеннымъ спокойно дожидаться, когда имъ станутъ давать ballotines de faisans и spooms à l'armagnac». О послѣднихъ повара франкфуртскихъ ресторановъ навѣрное никогда не слыхали.

Благодаря славѣ Ротшильдовъ, Франкфуртъ считается еврейскимъ городомъ, чуть ли не столицею германскихъ евреевъ. Послѣднихъ однако только двадцать тысячъ или 10% населенія. Это немного по сравненію съ городами нашей еврейской осѣдлости, гдѣ число семитовъ доходитъ до 60 и 70% населенія, или городами, гдѣ ихъ сотни тысячъ, какъ въ Одессѣ или Варшавѣ. Означенные 10 процентовъ играютъ однако во Франкфуртѣ выдающуюся роль. Дома, лавки, банки, гостиницы, развлечения — все здѣсь въ рукахъ евреевъ. Это своего рода аристократія, по сравненію съ которой собственно нѣмецкое населеніе играетъ роль подчиненную.

Зависимое положеніе послѣдняго и служить, вѣроятно, причиною постоянной эмиграціи, хотя во Франкфуртѣ въ рабочихъ рукахъ чувствуется большая нужда и жалуются на недостатокъ даже прислуги. На эмиграцію вліяетъ и вздорожаніе въ Германіи жизни. Въ городскихъ пріютахъ Берлина отпускаютъ теперь на прокормъ по 2¹/₂ марки на человѣка, т.-е. болѣе рубля, а недавно еще достаточно было двухъ марокъ въ день.

Глядя на торжество евреевъ во Франкфуртѣ, невольно удивляешься прогресу, сдѣланному ими; XIX вѣкъ какъ будто для нихъ и работалъ. Какая разница, напримѣръ, въ ихъ нынѣшнемъ по-

ложеніи съ прежнимъ. По описанію Карамзина въ «Письмахъ русскаго путешественника», еще въ 1791 г., въ разгаръ революціи, евреи, число коихъ доходило во Франкфуртъ до семи тысячъ, имѣли право жить «въ одной улицѣ, которая такъ нечиста, что нельзя идти по ней не зажавъ носа», ходили въ рубищахъ на нагомъ тѣлѣ, которое просвѣчивало, въ воскресенье во время церковной службы сидѣли запертыми, а во время пожаровъ обязаны были возить на себѣ воду.

И тогда были во Франкфуртъ, въ «городѣ богатѣйшемъ, хотя и плохо застроенномъ», состоятельные евреи, но «сіи богатые, пишетъ Карамзинъ, живутъ такъ же нечисто, какъ и бѣдные». «Чего не вытерпѣло мое обоняніе», восклицаетъ онъ послѣ визита къ одному такому богачу. Синагога показалась ему «мрачной пещерой». Вообще Карамзинъ выказывалъ себя юдофиломъ, не то, что Шопенгауеръ, по мнѣнію котораго, въ предвидѣніи, что евреи разсѣются по землѣ, Богъ и далъ имъ особенный запахъ, по которому они могутъ узнавать другъ друга. Правда, философъ-милліонеръ не щадилъ и другихъ народовъ; англичанъ онъ называетъ «подлыми лицемѣрами», американцевъ «во всѣхъ отношеніяхъ пошляками», итальянцевъ «предѣломъ низости и наглости», французовъ «обезьянами Европы», а о нѣмцахъ пишетъ, что ихъ

«презираетъ за безконечную тупость и краснѣетъ при мысли принадлежать къ такой націи». Онъ также былъ несправедливъ и къ отдѣльнымъ людямъ; замѣчательную книгу Молешота «Kreislaut des Lebens» онъ находитъ написанною «цирульнымъ подмастерьемъ», а Литтре «круглымъ невѣждою!» Въ этихъ рѣзкостяхъ Ницше не уступаетъ Шопенгауеру, котораго онъ считаетъ однимъ изъ немногихъ великихъ нѣмцевъ дѣйствительно *европейцевъ* (остальные: Гете, Гегель, Гейне и Вагнеръ), Шиллера онъ считаетъ риторомъ, а Жоржъ-Зандъ «литературною коровою, которая, чтобы строчить, заводила себя какъ часы».

Гомбургъ. Франкфуртъ окруженъ курортами и санаторіями. Тридцать лѣтъ назадъ между ними славился и гремѣлъ на всю Европу Гомбургъ *vor der Hoch*, гдѣ рулетка была съ однимъ нулемъ (тогда всюду она была съ двумя нулями, а теперь, въ силу прогресса въ Бельгіи имѣются уже рулетки вовсе безъ нуля). Такое преимущество для играющихъ собирало въ Гомбургъ всѣхъ крупныхъ игроковъ цѣлаго свѣта. Нѣкоторые, какъ графиня Киселева, жена бывшаго министра государственныхъ имуществъ, прожили здѣсь всю жизнь и проиграли милліоны.

Я помню эту графиню, польку по происхожденію, со слезящимися глазами; сидѣла она за ру-

леткой, имѣя справа и слѣва по огромнаго роста лакею, и дрожащею рукою собирала гребкомъ любезно пододвигаемыя ей крупье деньги. Въ Гомбургѣ же я тогда убѣдился въ силѣ страсти игроковъ. Я познакомился съ однимъ помѣщикомъ, бывшимъ полковникомъ гвардейскаго генеральнаго штаба. Мы условились вмѣстѣ уѣхать въ Петербургъ. Все было готово, чтобы отправиться на станцію, но, проѣзжая мимо курзала, мой помѣщикъ заявилъ, что ему нужно сказать два слова на прощаніе одному пріятелю. Я остался сидѣть въ экипажѣ. Проходитъ десять минутъ, четверть часа, полчаса,—пріятеля моего все нѣтъ. Видя, что мы прозѣвали поѣздъ, я рассказалъ одному проходившему знакомому о случившемся, выражая безпокойство—нѣтъ ли какого несчастія. Мой пріятель расхохотался.

— Да вѣдь вы не знаете игроковъ. Вашъ Т. просто заигрался и забылъ о васъ.

Я пошелъ въ курзалъ и около ближайшаго отъ входа стола увидѣлъ моего полковника растрепаннаго и въ позѣ, какъ будто бы онъ сейчасъ долженъ былъ двинуться.

— Ахъ, это вы, ради Бога извините,—сказалъ онъ сконфузившись, а я совсѣмъ забылъ объ отъѣздѣ. Проходилъ мимо, какъ № восьмой мнѣ просто высунуль языкъ; я сталъ ставить, сначала три тысячи выигралъ, а теперь все спустилъ. Ыхать не

на что, сейчасъ буду телеграфировать, чтобъ выслали изъ Петербурга деньги на дорогу.

Я уѣхалъ на другой день, а мой пріятель вернулся, кажется, черезъ двѣ или три недѣли, возобновивъ игру на выписанныя на дорогу деньги.

Пожелавъ видѣть мѣсто этихъ подвиговъ, я съѣздили въ Гомбургъ. Поѣздка эта совершается теперь очень скоро. Поѣздъ идетъ двадцать минутъ. Перемѣну я нашелъ огромную. На Гомбургѣ болѣе другихъ курортовъ отразилось закрытіе съ 1871 г. рулетки. Такъ какъ пріѣзжаютъ только настоящіе больные, то и гостиницы посредственны, а курзалъ, нѣкогда казавшійся роскошнымъ дворцомъ, представляетъ картину запустѣнія, въ читальнѣ мало газетъ, мебель, нѣкогда покрытая штофомъ, обивается при ремонтѣ темной клеенкой, что мало гармонируетъ съ раззолоченнымъ карнизомъ и капителями и расписанными альфреско плафонами.

Что не могло измѣниться, такъ это дворцовый паркъ, мало посѣщавшійся игроками. Паркъ этотъ недавно украсился прекрасною русскою церковью, построенною по частной подпискѣ, по иниціативѣ хорошо извѣстнаго Петербургу А. И. Проворова. Церковь очень красива и оригинальна. Въ «Новомъ Времени» былъ помѣщенъ ея рисунокъ.

Раскрашенныхъ и расфуфыренныхъ францу-

женокъ, нѣкогда собиравшихся тутъ вслѣдъ за игроками, нѣтъ и въ поминѣ. Остались однѣ нѣмки, одинаково скромно и скверно одѣтыя—и бѣдныя, и богатыя не различаются въ Германіи по туалетамъ, какъ во Франціи, гдѣ даже коготки раздѣляются на разряды, смотря по роскоши платьевъ. Въ Экслебенѣ я собственными ушами слышала, какъ одна дама на замѣчаніе другой по поводу чего-то отвѣтила ей:

— *Ca ne porte que des blouses et ça ose parler avec moi. Allez vous faire, madame, avant une robe du soir!*

Фигурою гомбургскія «водяныя дамы» также не напоминаютъ франкфуртскую Андромеду Гальбига, превосходныя формы которой мало имѣютъ вліянія можетъ быть и потому, что за осмотръ ихъ продолжаютъ взимать по маркъ съ человѣка.

Насчетъ нрава франкфуртскихъ дамъ ничего не могу сказать, но нужно вспомнить, что еще Карамзинъ жаловался, что когда ему поручили довести какую-то Каролину до Франкфурта и въ дорогѣ онъ «велъ себя такъ честно, какъ цѣломудренный рыцарь, боящійся однимъ нескромнымъ взоромъ оскорбить стыдливость ввѣренной ему невинности»,—прибавляемъ «рѣдки такіе примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ, друзья мои, рѣдки»,—то означенная Каролина—«изрядная собою», спавшая въ

дорогѣ на его плечѣ, не думала благодарить нашего писателя за воздержность и простилась съ нимъ очень сухо. «Богъ съ нею»,—съ досадою прибавляетъ Карамзинъ.

Дармштадтъ. Въ получасѣ ѣзды отъ Франкфурта находится Дармштадтъ, давшій намъ двухъ императрицъ и потому нерѣдко посѣщаемый русскими туристами. Здѣсь имѣется даже магазинъ съ русскими товарами, а въ новомъ кварталѣ на маленькой площади построена въ прошломъ году очень красивая русская церковь. Г. Богдановичъ сдѣлалъ недавно въ «Новомъ Времени» обстоятельное описаніе этого городка, который однако нельзя назвать захолустнымъ, хотя жизнь въ немъ очень дешева, почему здѣсь много живетъ отставныхъ чиновниковъ и маленькихъ рантьеровъ. Городъ хотя и старинный, но обстроился сравнительно недавно. Во времена Карамзина лучшимъ зданіемъ города, имѣвшаго не болѣе 300 домовъ, былъ экзерциргаузъ. Главная улица Reichstrasse ведетъ прямо отъ желѣзной пороги къ дворцу, пересѣкая Louisen-Platz, гдѣ находится почтамтъ, палаты, министерство и стоитъ огромный монументъ Людвигу I, которому Дармштадтъ обязанъ своимъ благоустройствомъ. Великій герцогъ на статуѣ напоминаетъ наружностью императора Александра III. Противъ вокзала поставили памятникъ

знаменитому творцу земледѣльческой химіи, уроженцу Дармштадта, Либиху. Великій ученый не чуждъ и Россіи, которой онъ принесъ пользу изслѣдованіемъ въ 50-хъ годахъ нашей бакинской нефти.

Между вновь воздвигаемыми постройками заслуживаютъ вниманія музей и дворецъ. Въ городѣ отличная сѣть конныхъ дорогъ, которая сдѣлала бы честь и столицѣ. Затѣмъ нѣсколько парковъ, около одного изъ нихъ политехникумъ. Въ числѣ профессоровъ послѣдняго состоитъ г. Кохъ, мой colega по обществу Панамскаго канала. Я спросилъ Коха, какимъ это образомъ у насъ нельзя найти профессоровъ для политехникумовъ и вынуждены принимать профессорами людей, которые никогда лекцій не читали, между тѣмъ для какого-нибудь маленькаго Дармштадта нашлось 50 профессоровъ.

— И у насъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—никогда бы не сыскалось достаточно профессоровъ, ибо спеціалисту, которому сейчасъ дадутъ 40,000 марокъ жалованья на какомъ угодно заводѣ, нѣтъ расчета идти жить на двѣ, три тысячи марокъ, которыя можетъ предложить политехникумъ. Но въ Германіи профессора, особенно располагающіе лабораторіями, служатъ консультантами въ разныхъ акціонерныхъ обществахъ и небольшихъ фабри-

кахъ и получаютъ по сто и болѣе тысячъ марокъ жалованья; это обоюдно выгодно. Фабрики пользуются первоклассными спеціалистами, а техническія учебныя заведенія имѣютъ за грошовое вознагражденіе превосходныхъ профессоровъ.

Кохъ, кромѣ участія въ Панамскомъ каналѣ, куда онъ ѣздилъ на счетъ новаго общества, принималъ дѣятельное участіе въ казенной постройкѣ Кильскаго канала, одного изъ важнѣйшихъ гидротехническихъ сооружений новѣйшаго времени.

Германія, благодаря такой системѣ, несомнѣнно теперь заняла первое мѣсто въ Европѣ по части электричества, первое мѣсто въ свѣтѣ по химической промышленности, а какъ показала всемірная парижская выставка—одно изъ первыхъ и по части механической промышленности, уступая развѣ американцамъ, остроуміе которыхъ по части механическихъ приспособленій извѣстно.

Баденъ-Баденъ. Баденъ-Баденъ прелестное мѣсто и одно изъ самыхъ модныхъ въ Европѣ. Еще m-me де-Курдюкова описывала, какъ тамъ —

... собрался цѣлый міръ:
Христиносы и карлисты,
Богачи и пролетарь
Омъ d'эта и милитеръ.

Тургеневъ, имѣвшій въ Баденѣ дачу, очень любилъ этотъ уголокъ, гдѣ, по его словамъ въ «Дымѣ»,

«все кругомъ зеленныя деревья, свѣтлые дома уютнаго города, волнистыя горы, все празднично, полною чашею раскинулось подъ лучами благосклоннаго солнца, все улыбается какъ-то слѣпо, довѣрчиво и мило»...

Не мало, вѣроятно, описывалъ Баденъ-Баденъ и г. Воборыкинъ, часто здѣсь живущій; я встрѣтилъ его гуляющего по галереѣ Конверсационстауза и размышляющего о своемъ свиданіи съ папою.

«Дымъ», помимо романической фабулы, имѣетъ значеніе какъ лучшее описаніе состоянія русскаго интеллигентнаго общества немедленно послѣ реформъ Александра II. Это романъ à clef, т. е. дѣйствующія лица, всѣ эти Губаревы, Титы Биндазовы, Ворошиловы, Суханчиковы, Пищалкины, списаны съ дѣйствительныхъ лицъ. Очень было бы желательно, чтобы оставшіеся въ живыхъ знакомые Тургенева дали для потомства надлежащія указанія. Въ свое время говорили, что въ Ратмировѣ описанъ Альбединскій, въ князѣ Коко—Трубецкой. Журналъ гейдельбергскихъ студентовъ «A tout venant je sçache» издавали Преженцовъ и де-Роберти. Потугинъ это, конечно, самъ Тургеневъ, по крайней мѣрѣ ихъ міросозерцанія тождественны (стоитъ сличить изданныя Драгомановымъ письма Тургенева къ Кавелину). Попалъ, вѣроятно, въ романъ и кн. Меншиковъ, сынъ се-

вастопольскаго главнокомандующаго, которому принадлежала одна изъ лучшихъ дачъ въ Баденѣ, до сихъ поръ сохраняющаяся въ русскихъ рукахъ.

Уже во времена Карамзина справедливо говорили, что «путешественнику надо бы всегда останавливаться въ первыхъ трактирахъ не только для лучшей услуги, но и для самой экономіи». Первый трактиръ или по нынѣшнему гостиница въ Баденѣ «Hôtel Stephanie» на берегу Оосбаха, близъ чудной Лихтенталевской аллеи съ ея вѣковыми деревьями, красы Бадена. Гостиница состоитъ изъ двухъ громаднхъ зданій; особенно хорошо новое крыло главнаго корпуса, недавно открытое. Всѣ номера отдѣланы въ стилѣ «moderne» и сравнительно съ другими подобными заведеніями не очень дороги. Столовая представляетъ изъ себя огромную галерею изъ желѣза и стекла, тянущуюся вдоль всего дома, съ видомъ на аллею. Кухня превосходная; ее содержитъ тотъ же хозяинъ, что въ извѣстномъ «Hôtel de Paris» въ Монте-Карло.

Несмотря на роскошь гостиницъ и ежегодный пріѣздъ 60,000 больныхъ или soidisant таковыхъ, Баденъ-Баденъ далеко теперь не имѣетъ того значенія, что тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ, когда его считали самымъ шикарнымъ мѣстомъ въ Европѣ, какимъ теперь считается Монте-Карло. Въ настоящее время аристократія и даже

французская, одно время на Рейнъ вовсе не ѣздившая, посѣщаетъ Баденъ только въ сезонъ скачекъ, въ августѣ нашего стиля. Скачки эти важнѣйшія въ Германіи.

Въ остальное время купальнаго сезона публика поскромнѣе, преимущественно нѣмецкая. Она развлекается театромъ, для чего ѣздитъ и въ Карлсруэ, гуляетъ и катается по Лихтенталевской аллеѣ, ѣздитъ пить пиво на заводъ искусственнаго рыбозаведенія и на развалины Старого замка, откуда открывается удивительный видъ на берега Рейна до самого Страсбурга. Большая часть времени проводится въ слушаніи музыки у Conversationshaus'a, перестроеннаго еще въ 20-хъ годахъ изъ іезуитской коллегіи. У этой музыки и находится «русское дерево», описанное Тургеневымъ. Казино кажется сравнительно мизернымъ. Со времени ухода знаменитаго Блана съ его рулеткою зданіе только поддерживается. Хотя въ Баденъ кромѣ туристовъ пріѣзжаетъ публика изъ Страсбурга и Карлсруэ, но здѣсь ложатся спать въ 10 час., тогда какъ на французскихъ водахъ, гдѣ свирѣпствуетъ азартная игра, дамы только являются въ это время въ казино.

Репутація Баденскихъ водъ очень старинна. Онѣ были знамениты уже въ III вѣкѣ, и городъ назывался римлянами Civitas Aurelia, въ честь

императора Александра Севера. Слава ихъ не ослабѣла и въ средніе вѣка. Знаменитый флорентійскій сатирикъ Поджіо Браччолини, посѣтившій Баденъ въ половинѣ XV столѣтія, оставилъ очень любопытное описаніе времяпровожденія на нѣмецкихъ водахъ въ то время, изъ котораго видно, что минеральныя воды и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ «чаще дѣлали мужей рогатыми, чѣмъ вылечивали больныхъ».

«Пейзажъ въ Баденѣ, пишетъ Поджіо, не представляетъ большого развлечения, но зато все остальное доставляетъ большое удовольствіе. Мнѣ кажется, что Венера со всѣми своими прелестями переселилась на эти воды. Здѣсь строго исполняютъ ея правила и сладострастные капризы и хотя никто здѣсь не читалъ подвиговъ Геліогабала, но публика достаточно научена по этой части». Въ то время было тридцать частныхъ ваннъ, а въ двухъ общественныхъ, открытых со всѣхъ сторонъ, мужчины купались вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. «Это—говоритъ Поджіо,—курьезное зрѣлище, но еще интереснѣе въ частныхъ ваннахъ, гдѣ женщины и мужчины купаются порознь, но раздѣляющія ихъ перегородки очень тонки и со многими отверстіями». Нерѣдко устраивались въ водѣ пикники, причемъ накрывались плавающіе въ водѣ столы; женщины и мужчины бывали тогда въ очень легкихъ платьяхъ.

Посторонняя публика сидѣла на галереяхъ, любуясь зрѣлищемъ и бросая купающимся цвѣты, вѣнки и золотыя монеты».

Ревность тутъ вовсе не была извѣстна. Поджіо удивляется наивности, въ которой живутъ эти люди, и довѣрчивости мужей, позволяющихъ ласкать своихъ женъ путешественникамъ, нисколько этимъ не возмущаясь. «Эти люди имѣютъ всѣ данныя,— пишетъ онъ,— для воспринятія доктрины Платона, который хотѣлъ, чтобы все было общее, и хотя имъ эта доктрина и незнакома, но, очевидно, нѣтъ на свѣтѣ людей, которые были бы такъ подготовлены, чтобы осуществлять ее». Поджіо жалуется объ одномъ только, что не зналъ нѣмецкаго языка, а объясняться съ дамами черезъ переводчика онъ не хотѣлъ.

Кромѣ купанья, развлеченія въ Баденѣ въ XV вѣкѣ состояли въ прогулкахъ на берегу рѣки, въ танцахъ и играхъ на лугу. Особенно въ ходу была игра въ мячъ.

«Если сладострастіе можетъ сдѣлать жизнь счастливою,—заключаетъ Поджіо свое описаніе,—то Баденъ долженъ доставить большое счастье. Воды его помогаютъ женщинамъ особенно отъ безплодія. Воды посѣщаются не только больными, сюда за двѣсти миль вокругъ собираются всѣ кутилы и развратники, всѣ, кто ищетъ развлеченій. Многіе

прикидываются больными, хотя если что и страждетъ у нихъ, то развѣ разсудокъ».

Поджіо завидуетъ счастью нѣмцевъ, довольствующихся малымъ и живущихъ изо дня въ день для своего удовольствія, тогда какъ его соотечественники, флорентинцы, только и думаютъ о наживѣ и мучаются при мысли, что какъ-нибудь могутъ пострадать и обѣднѣть.

Купальни Баденъ-Бадена далеко не такое пикантное зрѣлище теперь, какъ въ XV столѣтіи, но зато по устройству куда выше. Ванны Kaiserin Augustusbad для женщинъ и Friedrichsbad для мужчинъ поражаютъ своею грандіозностью и полнотою бальнеологическихъ приспособленій.

Страсбургъ. Я закончилъ свою поѣздку по Рейну осмотромъ Страсбурга, лежащаго впрочемъ отъ рѣки въ трехъ верстахъ. Вокзалъ теперь новый и огромный, зданіе старое обращено едва ли не въ синагогу. Уже на дебаркадерѣ видна разумная бережливость нѣмцевъ. Вывѣска станціи состоитъ изъ двухъ частей, причемъ первая гораздо старѣе и грязнѣе второй. На первой написано Stras, на второй же sburg: очевидно, что изъ экономіи эта половина замѣнила существовавшую еще при французахъ половину, гдѣ было написано французское окончаніе bourg.

Городъ, несмотря на старанія нѣмцевъ укра-

пать его, носить провинціальный тяжелый отѣнокъ. Съ перенесеніемъ линіи укрѣпленій за нѣсколько верстъ, онъ сильно расширился во всѣ стороны.

Исторія города отчетливо написана на его зданіяхъ. Знаменитый соборъ, постоянно ремонтируемый и постоянно обваливающийся, и узкія улицы вокругъ него со зданіями и старинными трактирами въ готическомъ стилѣ, напоминаютъ о вольномъ городѣ Страсбургѣ, игравшемъ важную роль во время реформаціи; французское владычество оставило память во многихъ домахъ въ затѣйливомъ стилѣ рококо; наконецъ современная единая Германія настроила рядъ монументальныхъ зданій: императорскій дворецъ, университетъ, университетскую библіотеку, почтамтъ и т. д.

Эти постройки, стоившія большихъ денегъ, имѣли цѣлью скорѣйшее расфранцузиваніе нѣмецкаго населенія Эльзасъ-Лотарингіи. Оно сопровождалось обычными дурными послѣдствіями—перепроизводствомъ умственного пролетаріата. Въ Страсбургѣ теперь пропорціонально гораздо болѣе врачей, чѣмъ въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Лейпцигѣ и Кельнѣ—на 699 человекъ населенія. Молодые врачи умираютъ буквально съ голоду и эмигрируютъ въ Америку; въ Германіи, гдѣ число врачей въ десятилѣтіе увеличилось на 93 проц., имъ мѣста нѣтъ.

Школа возымѣла свое дѣйствіе: молодежь въ

Страсбургѣ не говоритъ по-французски и только старики понимаютъ этотъ языкъ. О сельскомъ населеніи и говорить нечего. Сначала эльзасцы учились еще по-французски, потому что это облегчало имъ возможность находить работу во Франціи, но съ прекращеніемъ сочувствія къ *ses pauvres alsaciens*, съ того времени, какъ всѣ нѣмцы Парижа стали выдавать себя за эльзасцевъ, добровольные эмигранты пріюта не находятъ. Мой извозчикъ жаловался, что онъ прожилъ напрасно въ Парижѣ, гдѣ его только кормили «завтраками».

«Партія протеста», къ которой принадлежали всѣ адвокаты, боявшіеся переучивать *Code Napoléon*, отставные военные и жандармы, имѣвшіе по своей акуратности во французской арміи привилегированное положеніе, фабриканты, снабжавшіе Францію своими мануфактурами и машинами,—теперь почти вымерла. Опозицію имперіи въ Эльзасъ-Лотарингіи, за исключеніемъ небольшого числа французскаго населенія, дѣлаютъ клерикалы. Обстоятельства такъ измѣнились, что я думаю, что и французы не очень бы обрадовались возвращенію Эльзаса: это убило бы рядъ фабрикъ, возникшихъ съ 1870 года по новой границѣ.

Эльзасъ одинъ изъ богатѣйшихъ краевъ въ Европѣ. Бисмаркъ зналъ, что дѣлалъ, когда присоединялъ кусочки въ родѣ Эльзаса, Франкфурта,

Нассау или Гольштиніи. Это не то, что Сахалинъ, Закаспійская область или Памиры. Но при всемъ богатствѣ и хотя населеніе Страсбурга за тридцать лѣтъ удвоилось, множество новыхъ построекъ привело къ домостроительному кризису. Квартіры со всеми удобствами стоятъ по пяти и шести тысячъ марокъ въ годъ, а въ Страсбургѣ немного людей, которые въ состояніи платить такъ дорого за помѣщеніе: это подъ стать столицѣ.

Земледѣліе въ Эльзасѣ тоже переживаетъ кризисъ, какъ и повсюду въ Европѣ. Цѣна земли, доходившая въ среднемъ до тысячи марокъ за десятину, упала на треть. Дорогая земля можетъ выносить только дорогія культуры, между тѣмъ посѣвы марены совсѣмъ прекратились отъ конкуренціи анилина, а посѣвы табаку, идущаго на дешевыя сигары, уменьшились вслѣдствіе уничтоженія нѣмцами табачной монополіи и введенія свободной торговли табакомъ. Теперь и во Франціи земли рѣдко гдѣ продаются дороже тысячи франковъ десятины; зерновое хозяйство и тамъ считается невыгоднымъ, а при всѣхъ улучшеніяхъ и развитіи скотоводства и пр. не даютъ болѣе 3—4 процентовъ въ годъ.

Жалуется на дѣла и Валантенъ, первый ресторанъ въ городѣ по качеству блюдъ и дороговизнѣ. Я пробовалъ тамъ эльзасское вино, довольно крѣп-

кое, пиво, которымъ Страсбургъ славится съ XV столѣтія, и страсбургскіе пороги. Это всемірное лакомство, которымъ особенно отличается фабрика *Herst*, оказывается, изобрѣтено всего 130 лѣтъ назадъ поваромъ губернатора де-Контада. Послѣдній устроилъ и прекрасный паркъ, до сихъ поръ носящій его имя. Такимъ образомъ владычество французовъ оставило если не въ сердцахъ, то въ желудкахъ эльзасцевъ вѣчное воспоминаніе. Имя великаго изобрѣтателя мнѣ неизвѣстно. Для приготовления жирной печенки, составляющей основаніе ихъ, гусей зимою сажаютъ въ темныя и прохладныя помѣщенія въ узкія клѣтки, гдѣ они не могутъ шевелиться. Три раза въ день ихъ силою кормятъ кукурузою, а не 22-й день даютъ немного маковаго масла. Воды съ толченымъ углемъ позволяютъ пить сколько угодно. На 30-й или 40-й день печень дѣлается огромная, часто въ пять фунтовъ вѣсу! Когда гусь дышетъ съ трудомъ, его убиваютъ, иначе онъ отъ жира околѣетъ. Судьба мстить за мученія бѣдныхъ гусей, и любители пироговъ мрутъ нерѣдко отъ несваренія желудка.

ВЪ ВЕРЖБОЛОВСКОЙ ТАМОЖНѢ ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ.

(Новогодняя фантазія).

Въ новый 1900 годъ поѣхалъ я въ Парижъ по-видать Foufou и встрѣтился случайно, занеся въ Пастеровскій институтъ большую собаку, съ Мечниковымъ, о которомъ какъ разъ спорили тогда газеты: молдаванскаго или семитскаго происхожденія этотъ знаменитый русскій ученый. Человѣкъ въ высшей степени любезный, Мечниковъ, замѣтя сѣдины на моей головѣ, предложилъ лечить меня отъ старости своими вытяжками изъ морскихъ свинокъ. Лекарство подѣйствовало и, гуляя по бульварамъ Парижа, я и не замѣтилъ, какъ наступилъ 1950 годъ.

— Долгонько, однако, я загулялся, — подумалъ я, — теперь навѣрное всѣ мои многочисленные враги въ миломъ отечествѣ перемерли, и я могу спокойно поѣхать туда, да и любопытно посмотрѣть, что сдѣлалось за полвѣка; вѣдь я оставилъ родину, когда

еще дѣйствовали законы о печати герцога Морни и валуевское земство, сардинское судебное устройство примѣнялось къ киргизамъ и якутамъ, греческій языкъ водворялся чехами, національный театръ состоялъ изъ евреевъ и инородцевъ, о русскомъ искусствѣ гремѣлъ семитъ Стасовъ и многое другое.

Сказано — сдѣлано. Электрическая дорога довезла меня въ тридцать пять минутъ до Вержболова, по здѣсь я былъ любезно предупрежденъ, что на нѣкоторыя таможенные формальности потребуется всего семь съ половиною часовъ. Я очень удивился.

— Нельзя иначе, — отвѣтилъ мнѣ одинъ спутникъ. — Во-первыхъ, въ виду оказавшагося вреда отъ иностранцевъ, которые скупили всѣ нѣдра и расхитили народныя богатства въ 47 губерніяхъ, выпускъ ихъ безусловно воспрещенъ. Если какой явится, то, по выдержаніи на хлѣбъ и водѣ, высылается обратно, какой же капиталъ при немъ найдется — конфискуется въ фондъ ускоренія справокъ и погашенія излишнихъ комиссій и комитетовъ. Особые инспектора, говорящіе на двенадцати языкахъ, удостовѣряютъ, соответствуетъ ли вашъ паспортъ вашей личности. Самый паспортъ, который, вы помните, былъ листомъ, потомъ сталъ книжечкой, теперь уже представляетъ книгу въ двухъ томахъ. Надобно время и его проверитъ. Таможен-

ныя пошлины теперь, въ виду того, что промышленность вновь отстала и требует по молодости охраны, имѣютъ уже совсѣмъ покровительственный характеръ; они составляютъ около 2,000 проц. съ цѣны товара и для удобства очистки тарифъ раздѣленъ на 4,373 статьи и параграфа, для уясненія которыхъ только въ прошломъ году издано 19,242 циркуляра¹⁾; но вы не бойтесь, ящичковъ не вскрываютъ, а осмотръ дѣлается при помощи рентгеновскихъ лучей чиновницами, такъ какъ женскій трудъ давно примѣненъ уже во всѣхъ вѣдомствахъ, кромѣ, впрочемъ, женскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ онъ, напротивъ, изгоняется.

Дѣйствительно, вслѣдъ за подходомъ поѣзда высыпала на перонъ толпа молоденькихъ, стриженныхъ въ скобку женщинъ въ тужуркахъ съ зелеными выпушками и золочеными пуговицами, въ шароварахъ съ зелеными лампасами, кожаныхъ кушакахъ, съ шашками. Погулявъ и поболтавъ съ полчаса и выкуривъ по десятку папиросъ, эта пе-
страя толпа принялась возиться съ чемоданами.

¹⁾ Курьезно, что въ этомъ очеркѣ, гдѣ всѣ цифры преувеличены съ сатирическою цѣлью, одна эта цифра оказалась ниже дѣйствительности. Циркуляровъ по таможенному вѣдомству издается ежегодно болѣе девятнадцати тысячъ. Какова предполагается феноменальная память у таможенныхъ чиновниковъ!

Носильщики тоже были въ формѣ, на груди знакъ, борода клиномъ, у старшихъ лопатой, на рукавахъ шевроны.

— У насъ теперь безъ формы никого почти и нѣтъ,—замѣтилъ мнѣ спутникъ,—каждое состояніе, каждая корпорація пожелала имѣть форму и значки; это невинное желаніе удовлетворяется легко, приказано даже ночью носить электрическую лампочку на груди для освѣщенія значковъ,—большое удобство для городскихъ, кому отдавать честь. Только трудно различать всѣ эти многочисленныя формы, но иностранцевъ у насъ нѣтъ, а мы приучаемся отъ рожденія, да и въ ваше время барышни знали отличія всѣхъ полковъ, особенно кавалерійскихъ...

Артельщики съ трудомъ несли мой маленькій саквояжъ, такъ какъ, зная прелести таможенной процедуры, я давно уже не вожу ничего въ багажъ.

— Вы удивляетесь слабосилію носильщиковъ, но это въ ваше время вещи таскало мужичье—теперь на службѣ нѣтъ ничего подобнаго. Теперь въ каждомъ даже маленькомъ городѣ имѣются политехникумы, всѣ ихъ ученики получаютъ, конечно, стипендіи; да на собственный счетъ уже и евреи не хотятъ учиться. Что за польза въ наукѣ въ странѣ, гдѣ всѣ образованы? Бюджетъ просвѣщенія составляетъ половину всѣхъ расходовъ, остальное идетъ на жалованье служащихъ, столовыя, квар-

тирные, суточные, подъемные, добавочные, прибавочные и еще на особое содержание. Классы все повышены, даже канцелярские состоятъ въ V классѣ, хотя уже 123 года обсуждается вопросъ объ упраздненіи табели о рангахъ. По окончаніи курса, не имѣя приложенія своихъ знаній и не получивъ возможности поступить въ хоръ балалаечниковъ (теперь такіе хоры заведены на казенный счетъ повсемѣстно, а Андрееву монументъ красуется въ Москвѣ рядомъ съ Мининымъ и Пожарскимъ), стипендіаты опредѣляются въ другіе виды службы. Но это нелегко, вездѣ требуется цензъ высшаго образованія. Вотъ въ ваше время, чтобы таскать сундуки, требовалось имѣть здоровыя руки да крѣпкія поясницы,—теперь требуется патентъ въ знаніи механики аналитической и прикладной, а для этого нужно, какъ знаете, сначала выучить дифференціальное и интегральное исчисленія, затѣмъ идутъ фізіологія съ анатоміей, гігіена, физика и еще многое другое. Въ пять лѣтъ этого не изучишь.

— И неужто находятся охотники?

— Помилуйте, да въ одной здѣшней таможнѣ записано уже 275 кандидатовъ, нѣкоторые ждутъ по семнадцати лѣтъ мѣста. Да что имъ и дѣлать. Въ деревнѣ вѣдь жить теперь нельзя. Благодаря дѣятельности земельных банковъ, въ особенности

новѣйшему «Банку залога воздушнаго столба и нѣдръ земли, вплоть до ея центра», помѣщики совершенно обанкротились; все земли купили мущики, но такъ какъ они пропили нечаянно тѣ суммы, которыя слѣдовали въ задатокъ за земли, то земля стала, какъ во времена Гостомысла, опять ничья, т.-е. казенная, да много ли она стоитъ въ нынѣшнихъ условіяхъ, когда нечѣмъ удобрять.

— А дворяне? Куда же они дѣвались?

— Да дворянъ почитай что больше и нѣтъ. Такъ какъ въ послѣднее время въ дворянскія книги записывались только одни евреи, а дворянскія собранія собирались развѣ для того, чтобы просить о пособіяхъ, и то по мелочамъ, то ихъ и закрыли; для пособій есть молъ благотворительныя заведенія. Дворяне теперь по городамъ служатъ,—мѣстъ довольно и каждый день открываются новыя, особенно по части инспекцій. Въ ваше время много смѣялись надъ должностью инспектора дворцовой штукатурки, а теперь куда ни обернись—контроль и инспекція. Частная дѣятельность давно признана вредною. Богъ вѣсть, что думаетъ обыватель,—вѣдь онъ, бѣдный, собственнымъ умомъ ни до чего и не додумается. Вотъ и установленъ строгій присмотръ. Одинъ смотритъ, какія сливки обыватель пьетъ съ чаемъ, нѣтъ ли микробовъ, другой — какую воду наливаетъ въ самоваръ, третій—что обыватель чи-

таетъ (ну, да это старая инспекція, еще со временъ инквизиціи), четвертый—не ѣздитъ ли по среди улицы, когда надобно держаться правой стороны, пятый—достаточно ли въ домахъ кубическаго содержанія воздуха, шестой—не пьютъ ли водки до полудня въ праздничные дни, седьмой, восьмой,—ну, да всего и не перечтешь. Спенсеръ, который написалъ книгу о вредѣ инспекціи, навѣрное только перевертывается въ гробу.

— Откуда же берется такое количество контролеровъ?

— А все больше изъ докторовъ; такъ какъ медицинскихъ факультетовъ сотни, то эскулаповъ болѣе, чѣмъ больныхъ; теперь уже и лошадей ковать нельзя безъ диплома доктора хирургіи и гіпнотрики. Впрочемъ за распашкою всѣхъ луговъ лошадей осталось мало, даже кавалерія принуждена сидѣть на велосипедахъ. Волковъ и овецъ тоже нѣтъ, потому и безъ Толстого всѣ стали вегетарианцами, мясо отпускается только по рецепту врача скрупулами. Доктора безъ практики обожаютъ гигиену. У насъ теперь мать не можетъ кормить зря ребенка; первоначально молоко ея посылается въ клиническую лабораторію, затѣмъ врачъ оцѣниваетъ, не повредитъ ли кормленіе младенцу, а другой врачъ соображаетъ, не вреденъ ли будетъ младенецъ для кормилицы? Понятно, два коллеги со-

рятся, а третій врачъ ихъ разбираетъ. Кормятъ больше молокомъ отъ механическихъ коровъ. Брянскій заводъ ихъ изготовляетъ. На-дняхъ напечатанъ очень важный проектъ новой инспекціи дерева для гробовъ, а то замѣчено, что дурно сколоченные гробы содѣйствуютъ быстрому разложению тѣла и зараженію воздуха и воды. Печать давно требуетъ сожиганія покойниковъ, но что подѣлаешь съ отсталымъ духовенствомъ: доходъ-де упадетъ отъ кладбищъ, да и топливо теперь дорого.

— Да, что-то холодно у васъ,—замѣтилъ я.

— Да это еще ничего, а вотъ пріѣхали бы зимой...

— Да развѣ у васъ дровъ нѣтъ, а лѣса дремучіе—брянскіе, брянскіе, муромскіе?

— Батюшка, да гдѣ вы живете? У насъ лѣсовъ уже нѣтъ даже вокругъ Исаакіевского собора; всѣ лѣса купцы свели, лѣсоохранительные комитеты опоздали на сто лѣтъ. Каменный уголь также весь вынутъ на развитіе промышленности, да его, оказывается, и было немного, геологическую карту угольных бассейновъ въ прошломъ году наконецъ окончили, но угля уже давно нѣтъ, нефть тоже высосали. Да и Богъ съ ней,—такъ возили ее одно время армяне усиленно, что на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ вся рыба подохла, постылся нечѣмъ. Богатые для ухи выписываютъ крокодиловъ

изъ Калькутской губерніи. Впрочемъ, съ вегетарианствомъ теперь круглый годъ постъ какъ въ раю.

— Такъ чѣмъ же вы топите?

— Старыми газетами; книги тоже помогаютъ—ихъ, какъ и прежде, никто не покупаетъ, печатаются больше для удовольствія авторовъ. Изъ журналовъ остался одинъ «Вѣстникъ Европы», онъ все выходитъ акуратно 1-го числа и оплакиваетъ 60-е годы прошлаго столѣтія. Вотъ газеты другое дѣло, теперь въ каждой деревнѣ имѣются нѣсколько уважаемыхъ органовъ, и все радикальнѣйшаго направленія—сотрудники болѣе изъ окончившихъ срокъ каторжниковъ. Консервативные органы запрещены закономъ, поэтому присяжные вздумали оправдывать ихъ издателей! Кто вспомнить о князѣ Мещерскомъ, тому полагается въ наказаніе сто поцѣлуевъ старыхъ женщинъ. Это у насъ, при смягченіи лѣстницы наказаній, замѣняетъ палки, которыя такъ любилъ восхвалять почтенный князь. Что-жъ, многіе находятъ, что и это слишкомъ строго. Среда, молъ, во всемъ виновата и гражданская скорбь. Только газеты теперь не то, что въ ваше время. Во-первыхъ, въ бумагѣ не треть, а двѣ трети фарфоровой глины; во-вторыхъ, онѣ издаются не по-русски, а по-«рушки», на особомъ російско-еврейскомъ жаргонѣ, изобрѣтенномъ бердичевскими публицистами.

Подписчикъ привлекается приложениями—ихъ даютъ пудами на выборъ: готовое платье, земледѣльческіе инструменты, коровій кирпичъ, словомъ, чего хочешь. Три четверти листа занимаютъ рекламы и объявленія, а остальное—отчеты репортеровъ; въ репортажѣ выражается направленіе, cadaго описываетъ газета по косточкамъ, что ѣстъ и что пьетъ и во что одѣта жена и на чей счетъ одѣвается, причемъ, если человѣкъ непопуляренъ, разсказываются разные ужасы, а тутъ и налетятъ инспектора, контролеры, гигиенисты и пойдутъ писать протоколы. Они хотя и ученые, а болѣе руководствуются старою русскою пословицею «по чужой спинѣ и сто палокъ не больно».

— А кто не попалъ въ гигиенисты, тому что дѣлать, когда у васъ и женщины позабирали половину мѣсть?

— Для тѣхъ спасеніе статистика. Въ ваше время статистикой занималась полиція; она писала по душѣ: климатъ еще по штату не утвержденъ, верблюдовъ въ Архангельскѣ столько-то, жители на фабрикахъ выдѣлываютъ собственную кожу и т. д. Никто не провѣрялъ, а только подводили итоги, причемъ, случалось, полуштофы складывались съ квадратными саженьями. Бѣды большой не было, казенныхъ изданій все равно никто не читалъ. Теперь статистика въ родѣ египетской язвы, тре-

буютъ отъ шестнадцати разныхъ вѣдомствъ отвѣта, сколько въ домѣ таракановъ и мухъ, и все это подавай сравнительно со свѣдѣніями за десять лѣтъ назадъ въ разграфленныхъ таблицахъ разноцвѣтными чернилами. У меня теща только и дѣлаетъ, что отписывается, а ошибешься, такъ и во вѣкъ не отпишешься. Это, говорятъ, матеріалъ, необходимый для установленія и справедливаго распределенія налоговъ и для переложенія ихъ на имущественные классы. Уже разъ сорокъ на моей памяти перекладывали, да что-то ничего не выходитъ; я спрашивалъ одного жида, который чѣмъ больше на него кладутъ податей, тѣмъ меньше платитъ и все богатѣетъ, а онъ мнѣ говоритъ: «Законъ у у васъ какъ желѣзо: когда вынуть изъ печи, пальцемъ дотронуться нельзя, а черезъ часъ хоть садись на него верхомъ».

— Да кто же это учить его нарушать? навѣрное адвокаты?

— Брехунцамъ теперь плохо, гражданскихъ дѣлъ мало, разъ всѣ состоянія сравнялись, капиталовъ послѣ побѣды народниковъ надъ марксистами нѣтъ и землевладѣльцы извелись; уголовныхъ же дѣлъ никто не боится. Это даже своего рода удовольствіе; ссылка еще при васъ упразднилась и каторжники вмѣсто работъ въ рудникахъ занимались на-

стройкою фортепіанъ ¹⁾, а теперь преобразованы и тюрьмы. Ихъ уже нѣтъ, а, по примѣру Америки, «реформаторіи». А тутъ, понимаете, первое — это уваженіе къ наукѣ и человѣку. Обязательнаго труда никакого, рѣдко кому позволять даже клентъ абажуры, зато помѣщенія отличныя, комфортабельныя, освѣщеніе электрическое, пища гигиеническая, о горохѣ и въ поминѣ нѣтъ, утромъ къ завтраку соль - фритъ, артишоки, къ обѣду бискъ и спаржа. Понятно, что отъ такой тюрьмы никто не отказывается. Еще рады. Смотрителя Держиморды не существуютъ, ихъ замѣнили профессора тюремновѣдѣнія: такая и ранѣе уже прекуръзная наука была. Держиморды преподають въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ курсы семейнаго согласія. Впрочемъ женскихъ учебныхъ заведеній мало. Они сохраняются для разныхъ заскоружлыхъ консерваторовъ. Оба пола учатся вмѣстѣ.

— Да, но у васъ столько политехникумовъ, вѣроятно столько же университетовъ и лицеевъ: гдѣ-жъ среднія и низшія школы?

— Теперь такихъ и нѣтъ. Съ тѣхъ поръ какъ министерство народнаго просвѣщенія упразднено и школы отданы министерству торговли и рукодѣлій,

¹⁾ Авторъ рукописи видѣлъ это лично въ 1882 году въ бывшей Илецкой каторжной тюрьмѣ.

ученіе очень облегчено: экзаменовъ нѣтъ, ученіе наглядное, взаимное, оба пола, какъ я сказалъ, учатся вмѣстѣ по теоріи Тенишева: хочешь учись, хочешь гуляй,—in sorore sano mens sana; народное образованіе въ рукахъ управленія питій и просвѣщенія массъ. Это часть водочной монополіи, гдѣ также учиться не трудно: туманныя картины, куплеты, общедоступные балеты. «Театръ — школа для народа», давно сказалъ какой-то великій человѣкъ, не служившій впрочемъ въ акцизѣ.

— Просвѣщеніе и кабакъ что-то понятія не вяжущіяся.

— Да это было такъ въ ваше дикое время, когда еще не забыли о кабакахъ. И тогда въ новыхъ винныхъ лавкахъ торговали институтки, отставные полковники и жили въ комнатахъ съ зеркальными стеклами и тюлевыми занавѣсками. Теперь не то — и здѣсь цензъ. Недавно профессоръ международнаго права Царевококшайскаго университета, тотъ самый, который былъ суперъ-арбитромъ въ спорѣ Трансвааля съ Англіей, съ трудомъ получилъ мѣсто седьмого сидѣльца на Сѣнной. Одна квартира чего стоитъ: семь комнатъ, съ коврами, бронзами и картинами лучшихъ русскихъ мастеровъ и не какого-нибудь Рѣпина и Маковского, а Зонненфельда, Зонненфуса и Зонненпрейса, которые академическихъ условностей не признають, а пишутъ шваб-

рами на манеръ «импрессионистовъ» по завѣту Дягилева. Художества тоже теперь въ департаментѣ руководѣлій, такъ швабры необходимы, — сбытъ произведеній русской промышленности. Монополія доставляетъ уже три милліарда чистыхъ рублей, правда рубль сталъ опять меньше и теперь нельзя уже, какъ прежде, нализаться на гривенникъ: мерзавчикъ заключаетъ 0,0005 литра, водка для сбереженія силъ народа всего въ 1 градусъ, а стоитъ 100 рублей ведро; за посуду, впрочемъ, возвращается 2 копейки.

— Три милліарда отъ одной водки! Куда же дѣвается такое количество денегъ?

— Какъ куда дѣвается! L'argent est toujours le bienvenu. Во-первыхъ, кормятъ голодающихъ; хотя метеорологическія обсерваторіи устроены уже въ каждой деревнѣ, но погода знать ничего не хочетъ и засухи постоянно повторяются; виновато, я думаю, истребленіе лѣсовъ и высыханіе рѣкъ и источниковъ; вся черноземная степь обратилась теперь въ пустыню; вѣдомство сельскаго хозяйства обѣщало поднять для устраненія засухъ уровень Каспійскаго моря, соединивъ его каналомъ съ Азовскимъ, а на поднятіе уровня нужно, по исчисленію ученыхъ, 300 лѣтъ, — остается ждать всего 240 лѣтъ. Земля тоже выпажана и нѣтъ топлива. Но противъ голода принимаются мѣры: сельское населеніе пе-

ревозится на окраины. Теперь уже на Новой Землѣ пять миллионѣвъ жителей, въ Охотскѣ—милліонѣвъ, въ Камчаткѣ 10 миллионѣвъ, а сколько еще уйдетъ въ Монгольскую степь, Тибетское плоскогорье, Памиръ, Афганистанѣвъ, Сеистанѣвъ—страсть! Сначала думали, что на окраинахъ русскій народѣвъ не будетъ плодиться: забыли, что онѣвъ жилѣвъ и въ Нижне- и въ Средне- и Верхне-Колымскѣвъ. Ничего, плодятся. Зимой-то все равно дѣлать нечего, валяются цѣлый день на палаткахъ. Это очень скрѣпляетъ семейныя узы.

— Ну, а въ городахъ и въ столицахъ этого скрѣпленія что-то не замѣтно.

— Здѣсь другое дѣло: «Видѣвъ инѣвъ законѣвъ во удѣлахъ моихъ, противовоюющѣвъ закону ума моего»,—сказалъ еще Апостолѣвъ. Съ тѣхъ порѣвъ, какѣвъ изданѣвъ законѣвъ о правѣвъ каждого разводиться и отнять, по совѣту одного сѣдовласаго проказника-романиста, надзорѣвъ за воспитаніемъ дочерей у матерей и порученѣвъ опытнымъ штабъ-офицерамъ, дѣйствительно городское населеніе стало уменьшаться. Кому охота остаться съ дѣтьми на рукахъ, когда, благодаря легкости развода, матери каждую минуту могутъ уйти въ актрисы.

— Да развѣ это такъ просто?

— Женское образованіе приспособлено. Оно совершенно заново реформировано. Скучные пред-

меты изгнаны на высшихъ курсахъ, а безъ нихъ теперь не примутъ и въ судомойки (последнія должны умѣть отвѣчать гигиенисту и вести статистику полученія и вывоза помоевъ); читаются: акушерское искусство, фехтованіе, приготовленіе динамита и др. взрывчатыхъ веществъ, атлетическій спортѣвъ, опереточное искусство, теорія канкана и философія шансонетки: вѣдѣвъ безъ этого прослывешь круглою дуракомъ. Да и въ ваше время уже начиналось нѣчто подобное; только тогда ногтей почему-то дѣвочки не чистили. Теперь чистятъ и даже лакомъ покрываютъ. Поучатся такѣвъ лѣтъ пять и готовы... на все.

— При такомъ изобиліи высшаго образованія у обоихъ половъ и во всѣхъ сферахъ, у васъ, вѣроятно, Богѣвъ знаетъ, какѣвъ процвѣла наука?

— Ну, на этотѣвъ счетѣ трудно сказать; нѣтъ ей времени процвѣсти: днемъ профессора спорятъ и интригуютъ другъ противъ друга, особенно съ тѣхъ порѣвъ, какѣвъ возстановили въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ коллегіальное управленіе. Вечеромъ винтъ; его опять усовершенствовали. Да у насъ суевѣріе къ патенту, а наукѣвъ и специалистовъ никто не уважаетъ: водяными путями правятъ ветеринары, горнымъ дѣломъ—скульпторы.

— А академія?

— Академій у насъ много, но петербургская все

на первомъ мѣстѣ, только со временъ Анны Иоанновны она какъ-будто упала, хотя словарь тмута-раканскаго нарѣчія—вещь капитальная, но начали его еще нѣмцы въ 1729 году. Теперь академія издаетъ классиковъ. Должно выйти полное собраніе сочиненій Лейкина; уже два тома вышли, да къ нимъ четырнадцать томовъ примѣчаній. А вѣдь онъ написалъ томовъ шестьдесятъ и какихъ,—я знаю людей очень высокопоставленныхъ, которые кромѣ его никого въ русской литературѣ и не знаютъ. Онъ самый плодовитый писатель, плодовитѣе его полвѣка назадъ былъ только Немировичъ-Данченко, для помѣщенія сочиненій котораго публичной библіотекѣ пришлось прикупить третій домъ, тамъ, гдѣ прежде помѣщался трактиръ Фениксъ, убѣжище сто лѣтъ назадъ александринскихъ актеровъ.

— Да Александринка развѣ существуетъ?

— И какъ еще, только ее давно не красили и не чистили, репертуаръ тоже не мѣняли, сюжеты болѣе «заимствованные», теперь болѣе изъ готтототской и патагонской литературы. Послѣ скандинавовъ захотѣлось чего-либо отъ другого полюса.

— А музыка кромѣ балалаекъ все въ модѣ?

— Въ такой модѣ, что число сумасшедшихъ домовъ для любителей новой музыки пришлось удвоить, число докторовъ ушныхъ болѣзней утрои-

лось, для предупрежденія эпидеміи вынуждены давать иногда «Жизнь за Царя»: вѣдь кромѣ нея на репертуарѣ ничего за сто лѣтъ не осталось.

— А для чего-жъ консерваторія?

— Она никого не создала, а ужъ третій домъ построила; права велики: поиграетъ тамъ нѣмецъ на цымбалахъ, а тамъ, смотришь, чинъ такой получить, что можетъ въ духовной консисторіи секретаремъ быть. Но мода на музыку велика. Одна дѣвица пріѣхала учиться даже съ Алеутскихъ острововъ и безъ испытанія была послана на казенный счетъ усовершенствоваться за границу.

— Фигнеръ все поетъ?

— Что вы! Какъ дошелъ до милліона жалованія, такъ и вышелъ въ отставку. Ужъ пѣли и сынъ Фигнера, и его внукъ. У насъ любятъ наслѣдственные таланты; французскимъ театромъ завѣдываетъ двоюродный правнукъ Ланжалэ; въ балетъ, въ которомъ попрежнему даютъ «Дочь Фараона» и «Конька-Горбунка», недавно ангажирована внучка Леньяни, итальянская плясунья, такъ лѣтъ пятидесяти пяти, конечно, не первой молодости, но мистка великолѣпная, да и школа, понимаете, миланская. Впрочемъ старостью насъ не удивишь. Мазини все поетъ въ итальянской оперѣ, ему 104 года, но публика не хочетъ никого другого слушать и увѣряетъ, что у Мазини сохранился уди-

вительно голосъ. Я думаю, что за него графофонъ поетъ за кулисами, а руки и ноги двигаются особымъ механизмомъ.

— А придумали средство раздавать билеты въ русскую оперу?

— Нѣтъ, гдѣ тутъ! Академія премію въ сто тысячъ назначала, ничего не выдумали...

— А театральныя реформы продолжаются?

— Нѣтъ, назначена коммисія о реформѣ реформъ; она составила въ шести томахъ списокъ произведенныхъ улучшеній и предлагаетъ ихъ всѣ отмѣнить; увѣряетъ, что лучше того, какъ было при Елисаветѣ Петровнѣ, не придумаешь.

Таможенныя формальности окончились, мы пошли въ буфетъ, такой же закопѣлый, какъ прежде, и съ тѣми же сухими бутербродами. Потянулись за нами, побрякивая шпорами, и чиновницы. Онѣ быстро образовали симпатичныя группы, нѣкоторые гуляли, сплетаясь руками, какъ дѣвицы въ пансіонахъ, за другими волочились молодые контрабандисты. Я купилъ у продавщицы съ неизмѣннымъ флюсомъ газету и потребовалъ чая съ коньякомъ. Подали какую-то бурду.

— Не удивляйтесь, — замѣтилъ мнѣ мой словоохотливый собесѣдникъ, — съ тѣхъ поръ какъ русскіе водворились въ Китаѣ, китайцы сѣютъ ка-

пусту и огурцы, чай теперь получается и въ Китаѣ съ Кавказа, а оттого и отзывается вѣниками. Здѣшній коньякъ тоже вамъ не понравится: иностранный запрещенъ, а винограда болѣе у насъ нѣтъ, его истребили филоксерныя коммисіи и акцизъ на вино. Коньякъ теперь дѣлаютъ изъ морошки, собираемой въ тундрахъ Тобольской губерніи; къ нему нужно привыкнуть, какъ къ кашинской мадерѣ.

Похлебавши бурду, развернулъ я газету, величиною съ двухспальную простыню, и напалъ какъ разъ на морскую хронику. «Мы очень любопытны знать, писала русско-іудейская газета, отчего морское дѣло наше достигло такихъ блестящихъ результатовъ. За прошлый годъ построено 6 судовъ, утоплено 7, между тѣмъ въ третьемъ году было построено 1, утонуло 6, а годъ ранѣе выстроено 4, погибло 9 и т. д. Такіе успѣхи обязаны предварительнѣйшему контролю, который предшествуетъ во всемъ предварительному и фактическому и за коимъ по пятамъ идетъ послѣдующій и документальный. Изъ контрольной коммисіи корабельные инженеры устранены, какъ народъ узко смотрящій на вещи; ихъ замѣнили однимъ огородникомъ изъ Ростова и однимъ бывшимъ архіерейскимъ пѣвчимъ». Далѣе я наткнулся на описаніе опытной мобилизаціи гдѣ-то на берегахъ Тихаго океана.

— Какъ это у васъ хватаетъ средствъ на такую армію?—спросилъ я.

— Мы содержимъ только миллионъ и десять тысячъ орудій, да миллионъ пограничной стражи, половина которой летаетъ на аэростатахъ по границѣ, высматривая злоумышленниковъ, провозящихъ шляпки и фуфайки. Это немного, потому что мы въ союзѣ съ Абиссиніей и Черногоріей. Да и внутри все спокойно. Кстати, въ центрѣ Россіи, о которой такъ плакались пятьдесятъ лѣтъ назадъ, теперь уже мало кто и живетъ. Да и центръ нашъ уже нынче не около Москвы, а гдѣ-то около Ташкента, государство разрослось. Притомъ, мы народъ извѣстно миролюбивый; съ тѣхъ поръ какъ рѣшено общее обезоруженіе, мы вели всего четыре европейскихъ войны, да было двѣнадцать пограничныхъ экспедицій.

— А Финляндія?

— Финляндія совершенно утѣшилась съ тѣхъ поръ, какъ отыскала, что, по какой-то шведской конституціи XIII вѣка, каждый финляндецъ принимается на русскую службу прямо капитаномъ, а русскій не можетъ пріѣхать въ Финляндію иначе, какъ съ особаго дозволенія финляндскаго сената, притомъ не болѣе какъ на три дня и съ обязательствомъ имѣть затѣмъ всю жизнь кухарку-шведку изъ Выборга. Въ другихъ мѣстахъ тоже тихо, только

вотъ въ Тибетѣ недовольны земскими начальниками и становой по недоразумѣнію далай-ламѣ зубы начистилъ.

— А земство развѣ ничего не проситъ, «Диктатуру сердца» позабыло?

— Земство теперь совсѣмъ въ акуратѣ. Собирается ежегодно пререкаться съ губернаторомъ, попререкается, асигнуетъ что нужно на свое содержаніе, поспоритъ, не предать ли управу суду за неисправность мостовъ, но кончитъ прибавкою жалованья, слегка увеличивъ раскладку. Только обкладывать нечего, все уже обложено или стало казеннымъ.

— Города такъ же будируютъ?

— Нѣтъ, тѣ посмирнѣе, тамъ всегда дворянъ было немного, а купцы и мѣщане привыкли кланяться и благодарить. За все благодарятъ. Только ни одного дѣла не рѣшаютъ, даже въ столицахъ нѣтъ канализаціи, мостовыхъ и вообще благоустройства. Дворцовый мостъ все еще изъ гнилыхъ плашкоутовъ. Есть только сорокъ комиссій, въ томъ числѣ и пресловутая коммисія наблюденія за коммисіей строеній.

— А биржи чудятъ?

— Биржа есть, безъ биржи нельзя. Петръ Великій въ Голландіи ихъ видѣлъ, и въ биржи силою загоняли, пока не выдумали ажіотажъ, т.-е. по

нашему игру на повышение и понижение. Только теперь произведено «оздоровление рынка», все котируется, кромѣ совѣсти.

— Навѣрное, жида...

— Жидовъ куда меньше, они всѣ стали аристократами. Это уничтожило и пресловутый вопросъ о чертѣ осѣдлости; разъ всѣ жида дворяне, значить могутъ жить гдѣ угодно. Да и у жидовъ бывали увлеченія, своего рода биржевая поэзія.

— Да, я не забуду Гольденберга. «Въ гробѣ, говорилъ, буду лежать и все повторять: покупайте глѣбовскіе». Мы плакали, т.-е. не тогда, когда онъ говорилъ, а когда ⁹⁹/₁₀₀ денегъ въ карманахъ не оказалось.

— Теперь на биржѣ орудуютъ больше свои братья-кулаки «аршинники, обдувалы морскіе», затѣмъ греки, спасшіеся отъ истребленія турками.

— Кто же лучше?

— Оба лучше. Олеарій уже въ XVII вѣкѣ писалъ, что русскіе купцы хуже жидовъ. Греки всякое дѣло «тсательно изуцать», затѣмъ и ограбить какъ корсары на островахъ Архипелага. Свои, даже князья и штатскіе генералы, надуваютъ безъ всякаго изученія.

— Да развѣ это легко?

— Ужъ чего проще. Помните, въ 90-хъ годахъ Россійскія и Восточно-Сибирскія взяли съ публики

по пятисотъ, публика получила обратно по двѣ красненькихъ. Это младенчество искусства. Теперь операція сложнѣе, — берутъ дѣло, цѣна ему сто тысячъ, коммисіонеръ прибавляетъ себѣ пятьсотъ тысячъ куртажа, несутъ въ какой-либо русскій банкъ, тотъ насчитываетъ милліонъ коммисіи, везутъ въ Парижъ во французскій банкъ, тамъ, говорятъ, менѣе 5 милліоновъ не стоитъ мараться, передаютъ бельгійцамъ *avec une petite majoration* — еще 5 милліоновъ. Бельгійцы поддержать, поддержать, — народъ жадный, — да и сбудутъ обратно въ Россію снова съ легкой надбавкой: на-те, купайте на здоровье.

— Что же публика, жалуется?

— Она, конечно, кричитъ: «Отцы родные, ограбили». Но ей внушаютъ, что такъ вездѣ, потому валюта, потомъ фиксація, девальвація и въ придачу конверсія. Вотъ и конвертируютъ свои платежи. Въ старые годы одинъ интендантскій чиновникъ при переложеніи счета на серебро уменьшилъ у себя число мѣшковъ съ мукою въ три съ половиною раза; теперь, кто долженъ рубль, платитъ гривенникъ. Только теперь гривенникъ не тотъ, что былъ въ ваше время, онъ много меньше, зато дѣлается изъ алюминія — модный металлъ, а глины у насъ не искать стать. И Петербургъ

стоять на глиня, вотъ ее копай и на монетный дворъ тащи, а тамъ извлекутъ что нужно.

— Да что же я буду дѣлать со своими алюминіевыми деньгами! Вѣдь на промѣнѣ, уѣзжая за границу, опять, чай, потеряешь.

— Какъ-то русскому человѣку непривычно къ хорошей валютѣ, онъ не отвыкъ еще отъ кожаныхъ денегъ, кунныхъ мордъ, потомъ и асигнація вещь хорошая, какъ говорилъ квартальный въ «Носѣ», и «въ карманѣ немного мѣста занимаетъ, и, на полъ упадетъ, не разобьется». Да вы о чемъ беспокоитесь? Наслѣдники Глазера все еще тутъ рядомъ съ таможеню размѣнную лавочку содержать...

Пока эта болтовня шла, я взглянулъ на часы и вижу, что мы стоимъ уже лишніе цѣлый часъ.

— А что же поѣздъ, отчего не отходить?

— Никакъ нельзя, сказалъ начальникъ станціи. — Пришла депеша, что на 743 верстѣ смыло мостъ, прежде починки требуется справка въ главной физической обсерваторіи, отчего такое ненормальное въ это время года количество атмосферическихъ осадковъ, но съ другимъ вѣдомствомъ переписываться можно только черезъ свое начальство, непосредственно нельзя, а начальница наша уѣхала не знаю куда-то рожать.

— Какъ же это такъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ?

— А вы развѣ не помните исторіи мобилизаціи 1876 г. Главный начальникъ дорогъ и его помощникъ уѣхали по дѣламъ, ихъ замѣнилъ какой-то инженеръ, онъ взялъ да и поѣхалъ купаться въ Венецуэлѣ! Курьеръ приказъ о мобилизаціи вручилъ просто сторожу, а тотъ отнесъ профессору. вмѣсто трехъ дней—шесть недѣль собирали войска.

— Положимъ, это было три четверти вѣка назадъ, а вдругъ и моя начальница участка поѣхала рожать на берегъ Мексиканскаго залива, подумалъ я, а мнѣ все придется пить скверный чай съ тобольскимъ коньякомъ.

Я призадумался и рѣшилъ, что будетъ много осторожнѣе вернуться вспять. Такъ и сдѣлалъ, взялъ въ кассѣ обратный билетъ и кстати хотѣлъ захватить съ собою на дорогу одну изъ хорошенекхъ таможенныхъ коллежскихъ ассесоршъ. Черноглазая, пикантная такая и, какъ писалъ въ старое время Боборыкинъ, «на ходу корсетъ скрипитъ». Не побоялся я и того, что можетъ быть она своимъ рентгеновскимъ аппаратомъ меня всего насквозь узнаетъ, прежде чѣмъ доѣдемъ до Кенигсберга. Но какъ я услышалъ, что на разрѣшеніе отпуска да выправку паспорта для моей спутницы

401.

потребуется мѣсяць, махнулъ рукой и съ грустью
поѣхалъ одинъ въ Парижъ, гдѣ узналъ, что рес-
публика, пока меня осматривали въ вержболов-
ской таможи, пала и что опять, какъ въ 1848 г.,
учреждено «провизорское правленіе» подъ предѣ-
тельствомъ престарѣлаго Рауля Гинцбурга...

Съ найденной рукописи для «Новаго Времени» спи-
саль

К. Скальковскій.

—o-o-o-o—

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ и у другихъ
книгопродавцевъ продаются сочиненія

К. СКАЛЬКОВСКАГО:

- ✓ **ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ** въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи.
Цѣна 2 р.
- ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ** по Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ
и Соединеннымъ Штатамъ. Изд. 2-е. Цѣна 2 р. 50 к.
- У СКАНДИНАВОВЪ И ФЛАМАНДЦЕВЪ.** Путевыя впечатлѣнія въ
Швеціи, Даніи и Бельгіи. Цѣна 1 р.
- ✓ **ВОКРУГЪ СВѢТА.** око́ шесть тысячъ верстъ по морю и суши.
Ц. 1 р. 50 к.
- ✓ **НОВЫЯ ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ** въ Испаніи, Марокко, Англіи
и Франціи Цѣна 1 р. 25 к.
- ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ** въ Португаліи, Австріи, Франціи и
Италіи. Цѣна 1 р.
- ВЪ ПАРИЖѢ.** 3-е изданіе. Цѣна 1 р. 50 к.
- СУЭЗСКІЙ КАНАЛЪ** и его значеніе для русской торговли Цѣна.
1 р. 50 к.
- РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ** въ Тихомъ океанѣ. Цѣна 2 р.
- РУССКІЙ ТОРГОВЫЙ ФЛОТЪ** и срочное пароходство на Черномъ
и Азовскомъ моряхъ. Цѣна 2 р.
- СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ.** Въ двухъ томахъ. 8-е изданіе. Цѣна.
2 р. 50 к.
- НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.** 2-е изд.
Цѣна 2 р.
- ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ И ПОЛОЖЕНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ
ДЕРЖАВЪ.** 2-е изданіе. Цѣна 3 р. 50 к.
- ВЪ ТЕАТРАЛЬНОМЪ МІРѢ.** Воспоминанія, наблюденія и размыш-
ленія. Цѣна 2 р. 50 к.
- ТАНЦЫ И ВАЛЕТЪ** и ихъ мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ.
Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- О ЖЕНЩИНАХЪ,** мысли старыя и новыя. 11-е изданіе. Цѣна 2 р.
- ~~~~~
- 1905
М.М.